

А. А. Горский

РУСЬ

От славянского Расселения
до Московского царства

STUDIA HISTORICA

S T U D I A H I S T O R I C A

А. А. Горский

РУСЬ

От славянского Расселения
до Московского царства

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ВВЕДЕНИЕ

*Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты Непровския,
Чуден крест Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкия,
Высокия горы Сорочинския,
Темны леса Брынския,
Черны грязи Смоленския,
А и быстрая реки Понизовския...*

Из Сборника Кириши Данилова

Русь в наши дни — поэтическое название России. В средневековье же так именовались одновременно государство и народ восточных славян. Предлагаемая книга охватывает период от расселения славян по Восточной Европе в VI—VIII вв. до возникновения Российского царства в середине XVI столетия. Нижняя грань обусловлена тем, что Русь (независимо от происхождения самого термина) складывалась как в основе славянское по этнической природе государство, а Русью в этническом смысле именовались вплоть до позднего средневековья все восточные славяне (предки современных русских, украинцев и белорусов). Верхний рубеж — это, во-первых, время, когда в качестве обозначения государства, сложившегося на части территории древнерусских земель, начинает все более распространяться, постепенно вытесняя термин «Русь», название *Россия* (восходит к греческой передаче названия Руси-государства как Ῥωσία); во-вторых, с середины XVI в. Русское государство обретает новый статус — *царства* (т. е. империи).

Изложение в книге построено на сочетании хронологического и проблемного принципов. Внутри каждого выделенного исторического периода рассматривается несколько проблем. Проблемы эти разномасштабны; различается и характер подачи материала: там, где автор основывается на своих прежде опубликованных работах, изложение более сжато, где приводятся результаты новейших изысканий — более подробно.

Как известно, в истории средневековой Руси существует множество спорных вопросов, порождающих дискуссии в историографии. Тому есть объективные предпосылки. Во-первых, от этой эпохи сохранилось относительно мало источников (чем дальше в глубь веков, тем этот фактор нехватки данных ощущается острее). Во-вторых, еще в «донаучную» эпоху историописания, в XV—XVII вв., сложилось немало представлений о более раннем периоде, по тем или иным причинам искажающих действительное положение дел, и в ряде случаев такие представления были некритически восприняты позднейшей историографией. В-третьих, уже в XVIII—XX вв. в исторической науке сформировался ряд представлений, которые при тщательном анализе источников оказываются «построенными на песке», но такие представления нередко закреплялись научной традицией¹. О спорных проблемах и пойдет в основном речь². Главным образом это будут воп-

¹ Например, если читатель-неспециалист (да и специалист, не занимавшийся специально соответствующей проблематикой) прочтет такие суждения, как: «поляне, древляне, кривичи, вятичи и другие восточнославянские общности, названные в “Повести временных лет”, были племенами»; «во второй половине XII века центр Руси перемещается из Киева во Владимиро-Суздальское княжество»; «в 1380 г. Дмитрий Донской, одержав победу в Куликовской битве, сверг ордынское иго, но 2 года спустя хан Тохтамыш, разорив Москву, его восстановил»; «ордынское иго было свергнуто в результате “стояния на Угре” в 1480 г.», — они покажутся ему аксиомами, общеизвестными истинами, не требующими доказательств. Между тем ни одно из приведенных утверждений исторической действительности не соответствует.

² Имеются в виду, разумеется, реальные, порожденные объективным процессом развития знаний проблемы, а не «псевдопроблемы», нередко поднимаемые в дилетантских сочинениях (вроде т. н. «новой хронологии» и т. п.). Такого рода писания, для людей неосведомленных могут выглядеть завлекательно (что психологически вполне естествен-

росы политической истории, в меньшей мере социально-экономической и истории культуры. Один из принципов изложения — стремление по возможности представить историю Руси в терминах изучаемой эпохи*.

но — ведь они якобы открывают некие тайны, опровергают стереотипы), на самом деле порождены «полузнанием», исходя из которого авторы этих сочинений «видят проблему» там, где для специалиста, обладающего всей доступной науке информацией, ее не существует. Но история средневековой Руси не нуждается в выдуманных невеждами проблемах: в ней более чем достаточно проблем реальных (и куда более интересных, чем мифические).

* Работа над Частью I и Очерками 1 Частей II и III велась при финансовой поддержке РГНФ, проект № 2-01-00184а.

Часть I

НАЧАЛО РУСИ

*Уже нам некамо
ся дети, волею и
неволею стати противу;
да не посрадим земле
Русские, но ляжем
костьми, мертвыи бо
срама не имам. Аще
ли побегнем, срам
имам. Не имам убежати,
но станем крепко, аз
же пред вами поиду:
аще моя глава ляжет,
то промыслите собою.*

Речь князя
Святослава Игоревича
перед решающей битвой
с византийцами
(по «Повести временных лет»)

*Погибнет слава, которая
шествовала за русским
войском... если мы теперь
позорно отступим... Итак,
проникнемся мужеством...
и будем крепко биться
за свою жизнь. Не пристало
нам возвращаться на родину.
спасаясь бегством; мы
должны либо победить и
остаться в живых, либо
умереть со славой, совершив
подвиги, достойные доблестных
мужей.*

Та же речь в изложении
византийского хрониста Льва Диакона

Очерк 1

«ПЛЕМЕНА» ИЛИ «СЛАВИНИИ»? СЛАВЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

Славяне под своим именем появляются в письменных источниках в VI в. Концом V — началом VI в. датируются первые достоверно славянские археологические памятники. Они представлены т. н. пражско-корчакской и пеньковской культурами. Памятники типа Прага-Корчак распространяются в VI—VII вв. от Эльбы на западе до Днепра на востоке (с северной границей примерно по 52-й — 53-й параллелям), в Верхнем Поднестровье, Нижнем Подунавье. Ареал памятников пеньковского типа — от Прута и низовьев Дуная до левобережья среднего Днепра¹.

Пражско-корчакская и пеньковская культуры соответствуют раннему этапу т. н. «Расселения славян», явившего собой завершающий этап «Великого переселения народов» — грандиозного миграционного движения, охватившего европейский континент в I-м тыс. н. э. и перекроившего его этническую и политическую карты. Расположение исходного ареала, из которого началось славянское Расселение, является предметом спора. В настоящее время можно выделить две группы точек зрения (внутри каждой из которых имеются свои модификации)². 1. Славяне в 1-й полови-

¹ См.: *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 101—133.

² Обзоры мнений о «прародине» славян и местах их обитания до сер. 1-го тыс. н. э. см.: *Goehrke C.* Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt, 1992.

не 1-го тыс. н. э. занимали территорию от Среднего Повисленья до Среднего Поднепровья (включая верховья Днестра), с ними в той или иной степени связаны памятники пшеворской, черняховской и киевской археологических культур. 2. Славяне обитали в 1-й половине 1-го тыс. н. э. в регионе, ограниченном на севере Западной Двиной и верховьями Днепра, на востоке — Десной, на юге — Припятью и на западе — Неманом и Западным Бугом.

В источниках середины VI в. славяне выступают главным образом под двумя именами — *словене* (Σκλαβηνοί, Sclaveni) и *анты* (Ἄνται, Antes)³. По-видимому, справедливо мнение, что *словенами* византийские авторы обозначают группировку, представленную пражско-корчакской культурой, а *антами* — носителей пеньковской культуры⁴.

В течение VI—IX вв. славяне заселили весь Балканский полуостров, лесную зону Восточной Европы до Финского залива на севере, Немана и среднего течения Западной Двины на западе, верховьев Волги, Оки и Дона на востоке, нижнее и среднее Подунавье, междуречье Одера и Эльбы, южное побережье Балтийского моря от Ютландского полуострова до междуречья Одера и Вислы.

Славянские догосударственные общности, названия которых появляются в источниках начиная с VII в., принято именовать

S. 48—102; Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 5—12; *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 5—59.

³ См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I—VI вв.). М., 1991. Σκλαβηνοί обычно передается как «склавины» или «славяне». И то, и другое не вполне точно: первый вариант, формально передающий греческую транскрипцию, может создать у читателя-неспециалиста представление о существовании особого этнонима «склавины», отличного от названия «славяне»; второй вариант передает этноним так, как он звучит в современном русском языке. Раннесредневековые славянские памятники фиксируют общеславянское самоназвание в форме словѣне; поэтому в случаях, когда речь идет не о славянах в научном смысле этого термина, а о том, какой этноним передавали средствами своих языков греко- и латиноязычные авторы, точнее использовать название «словене».

⁴ *Седов В. В.* Происхождение... С. 117—118, 124—125.

«племенами» (хотя в самих источниках слово «племя» к ним не применяется). В силу того, что в ряде славянских регионов (Полабье, Балканы) четко фиксируется двухступенчатая этнополитическая структура — небольшие образования входят в состав более крупных — для обозначения последних употребляется термин «союзы племен». Когда возникли эти образования, существовали ли они до Расселения, в т. н. «праславянский» период? Рассмотрение этого вопроса затруднено тем, что ранее VII в. наименования отдельных славянских группировок в источниках не называются (упоминаемые в VI в. *словене* и *анты* явно являлись крупными группировками, включавшими в себя ряд общностей, разделенных большими расстояниями). Однако наблюдения за славянскими раннесредневековыми этнонимами, т. н. «племенными названиями» (их донесено источниками около сотни), позволяют сделать определенные выводы в отношении преемственности праславянской и «пострасселенческой» этнополитических структур⁵.

Выяснилось, что из названий, этимология которых может считаться установленной (57% всех видов этнонимов), почти 80% составляют наименования, происходящие от местности обитания (от гидронимов, особенностей ландшафта или старого, дославянского названия местности). Среди этнонимов со спорной этимологией некоторые также, скорее всего, имеют топонимическое происхождение. С их учетом доля названий этого типа превышает половину от всех наименований. При этом большая часть известных этнонимов (78%) относится к территориям, колонизованным славянами только в VI—VII вв. (Полабье, Балканы, Среднее Подунавье, лесная зона Восточной Европы). Очевидно, что этнонимы типа «по местности обитания» на колонизируемой территории являются новыми названиями, которые могли появиться только при заселении территории, т. е. не ранее VI—VII вв. Таким образом, около половины известных нам названий славянских догосударственных общностей в праславянскую эпоху, до Расселения, бесспорно не существовали.

⁵ Подробно см.: *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160—177.

Может быть, среди славянских этнонимов присутствуют названия разных типов общностей: с одной стороны, древних племен («нетопонимические» этнонимы), с другой — чисто территориальных, новых образований («топонимические» названия)? В этом случае количество названий «по местности обитания» должно было бы увеличиваться в более позднее время и быть минимальным в раннюю эпоху (вскоре после Расселения). Но если взять наименования славянских общностей, встречающиеся только в источниках старше X в., картина их распределения по типам оказывается такой же, как и при учете всех «догосударственных» этнонимов: из 21 надежно этимологизируемого названия от местности обитания происходят 15 (71,3%).

Практически совпадает соотношение типов этнонимов даже в разновременных источниках, содержащих их перечень. Так, в «Чудесах св. Димитрия Солунского» (VII в.) названия «по местности обитания» составляют 75% (3 из 4) от числа надежно этимологизируемых и 42,3% (3 из 7) от числа всех⁶; в «Баварском географе» (2-я половина IX в.) соответственно 81,8% (9 из 11) и 39,5% (9 из 23)⁷, в «De administrando imperio» Константина Багрянородного (середина X в.) — 100% (8 из 8) и 47,1% (8 из 17)⁸, в «Повести временных лет» (начало XII в.) 76,9% (10 из 13) и 40% (10 из 25)⁹.

Отсутствие различий в соотношении типов славянских догосударственных этнонимов на протяжении VII—XII вв. не дает, таким образом, оснований думать, что только «топонимические» названия были новыми, появившимися после Расселения, а для названий иных типов следует предполагать древнее, праславянское происхождение. Очевидно, и среди последних было немало этнонимов, возникших в эпоху Расселения, просто мы не имеем возможности определить это с точностью, как в случае с «топонимическими» названиями в регионах колонизации.

⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII—IX вв.). М., 1995. С. 124—125, 144—145, 150—151, 154—157, 164—165, 172—173.

⁷ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 13—15.

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44—45, 50—53, 110—117, 130—133, 156—157, 166—169, 220—223.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 6, 10—14, 84.

Для «племен» в традиционном смысле этого понятия, т. е. образований, члены которых связаны общностью происхождения, кровнородственными связями, свойственна устойчивость этнонима — одного из главных индикаторов этнической самоидентификации. Признание того, что в ходе расселения в славянском обществе произошла смена большей части этнонимов, ведет к заключению, что под новыми названиями скрывались новообразования, возникшие вследствие перемещения в ходе миграций племенных групп и являвшиеся в большей степени территориально-политическими, а не этническими общностями. Следовательно, этнополитическая структура раннесредневековых славян не может быть признана племенной в собственном смысле этого понятия. Племенной, очевидно, была структура праславянского общества¹⁰. В результате Расселения VI—VIII вв. она была разрушена и сформировались новые общности, носившие уже в основе не кровнородственный, а территориально-политический характер. Называть их «племенами» или «союзами племен» неверно фактически.

В 1986 г. автор этих строк предложил использовать для обозначения небольших славянских территориально-политических общностей, имевших свои самоназвания, термин «племенные княжества» (распространенный в историографии, но не в качестве замены термина «племя», а скорее параллельно с ним), а для обозначения их объединений — «союзы племенных княжеств»¹¹. Подобная терминология, однако, не вполне удобна в

¹⁰ Некоторые из названий праславянских племен, видимо, уцелели в эпоху миграций. В разных частях славянского мира раннего средневековья фиксируются три этнонима — хорваты, сербы и дулебы. Хорваты известны в Восточном Прикарпатье, на северо-западе Балканского полуострова, в Чехии; сербы — в междуречье Эльбы и Заале, а также на Балканах; дулебы — на Западном Буге, в Чехии, Паннонии. Почти все названия славянских общностей имели суффиксы *-ан/-ян* (поляне, древляне, мораване и т. п.) или *-ич* (дреговичи, вятичи, лютичи и т. п.). Перечисленные же этнонимы — бессуффиксные. Очевидно, это и есть названия «старых» племен, распавшихся в VI—VII вв. «Осколки» таких племен, расселившиеся в различных регионах, сохранили в своих наименованиях память о прежнем племенном устройстве.

¹¹ Горский А. А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8. С 82—83.

употреблении, поскольку состоит из 2—3 слов, и следует искать иные термины. У самих раннесредневековых славян особого термина для обозначения догосударственных территориально-политических общностей не было¹². Но в византийских источниках они именовались «Славиниями» (Σκλαβηνία, Σκλαβυνία)¹³. Можно отдать предпочтение этому термину, а определения «племенное княжество» и «союз племенных княжеств» употреблять только тогда, когда надо специально подчеркнуть, какой из двух типов Славиний — небольшие догосударственные общности или их объединения — имеется в виду. Продолжение же использования понятия «племя» будет затемнять картину, поскольку этнополитическая структура раннесредневекового славянства была хотя еще и догосударственной, но уже постплеменной, являла собой переходный этап от племенного строя к государственному, и формирование славянских государств происходило на основе именно этой переходной этнополитической структуры (а не непосредственно из племенной, как это часто подразумевается в историографии).

В этом свете проясняется и проблема т. н. «племенной знати». Положение о существовании у славян в период до образования государств такой социальной группы является общим местом в историографии. Действительно, сомнения здесь вроде бы

¹² Они именовались названиями, образованными от этнонимов — «Дерева» (т. е. земля древлян), «Вятичи», «Дреговичи» и т. д. [см.: Горский А. А. Русь в конце X — начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // ОИ. 1992. № 4. С. 159. (Прим. 11); употребление в «Повести временных лет» по отношению к догосударственным общностям слова «земля» является нововведением летописца начала XII столетия, прилагавшего к ним термин, обозначавший в его эпоху независимые государства].

¹³ См. об этом термине: Литаврин Г. Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. В основном он употреблялся по отношению к южнославянским общностям, но Константин Багрянородный именуется «Славиниями» и восточнославянские объединения — древлян, северян, дреговичей, кривичей, а также славянские общности, соседствовавшие с Франкским государством в IX в. (*Константин Багрянородный. Об управлении империей*. С. 44—45, 50—51, 107—109).

неуместны, поскольку подобного рода категория, в которую включают племенных вождей, племенных и родовых старейшин, языческих жрецов, — явление общеисторическое. Она хорошо изучена на материалах народов, сохранивших архаичный общественный строй до XIX—XX вв. Достаточно документировано существование племенной знати и у европейских народов: древних греков и римлян, германцев эпохи Цезаря и Тацита. Поэтому представляется очевидным: не быть данной категории у славян просто не могло. Признание же ее наличия, казалось бы, естественно ведет и к очерчиванию верхней хронологической границы существования племенной знати — вплоть до образования славянских раннесредневековых государств. И источники не дают оснований усомниться в существовании в славянских догосударственных общностях предводителей-князей и жреческой прослойки. Но когда дело доходит до «племенных старейшин», категории, без которой, собственно говоря, невозможно вести речь о видной роли племенной знати (поскольку князь может быть окружен служилой знатью, связанной не с родоплеменными структурами, а отношениями личной верности со своим предводителем, а языческое жречество способно существовать и в государстве), возникают сложности.

Племенную старшину восточных славян долгое время видели в упоминаемых в русском Начальном летописании «старцах» и «старейшинах». Но анализ употребления этих терминов в древнерусской письменности в целом показал, что они являются книжными и не несут информации о реальных общественных категориях¹⁴. Остаются только упоминания о «лучших» и «нарочитых» «мужах» у древлян в середине X в. Но из контекста рассказа о мести Ольги древлянам²⁸ (который сам по себе несет легендарные черты и записан через много десятилетий после описываемых событий) неясно, имеются в виду племенные старейшины или члены княжеской дружины (т. е. представители уже

¹⁴ *Завадская С. В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; *Она же.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X—XIII вв. // ДГ. 1987 год. М., 1989.

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55—57.

новой, служилой знати). Что касается этой последней, то ее наличие в восточнославянском обществе в период формирования Киевской Руси (IX—X вв.) и ведущая роль в процессе государствообразования прослеживаются вполне отчетливо¹⁶.

Может быть, отсутствие надежных свидетельств о племенных старейшинах у восточных славян связано с тем, что древнерусские летописные памятники созданы в конце XI — начале XII в., когда память об этой категории уже стерлась? Но данные по другим регионам, содержащиеся в источниках, синхронных времени формирования славянских государств, тоже не фиксируют племенной старшины.

О характере знати в период складывания Польского государства известно из «Записки» Ибрагима ибн Якуба (60-е гг. X в.): эта знать представлена тремя тысячами «воинов в панцирях», на содержание которых идут собираемые князем Мешко I налоги¹⁷; речь идет о дружине князя.

Наиболее ранний чешский памятник — древнейшая редакция Жития св. Вячеслава (2-я половина X в., описывает события 20-х гг. X в.) — упоминает «мужей» князей Вячеслава и Болеслава, «мужи» Вячеслава именуются также «другами» (т. е. членами «дружины») князя¹⁸. Имеется в виду несомненно служилая знать. Она же, очевидно, подразумевается в упоминании Фульдскими анналами под 845 г. *homines* («людей») чешских князей¹⁹.

«Житие Мефодия» при описании событий в Моравии 2-й половины IX в. упоминает термин «друг» (т. е. опять-таки связанный с понятием «дружина»): им обозначен «советник» князя Святополка²⁰. Латиноязычные источники того же периода именуют моравскую знать терминами *optimates* («лучшие»), *fideles* («верные», три известия) князя, *nobiles viri fideles* («благородные мужи верные») князя, *proceres* («первые»), *populus* («люди») кня-

¹⁶ Подробно о роли дружины на Руси см. в Части II (Очерк 1).

¹⁷ *Pomniki dziejowe Polski. Seria II. Kraków, 1946. T. I. S. 50.*

¹⁸ Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 37—38.

¹⁹ *Magnae Moraviae fontes historici. T. I. Brno, 1966. P. 89.*

²⁰ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 196.

зя²¹; преобладают термины, явно указывающие на ее служилый характер.

Однако в одном из источников, связанных с Моравией, — «Законе Судном людем» краткой редакции — упоминаются «жупаны»²² Первоначальное значение этого термина, встречающегося в раннее средневековье также в Хорватии, Сербии, Болгарии и у славян Среднего Подунавья, по мнению большинства исследователей,²³ — родовой или племенной старейшина²⁴. Главной основой для такой точки зрения служило упоминание Константином Багрянородным у славян северо-запада Балканского полуострова ζουλανοί γέροντες, обычно переводимых как «старцы-жупаны»²⁵. Но анализ употребления в сочинении Константина, с одной стороны, термина γέροντες, а с другой — славянской социально-политической терминологии показал, что здесь имеет место, скорее всего, попытка передачи славянского термина «жупаны старейшие» (в смысле «главные») — γέροντες в данном случае не существительное («старцы»), а прилагательное («старейшие»). Данное известие может, следовательно, рассматриваться как свидетельство дифференциации среди жупанов, но не способно служить основанием для мнения о жупане как племенном старейшине. Рассмотрение же всех ранних (до середины X в.) известий о славянских (болгарские жупаны IX в. — тюрки-протоболгары) жупанах позволяет полагать, что этот термин мог

²¹ *Magnae Moraviae fontes Historici*. Т. I. P. 98, 126; Т. III. Brno, 1969. P. 200—201, 218; *Schwarzmajer H.* Ein Brief des Markgrafen Aribio an König Arnulf über der Verhältnisse in Mähren // *Frühmittelalterliche Studien*. Bd. 6. В., 1972. S. 57, 62.

²² Закон Судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 105, 108.

²³ Историографию см.: *Prohaska V.* Župa a župan // *Slavia antiqua*. Т. XV. Warszawa — Poznań, 1968; *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории жупной организации). М., 1972. С. 19—72.

²⁴ Высказывались, впрочем, и сомнения на этот счет: *Kostrenčič M.* Nacrt historije hrvatska države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956. S. 138; *Wasilewski T.* Les župy et les županie des slaves méridionaux et leur place dans l'organisation des états médiévaux // I Miedzynarodowe Kongres archeologii slowiańskiej. Т. III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970; *Malingoudis Ph.* Die Institution des Zupans als Problem der frühslawischen Geschichte // *Cyrrillomethodianum*. Thessalonique, 1972—1973.

²⁵ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 112—113.

иметь два значения: 1) глава небольшой этнополитической общности, не имевший княжеского титула (Сербия, Среднее Подунавье); 2) представитель верхушки княжеской дружины (Хорватия, Моравия; в одном из вариантов «Закона Судного людем» жупаны прямо отождествлялись с «другами» — дружинниками)²⁶.

Но остаются полабские славяне; считается несомненным, что у них в раннее средневековье племенная знать не просто существовала, но играла ведущую роль в обществе. Иногда полабские славяне IX в. противопоставляются мораванам: у последних в качестве общественной верхушки выступают князь и дружина, в то время как у славян Полабья — князь и племенная знать²⁷. Основой для подобного мнения является факт применения по отношению к знати ободритов, вильцев и сорбов термина *primores* («первые»)²⁸, в отличие от мораван, чья знать обозначается преимущественно терминами, указывающими на ее служилый характер. Но такое словоупотребление связано со спецификой источников. Для «Анналов королевства франков», где содержатся сообщения о знати полабских славян, несвойственно применение термина *fideles*, традиционного в латиноязычных памятниках обозначения служилой знати. Этот памятник отдает предпочтение термину *primores* для обозначения знати у самых различных народов независимо от ее статуса²⁹; к примеру, в одном случае как *primores* определены франкские графы, т. е. люди явно служилые³⁰.

²⁶ См.: *Gorsky A. A. On the Origin of the Institution of Zhupans among Slavs // Acts. 18-th International Byzantine Congress. Selected Papers: Main and Communications. Moscow, 1991. Vol. I. Shepherdstown, 1996; Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Указ. соч. С. 184—194.*

²⁷ *Ронин В. К. Славянская политика Людовика Благочестивого // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985. С. 19—20.*

²⁸ *Annales regni Francorum // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 5. В., о. J. A. 815, 819, 823, 826. S. 106, 116, 132, 134, 144; Scriptores rerum Germanicarum. Einhardi Annales. Hannoverae, 1845. A. 789. P. 33.*

²⁹ *Annales regni Francorum. A. 811, 813, 815, 825, 826. S. 98, 102, 106, 140—141, 144.*

³⁰ *Ibid. A. 811. S. 98.*

Итак, оказывается, что для эпохи складывания славянских государств мы не имеем надежных сведений о наличии у славян племенных старейшин (в отличие от знати служилой, «дружинной») ³¹.

Такое молчание источников станет понятным, если признать, что племена славян перестали существовать в эпоху Расселения и сменились новыми, территориально-политическими общностями. «Племенная знать» несомненно существовала в праславянских племенах «дорасселенческого» периода. Но в ходе Расселения в результате слома старой племенной структуры основная часть старой племенной знати — племенная старшина — утрачивала свои позиции, уступая место новой, служилой знати, не связанной с родовыми и племенными институтами, формировавшейся по принципу личной верности предводителю-князю. Именно эта знать заняла ведущие позиции в образовавшихся после Расселения территориально-политических общностях и сыграла затем иницилирующую роль в образовании славянских государств. «Неуловимость» племенной старшины у раннесредневековых славян объясняется тем, что эпоха, в которую она играла главенствующую роль, была позади, пришлась на время, в отношении которого данные об общественном строе славян отсутствуют.

Таким образом, современные знания о раннесредневековом славянстве требуют отказа от двух устоявшихся, традиционных положений — о догосударственной этнополитической структуре славян раннего средневековья как племенной и о видной роли в славянских раннесредневековых догосударственных общностях «племенной» («родоплеменной») знати.

³¹ Надо заметить, что ясных свидетельств о наличии у славян племенной старшины нет и для эпохи славянского Расселения — VI—VII вв., в то время как данные, позволяющие предполагать возникновение в этот период у славян дружин, имеются (см. подробно: Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Указ. соч. С. 178—180; Горский А. А. О «племенной знати» и «племенах» у славян // *Florilegium*: к 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 64).

Очерк 2

«СЛАВИНИИ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Картину расселения славянских общностей в Восточной Европе и их жизни до того, как «нача ся прозывати Руска земля»¹, рисует «Повесть временных лет» начала XII в. в своей вводной, недатированной части.

«Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днепру и нарекошася поляне, и друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ, а друзии сѣдоша межи Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочанѣ. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша на Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ и нарекошася сѣверь... [далее рассказы о пути «из варяг в греки», путешествии апостола Андрея и основании Кием, Щеком и Хоривом Киева] ... и по сихъ братьи держати почаша родъ ить княженъе в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дрѣговичи свое, а словѣни свое в Новъгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочанѣ. От нихъ же кривичи, же сѣдять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ, туда бо сѣдять кривичи; та же сѣверь от нихъ... [далее о расселении неславянских общностей —

¹ Эта фраза помещена под 6360 (852) г. — первой датой ПВЛ. Автор относит «начало Русской земли» к началу правления в Византии императора Михаила III (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17); в действительности Михаил воцарился в 842 г.

веси, мери, муромы, черемисы, мордвы] ... Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, древляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же вельняне... [далее о данниках Руси и о судьбе дунайских славян] ... Поляномъ же жиущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще от рода словѣнська, и нарекошася поляне, а древляне же от словѣнъ же, и нарекошася дрѣвляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ: бяста бо 2 брата в лясех, Радимъ, а другии Вятко, и пришедше сѣдоста Радимъ на Сѣю и прозвашася радимичи, а Вятко съ родом своим по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и сѣверь, и радимичи, и вятичи, и хрваты. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне, а улучи и тиверьци седяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли и до моря и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь. Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо свои отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ... а древляне живяху звѣринскимъ образомъ... и радимичи, и вятичи, и сѣверь одинъ обычаи имаху... си же творяху обычаи кривичи и прочии погании...»².

Фактически в этом тексте содержатся пять перечней общностей, которые могут быть разделены на две группы, явно принадлежащие разным авторам. В первых трех перечнях (до слов «послѣ же вельняне») «ядро» составляют шесть этнонимов: поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене (в 3-м перечне названы «новгородцами»), север. В двух последующих совпадают пять названий: поляне, древляне, радимичи, вятичи, север. В совокупности же названы 15 этнонимов. При этом термины «полочане» и «кривичи» в тексте взаимозаменяемы³; «дулебы» представлены как общность, жившая там, где «ныне» живут «вельняне» (во-

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10—14.

³ По-видимому, один летописец употреблял этноним «полочане», обозначавший одну из составных частей кривичей (в IX в. главенствовавшую), в качестве наименования их всех, а другой автор (работавший позже) применял название «кривичи» (см. об этом: *Горский А. А. Кривичи и полочане в IX—X вв. (Вопросы политической истории)* // ДГ. 1992—1993 гг. М., 1995).

лыняне) (дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне»), а «бужане» несколько иначе: как название, которое сменил этноним «вольняне» («бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же вельняне»).

Из текста ПВЛ неясно, когда сложились перечисленные общности. В изложении ею событийного ряда русской истории в недатированной части (т. е. до 6360 г.) специально рассказывается о полянах (легенда о Кие и основании Киева)⁴, во 2-й половине IX в. упоминаются поляне, северяне, вятичи, словене, кривичи, древляне, радимичи, уличи и тиверцы⁵, в X в. — также дулебы⁶,

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9—10.

⁵ Там же. Стб. 19—24.

⁶ Дулебы, в противоречие со сказанным о них во вводной части, где об этой общности говорилось, как о жившей на Буге (Западном) до вольнян, названы в перечне участников похода Олега на Византию 907 г. («Олегъ... поя же множество варяг, и словень, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины; си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь» — там же. Стб. 29). Однако этот перечень нет оснований рассматривать в качестве достоверного (как часто делается). Помимо того, что сложно представить, как в течение двух столетий сохранялась своеобразная «разрядная роспись» участвовавших в походе ратей, список самим составом выдает искусственное происхождение. Упоминание в начале варягов и словен восходит к тексту под 882 г., рассказывающему о захвате Олегом Киева: «И бѣша у него (Олега. — А. Г.) варязи и словѣни и прочи» (Там же. Стб. 23). Следующая группа этнонимов — чюдь, словене, кривичи, меря — взята из статьи 859 г.: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичехъ» (Там же. Стб. 19). В результате словене оказались названы повторно. Последующее упоминание рядом древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов и дулебов восходит к четвертому перечню общностей из вводной части (см. выше) — при этом сводчик, составивший перечень 907 г., не обратил внимания, что во вводной части дулебы были представлены как общность, не дожившая до «русских времен». В четвертом перечне вводной части также упомянуты уличи и тиверцы, но т. к. сводчику был известен текст под 885 г., из которого вытекало, что эти общности были неподвластны Олегу и враждовали с Киевом (Там же. Стб. 24), он вставил только упоминание тиверцев, пояснив, что они «суть толковини» (т. е. «союзники»), а не подчиненная Олегу группировка. При этом он повторил имеющееся в четвертом перечне пояснение относительно уличей и тиверцев — «да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь», причем не вполне удачно, так, что

хорваты и вятичи⁷. Однако нарисованная летописцем начала XII в. картина может быть соотнесена с более ранними сведениями зарубежных источников.

В середине X в. восточноевропейские «Славинии» упоминаются (и именно с употреблением этого термина) в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». В начале главы 9 упоминаются славяне — данники Руси: «кривитеины» (Κριβιταιηνοί), т. е. кривичи, и «лендзанины» (Λενζανήνοи), т. е. лендзяне⁸. Ниже в той же главе в рассказе о *полюдье* русских князей — объезде подвластных территорий с целью сбора дани — названы «Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян (Верβιανοί, Δρουγούβιται, Κριβιτσοί, Σεβέριοι)», т. е. древлян, дреговичей, кривичей и северян⁹. В главе 37 в качестве соседей печенегов названы ультины, дервленины и лензанины (Ούλτινοι, Δερβλενίνοι, Λενζευντοι) — уличи, древляне и лендзяне¹⁰.

Таким образом, у Константина упоминается 5 общностей, известных ПВЛ, — древляне, дреговичи, кривичи, север и уличи, а кроме того — лендзяне. Последних обычно помещают в Польше, иногда доводя их территорию на востоке до Западного Буга или даже до Стыри (приток Припяти)¹¹. Основой для этого является совпадение этимологии названия *лендзяне* и древнерусского обозначения поляков «ляхи». Однако из трактата Константина Багрянородного видно, что лендзяне, во-первых, обитали в бас-

оно стало выглядеть как относящееся ко всем названным общностям — участникам похода: «си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь». Подробнее о «списке участников» похода 907 г. см.: Горский А. А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной средневековой историографии. XIV чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2002.

⁷ Там же. Стб. 29, 65, 81—82, 122.

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44—47, 316, прим. 19—20.

⁹ Там же. С. 50—51, 330, прим. 67, 68, 70.

¹⁰ Там же. С. 156—157, 390, прим. 13—15.

¹¹ Tymieniecki K. Lędzicze (Lechichi), czyli Wielkopoljka w wieku IX // Przegląd zachodni. Poznań, 1946. Т. 2; Lowmiański H. Lędzianie // Slavia antiqua. Т. 4. Poznań, 1953; Labuda G. Studia nad początkami państwa Polskiego. Т. 2. Poznań, 1988. S. 167—211.

сейне Днепра (о них и кривичах в главе 9 сказано, что они сплавляли суда в реки, впадающие в Днепр, таким образом отправляя их в Киев), во-вторых, соседствовали с печенежской степью, уличами и древлянами. Регионом, соответствующим этим условиям, могут быть только верховья Припяти и ее правых притоков Горыни и Стыри, т. е. будущая восточная часть Волыни. Поэтому вероятнее всего, что лендзянами именовалась общность, обитавшая на востоке Волыни, в то время как жители Западной (побужской) Волыни назывались бужанами или волынянами¹².

Неупоминание полян и словен связано, очевидно, с тем, что их земли в середине X в. были непосредственно подвластны русским князьям, в то время как в «*De administrando imperio*» перечисляются общности, сохранявшие внутреннюю «автономию» и лишь являвшиеся данниками Киева (см. о структуре Руси этого времени подробно в Очерке 4 Части I). Хорваты, вятичи и тиверцы, не названные в трактате, не зависели тогда, согласно ПВЛ, от Руси. Неупоминание радимичей, покоренных в конце IX в., по летописи, Олегом¹³, можно истолковывать как указание на их последующий выход из-под власти Киева, тем более, что известно об их вторичном подчинении Владимиром в 80-х гг. X в.¹⁴ Но не исключено, что радимичи могут быть в числе «прочих славян», также являвшихся, согласно Константину, данниками Руси¹⁵.

Самым ранним источником, упоминающим восточнославянские общности, является т. н. «Баварский географ» — восточнофранкская географическая записка, созданная в IX в. (вероятнее

¹² См. подробно: *Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства. ДГ. 1995 г. М., 1997. С. 275—276. Ср. отождествление лендзян с обитателями Волыни в целом: *Wasilewski T.* Dulebowie-Ledzianie-Chorwaci: z zagadnień osadnictwa plemennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisła w X wieku // *Przegląd historyczny*. Warszawa, 1976. R. 67. № 2. S. 181—193; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 390, прим. 15 (комментарий Б. Н. Флори).

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

¹⁴ Там же. Т. 1. Стб. 83—84.

¹⁵ Ср.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 61.

всего, в третьей его четверти)¹⁶. Здесь фигурируют бужане (Buzani), уличи (Unlizi) и лендзяне (Lendizi). Кроме того, еще одна упоминаемая в «Баварском географе» общность — Velunzane (вольняне), вероятнее всего, локализуется, как и бужане с лендзянами, на Волини (хотя есть и точка зрения, связывающая этот этноним с г. Волин в устье Одры). Гипотетически (исходя из того, как разворачивается список этнонимов в источнике) к восточным славянам могут быть отнесены также Sittici и Stadicī (их расположение в перечне этнонимов «Баварского географа» указывает, что это, вероятно, составные части хорватов), Nerivane, Znetalici и Aturezani, скорее всего локализуемые на крайнем юго-западе Восточной Европы, близ низовьев Дуная (т. е. там, где ПВЛ помещает тиверцев), Forsderen liudi (древляне?), Fresiti, Seravici и Lucolane (возможно, составные части древлян и дреговичей)¹⁷. Наконец, термин Ruzzi (Русь) мог покрывать собой (как и 'rōs у Константина Багрянородного) население земли полян¹⁸. Но несколько известных по позднейшим источникам общностей в «Баварском географе» не отмечены ни под своими, ни под иными наименованиями. Это те, что обитали к востоку и северу от среднего Днепра, — север, радимичи, вятичи, кривичи и словене. Объясняется ли это просто тем, что у автора источника отсутствовала информация об этих отдаленных от верхнего Дуная, где он работал, областях, или есть основания для предположения, что к середине IX в. эти «Славинии» могли еще не сложиться? Для ответа на этот вопрос необходимо от письменных источников о восточных славянах перейти к результатам археологических изысканий.

Наиболее ранние достоверно славянские археологические культуры на территории Восточной Европы — корчакская и пеньковская (конец V—VII вв.) еще не связываются с конкретными

¹⁶ См.: Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. // ДГ. 1991 г. М., 1994. С. 35—39.

¹⁷ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 13—15, 25—28, 36—40; Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства. С. 274—278.

¹⁸ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 42. О Руси см. подробно в Очерке 3 Части I.

восточнославянскими общностями, существовавшими в IX—X вв. Носителями пеньковской культуры были, как сказано выше (см. Очерк I), анты — общность, возникшая еще в праславянский (до начала Расселения VI—VIII вв.) период и распавшаяся к началу VII в. Корчакская же культура составляет единое целое с пражской, занимавшей пространства от Западного Буга до Эльбы. В VIII—IX вв. на месте корчакской культуры, от среднего Днепра до верховьев Западного Буга, была распространена культура типа Луки-Райковецкой¹⁹. Позднее на ее территории располагались общности полян, древлян, дреговичей и «Славинии» Волыни (бужане, лендзяне, воляняне)²⁰.

Выявляются археологически и памятники, которые можно связать с хорватами (в Верхнем Поднестровье)²¹ и с тиверцами (в Нижнем Поднестровье)²². Что касается уличей, то с ними, видимо, связаны памятники в Нижнем Поднепровье, от р. Роси до порогов²³.

На Левобережье среднего Днепра в конце VII — начале VIII в. возникает волынцевская культура, затем (с конца VIII — начала IX в.) на ее основе — роменская, существовавшая до X в. включительно; их связывают с общностью *север*²⁴. Памятники

¹⁹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 90—92.

²⁰ По мнению В. В. Седова, население культуры Луки-Райковецкой называлось дулебами: именно из этой, не дожившей до эпохи Киевской Руси общности вышли поляне, древляне, дреговичи и воляняне (Там же. С. 92—94). Оснований для такой гипотезы, однако, недостаточно. Единственным аргументом служит наличие в ареале культуры типа Луки-Райковецкой топонимов, производных от слова «дулеб». Но это скорее может свидетельствовать о спорадическом расселении групп, происшедших от праславянского племени дулебов, в окружении носителей других этнонимов; если бы все население здесь было дулебами, такие названия не появились бы, т. к. топоним призван *отличать* местность от соседних. ПВЛ же говорит об обитании дулебов только на Западном Буге («Дулеби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне»). Но сама по себе связь памятников X—XI вв., относимых к полянам, древлянам, дреговичам и волянянам, с предшествующей им культурой Луки-Райковецкой не вызывает сомнений.

²¹ Там же. С. 123—129.

²² Там же. С. 129—130.

²³ Там же. С. 130—132. Прежде чем переселиться в Поднестровье, уличи жили по Днепру, ниже полян (НЛ. М.; Л., 1950. С. 109).

²⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 185—202.

радимичей по р. Сож и вятичей на верхней Оке фиксируются в основном с IX столетия, время появления лишь немногих относятся к предыдущему веку (при этом материалы обычно датируются — по керамике — обобщенно VIII—IX вв.)²⁵.

Что касается наиболее северных общностей — кривичей и словен, то время их появления — вопрос дискуссионный. Существует точка зрения о появлении первых на севере Восточной Европы еще в V в.²⁶, но другие исследователи склоняются к VIII²⁷ и даже IX²⁸ столетиям. В отношении словен называются VII²⁹, VIII³⁰ и IX³¹ века.

Действительно, достоверно славянские археологические памятники на севере Восточной Европы — т. н. круглые (полусферические) курганы и поселения — старше IX в. не датируются. Проблема заключается в интерпретации более ранних погребальных памятников данного региона — т. н. длинных курганов и сопок.

Длинные курганы разделяются на две группы. Более ранняя (VI—VII вв.) группа долгое время именовалась «псковскими» длинными курганами, но в недавнее время выяснилось, что она занимает ареал не только позднейшей Псковской, но и Новгородской земли (вплоть до ее восточных пределов — верховьев рек Мологи и Чадогощи). Более поздняя группа (VIII—IX вв.)

²⁵ См.: *Седов В. В.* Восточные славяне. С. 133—140, 143—156; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М., 1981. С. 12—41.

²⁶ *Седов В. В.* Славяне в раннее средневековье. С. 211—217.

²⁷ *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л., 1968. С. 89—118; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 40—45.

²⁸ *Авдусин Д. А.* Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. М., 1987. С. 7; *Артамонов М. И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 280—282.

²⁹ *Седов В. В.* Восточные славяне. С. 66.

³⁰ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 96—97; *Носов Е. Н.* Происхождение первых городов Северной Руси (Постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. Т. 5 (123). М., 2002. С. 43.

³¹ *Авдусин Д. А.* Указ. соч. С. 7—9.

расположена в смоленско-полоцком регионе (т. н. «смоленско-полоцкие» длинные курганы). Культура сопок датируется VIII—X вв. и охватывает в основном центральную часть будущей Новгородской земли³².

Еще на рубеже XIX—XX вв. была высказана гипотеза о соответствии культур длинных курганов и сопок двум известным по русскому Начальному летописанию восточнославянским общностям — соответственно кривичам и словенам³³. В настоящее время ее последовательно отстаивает В. В. Седов. Он полагает, что ранние кривичи — это население культуры ранних длинных курганов, пришедшее из Повисленья в V в. С VIII столетия кривичи занимают смоленско-полоцкий регион (смоленско-полоцкая группа длинных курганов). Тогда же в Приильменье появляется новая славянская группировка — словене (культура сопок)³⁴.

Однако распространены и мнения о неславянской принадлежности данных групп памятников. Ранние («псковские») длинные курганы связывали с балтскими и прибалтийско-финскими племенами, поздние («смоленско-полоцкие») — с балтами; в населении, оставившем сопки, предполагали выходцев из Скандинавии и приладожскую «чудь» (финнов)³⁵.

³² См.: Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 211—217, 229—252.

³³ *Спицын А. А.* Сопки и жильники // Записки русского и археологического об-ва. Т. XI. 1—2. СПб., 1893; *он же.* Удлиненные и длинные русские курганы // Записки Отд. русской и славянской археологии Русского археологического об-ва. Т. V. 1. СПб., 1903.

³⁴ Седов В. В. Новгородские сопки // Свод археологических источников. Вып. Е1—8. М., 1970; *он же.* Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. Вып. Е1—8. М., 1974; *он же.* Восточные славяне... С. 46—66; *он же.* Славяне в древности. М., 1994. С. 296—304; *он же.* Славяне в раннем средневековье. С. 211—217, 238—246.

³⁵ См.: *Ляпушкин И. И.* Указ. соч. С. 84—95; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 64—65; *Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л., 1982; *Конецкий В. П.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Вып. 3(13). Л., 1989; *Буров В. А.* К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // Российская археология. 1996. № 1 (здесь литература вопроса).

В последнее время в изучении проблемы заселения славянами будущей Новгородской земли произошел существенный сдвиг, связанный с исследованием А. А. Зализняком древненовгородского диалекта на основе главным образом новгородских берестяных грамот. В нем были выявлены черты, близкие с западнославянскими (в первую очередь лехитскими), а также южнославянскими (в первую очередь словенским) языками; более того, обнаружилась черта, отличающая древненовгородский диалект от всех славянских языков средневековья, — отсутствие в нем т. н. «второй палатализации» (перехода *к, з, х* в *ц, з, с* перед *ѣ* или *и*). Исходя из этих наблюдений, А. А. Зализняк и В. В. Седов сформулировали тезис, согласно которому «носителями» отсутствия второй палатализации были кривичи: именно они явились древнейшим славянским населением Новгородской земли.

А. А. Зализняк отметил, что внутри древненовгородского диалекта выделяются два слоя — западный и восточный. Отсутствие второй палатализации — черта западного происхождения. Поскольку на западе Новгородской земли (на Псковщине) обитали кривичи, эту черту следует связывать именно с ними и считать кривичей древнейшим славянским населением данного региона. Сходство же ряда других черт древненовгородского диалекта с языками сербско-словенской группы южных славян следует связывать с пришедшими позже словенами³⁶.

³⁶ См.: Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986; *он же*. Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // Вестник Академии наук СССР. 1988. № 8. С. 98—99; *он же*. Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988; *он же*. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание (X международный съезд славистов. Доклады советской делегации). М., 1988; *он же*. Древненовгородский диалект, его внутренняя неоднородность и его место в славянском мире // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993; *он же*. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 36—46, 134—145.

В. В. Седов, сопоставляя выводы лингвистики с данными археологии, отметил соответствие территории древненовгородского диалекта региону распространения культуры ранних длинных курганов. Опираясь на мнение С. Б. Бернштейна и Ф. П. Филина, датирующих вторую палатализацию временем до середины 1-го тыс. н. э., он посчитал, что только у населения, пришедшего в регион озёр Псковского и Ильмень не позднее этого времени, данная языковая особенность могла отсутствовать. Следовательно, речь должна идти о населении, оставившем ранние длинные курганы, а им были, согласно отстаиваемой В. В. Седовым гипотезе, кривичи. Словене же явились второй волной славянского заселения на севере Восточной Европы, и с ними связана культура сопок³⁷.

На основе этих выводов А. А. Зализняка и В. В. Седова (воспринятых как безусловно доказанные) построены работы С. Л. Николаева о кривичских диалектах³⁸.

Однако точка зрения А. А. Зализняка встретила критику со стороны ряда лингвистов. С наиболее развернутыми возражениями выступил В. В. Крысько. Он, в частности, показал, что древненовгородский диалект носил еще более гетерогенный характер. В нем встречаются, наряду с праславянскими архаизмами, также праславянские диалектные инновации, восточнославянские диалектные инновации и псковско-новгородские инновации. Особенно сомнительно выделение «западного», псковского слоя как древнейшего. Оно основано на лексике современных народных говоров; при этом не принято во внимание, что в собственно новгородском регионе в позднее средневековье имели место насильственные выселения части местных жителей и, наоборот, поселения выходцев из других регионов Руси³⁹.

³⁷ Седов В. В. Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989; *он же*. Славяне в древности. С. 298—303; *он же*. Славяне в раннем средневековье. С. 211—217.

³⁸ Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах // Балтославянские исследования. 1986. М., 1988 и 1987. М., 1989; *он же*. К истории племенных диалектов кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.

³⁹ См.: Крысько В. В. Заметки о древненовгородском диалекте // Вопросы языкознания. 1994. № 5, 6; *он же*. Древний новгородский диалект

К этому можно добавить, что в новгородских берестяных грамотах сочетаются «западные» и «восточные» (по терминологии А. А. Зализняка) черты, при этом первые в ранний период преобладают⁴⁰. Но что касается отсутствия второй палатализации (языковой особенности, присущей несомненно древнейшему населению Новгородской земли), то оно в современных говорах прослеживается не только на западе, в Псковской области (хотя здесь примеры наиболее многочисленны), но и в Новгородской области и в регионе северо-восточной новгородской колонизации, поэтому утверждение о «западном» происхождении этой черты не звучит убедительно⁴¹. Кроме того, относительно времени, когда у славян произошла вторая палатализация, есть разные мнения: большинство исследователей датирует ее VI—VII вв., выдвигалась датировка II—IV вв. (на которую опирается В. В. Седов), но существует и точка зрения, что этот процесс имел место только в VIII — начале IX вв.⁴².

В гипотезе о кривичской подоснове населения Новгородской земли есть и еще одно слабое место. Кривичи, по ПВЛ, заселяли в период складывания Древнерусского государства территории в верховьях рек Западной Двины, Днепра и Волги. Принадлежность им земель в бассейне р. Великой и возле Псковского озера — гипотеза, разделяемая не всеми исследователями⁴³. О расселе-

на общеславянском фоне // Там же. 1998. № 3 (здесь же см. о критике построений А. А. Зализняка — С. Л. Николаева другими лингвистами).

⁴⁰ Зализняк А. А. Древненовгородское койне... С. 61—65.

⁴¹ А. А. Зализняк отметил, что на собственно новгородский диалект оказывали влияние говоры Ростово-Суздальской земли (Зализняк А. А. Значение... С. 49). Это представляется более вероятным объяснением сохранения в народных говорах Псковщины большего количества свидетельств отсутствия второй палатализации.

⁴² См.: Глускина С. П. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Т. II. Псков, 1968. С. 33—35; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 302—303.

⁴³ См.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 81—85; Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986. С. 5—23. Мнение о существовании «псковских кривичей» покоится на двух аргументах. В летописном рассказе о приз-

нии кривичей в более восточных регионах Новгородской земли можно говорить только при отождествлении их с населением культуры ранних длинных курганов, но такая точка зрения, как сказано выше, также далеко не является общепризнанной. Более того, существует мнение, что ранние («псковские») и поздние («смоленско-полоцкие») курганы не обязательно связаны с одним этносом: между ними существуют серьезные различия в погребальном образе и инвентаре. Бесспорно объединяет те и другие только форма насыпи, от которой эти культуры и получили свои названия⁴⁴. Следовательно, даже признание носителей культуры смоленско-полоцких длинных курганов кривичами не влечет автоматически за собой признание кривичской (и вообще славянской) принадлежности населения культуры псковско-новгородских длинных курганов. Таким образом, гипотеза о кривичской подоснове населения Новгородской земли опирается на два недоказанных положения.

Если же отказаться от представления о доказанности кривичской принадлежности первых славянских обитателей Псковщины, то следует в первую очередь учесть данные по смоленскому и полоцкому регионам, где кривичи несомненно обитали по меньшей мере с IX в. Если здесь также наблюдалось бы отсут-

ствии Рюрика с братьями кривичи упоминаются среди общностей, приглашающих князя, и один из братьев, Трувор, сел в Изборске, следовательно Изборск (близ Пскова) был центром кривичей. Но если следовать такой логике, Белоозеро, в котором сел третий брат, Синеус, нужно считать центром мери (которая, согласно древнейшему варианту легенды, наряду со словенами и кривичами приглашала князей). Между тем достоверно известно, что на Белоозере жила весь, а не меря. (Объяснение перечня приглашающих «племен» и центров, в которых сели братья-варяги, без допущения существования «псковских кривичей» см.: *Мачинский Д. А.* Указ. соч. С. 7—23.) Второй аргумент исходит из распространения на Псковщине культуры длинных курганов, принадлежность которой кривичам не доказана (см. выше).

⁴⁴ *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // *Славяне и Русь*. М., 1968; *он же*. Погребальный обряд смоленских кривичей VIII—X вв. // *Древнерусское государство и славяне*. Минск, 1983; *Енуков В. В.* Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) // *Советская археология*. 1992. № 1; *он же*. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 136—154.

ствие второй палатализации, были бы бесспорные основания говорить о том, что это явление связано с кривичами. Но в смоленском и полоцком регионах неизвестны примеры сохранения *z*, *k* и *x* в позиции второй палатализации⁴⁵. Если принять точку зрения, что кривичи (= население культуры длинных курганов) продвинулись сюда в VIII в. с севера⁴⁶, остается непонятным, почему они утратили на новых местах расселения эту языковую особенность, в то время как их в значительной мере ассимилированные словенами собратья, оставшиеся в псковско-ильменском регионе, сумели ее сохранить.

Независимо от расхождения взглядов А. А. Зализняка и его оппонентов на древненовгородский диалект, они сходятся в одном существенном выводе (он является крупным достижением лингвистической науки): раннесредневековое славянское население Новгородской земли было в диалектном отношении *гетерогенно*. Но сторонники гипотезы о его «кривичской подоснове» при истолковании этой гетерогенности допускают, на мой взгляд, ошибку. Гетерогенность стала объясняться как результат смешения кривичей и словен, т. е. сами эти общности как бы априорно были признаны гомогенными. Между тем, как говорилось в Очерке 1, все (или по меньшей мере огромное большинство) славянские догосударственные общности раннего средневековья были в той или иной степени гетерогенны, сложились в результате смешения в ходе миграций группировок разной племенной принад-

⁴⁵ Николаев С. Л. К истории... С. 55—57; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект (1993) ... С. 197. Этот факт (как и другие отличия говоров псковского и смоленско-полоцкого регионов) вынуждает А. А. Зализняка прибегать к постоянным оговоркам: процесс второй палатализации не произошел у предков только северных (т. е. псковских) кривичей; на южнокривичский (т. е. смоленско-полоцкий) диалект, по-видимому, наложился мощный пласт явлений южного происхождения [Зализняк А. А. Древненовгородский диалект (1988) ... С. 166; он же. Древненовгородский диалект (1993) ... С. 232]. Но если у псковских и смоленско-полоцких кривичей — разные языковые предки, то надо признать, что одни из них — не кривичи; поскольку славянское население смоленско-полоцкого региона бесспорно являлось кривичским, неизбежен вывод, что население псковского региона кривичами не было.

⁴⁶ Седов В. В. Восточные славяне... С. 270.

лежности. Нет оснований сомневаться, что кривичи и словене не составляли здесь исключения, причем у вторых можно предполагать особенно высокую степень гетерогенности: если наименование кривичей носит «патронимический» характер (что позволяет допустить наличие сильного ядра, связанного общностью происхождения), то у словен в качестве этнонима выступает общеславянское самоназвание, что свидетельствует в пользу формирования этой общности путем объединения ряда группировок, ни одна из которых не была преобладающей. Ареал древненовгородского диалекта совпадает с пределами расселения словен, и остается признать, что все выявленные здесь раннесредневековые языковые особенности связаны с составными частями словенской общности, бесспорно обитавшей в этом регионе.

По вопросу о том, откуда переселились словене, высказывались две точки зрения: 1) словене пришли с Юга, из Поднепровья; 2) словене — выходцы из западославянского региона⁴⁷. Новейшие лингвистические данные показывают, что, с одной стороны, древненовгородский диалект имеет сходные черты с южнославянскими (в первую очередь — словенским) языками, с другой — ряд особенностей связывает его с языками западославянскими (лехитскими в первую очередь)⁴⁸. Вероятно, общность словен сложилась из нескольких группировок, вышедших из разных регионов⁴⁹. Одну из них составили выходцы из западного (балтийского) славянства: давно отмечены близкие аналогии со славянами южного побережья Балтийского моря в керамике и других элементах материальной культуры⁵⁰. Возмож-

⁴⁷ См.: Янин В. Л. Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 54—56.

⁴⁸ Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты... С. 119—122, 160—161, 168—174, 177, 218.

⁴⁹ О гетерогенности населения Приильменя говорят и археологические данные (см.: Конецкий В. Я. Центр и периферия Приильменя в IX—X веках: особенности социально-политического развития // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 52—53).

⁵⁰ Горюнова В. М. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; она же. Проблемы происхождения западославянской керамики в

но, переселение в Поволховье балтийских славян имело место главным образом в короткий отрезок времени в середине IX в., после того как славянская общность ободритов (обитавшая на нижней Эльбе и на юго-западном побережье Балтики) была подчинена Восточнофранкским королевством⁵¹. Что касается «южных» черт словен, то они могут быть связаны с населением культуры сопок⁵². Не исключено, что оформление этнополитической общности с самоназванием *словене* произошло только в IX столетии, после слияния «южной» и «западной» группировок.

Таким образом, исходя из современного состояния изучения проблемы расселения кривичей и словен, можно сказать следующее.

1. Точка зрения о кривичской принадлежности культуры ранних длинных курганов не представляется убедительной. 2. Можно ли считать кривичской культуру поздних (смоленско-полоцких) длинных курганов, остается неясным. В случае положительного ответа на этот вопрос расселение кривичей на севере Восточной Европы можно будет отнести к VIII в., в случае отрицательного — только к IX в. 3. Предки словен появились в Приильменье, возможно, уже в III четверти 1-го тыс. н. э., но складывание словен как этнополитического образования, скорее всего, относится к IX столетию.

Говоря в целом о времени складывания «Славиний» Восточной Европы, можно заключить, что к середине IX в. несомненно сложились общности бужан, лендзян, волянян, хорватов, ули-

Приильменье // Новгород и Новгородская земля... Вып. 8; *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990. С. 164—166.

⁵¹ См.: *Горский А. А.* К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к Новой России. Сб. статей в честь Я. Н. Щапова (в печати).

⁵² В последнее время на основе новейших археологических разысканий высказано мнение о появлении славянского населения в Приильменье в III четверти 1-го тыс. н. э.; культура сопок признается следующим этапом их развития (см.: *Конецкий В. Л.* Раннеславянская культура Северо-Запада: опыт построения теоретической модели // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 13. Новгород, 1999).

чей, вероятно — древлян, дреговичей, полян и тиверцев. Не позднее 2-й половины IX столетия уже существовали «Славинии» под названиями север, радимичи, кривичи и словене, вероятно — и вятичи⁵³.

⁵³ По мнению В. В. Седова, существовала еще одна восточнославянская общность, расселившаяся в Волго-Окском междуречье и взявшая себе имя своих финноязычных предшественников — *меря*, под которым она и упоминается в ПВЛ (см.: *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. С. 218—229). Однако в летописи меря помещена в число «иных языков», противопоставленных славянам (ПСРЛ. Т. I. Стб. 11).

Очерк 3

РУСЬ И ВАРЯГИ

Один из традиционно дискуссионных вопросов ранней истории Руси — вопрос о роли в возникновении русской государственности скандинавов, именовавшихся в то время в Западной Европе норманнами («северными людьми»), а на Руси — *варягами*. Дискуссия эта долгое время осложнялась как ложно понимаемым патриотизмом, так и накладывавшим отпечаток на исследование протестом против него¹. Но сложность проблемы связана в первую очередь не с этими наслоениями, а с объективными причинами. В византийских, западноевропейских и восточных источниках содержится ряд упоминаний «Руси» в IX в.², но в них не названо *ни одного* имеющего к ней отношения населенного пункта или личного имени. В силу этого достаточно поставить под сомнение сведения о Рюрике, Аскольде и Дире, приходе в Киев Олега и Игоря, что содержатся в Начальном сво-

¹ Строго говоря, для исторического самосознания причастность к образованию государства скандинавских викингов, от которых в IX—XI вв. трепетала вся Европа, должна быть скорее престижна, чем оскорбительна. Вопрос о роли норманнов в формировании Руси несет в себе некоторый риск как раз не для русского, а для шведского исторического сознания: ведь если «отнять» активную деятельность на Руси, «шведский вклад» в движение викингов окажется близким к нулю — в Западной Европе действовали почти исключительно датчане и норвежцы.

² См. их обзор в кн.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 90—94, 204—213, 290—302.

де конца XI в.³ и «Повести временных лет» начала XII в. (а основания для сомнений очень серьезные, поскольку эти известия явно записаны на основе устных преданий, а летописная хронология раннего периода несомненно сконструирована сводчиками с опорой на хронологию византийских хроник⁴), как возникает широкое поле для суждений о том, где располагалась в это время Русь, кто и когда ее возглавлял. Лишь комплексный подход к имеющимся письменным данным с учетом археологических свидетельств позволяет очертить схему развития событий (все равно во многом гипотетическую).

Не вызывает серьезных сомнений, что в течение IX столетия скандинавы, у которых в это время развернулось т. н. «движение викингов» — экспансия, затронувшая в той или иной мере почти все регионы Европы, проникали на север Восточноевропейской равнины и здесь вступили в соприкосновение со славянами, осваивавшими эту территорию. В середине или третьей четверти IX в. во главе общности ильменских словен оказался предводитель викингов, по летописи известный под именем Рюрик. По наиболее вероятной версии, это был известный датский конунг Рёрик Ютландский (или Фрисландский)⁵. Его вокняжение было, скорее всего, связано с желанием местной знати иметь в лице располагавшего сильной дружиной правителя противовес шведским викингам, пытавшимся привести Поволховье и При-

³ Текст его сохранился в Новгородской I летописи младшего извода (см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 1—11, 29—133; *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976).

⁴ См., например: *Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 56—99.

⁵ См.: *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика // ЖМНП. 1836, январь, июнь; *Беляев Н. Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929; *Молчанов А. А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции Рюриковичей // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 45; *Азбелев С. Н.* К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика Древнерусской литературы. Сб. 7. П. М., 1994.

ильменье в данническую зависимость⁶. Возможно, выбор именно Рёрика был обусловлен тем, что часть ильменских словен являлась переселенцами из славян-ободритов, живших на нижней Эльбе по соседству с Ютландским полуостровом и хорошо знакомых с Рёриком⁷. Рёрик долгое время владел в качестве вассала франкского короля городом Дорестада в устье Рейна; он и его люди были, таким образом, не малознакомой с цивилизацией группировкой из внутренних районов Скандинавии, а воинами, успешными хорошо познакомиться с развитой, по меркам того времени, франкской государственностью (кстати, и «приглашавшие», если это были выходцы из земли ободритов, с ней также были знакомы — ободриты союзничали еще с Карлом Великим в конце VIII в. в его войнах против саксов). Резиденцией Рюрика стал Новгород (в то время, скорее всего, так называлась крепость в 2 км от позднейшего города, т. н. Рюриково Городище⁸). В конце IX в. преемник Рюрика Олег, спустившись по Днепру, овладел Киевом — политическим центром общности полян. Здесь, возможно, уже ранее правили князья варяжского происхождения: летопись фиксирует легенду о двух таких предводителях — Аскольде и Дире⁹.

В ПВЛ именно с варягами связывается появление названия *Русь*. Там говорится под 6370 (862) г. (дата условна, как все летописные даты за IX — середину X в., кроме тех, что опираются на хронологию византийских источников), что словене, кривичи и чудь (финноязычное племя), изгнав бравших с них дань варягов, не смогли жить друг с другом в мире и «рѣша сами в себѣ:

⁶ См.: *Киртичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Варяги и Русь // *Славяне и скандинавы*. М., 1986. С. 193—194.

⁷ См.: *Горский А. А.* К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // *От Древней Руси к Новой России*. Сб. статей в честь Я. Н. Щапова (в печати).

⁸ См.: *Носов Н. Е.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; *он же.* Новгородский детинец и Городище // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 5 (15). СПб., 1995; *Молчанов А. А.* Новгород во второй половине IX — первой половине XI в. (Жизнь топонима и история города) // *Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства*. М., 1996.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20—24; НПЛ. С. 106—107.

«Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣль нами и судиль по праву. И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тѣи варязи русь, яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гѣте, тако и си. Рѣша русь (вар.: руси), чюдѣ, словѣни, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней неть. Да поидете княжить и володѣти нами. И избращася з братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша: старѣишии, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ, а другии, Синеусъ, на Бѣлѣ-озере, а третии Изборьстѣ, Труворъ». И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни»¹⁰. Но в Новгородской I летописи, донесшей текст Начального свода конца XI в., текст выглядит иначе — в нем отсутствуют выделенные выше курсивом места, упоминающие *русь*: «И реша к себе: «князя поищемъ, иже бы владѣль нами и рядиль ны по праву». Идоша за море к Варягом и ркоша: «Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да пойдѣте к намъ княжить и владѣти нами». Избращася з брата с роды своими и пояша со собою дружину многу и предивну, и придоша к Новугороду и седе стареишии в Новегородъ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другии сѣде на Бѣлѣозере, Синеусъ; а третеи въ Изборьскѣ, имя ему Труворъ»¹¹.

С точки зрения текстологии очевидно, что отождествление варягов с *русью* в «Повести временных лет» является вставкой (это установил еще в начале XX в. А. А. Шахматов¹²): за такой вывод говорят и общее направление связи Начального свода и «Повести» (первый был использован во второй, а не наоборот¹³) и сопоставление конкретных отрывков — фрагмент о *руси* является отступлением, разрывающим связный текст Начального свода. Однако ниже, сразу после слов о посадении Рюрика и его братьев в Новгороде, Белоозере и Изборске, в Новгородской I летописи отождествление варягов с *русью* вроде бы все же присутствует: «И от тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь,

¹⁰ ПВЛ. СПб., 1996. С. 13. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19—20; Т. 2. М., 1962. Стб. 14.

¹¹ НЛ. М.; Л., 1950. С. 106.

¹² Шахматов А. А. Разыскания... С. 298—300, 339—340.

¹³ См. Прим. 3.

и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска»¹⁴. Предлог «от» имел в древнерусском языке несколько значений: указание на место отправления, удаления от чего-либо; указание на происхождение от чего-либо/кого-либо; указание на часть целого; указание на время, с которого начинается что-либо; указание на избавление от чего-либо и ряд других¹⁵. В данном контексте «от» традиционно воспринималось (под влиянием текста ПВЛ, где русь отождествляется с варягами) как указание на *происхождение* названия *русь* от варягов. Но третье содержащееся в приведенной фразе утверждение с «от» — о том, что новгородцы «суть от рода варяжьска» — всегда вызывало недоумение, так как население Новгорода и Новгородской земли в большинстве своем от варягов происходить не могло. Удовлетворительное с точки зрения средневековой ментальности объяснение данному утверждению было найдено: слова «от рода варяжьска» указывают на подчинение новгородцев варяжскому княжескому роду¹⁶. Однако два предшествующих утверждения с предлогом «от» при трактовке их как указаний на *происхождение* также порождают вопрос. Выше в тексте Начального свода нет отождествления руси с варягами, и остается непонятным, почему земля, получившая название от варягов, стала именоваться «Русской» (а не «Варяжской»). Между тем слова «и от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣхъ словет Руская земля» получают непротиворечивое объяснение при предположении, что предлог «от» здесь имеет *временное* значение — «со времени тех варягов прозвалась Русь, с их времени называется Русская земля». Под «варягами» имеют-

¹⁴ НПЛ. С. 10б. А. А. Шахматов полагал, что «русь» в эту фразу вставлена при составлении Новгородской первой летописи под влиянием ПВЛ (*Шахматов А. А.* Разыскания... С. 300). Но предложенная им реконструкция первоначального текста — «И от тѣх варягъ прозвашася варягы» — выглядит натяжкой [см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 67; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I. (Древняя Русь). М., 2000. С. 79].

¹⁵ См.: *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*. Т. 6. М., 2000. С. 211—214.

¹⁶ См.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 121.

ся в виду те же лица, что и ниже, в словах «и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска», и выше, в предшествующей фразе о занятии Рюриком и его братьями княжеских столов, — варяжские князья. Автор Начального свода начинал историю Русской земли с появления династии, обладавшей монополией на власть над Русью в его время. Текст о призвании варяжских князей в Начальном своде входит в состав первой датированной статьи — статьи 6362 (854) г., озаглавленной «Начало земли Руской»¹⁷. Термином «земля» с «территориальным» определением в XI — начале XII в. именовались независимые политические образования (см. об этом Часть II, Очерк 1). Рассказав в начале статьи о предыстории Руси — о полянах и о возникновении Киева, летописец перешел к появлению в Восточной Европе родоначальника династии и завершил фрагмент о приходе Рюрика с братьями утверждением, что «Русь», «Русская земля» (т. е. государство) именуется так *со времен* этих варяжских князей. Никакой неясности при таком понимании текст не содержит — на Руси конца XI в. было хорошо известно, что члены княжеского рода обобщенно именуются «князи руские» (см. Часть II, Очерк 4), и, следовательно, вполне естественно, что начало Русской земли связывалось с началом княжения их родоначальника.

Летописец же, вставивший позднее в текст ПВЛ отождествление руси с варягами¹⁸, исходил из других представлений. Задачей ПВЛ было вписать русскую историю в мировую. И начало Руси здесь связано с началом царствования в Византии императора Михаила III, поскольку при нем Русь совершила поход на Константинополь («В лѣто 6860... наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увидѣхомъ яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, яко пишется в лѣтописаньи гречѣстѣмъ»¹⁹). Слова Начального свода «и от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля, и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска»

¹⁷ НПЛ. С. 105.

¹⁸ Остается предметом спора, был это автор основного текста ПВЛ или последующий его редактор (см.: Шахматов А. А. Разыскания... С. 339—340; Насонов А. Н. История русского летописания. С. 65—68).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17.

автор вставки о тождестве руси и варягов истолковал по-своему. Он не понял, что под варягами во всех трех утверждениях составителя Начального свода имеются в виду именно и только варяжские князья, решил, что речь идет в целом о варягах, пришедших с Рюриком. Поэтому к словам о новгородцах, что «от рода варяжска», было добавлено — «преже бо бѣша словѣни», что сделало фразу бессмысленной (тем более, что ниже в ПВЛ неоднократно говорится о жителях Новгородской земли по-прежнему как о «словенах»²⁰). А утверждение, что «и от тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣхъ словоет Руская земля», было истолковано как указание на то, что варяги, пришедшие с Рюриком, *назывались* русью. Результатом стали несколько вставок в текст: появилось уточнение, что варяги, к которым обратились народы севера Восточной Европы, именовались *русь*, был дан перечень народов Северной Европы с упоминанием руси; слова «дружину многу и предивну» были заменены на «всю русь»; во вводную часть ПВЛ был вставлен список народов Северной и Западной Европы с упоминанием руси на том же месте, что и под 862 г. — между «готами» и «агнянами»²¹; в статью 898 г., повествующую о возникновении славянской грамоты, было добавлено пояснение, сходное с разобранной выше фразой: «А словѣньскыи языкъ и роускыи одно есть, от варягъ бо прозвашася русью, а первое бѣша словене»²².

Таким образом, отождествление руси с варягами — конструкция одного из составителей ПВЛ, отталкивающаяся от неверно понятого текста главного источника этого летописного памятника — Начального свода. К отождествлению руси и варягов данного автора могли подвигнуть также и еще два источника ПВЛ — составленный в Италии в середине X в. еврейский хронограф «Иосиппон», где русь упоминается рядом с саксами и англами²³, и русский перевод продолжения Хроники Георгия Амартола, где определение руси, напавшей на Константинополь в 941 г., — «от

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29, 32, 45, 76, 121, 143, 151.

²¹ Там же. Стб. 4.

²² Там же. Стб. 28.

²³ См.: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 25—38.

рода франков» (ἐχ γένους τῶν Φράγγων)²⁴ — было переведено как «от рода варяжьска»²⁵.

Сказанное позволяет допустить, что отождествление руси с варягами являлось чисто книжной конструкцией. Но нельзя исключить, что на автора отождествления мог влиять и еще один фактор — какие-то сохранившиеся в устной передаче представления об определенной связи этнонима *русь* с варягами²⁶.

Продолжающиеся в течение уже двух с половиной столетий споры о происхождении термина *русь* сводятся по сути к вопросу — являются ли сведения «Повести временных лет» о привнесении этого названия в Восточную Европу скандинавами достоверными. Если отбросить малоубедительные и прямо фантастические гипотезы, то останутся две версии, подкрепленные более или менее вероятными лингвистическими соображениями. Согласно одной (условно говоря, «северной»), термин *русь* восходит к скандинавскому глаголу, означающему «грести»: предполагается, что словом, образованным от него, именовали себя дружины викингов, приходившие в Восточную Европу на гребных судах; через посредство финской формы *ruotsi* термин трансфор-

²⁴ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 2. Пг., 1922. С. 60. Возможно, такое определение под пером византийского хрониста появилось в силу того, что в авангарде войска Игоря в 941 г. действовали варяги (в то время уже наемники, приглашенные киевским князем из Скандинавии), родственные по языку восточным франкам — немцам (термин «варяги» — βαράγγοι — до XI в. в Византии не был известен).

²⁵ Там же. Т. 1. Пг., 1920. С. 567. Вероятно, переводчик имел здесь в виду то же, что автор Начального свода в словах «от рода варяжьска» по отношению к новгородцам — верховную власть князей варяжского происхождения; автор же отождествления руси с варягами в ПВЛ мог истолковать данное место как указание на *происхождение* руси от варягов.

²⁶ Это тем более кажется возможным, если автор отождествления — редактор ПВЛ, внесший в нее т. н. «ладожские статьи» (под 1096 и 1114 гг.), т. е. человек, неоднократно бывавший на севере Руси и слышавший там местные предания (см.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. I. Пг., 1916. С. XXXVII—XLI), среди которых могли быть и свидетельства того, что название «Русь» или сходное с ним когда-то было обозначением неких варягов.

мировался на восточнославянской почве в *русь*²⁷. По другой («южной») версии, термин *русь* происходит от иранского корня со значением «светлый», «белый» (восходящего к дославянской — сарматской эпохи — лексике Северного Причерноморья)²⁸. Главным доводом в пользу северной гипотезы остается рассказ «Повести временных лет», в пользу южной — существование традиции, согласно которой Русью, помимо всех земель, населенных восточными славянами и находящихся под властью киевских князей, именовалась также территория в Среднем Поднепровье (т. н. «Русская земля в узком смысле»)²⁹.

Точка зрения о скандинавском происхождении названия *Русь*, господствовавшая в зарубежной историографии, в последнее время получила преобладание и в отечественной, но связано это больше с протестом против однобокого «антинорманизма» 40-х—70-х гг. XX в., чем с убедительностью аргументации. Так, в Среднем Поднепровье по археологическим данным присутствие норманнов ощутимо лишь с конца IX в., ранее скандинавские материалы фиксируются только на севере восточнославянской территории — в Ладогe (с середины VIII в.) и в Приильменьe (с середины IX в.)³⁰. Между тем термин *русь* встречается в немецких (восточнофранкских) источниках второй половины IX в. (Баварском географе,

²⁷ См.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Эволюция названия «русь» в процессе становления Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 293—307, прим. 1 (здесь литература вопроса).

²⁸ Заметим, что вопреки распространенному представлению, будто на юге Восточной Европы бытовала форма с корневым *-o-* («рос-»), а не *-y-*, в ираноязычных вариантах эпитета «светлый» преобладают как раз формы с корневым *-y-* — *rūxs*, *rūšan*, *ruš*, *ruhn* (см.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973. С. 435—437). О. Н. Трубачев возводит термин *русь* к индоарийской основе с тем же значением «светлый», «белый», бытовавшей, по его мнению, в Северном Причерноморье (Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 220—260).

²⁹ О ее пределах см.: Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992—1993 гг. М., 1995.

³⁰ См.: Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 231; Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750—1200. СПб., 2000. С. 86, 111.

грамоте короля Людовика Немецкого) и относится в них явно к югу, а не северу Восточной Европы³¹.

При принятии как «северной», так и «южной» версий происхождения названия «Русь» возникает также проблема, до сих пор остававшаяся в тени. В договоре Олега с Византией 911 г. все население, подвластное русскому князю, независимо от этнического и социального происхождения, именуется *русью*; нет ни намека на отличия, скажем, *руси* от *словен* или *варягов*; оба последних термина не упоминаются, во всех статьях речь идет только о «руси» (ед. ч. «русин»). Аналогичная картина в договоре Игоря 944 г.³² Если предположить, что название *русь* было обозначением норманнских дружинников, то придется признать, что спустя считанные десятилетия после их прихода в Среднее Поднепровье оно уже воспринималось как этноним, который стал своим для местного славянского населения. Если же предположить, что *русью* именовались территория и население в Среднем Поднепровье до появления варягов, то придется признать, что спустя считанные десятилетия после своего прихода в этот регион дружинники скандинавского происхождения уже рассматривали это наименование как свое. И тот, и другой варианты были бы уникальны; обычно группы разного этнического происхождения, соединяясь в одном государстве, длительное время хранили свои самоназвания³³. Поэтому кажется наиболее вероятным предложен-

³¹ См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 14—36. Анализ перечня этнонимов в Баварском географе показывает, что нет оснований видеть там наименования народов, живших севернее линии нижняя Висла — Припятское Полесье — средний Днепр — средний Дон (см.: Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГ. 1995 г. М., 1997). Гипотеза о происхождении названия *Русь* от древнескандинавского **rōp(s)*- через финское *ruotsi* безупречна и в чисто лингвистическом отношении (см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 32—33).

³² ПРП. Вып. I. М., 1952. С. 6—9, 31—35. «Русь», «все люди русские» противопоставляются в договорах «грекам», «всем людям греческим», т. е. терминам, обозначающим все население Византии.

³³ Ср. франков и т. н. галло-римлян во Франкском государстве конца V—VII вв., тюрко-болгар и дунайских славян в Болгарии конца VII—

ное в начале XX в. (В. А. Бримом³⁴) допущение контаминации двух сходных названий — скандинавского, служившего одним из обозначений варяжских дружин, и южного, которое служило одним из названий территории или/и населения Среднего Поднепровья. Сходство терминов привело к их актуализации и слиянию, способствуя восприятию северными пришельцами земли на юге Восточной Европы как своей, а местным населением — дружинников норманнского происхождения как отчасти «своих».

Вопрос о происхождении названия государства, хотя и представляет естественный интерес, носит все же частный характер. Куда важнее вопрос о соотношении в процессе государствообразования местных и пришлых элементов и традиций, в данном случае — о роли, которую сыграли в становлении Руси норманны³⁵.

Не вызывает серьезных сомнений, что скандинавское происхождение имела древнерусская княжеская династия, т. н. «Рюриковичи» (хотя летописная конструкция о том, что преемник Олега на киевском столе Игорь был именно сыном Рюрика, маловероятна по хронологическим соображениям), что выходцы из Скандинавии и их потомки составляли значительную часть дружин русских князей IX—X вв. Сложнее вопрос о воздействии скандинавов на характер и темпы образования государства на Руси. Здесь до сих пор мало принимался во внимание «общеславянский фон» — не было попыток сопоставить особенности формирования Киевской Руси с тем, что происходило в других славянских странах, чтобы выявить степень норманнского влияния на специфику государствообразования. Что касается темпов этого процесса, то ранее Руси сложились государства в Моравии и Хорватии — у славян, которые тесно контактировали с более развитыми франкским и византийским обществами, а наиболее синхронно с Русью

IX вв., норманнов и англо-саксов в Англии второй половины XI—XII вв. — во всех случаях преодоление этнонимических различий заняло века.

³⁴ Брим В. А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Ч. I. Пг., 1923.

³⁵ Впрочем, деление населения Восточноевропейской равнины в IX в. на «местных» славян и «пришлых» варягов весьма условно: для большей части региона (кроме южных лесостепных земель) славяне тогда были еще населением пришлым, недавно расселившимся здесь; автохтонами лесной зоны были балтские и финно-угорские племена.

развивалось (в течение IX—X вв.) государствообразование в Чехии и Польше³⁶. Для утверждения о каком-то заметном ускорении, которое придало норманнское влияние процессу формирования государственности в восточнославянском регионе, сравнение с другими славянскими странами, таким образом, не дает оснований. В сферах социальной и политической наблюдается значительное сходство со славянскими странами. Подчинение рядового населения власти князей и их дружин, данническая эксплуатация, относительно позднее развитие индивидуальной (вотчинной) крупной земельной собственности — все эти черты (см. о них подробно в Части II) свойственны не только Руси и Скандинавии, но и западнославянским государствам³⁷. Что касается территориально-политической структуры Киевского государства, то путь ее формирования — через подчинение киевскими князьями в течение IX—X вв. восточнославянских догосударственных общностей (подробно см. об этом Очерк 4) — аналогичен пути складывания территорий не только и не столько скандинавских государств, сколько Великой Моравии и Польши (где в качестве ядра государственной территории выступали соответственно земли *мораван* и гнезненских *полян*)³⁸. Процесс смены

³⁶ См.: *Łowmiański N. Początki Polski*. Т. 4. Warszawa, 1970. S. 394—444; *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

³⁷ См.: *Тржешитик Д.* Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; *Флоря Б. Н.* Государственная собственность и централизованная эксплуатация в западнославянских странах в эпоху раннего феодализма // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: Проблемы феодальной государственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). М., 1988; *Жемличка П., Марсина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.). М., 1991.

³⁸ См.: *Раткош П.* Великая Моравия — территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.

старых (т. н. «племенных») центров новыми, созданными по инициативе центральной княжеской власти (см. об этом Часть II, Очерк 1), происходил в период государствообразования не только на Руси, но также в Чехии и Польше³⁹. Практически у всех славянских народов решающую роль в эту эпоху играли дружины (см. об этом Часть II, Очерк 2), т. е. и здесь нет специфической русско-скандинавской параллели. Причина того, что в процессе государствообразования на Руси не выявляется черт, которые могут быть связаны именно с влиянием норманнов, разумеется, не в слабости их воздействия, а в том, что в Скандинавии и у славян процессы такого рода происходили принципиально сходно и относительно синхронно, в силу чего викинги без затруднений включались в них, а местное общество пришельцев не отторгало (в долгосрочном плане, разумеется — конкретные конфликты имели место): будучи на первых порах чужими этнически, в социально-политическом и культурном отношении они оказывались близки.

Но одна из черт сложившегося в Восточной Европе государства все же может быть связана в значительной мере с деятельностью норманнов. Это объединение всех восточных славян в одно государственное образование. Ни у южных, ни у западных славян подобного не произошло (хотя тенденции такого рода имели место в Великой Моравии конца IX в.). Если бы в конце IX столетия не произошло объединение земель по пути «из варяг в греки» (из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы) под единой властью (которое вряд ли было возможно без сильного варяжского дружинного контингента), вероятно, в восточнославянском регионе сложилась бы, по крайней мере поначалу, также полицентричная государственная система. При этом проникновение норманнов в Среднее Поднепровье, будучи, казалось бы, пиком успехов викингов в Восточной Европе,

С. 81—89; *Łowmiański H.* Op. cit. Т. 4. S. 445—493; Т. 5. Warszawa, 1973. S. 310—504.

³⁹ См.: *Stěpánek M.* Opevněná sídliště 8—12 století ve střední Evropě. Praha, 1965; *Флоря Б. Н.* Формирование ... С. 108—111, 117—119; *Королюк В. Д., Лутавин Г. Г.* Заключение // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 260—261.

имело результатом введение их активности в жесткие рамки. Путь в Восточную Европу оказался под контролем киевских князей, и теперь движение сюда контингентов викингов стало регулироваться: они либо приходили на службу русским князьям, либо пропускались в походы на Восток, при этом часть приходящих викингов постепенно пополняла ряды элитного слоя Руси. Если бы варяжские князья не обосновались в Киеве и не соединили под своей властью Юг и Север Восточной Европы, в X в., возможно, на Юге существовало бы одно или два славянских государственных образования, а на Севере — одно или несколько полиэтничных (славяне, скандинавы, финны, балты), с верхушкой из норманнов, которая, если бы и шла по пути славянизации, то не столь быстро, как это имело место в реальности. Утверждение же варяжских правителей в Киеве привело к формированию на Восточно-Европейской равнине в X столетии одного государства, и государства славянского, в котором скандинавская по происхождению часть элитного слоя (в том числе и те ее группы, которые располагались на Севере) быстро была ассимилирована⁴⁰.

Вопрос о темпах этой ассимиляции тоже принадлежит к числу дискуссионных. В главе 9 написанного в середине X в. трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», целиком посвященной Руси, приведены два перечня названий днепровских порогов. Названия одного из них обозначены автором как звучащие по-русски (Ῥωσιστί), другого — по-славянски (Σχλαβηνιστί)⁴¹. «Русские» названия имеют явные скандинавские корни⁴². Авторы, стремящиеся подчеркнуть видную роль норманнов в формировании древнерусской государственности, на основе «русских» названий порогов делают вывод, что еще в се-

⁴⁰ Возможно, последнему способствовало то, что дружина Рюрика — Олега, ставшая ядром киевской знати, в основе была не шведской, а датской. И викинги, что приходили в Восточную Европу позже (шведские), были для потомков дружинников Рюрика — Олега в меньшей степени «своими», чем местное население, среди которого они родились.

⁴¹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* М., 1989. С. 46—49.

⁴² См.: там же. С. 319—326.

редине X в. окружавший киевских князей дружинный слой пользовался скандинавским языком или как минимум был двуязычен⁴³. Их наиболее непримиримые оппоненты явно исходят из посылки, что признание скандинавского происхождения «русских» названий делает такой вывод единственно возможным, поэтому стараются найти иные этимологии — иранские или славянские⁴⁴. Между тем никто не попытался представить механизм восприятия и обработки информации о топонимике порогов Днепра при создании «*De administrando imperio*».

У автора главы⁹⁴⁵ в распоряжении оказалось два разноязычных ряда названий. С определением одного из языков не могло возникнуть вопроса — это был славянский язык, хорошо известный в Византии: на нем говорили южные славяне, входившие и в число подданных империи, и в число ее соседей (в самом тексте «*De administrando imperio*» обнаруживается знание ряда славянских слов). Сложнее обстояло дело с другим рядом названий.

⁴³ Ср.: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. С. 98; *Скрынников Р. Г.* История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 50; *Губанов И. Б.* X век на пути к раннему государству (Возникновение Древней Руси — о гипотетическом и очевидном в современном норманизме) // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 86.

⁴⁴ См.: *Брайчевский М. Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1995; *Тимофеев В. П.* А все-таки «Людота коваль» (Названия днепровских порогов — возвращение к старой проблеме) // Сб. РИО. Т. 1 (149). М., 1999. Замечу, что активно зазвучавшие в последнее время утверждения, отрицающие заметное присутствие выходцев из Скандинавии в Восточной Европе в период образования государства Русь и, в частности, скандинавское происхождение летописных «варягов» [см., напр.: Сб. РИО. Т. 8 (156) М., 2003], на мой взгляд, противоречат очевидным свидетельствам письменных и археологических источников и уведут дискуссию в сторону от серьезного обсуждения роли неславянских элементов в генезисе древнерусской государственности.

⁴⁵ В данном случае не имеет значения, был это сам Константин Багрянородный или книжник, работавший по его поручению (см. о точках зрения на степень авторского участия императора в сочинении трактата: *Литаврин Г. Г.* Проблема авторства трактата «Об управлении империей» в новейшей литературе // Восточная Европа в древности и средневековье: автор и его текст. XV чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2003).

В то время в Византии, разумеется, отсутствовали термины, которыми оперируют по отношению к языку этих наименований современные исследователи, — «скандинавский», «древнескандинавский», «древнешведский»; не мог он быть определен в середине X века и как язык «варангов» (византийский вариант термина «варяги»), поскольку последнее именование норманнов появляется в византийских источниках много позже. Единственное, что могло быть известно Константину — это то, что данным языком пользуется некая часть тех, кто в Византии именуется себя «русью». Насколько значительна была эта часть — определить на основе только данного источника невозможно; с равной долей вероятности можно допустить и 100%, и ничтожно малую долю. Ведь даже если подавляющее большинство «руси» говорило по-славянски, славяноязычные названия порогов не могли быть определены автором как «русские» — поскольку язык, на котором они звучали, был давно известен в Византии как именно *славянский*. С другой стороны, даже если доля скандинавоязычных представителей руси была бы ничтожно мала, их язык не мог быть обозначен иначе как «русский» — поскольку других вариантов этнонимического определения в распоряжении у автора просто не имелось. Таким образом, сведения главы 9 трактата Константина позволяют лишь утверждать, что определенная часть «руси» пользовалась скандинавским языком.

Чтобы определить, что представляла собой эта часть, нужно, следовательно, обращаться к другим данным. Появившийся на свет незадолго до создания «De administrando imperio» наследник киевского стола получил славянское имя Святослав, а двое из трех его рожденных в 50-х — начале 60-х гг. сыновей — славянские имена Ярополк и Владимир, что говорит о далеко зашедшем процессе ославянивания правящей династии⁴⁶ (при том, что династический именовослов, носивший сакральный характер, обычно особенно долго сопротивляется ассимиляции; так, в пра-

⁴⁶ Если, конечно, не принимать анекдотическую интерпретацию имени Святослав на основе греческой его передачи Σφενδοσθλάβος как «Свендислейф» (Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 50), порожденную незнанием того, что греческая форма точно передает звучание этого имени по-славянски в X столетии — с носовым гласным *ia*.

вившей в Первом Болгарском царстве с конца VII в. тюркской династии славянские имена появляются только в середине IX в.). В той же главе 9 «De administrando imperio» в рассказе об объезде дружинниками киевского князя подвластных «Славиний» с целью сбора дани это мероприятие называется славянским словом *полудье* — «полюдье» (а не его скандинавским аналогом «вейцла»), а также, вероятно, передается в греческом переводе славянский глагол «кормиться»⁴⁷. Исходя из этих свидетельств можно предполагать, что киевская династия и ее окружение, основу которого составляли потомки дружинников, пришедших в Киев с Олегом в конце IX в., в середине X столетия пользовались славянским языком (что неудивительно, т. к. они представляли собой уже в основном третье-четвертое поколения потомков варягов, пришедших в Восточную Европу из Скандинавии, не говоря о том, что за более чем полвека княжения в Киеве Олега и Игоря в дружинный слой должно было влиться немало людей местного происхождения). Кто же тогда говорил на скандинавском языке, определенном в «De administrando imperio» как «русский»?

Игорь, согласно «Повести временных лет», нанимал варяжский воинский контингент для несостоявшегося похода на Византию 944 г.⁴⁸ Часть этих варягов погибла в последовавшем походе на Кавказ, кто-то, вероятно, вернулся на родину. Но некоторое количество наемников несомненно влилось в русский дружинный слой, требовавший пополнения после потерь, понесенных войсками Игоря в неудачном походе на Царьград 941 г.⁴⁹ Эти люди родились в Скандинавии и, естественно, продолжали пользоваться скандинавским языком. В Византии они, будучи на службе русского князя, представлялись как «русь», наравне со славяноязычными носителями этого этнонима. Очевидно, из этой среды и происходил информатор автора «De administrando imperio» о скандинавоязычных названиях днепровских порогов. Он сообщил

⁴⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 50—51, 331 (прим. 73).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 45. Не исключено, что варяги-наемники привлекались и к первому походу Игоря 941 г.

⁴⁹ Там же. Стб. 44—45.

наименования, которыми пользовались уроженцы Скандинавии, передвигавшиеся по «пути из варяг в греки». Поскольку информатор относился к «руси», автор трактата и определил данные топонимы как «русские», четко представляя, что известный ему параллельный перечень названий, хотя и используется тоже представителями «руси», принадлежит языку *славянскому*⁴⁹.

Таким образом, следует полагать, что ославянивание киевского княжеского семейства и ядра дружины киевских князей к середине X в. уже совершилось. Для этого и последующего времени можно говорить о продолжающейся ассимиляции только заново приходящих в Восточную Европу и вливающихся в русский дружинный слой норманнов.

⁴⁹ Маловероятно, чтобы оба перечня названий восходили к одному информатору (скандинаву), т.к., во-первых, славянские наименования переданы точнее, чем скандинавские, а во-вторых, обнаруживают в ряде случаев южнославянское посредство, в речи восточноевропейского варяга невозможное [см.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* С. 321—324 (прим. 28, 33, 35)].

Очерк 4

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА РУСЬ

Ранние (IX в.) сведения о Руси как политическом образовании — это известия, в которых упоминается титул его главы, звучащий как «каган». Франкские Бертинские анналы под 839 г. сообщают, что ко двору франкского императора Людовика Благочестивого прибыло посольство византийского императора Феофила, а с ним — люди, пришедшие ранее послами в Константинополь от «кагана» (*chaganus*) народа (*gens*) «Рос» (*Rhos*), оказавшиеся по этнической принадлежности свеонами (шведами)¹.

О правителе Руси (*ар-рус*), называемом *хакан-рус*, упоминает ряд арабских авторов IX—XII вв., чьи сведения восходят к источнику 2-й половины IX в.² Наконец, в письме франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I 871 г. говорится, что во Франкском государстве «хаганом (*chaganus*) именуется глава авар, а не хазар или норманнов (*Nortmanni*)»³. В этом послании термин *Русь* не применен, но наиболее вероятно, что под «каганом норманнов» имеется в виду правитель Руси скандинавского происхождения; из текста следует, что в Визан-

¹ *Annales Bertiniani / Annales de Saint-Bertin*. Paris, 1964. P. 30—31.

² См.: *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 397—400; *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // *Славяне и их соседи*. Вып. 10: *Славяне и кочевой мир*. М., 2001. С. 116—118.

³ *Chronicon Salernitanum*. Stockholm, 1956. P. 111.

тии, в отличие от империи франков, титул «каган» по отношению к нему применялся⁴.

Местоположение «русского каганата» является предметом спора⁵. Попытки локализовать его на севере Восточной Европы (на верхней Волге или в Поволховье)⁶ не представляются убедительными: Русь (Ruzzi) упомянута в синхронном известиях о «русском кагане» источнике — «Баварском географе» и здесь названа рядом с хазарами (Caziri), т. е. локализована на юге Восточ-

⁴ См.: *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 290; *Коновалова И. Г.* Указ. соч. С. 115. В. Я. Петрухин подверг сомнению представление, что письмо Людовика II свидетельствует о признании Византией титула кагана за правителем Руси, на том основании, что после правителей хазар и норманнов в нем упомянут правитель болгар, каганом в Византии не признававшийся (*Петрухин В. Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4. С. 79). Но правитель болгар назван в тексте послания вне связи с титулом «каган»: «Chaganum vero nos prelatum Avatum, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncupari repperimus, neque principem Vulgarum, sed regem vel dominum Vulgarum», т. е. франки не признают титула chaganus по отношению к правителям хазар (которые в Византии каганами несомненно признавались) и норманнов, в отношении же правителя болгар не признают титула princeps, называя его rex или dominus [ср. перевод А. В. Назаренко: «В латинских кодексах наименование „хаган” встречается по отношению к главе авар, а не хазар и норманнов, по отношению же к болгарам — не государь, а царь (точнее, конечно, переводить здесь rex как «король». — А. Г.) либо господин болгар» — *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 12].

⁵ Мнение, что речь в Бертинских анналах идет о хазарском кагане, явно неубедительно (см.: *Коновалова И. Г.* Указ. соч. С. 113—115). Разумеется, термин «каганат» условен: речь идет о политическом образовании во главе с каганом (как и в случаях с аварами и хазарами — их политические образования «каганатами» в источниках также не именуется).

⁶ *Pritsak O.* The Origin of Rus. Vol. I. Cambridge Mass., 1981. P. 171—173; *Петрухин В. Я.* Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. 1993. № 3; *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. 750—1200. СПб., 2000. С. 55—68; *Zukerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. P. 95—114 (русский перевод статьи — в журнале «Славяноведение». 2001. № 4).

ной Европы⁷. Вероятнее всего связывать «русский каганат» с предшественниками Олега в Среднем Поднепровье⁸ — т. е. с упоминаемыми в ПВЛ варяжскими правителями Киева Аскольдом и Диром (по ПВЛ, в 871 г., которым датируется письмо Людовика II Василию I, в Киеве княжили они)⁹ и теми, кто был там у власти до них и отправлял посольство конца 30-х гг. в Византию¹⁰.

Тюрко-монгольский по происхождению титул «каган» («хаган») на Востоке был близок по своему значению к императорскому¹¹. В В Европе им именовались правители двух созданных кочевниками — выходцами из Азии политических образований: Аварского каганата на среднем Дунае, переставшего существовать на рубеже VIII—IX вв., и Хазарского каганата на нижней Волге и Дону (VII—X вв.). Согласно ПВЛ, данниками хазар бы-

⁷ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993. С. 14—15.

⁸ Ср.: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 42—43; Schramm G. Altrusslands Anfang. Freiburg, 2002. S. 182—185.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20—23.

¹⁰ По мнению В. В. Седова, «русский каганат» соответствует территории волынцевской археологической культуры (включая часть правобережья Днепра с Киевом) и эволюционировавших на ее основе роменской (общность север), боршевской (славяне на верхнем Дону) и окской (вятичи) (Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 54—81). Включение в состав «Руси» вятичей и верхнедонских славян никакими источниками не подтверждается (они не входили в состав «Русской земли» в узком смысле, выявляемой по данным XII—XIII вв.; вятичи были независимы от Руси до 60-х гг. X в.). Однако в принципе мысль о связи *руси* с потомками «волынцевцев» представляется вероятной. Этноним *север* восходит, скорее всего, к иранскому корню *seu — «черный» [Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 29—32; ср. Чернигов]. Значение вероятного иранского прототипа термина *русь*, как упомянуто выше (см. Очерк 3), — «светлый», «белый». Возможно, в паре этнонимов *север* — *русь* отобразилось деление «волынцевцев» на группы с «цветовыми» названиями (соответственно левобережную черниговскую и правобережную киевскую?).

¹¹ См.: Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИСССР. 1982. № 4. С. 152.

ли несколько восточнославянских общностей — поляне, север, радимичи и вятичи¹². Таким образом, «русский каганат» сложился на территории, ранее подвластной хазарам; при этом его глава носил титул, равный титулу правителя Хазарии, и этот титул призывался в Византии. Самозванное принятие титула кагана каким-нибудь предводителем викингов еще можно допустить (хотя это был бы факт беспрецедентный — ведь никому из их вождей на Западе не пришлось в голову назваться «императором»), но признание этого константинопольским двором, бдительным по отношению к подобного рода вещам (достаточно вспомнить, сколь болезненно реагировала Византия на провозглашение императором Карла Великого; а ведь он завоевал до этого пол-Европы и был коронован в Риме папой), невероятно. Поэтому представляется не лишним вероятности предположение, что первым «каганом Руси» был родственник хазарского кагана, бежавший из Хазарии в результате происходившей там в начале IX в. междоусобицы¹³. На славянской территории Среднего Поднепровья, прежде входившей в хазарскую сферу влияния и именовавшейся Русью или сходно звучащим термином, возник в результате «каганат», призванный конкурировать с собственно Хазарией. Вскоре верховная власть в этом образовании каким-то образом перешла к норманнам¹⁴, и их предводитель унаследовал титул кагана.

Пределы «каганата» остаются неясными. Согласно ПВЛ, Аскольд и Дир владели только «Польскою землею»¹⁵ (землей полян). Слова из «Окружного послания» константинопольского патриарха Фотия, написанного по поводу похода Руси на столицу Ви-

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19.

¹³ *Pritsak O.* Op. cit. P. 171—173 (другое дело, что автор «отправляет» этого «русского кагана» на верхнюю Волгу); о междоусобной войне в Хазарском каганате см.: *Артамонов М. А.* История хазар. СПб., 2002. С. 328—333.

¹⁴ Это должно было произойти несомненно ранее 871 г., когда правитель Руси в письме Людовика II был назван «каганом норманнов», и скорее всего — до 860 г., когда Русь совершила поход на Константинополь (см. о нем: *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 47—60). Послы же, упоминаемые под 839 г. в Бертинских анналах, могли быть и скандинавами, служившими еще «русскому кагану» хазарского происхождения.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21.

зантии 860 г., что народ «рос» (‘Ρῶς), прежде чем поднять руку на Византию, «поработил народы вокруг себя»¹⁶, носят слишком общий характер, чтобы сделать какие-то выводы о границах подвластной «русскому кагану» территории.

ПВЛ связывает расширение владений киевского князя с именем Олега. Помимо территорий словен, кривичей и полян, которыми он владел после захвата Киева, датированного летописью 882 г., Олег облагает данью древлян, север и радимичей¹⁷. Его преемник Игорь, согласно Начальному своду, подчинил уличей¹⁸. Летописные сведения о покорении «Славиний», однако, не только хронологически неточны, но и явно неполны: так, в них ничего не говорится о близких территориально к Киеву дреговичах и общностях Волыни. Но для 1-й половины X в. имеется уникальная возможность сопоставления четырех разноязычных источников, содержащих пространные, с упоминанием топонимов и антропонимов, сведения о Руси и при этом созданных практически одновременно, в течение одного десятилетия. Это трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (948—952 гг.)¹⁹, сочинение арабского автора ал-Истахри «Книга путей и стран» (дошедшая до нас редакция — ок. 950 г.)²⁰, договор Игоря с Византией, дошедший в древнерусском варианте (являющем собой перевод с греческого оригинала) в составе ПВЛ (944 г.)²¹ и т. н. «Кембриджский доку-

¹⁶ Photios Patriarchos Constantinopolitanos. *Epistolae*. N. Y., 1978. P. 178; *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 51.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

¹⁸ НЛ. С. 110.

¹⁹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.

²⁰ *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. С. 408—412. Начало работы ал-Истахри над своим трудом датируется 30-ми гг.; кроме того, часть материала он взял из не дошедшего до нас сочинения ал-Балхи, датируемого 920—921 гг. Поэтому не исключено, что информация ал-Истахри о Руси относится к несколько более раннему времени, чем сведения других трех рассматриваемых источников.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46—53; Т. 2. Стб. 35—42. О дате договора см.: ПВЛ. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 289.

мент» — письмо на древнееврейском языке, посланное из Хазарии (ок. 949 г.)²².

В главе 9 сочинения Константина рассказывается, что «приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы (суда с килевой частью, выдолбленной из одного бревна²³. — *А. Г.*) являются из Немогарда, в котором сидел Свендослав, сын Ингоря, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда (Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода²⁴. — *А. Г.*). Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадали в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, ключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр»²⁵. Далее идет рассказ о маршруте «росов» в Константинополь, а в конце главы говорится: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что

²² *Коковцов П. Я.* Еврейско-хазарская переписка X века. Л., 1932. С. 118—121; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 216. О датировке «Кембриджского документа» см.: *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 101—127; *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // *Славяне и их соседи.* Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 69—70.

²³ См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 307—308 (прим. 2).

²⁴ См. там же. С. 312—314 (прим. 11—14).

²⁵ Там же. С. 44—47.

именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другивитов, кривичей, севериев (древлян, дреговичей, кривичей и северян. — А. Г.) и прочих славян, которые являются пактиотами родов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»²⁶.

Под пером автора главой Руси представлен Игорь, главным центром — Киев. В Немогогарде (Новгороде) княжит его сын Святослав. «Росы»²⁷ ходят в полюдье — круговой объезд с целью сбора дани — к славянским общностям древлян, дреговичей, кривичей, северян и «прочих» славян; к последним следует, видимо, отнести уличей и «лендзанинов» — лендзян (локализуемых, скорее всего, на Восточной Волыни — см. выше Очерк 2), т. к. в главе 37 и те и другие названы данниками «росов»²⁸, а в начале главы 9 лендзанины вместе с кривичами именуются их «пактиотами» (этот термин указывает на данническо-союзнические отношения²⁹). Перечисление городов, по которым спускаются к Киеву «моноксилы», идет с севера на юг, по пути «из варяг в греки»: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород. Перечень общностей, в земли которых «росы» ходят в полюдье³⁰, в определенной степени параллелен этому списку: можно полагать, что города, названные в рассказе о сборе моноксиль, служили и опорными пунктами, куда свозилась дань, собранная киевскими дружинами: в Смоленске концентрировалась дань с кривичей, Любече — с дреговичей, Чернигове — с северян, Вышгороде — с древлян³¹ и, возможно, лендзян (дань с земли новгородских сло-

²⁶ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 50—51.

²⁷ Термины «росы» и «русы» приводятся здесь и далее в кавычках, поскольку являют собой хотя и распространенные в литературе, но искаженные передачи древнерусского *русь*.

²⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 156—157.

²⁹ Там же. С. 316 (прим. 18).

³⁰ Константин употребляет древнерусский термин — *полѹбѣа*.

³¹ Косвенным указанием на связь Вышгорода с древлянской данью может служить летописное свидетельство, что Ольга в 946 г., после подавления восстания древлян, постановила отправлять туда третью ее часть (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60). Известно, что в начале XI в. именно столько полагалось оставлять в городе, куда стекалась дань с той или иной территории, а две трети направлялись (как и две трети древлянской да-

вен поступала в Новгород, к Святославу, поэтому словене и не названы в числе общностей-данников, к которым в полюдьех ходили «росы» из Киева — на Севере за данью ходила, надо полагать, новгородская дружина князя-наместника). Не исключено, что расположенный ниже Киева Витичев, названный «крепостью-пактиотом росов», служил местом, куда свозилась дань с уличей³².

Следует отметить, что Чернигов, Любеч, Вышгород и Витичев были расположены рядом с землями соответственно северян, дреговичей, древлян и уличей, но не входили в них³³ — т. е. эти центры относились к территории, непосредственно подвластной киевскому князю. Смоленск (в то время располагавшийся в 12 км к западу от современного, на месте, ныне именуемом Гнездово³⁴), напротив, находился в земле кривичей. Однако, очень вероятно, что он в X в. был уже не «племенным центром», а опорным пунктом русских князей на среднем Днепре — в пользу этого говорит значительное число среди дружинных погребений Гнездова захоронений лиц норманнского происхождения (что свойственно именно дружинам киевских князей)³⁵. Поскольку в Новгороде сидел сын киевского князя, очевидно, что территория, находившаяся под непосредственной властью киевского княжеского семейства, была вытянута узкой линией вдоль «пути из варяг в греки» — около 1200 км в меридиональном направлении, в широтном достигая лишь на юге (в Среднем Поднепровье) 300, а на

ни, согласно известию 946 г.) в Киев (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130). Не исключено, что объяснение этого факта летописцем — «бе бо Вышегородъ градъ Вользинь» — является домыслом автора конца XI в., не знаящего, что речь следует вести лишь о подтверждении традиции.

³² Уличи вначале обитали как раз на среднем Днепре, ниже Киева (НЛ. С. 109); впрочем, даже если к 40-м гг. X в. они уже переселились в район Южного Буга и Днестра, все равно Витичев был ближайшим к этой общности «русским» городом.

³³ См. карты в кн.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 245, 271.

³⁴ См.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 135—154; *Дубов И. В.* К проблеме «переноса городов» в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 70—74.

³⁵ В качестве альтернативного варианта можно только допустить, что в земле смоленских кривичей сидел варяжский князь (подобно позднему Рогволоду у кривичей полоцких), зависимый от Киева.

севере (в будущей Новгородской земле), вероятно, несколько более километров. На восток и запад от этой территории находились славянские общности, сохранявшие свою «автономию» и собственных князей — их обязанностями, по Константину, была выплата дани и поставка «моноксиллов». Из летописи известно имя одного из таких князей 40-х гг. X в. — древлянского Мала³⁶. На пограничье владений киевского князя и земель этих общностей находились опорные пункты; очевидно, они служили местом сбора исходящих из Киева дружинных отрядов, отправляющихся в полюдь (хотя в таких центрах имелись и свои постоянные дружинные контингенты, что видно из наличия «дружинных могильников» в Гнездове и под Черниговом)³⁷.

Упоминание в рассказе о полюдь русских «архонтов» во множественном числе не означает, что в среде «росов» было несколько равноценных предводителей. Термин «архонт» имел широкий спектр значений³⁸; в данном случае им обозначены предводители дружинных отрядов, отправлявшихся в полюдь по территориям разных «Славиний»³⁹. Когда же речь идет о верховной власти, автор отмечает, что «архонтом Руси» является Игорь, а во втором по значению ее городе сидит его сын Святослав.

В труде ал-Истахри о Руси говорится следующее: «Русы. Их три группы (джинс). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, а он (город) больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийя, и (третья) группа их, называется Арсанийя, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев дос-

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—56.

³⁷ О дружинных могильниках Древней Руси см.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 240—256.

³⁸ См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 291 (прим. 10).

³⁹ Из рассказа Константина видно, что речь идет не об одном объезде всех упомянутых славянских общностей одной дружиной, а о поездках нескольких дружинных отрядов — каждого по «своему» союзу (см.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 60—62; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 30—31).

тигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?).

И русы — народ, сжигающий своих мертвых... и одежда их короткие куртки... и эти русы торгуют с Хазарами, Румом (Византией) и Булгаром Великим, и они граничат с северными пределами Рума, их так много и они столь сильны, что наложили дань на пограничные им районы Рума, внутренние булгары же христиане»⁴⁰.

В первую очередь следует отметить: в этом тексте нет указаний на то, что каждая из упомянутых групп являет собой самостоятельное политическое образование. Обычно текст трактуется именно так, в силу чего его реалии переносят в IX столетие, ко времени до прихода Олега в Киев⁴¹. По-видимому, подобная трактовка возникла под влиянием перевода арабского «малик» как «царь»: царями и в средневековой Руси, и в России всегда именовали правителей высшего ранга, полностью суверенных. Но очевидно, что «малик» в арабском тексте является эквивалентом не термина «царь» (которым в раннесредневековой Руси именовали из современных правителей только византийских императоров), а термина «князь». Князь же — совсем не обязательно независимый правитель: в Новгороде при Игоре княжит Святослав, и от этого Северная Русь не стала независимым от Южной образованием; позже, при Святославе и Владимире, представи-

⁴⁰ Фрагмент приведен в переводе А. П. Новосельцева: *Новосельцев А. П. Восточные источники...* С. 411—412. Оригинальный текст см.: *ал-Истахри. Китаб-ал-масалик ва-л мамалик*. Лейден, 1870. С. 225—226. (*Bibliotheca geographorum arabicorum*. Т. I). Выше у ал-Истахри есть еще одно упоминание «русов» и Киева: «И то, что вывозится от них (хазар) из меда и воска, это то самое, что вывозится ими из страны русов и булгар, точно так же и шкуры бобра, которые везут во все концы света, — и их нет нигде, кроме тех рек, что в стране булгар, русов и Куйабы» (*Новосельцев А. П. Восточные источники...* С. 403).

⁴¹ См., например: Там же. С. 415—417. Результатом такой трактовки стало вошедшее в учебники представление о «Куявии, Славии и Артании» как предшественниках Древнерусского государства.

тели киевской княжеской династии начинают занимать столы по всей восточнославянской территории, сохраняя при этом зависимость от киевского князя⁴².

Текст ал-Истахри дает, следовательно, основание говорить не о трех самостоятельных политических образованиях «русов», а не более чем о трех регионах их расселения, концентрации. Идентификация двух из трех названных «групп» русов не вызывает сомнений: под Куйабой имеется в виду Киев, область Среднего Поднепровья, под ас-Славийя — область новгородских словен. Что же касается третьей «группы», Арсы, то в отношении нее было высказано множество предположений: назывались Арзамас, Рязань, Пермь, Тмуторокань, анты, Верхнее Поволжье, Чернигов, о. Рюген, мордва-эрзя, г. Родня, Волынь⁴³.

Согласно ал-Истахри, «люди для торговли» (т. е. восточные купцы, на сведениях которых и основана информация о Руси) «прибывают в Куйабу», Арсы же чужеземцы не достигают, однако ее жители «спускаются по воде и торгуют, но не сообщают ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну». Скорее всего, речь идет о контактах восточных купцов с жителями Арсы в названном выше центре торговли — Киеве. Спуститься в Киев по воде можно только двигаясь с верхнего Днепра. Таким образом, следуя прямому смыслу текста, Арсу следует искать на Днестре выше Киева. Естественно предположить, что третья группа русов — это регион их концентрации в Верхнем Поднепровье с центром в

⁴² Примечательно, что упоминая о родственнике хазарского царя, являвшемся его наместником в бывшей столице Хазарии Семендере, ал-Истахри употребляет тот же термин «малик» (см.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 144). Следовательно, под пером данного автора он мог обозначать зависимого правителя, если тот принадлежал к правящей в государстве династии.

⁴³ См.: *Карасик А. М.* К вопросу о третьем центре Руси // *ИЗ.* Т. 35. М.; Л., 1950; *Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 417—419; *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 104—123; *Карсанов А. Н.* К вопросу о трех группах русов // *Герменевтика древнерусской литературы. X—XVI вв.* Сб. 3. М., 1992; *Коновалова И. Г.* Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII—XIV вв. // *ДГ.* 1992—1993 гг. М., 1995.

Смоленске (Гнездове). «Структура Руси» у ал-Истахри при таком понимании Арсы полностью совпадает с той, что выступает у Константина Багрянородного: ее территория расположена вдоль «пути из варяг в греки»; главный центр — Киев⁴⁴ (отмеченный как крупный город — больше Булгара на Волге), второй по значению — Новгород, третий — Смоленск⁴⁵.

В договоре с Византией 944 г. перечислены 24 человека, которых представляют отправленные в Византию послы: первыми названы Игорь, Святослав и Ольга, а далее идут лица, неизвестные по другим источникам: Игорь, племянник Игоря, Володислав, Предслава, Сфандра, жена Улеба, Турд, Фаст, Сфирк, Акун — племянник Игоря, Тудко, Тудор, Евлиск, Воик, Аминод, Берн, Гунар, Алдан, Клек, Етон, Гуды, Тулб, Ута⁴⁶. Поскольку четвертый и одиннадцатый из отправителей послов принадлежат к ро-

⁴⁴ У Ибн-Хаукаля, повторившего (в 70-х гг. X в.) рассказ о трех «группах русов» ал-Истахри, сказано, что Славийя — «высшая (главная) из них» (*Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 412); но у ал-Истахри Славийя была названа «самой отдаленной из них группой» (что верно, т. к. земля словен была более удалена от арабских владений, чем Киев и Смоленск); очевидно, речь следует вести об искажении текста позднейшим автором.

⁴⁵ Следует отметить, что во вводной (недатированной) части «Повести временных лет» упоминаются только эти три города, причем в одном случае — рядом и в том же порядке: после рассказа об основании Киева говорится, что «И по сихъ братья (имеются в виду Кий и его братья. — *А. Г.*) держати почаша родъ ихъ княженъ в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане. От нихъ же кривичи, иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Днепра, и на верхъ Двины, их же градъ есть Смоленскъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10). Это особенно примечательно, если учесть, что этническая картина восточного славянства, нарисованная во вводной части (в ее окончательной редакции), была, видимо, ориентирована на реалии конца IX—X вв. (см.: *Горский А. А.* Кривичи и полочане в IX — X вв. // ДГ. 1992—1993 г. М., 1995). Предположение о тождестве Арсы со Смоленском, опубликованное мной в 1999 г. (*Горский А. А.* Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 46), недавно высказал К. А. Аверьянов, на автора при этом не ссылаясь (*Аверьянов К. А.* К вопросу о трех центрах Руси // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 2003).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46—47; Т. 2. Стб. 35—36.

ду Игоря, очевидно, аналогичным образом могут быть охарактеризованы и те, кто назван между ними. Лица, упомянутые после Акуна, скорее всего тоже родственны правящей династии⁴⁷, поскольку если предполагать в них представителей киевского дружинного слоя, то следовало бы ожидать упоминание Свенельда и Асмуда, несомненно ведущих представителей знати того времени⁴⁸. Сам договор заключается от имени «Игоря, великого князя русаго, и от всякоя княжя и от всехъ людии Руския земля», говорится, что послов отправили «великии князь нашъ Игорьъ и боляри его и людье вси рустии»⁴⁹. В отношении «всякого княжя» высказывались две точки зрения: 1) речь идет о князьях зависимых от Киева славянских общностей; 2) имеются в виду представители правящей династии — те самые отправители послов⁵⁰. Полагаю, что дискуссия здесь не имеет особого смысла: в тексте перед нами явно этикетная формула, призванная подчеркнуть «общегосударственный» характер договора; аналогично сказано, что он заключается «с самими цари, со всемъ болярствомъ и со всеми людьми гречьскими»⁵¹.

Употребляемые в договоре термины «люди русские», «Русь» (в этническом смысле), «русин» вряд ли распространялись на представителей славянских союзов племенных княжеств, сохранявших свою «автономию»: скорее всего, договор имел в виду население, находившееся под непосредственной властью киевского князя, т. е. обитавшее на территории вдоль «пути из варяг в греки».

В тексте договора упомянуты три русских города — Киев, Чернигов и Переяславль: «тогда возьмутъ мѣсячное свое, съли слѣбное, а гостье мѣсячное — первое от города Киева, паки изъ Чернигова и ис Переяславля и ис прочихъ городовъ»⁵². Аналогичный

⁴⁷ См.: *Ловмянский Г.* Русь и норманны. М., 1985, С. 223—224.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—55.

⁴⁹ Там же. Стб. 47; ср. Т. 2. Стб. 36.

⁵⁰ См.: *Назаренко А. В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // *Восточная Европа в древности и средневековье: политическая структура Древнерусского государства.* М., 1996.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47; ср. Т. 2. Стб. 36.

⁵² Там же. Т. 1. Стб. 48—49; ср. Т. 2. Стб. 37.

текст имеется во фрагменте договора, помещенном в ПВЛ под 907 г. и являющем собой, скорее всего, попавшую не на место статью из договора Олега 911 г.⁵³: «И тогда возмуть месячинное свое, первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля и прочии грады»⁵⁴. Ряд исследователей считает оба перечня городов вставкой летописца, исходя из того, что они соответствуют реалиям не первой половины X столетия, а второй половины XI — начала XII в., когда именно Киев, Чернигов и Переяславль были главными столами на Руси; основным поводом для сомнения в возможности наличия этих перечней в оригиналах договоров является летописная дата заложения Переяславля — 992 г., подкрепляемая археологическими данными⁵⁵.

Но Киев, Чернигов и Переяславль под 907 г. упоминаются дважды: в документальном тексте договора и в предшествующем ему летописном тексте о переговорах Олега с греками, который (вопреки распространенному представлению о нем как о документальном в основе) был сконструирован составителем «Повести временных лет» на основе данных договоров и Начального свода конца XI в.⁵⁶. Здесь говорится, что Олег «заповѣда ... даяти углады на Роускыя грады: первое на Киевѣ, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтѣвскѣ, на Ростов, на Любеч и на прочаа города»⁵⁷. Если бы и упоминание городов в договорах 907 и 944 гг., и перечень городов — получателей «укладов» были вставками, сделанными летописцем, они, вероятно, совпали бы,

⁵³ См.: *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Пг., 1914; *Приселков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Уч. зап. ЛГУ. Сер. Историческая. Вып. 8. Л., 1941. С. 229; ПВЛ. Ч. 2. С. 266—268; ПРП. Вып. 1. М., 1952. С. 66; *Горский А. А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: международная договорная практика Древней Руси. М., 1997.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31; ср. Т. 2. Стб. 22.

⁵⁵ См.: *Lind J. H.* The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // *The Slavonic and East European Review*. 1984. V. 62 № 3; *Франклин С., Шепард Дж.* Указ. соч. С. 160. Ср.: *Скрынников Р. Г.* История Российская IX—XVII вв. М., 1997. С. 102—103.

⁵⁶ См.: *Горский А. А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31; ср. Т. 2. Стб. 22.

т. е. либо в текстах договоров назывались бы после Киева, Чернигова и Переяславля Полоцк, Ростов и Любеч, либо во фрагменте об «укладах» были названы, как и в договорах, только три первых города. Наличие «краткого» и «пространного» списков свидетельствует, скорее всего, о том, что первый находился в документальном тексте, бывшем у летописца: конструируя текст о переговорах Олега с Византией 907 г., сводчик использовал этот перечень, дополнив его наименованиями еще трех городов (в соответствии со своими представлениями о том, какие центры были в конце IX — начале X в. подвластны русским князьям⁵⁸).

Возникновение Переяславского детинца только в конце X в. еще не означает, что ранее не было укрепленного поселения с таким названием. Глагол «заложити», употребленный в летописи по отношению к построению Владимиром Переяславля⁵⁹, мог на Руси обозначать не основание города вообще, а лишь построение новой крепости (ср.: «Заложы Ярославъ город Кыевъ»; «Мстиславъ заложы Новъгородъ болше пѣрваго»⁶⁰ — речь идет о построении новых укреплений в давно существовавших городах). Возможно, Владимир в конце X в. построил укрепления Переяславля на новом месте (обычное явление в истории политических центров X—XI вв. — см. Часть II, Очерк 1); следует иметь в виду, что во 2-й половине X в. южные районы Среднего Поднепровья подвергались сильному разорению со стороны печенегов, и не исключено, что «первоначальным» Переяславлем было одно из разрушенных ими поселений⁶¹.

Киев выступает в договоре 944 г. и тексте, помещенном под 907 г., как главный центр Руси (послы и купцы, прибывшие из него, получают содержание первыми), Чернигов и Переяславль — как следующие по значению ее центры в Среднем Поднепровье (специально названы только южнорусские города, очевидно, потому, что именно оттуда прибывало большинство гостей из Руси).

⁵⁸ См.: *Горский А. А.* Кривичи и полочане в IX—X вв. ... С. 55—57.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 107.

⁶⁰ НЛ. С. 20, 22.

⁶¹ Ср.: *Коринный Н. И.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 144—146.

Данные «Кембриджского документа» на первый взгляд во многом противоречат тому, что известно из других источников. В нем рассказывается, что византийский император Роман I Лакапин (правил в 920—944 гг.) «послал большие дары Хлгу, царю Руси, подстрекнув его совершить злое дело. И пришел тот ночью к городу Смкрии и захватил его обманным путем, так как не было там правителя, раб-Хашмоная. И стало это известно Булщци, он же Песах нмкр, и пошел тот в гневе на города Романуса и перебил (всех) от мужчин до женщин. И захватил он три города и, кроме того, много селений. Оттуда он пошел к (городу) Шуршун и воевал против него... И вышли они из земли подобно червям... Исраиля, и умерло из них 90 человек... но заставил их платить дань и выполнять работы. И избавил (Песах хазар?) от руки русов и поразил всех находившихся там мечом. И пошел он оттуда на Хлгу и воевал с ним (четыре) месяца, и Бог подчинил его Песаху, и он направился и нашел добычу, которую (Хлгу) захватил в Смкриу. Тогда сказал (Хлгу), что это Романус побудил меня сделать это. И сказал ему Песах: если это так, то иди войной на Романуса, как ты воевал со мной, и тогда я оставлю тебя в покое. Если же нет, то умру или буду жить, пока не отомщу за себя. И пошел тот и делал так против своей воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там его мужи, так как македоняне (византийцы. — А. Г.) победили его огнем. И бежал он, и устыдился возвращаться в свою землю и пошел морем в Прс и пал там он сам и войско его. И так попали русы под власть хазар»⁶².

Речь идет о захвате русским князем по имени «Хельгу», т. е. Олегом, хазарского города на восточном берегу Керченского пролива (будущей Тмутарокани)⁶³, последующем его поражении

⁶² Фрагмент приведен в переводе А. П. Новосельцева (см.: *Новосельцев А. П. Хазарское государство...* С. 216). Оригинальный текст см.: *Коковцов П. Я.* Указ. соч. С. 35—36; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 136—157.

⁶³ Утверждение В. К. Былинина (см.: *Былинин В. К.* К вопросу о генезисе и историческом контексте летописного «Сказания об основании Киева» // *Герменевтика древнерусской литературы. XI—XVI вв. Сб. 3.* М., 1992. С. 25—31, 42—43), что речь идет о «Самбатасе», т. е. Киеве (второе название Киева у Константина Багрянородного), безоснова-

от хазарского наместника, вынужденном походе на Константинополь, новом поражении и уходе в «Персию». Детали описания похода на Византию (четыре месяца боев, гибель русского флота от греческого огня) совпадают с тем, что известно о походе Руси на Константинополь 941 г.; последующая же гибель русского войска вместе со своим предводителем в Южном Прикаспии напоминает известия арабских источников о действиях русов во время похода в Закавказье в 943—944 гг. Поэтому в историографии сведения «Кембриджского документа» связываются именно с событиями 1-й половины 40-х гг.⁶⁴. Однако согласно летописям, Льву Диакону и Лиутпранду Кремонскому, предводителем похода 941 г. был Игорь⁶⁵, а русский князь по имени Олег умер, согласно Начальному своду конца XI в., в 922 г.⁶⁶, а по ПВЛ — в 912 г.⁶⁷. Предлагались следующие объяснения этому противоречию: 1) «Хельгу» — второе имя Игоря⁶⁸; 2) Хельгу — независимый от Киева русский князь⁶⁹; 3) Хельгу — предводитель, зависимый от Игоря⁷⁰; 4) Хельгу — это тот же Олег «Вещий», в дей-

тельно: в источнике имеется в виду несомненно «Самкерц» — Тмуторокань (см.: *Коковцов П. Я.* Указ. соч. С. 118; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 154). Соответственно фантастично отождествление автором описанных в «Кембриджском документе» событий с летописным захватом Олегом Киева.

⁶⁴ Лишь О. Прицак отнес их к середине 20-х гг. X в. (см.: *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 164—169), но без достаточных оснований (см.: *Цукерман К.* Указ. соч. С. 72).

⁶⁵ НЛ. С. 107—108; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 44—45; *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 57; *Liutprandi Antapodosis.* V. 15 // *Die Werke Liudprands von Cremona.* Hannover; Leipzig, 1915. S. 137—139.

⁶⁶ НЛ. С. 109.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 39.

⁶⁸ *Бруцкус Ю. Д.* Письмо хазарского еврея от X в. Берлин, 1924. С. 30—31.

⁶⁹ См.: *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924. С. 75—76; *Mošin V.* Les Khazares et les Byzantins d'après l'Anonyme de Cambridge // *Byzantion.* V. 6. № 1. Bruxelles, 1931; *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 18—24; *Петрухин В. Я.* Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // *Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси.* М., 1997.

⁷⁰ См.: *Якубовский А. Ю.* Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332=943/4 г. // *ВВ.* Т. 24 (1923—1926). Л., 1926. С. 88—89 (передача

ствительности продолжавший править на Руси до начала 40-х гг.; Игорь участвовал в походе 941 г., но верховным правителем стал только после этого, т. к. Олег в Киев не вернулся⁷¹; 5) Хельгу — это другой князь по имени Олег, правивший на Руси между Олегом «Вещим» и Игорем, до поражения 941 г.⁷²

Как и в случае с текстом о «трех группах русов», приходится отмечать, что перевод термина, обозначающего правителя (в данном случае древнееврейского «мэлэх», родственного арабскому «малик»), словом «царь», обозначающим именно и только верховного главу, затемняет дело. Речь идет несомненно о «князе», и «мэлэх Руси» — это не более чем «князь русский», термин, который в древнерусском языке мог прилагаться к любому представителю правящей династии⁷³. Поэтому нет оснований вслед за сторонниками первой и двух последних интерпретаций видеть в Хельгу-Олеге киевского князя, верховного правителя Руси⁷⁴. Нет ничего экстраординарного и в совпадении имени этого предводителя с именем Олега «Вещего» (ср. двух Игорей — дядю и племянника — в тексте договора 944 г.).

Скорее всего, Хельгу-Олег был одним из представителей правящего в Киеве княжеского рода. Император Роман предложил Руси союз против Хазарии, и Хельгу-Олег был направлен с войском

мнения М. Д. Приселкова); *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь, 1996. С. 43; *Половой Н. Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников) // ВВ. Т. 18. М., 1961; *Артамонов М. И.* История хазар. М., 1962. С. 377—382.

⁷¹ *Цукерман К.* Указ. соч.

⁷² *Кожин В. В.* История Руси и русского слова: современный взгляд. М., 1997. С. 299—308.

⁷³ Ср. надписи «князь русский» на печатях князей, не являвшихся верховными правителями Руси, — Владимира Мономаха раннего периода его деятельности, волынского князя Давыда Игоревича, смоленского Мстислава Всеволодича (см.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 170—172. № 25—28, 31).

⁷⁴ Соответственно нет причин полагать, что в источнике искусственно соединены сведения об Олеге «Вещем», о походе Игоря и походах «русов» на Каспий (*Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 218), тем более что исследования последнего времени доказывают составление письма вскоре после описываемых в нем событий (см. выше прим. 22).

на хазарские владения в районе Керченского пролива⁷⁵. Поскольку наместник Песах после получения вести о захвате Самкерца двинулся не на Хельгу, а на крымские владения Византии, а позднее не отвоевал Самкерц, а только «нашел» взятую там «русами» добычу, следует полагать, что князь в захваченном городе не задержался: обогатившись добычей, он вновь вышел в море (где был неуязвим, т. к. хазары не имели флота). Песах осадил Корсунь (Херсонес Таврический)⁷⁶ — центр византийской провинции в Крыму. Слова «заставил их платить дань и выполнять работы» говорят, что он не смог взять город, но добился заключения с византийцами мира на выгодных для Хазарии условиях⁷⁷. Последующее указание, что Песах «поразил всех находившихся там мечом», имеет в виду пребывавших в Корсунь «русов»⁷⁸. Поскольку их убийство произошло уже после заключения хазарско-византийского соглашения, очевидно, что эти «русы» были выданы хазарам корсунянами. Затем наместник двинулся на Хельгу. Ясно, что последний еще не вернулся на Русь, поскольку взятая в Самкерце добыча находилась при нем (не говоря о том, что хазарский наместник Боспора не мог обладать такими силами, чтобы решиться на поход через степи в Среднее Поднепровье⁷⁹). Скорее всего, Хельгу пришлось зимовать в Причерноморье (может быть, в районе Днепровского устья, известном как место зимовок русских флотилий из договора 944 г.⁸⁰), и поэтому он вынужден был долгое время биться с хазарами, не имея возмож-

⁷⁵ Указание «Кембриджского документа», что дары были посланы именно Хельгу, может быть неточностью, вполне естественной, учитывая, что именно этот князь действовал против хазар; дары, скорее всего, были отправлены в Киев, а Хельгу-Олег был после этого поставлен во главе похода.

⁷⁶ Именно с Корсунем идентифицируется г. «Шуршун» источника (Коковцов П. Я. Указ. соч. С. 119, прим. 9).

⁷⁷ Ср.: Цукерман К. Указ. соч. С. 71.

⁷⁸ Там же. Автор полагает, что эти «русы» привезли в Корсунь хазарских пленников для продажи, почему и сказано, что Песах «избавил (хазар) от руки русов».

⁷⁹ Что имел место именно такой подход, думал Л. Н. Гумилев (см.: Гумилев Л. Н. Трагедия на Каспии в X в. и «Повесть временных лет» // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 119).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 51.

ности уплыть на Русь. В конце концов был заключен мир с условием, что «русы» выступят войной против Византии. Хельгу-Олег, осознавая недостаточность своих сил для похода на Царьград, сумел привлечь к участию в этом предприятии киевского князя Игоря. Аргументом для этого послужила, очевидно, выдача хазарам находившихся в Корсуне «русов» — явное нарушение византийцами союзнических обязательств. Игорь, потерпев под Константинополем неудачу, вернулся в Киев, а Хельгу-Олег предпочел на Русь не возвращаться и, сохраняя союз с хазарами, попытался обосноваться в прикаспийских землях.

В целом можно признать, что данные «Кембриджского документа» оснований для пересмотра политической истории Руси 2-й четверти X в. не дают⁸¹.

Суммируя данные синхронных источников, можно заключить, что в 40-х гг. X в. Восточноевропейскую равнину в меридиональном направлении «рассекала» территория, подвластная русским князьям, являвшим собой родственную группу, возглавляемую Игорем. «Главная» русская область располагалась в Среднем Поднепровье с центром в Киеве (он же главный центр всей Руси), вторая по значению — в Поволховье (центр — Новгород), третья — в Верхнем Поднепровье (Смоленск). В среднеднепровской области важную роль играли также Чернигов, Переяславль, Любеч, Вышгород, Витичев. В Новгороде и, вероятно, Смоленске существовали княжеские столы, занимаемые представителями киевской династии. Владения русских князей охватили к это-

⁸¹ Утверждение, что после и в результате описанных в «Кембриджском документе» событий «Русь вынуждена была полностью подчиниться власти хазар» (см.: *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 133), и тем более «развивающее» этот тезис суждение, будто в Киеве был поставлен хазарский гарнизон (см.: *Кожин В. В.* Указ. соч. С. 318—319), лишены оснований: фраза «И так попали русы под власть хазар» говорит не о подчинении Днепровской Руси, а суммирует изложенное о «русах» выше, т. е. имеет в виду «русов» — воинов Олега (равно как слова о том, что Песах заставил греков «платить дань и выполнять работы» имеют в виду корсуны, а не означают, что вся Византия попала в зависимость от Хазарии); поражение, понесенное одним из русских князей от хазарского наместника на берегах Черного моря, не могло привести к подчинению хазарам «русов» на своей земле.

му времени территории восточнославянских общностей полян, словен и части кривичей. Другие «Славинии» — древляне, дреговичи, кривичи, лендзяне и уличи к западу от Днепра, север — к востоку, сохраняли свою внутреннюю структуру и собственных князей, будучи обязаны киевскому князю данью и союзом.

Рассмотренные источники 40-х — начала 50-х гг. X в. фиксируют, таким образом, процесс государствообразования на том этапе, когда существовали основа государственной территории вдоль «пути из варяг в греки» и система зависимых от Руси восточнославянских общностей («Славиний»). Распространившееся в современной историографии мнение, что в 1-й трети X в. единого государственного образования на Руси еще не было, Киев не приобрел значения бесспорно главного центра, на территории Восточной Европы существовали разные варяжские группировки с независимыми предводителями⁸², анализом этих источников не подтверждается: маловероятно, чтобы прослеживаемая по ним достаточно разветвленная, охватывающая огромную территорию и около десятка существующих и бывших (поляне, словене) этнополитических общностей структура сложилась накануне 40-х гг. — скорее всего, ее формирование заняло несколько десятилетий⁸³. К середине X в. в число данников киевских князей

⁸² См.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 86—96; Франклин С., Шепард Дж. Указ. соч. Гл. 2, 3; Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 14—26.

⁸³ В пользу этого говорит и упоминание Киева как главного центра Руси, а рядом с ним — Чернигова и Переяславля в договоре Олега с Византией; кроме того, информация, приведенная ал-Истахри, как сказано выше, возможно, восходит к первым десятилетиям X в. Мнение, согласно которому Киев до 30-х гг. X в. находился под хазарской властью и только тогда был завоеван Русью, основано на приписке к письму (гипотетически датируемому временем ок. 930 г.), отправленному из иудейской общины Киева, — приписке, трактуемой (также гипотетически) как свидетельство хазарского наместника — «я прочел (это)» (см.: Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 62—65, 86—96). Однако даже если такая трактовка верна (а она крайне сомнительна, см.: Напольских В. В. К чтению так называемой «Хазарской надписи» в Киевском письме // Голб Н., Прицак О. Указ. соч. Изд. 2-е. М.; Иерусалим, 2003. С. 221—225), нет оснований утверждать, что данная приписка была сделана именно в Киеве: скорее это могло произойти при проезде

входили север, древляне, дреговичи, кривичи, лендзяне на Восточной Волини и уличи. В отношении радимичей неясно — либо они вышли из зависимости, либо у Константина Багрянородного эта общность скрывается в числе «прочих Славиний», зависимых от Руси.

При Ольге земля древлян была приведена под непосредственную власть Киева⁸⁴. При Святославе в 60-х гг. X в. произошло подчинение вятичей — «Славинии», платившей до этого времени дань не Киеву, а хазарам⁸⁵. В 970 г., в промежутке между двумя этапами своих военных действий на Балканах, Святослав разделил между сыновьями территории, непосредственно подвластные киевской династии: Ярополк был посажен в Киеве, Олег — в «Деревах» (земля древлян), Владимир — в Новгороде⁸⁶.

Владимиром Святославичем были вновь подчинены «отложившиеся» было вятичи, а также радимичи, и приведены в зависимость хорваты и т. н. «червенские грады» — территория на вос-

посланца (везшего письмо в Каир) через собственно хазарские земли. Упоминание в письме кредиторов-иноверцев, год продержавших в цепях члена киевской общины (см.: *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 30), указывает, скорее всего, что именно эти иноверцы, т. е. язычники-русь, а не иудеи-хазары имели власть в Киеве в момент написания письма (см. там же. С. 217 — комментарий В. Я. Петрухина).

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—60.

⁸⁵ Там же. Стб. 65. Существует предположение, что после гибели Игоря все «Славинии»-данники ушли из-под власти Киева; удалось удержать военной силой только землю древлян, а остальные вернулись под власть русских князей лишь при Ярополке и Владимире Святославичах (см.: *Шунаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 188—191). Такая гипотеза порождает ряд трудноразрешимых вопросов. Как смог Святослав вести свою широкую экспансионистскую политику за пределами восточнославянской территории, если власть Киева на восточнославянских землях столь резко сузилась (что означало бы огромное уменьшение материальной базы из-за потери даней)? Почему он, умевший побеждать хазар, болгар и греков, подчинивший вятичей — общность, не бывшую при Игоре данницей Руси, не восстановил власть над отпавшими «Славиниями»? Полагаю, дело обстояло обратным образом: разгром, учиненный Ольгой древлянам, послужил уроком, после которого другие «Славинии» не помышляли о выходе из зависимости.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

точнославянско-польском пограничье⁸⁷. Но главным деянием Владимира стал переход на всей восточнославянской территории (кроме земли вятичей⁸⁸) к непосредственному управлению из Киева через князей-наместников. Источники сохранили только рассказ о разгроме им княжества полочан, возглавляемого варягом Рогволодом⁸⁹. Но данные археологии, свидетельствующие о прекращении в конце X — начале XI в. существования множества укрепленных поселений в землях дреговичей, радимичей, северян, волынян и хорватов⁹⁰, и летописные известия о посадении Владимиром своих сыновей в землях бывших восточнославянских общностей говорят о том, что именно с ним следует связывать решительный и решающий шаг в складывании новой территориально-политической структуры, при которой восточнославянские земли находились под непосредственной властью киевской княжеской династии.

В Новгороде (территория словен) Владимир посадил Вышеслава (после его смерти — Ярослава), Турове (дреговичи) — Святотолка, в земле древлян — Святослава, в Ростове (территория финноязычной мери, колонизируемая славянами) — Ярослава (позже Бориса), во Владимире-Волынском (волынские) — Всеволода, в Полоцке (полочане) — Изяслава, Смоленске (смоленские кривичи) — Станислава, Муроме (первоначально территория финноязычной муромы) — Глеба; еще один сын, Мстислав, встал во главе Тмутороканского княжества — русского владения-анклава на Таманском полуострове, вне восточнославянской территории⁹¹.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81—84, 122.

⁸⁸ У них сохранялись местные правители еще во 2-й половине XI в. (см. там же. Стб. 248 — «Поучение» Владимира Мономаха).

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75—76.

⁹⁰ См.: Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 38—42.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

Часть II

Русь в конце X — начале XII в.

*Да аще будете в любви межю
собою, Бог будет в вас, и
покорить вы противныя под вы
и будете мирно живуце. Аще
ли будете ненавидно живуце,
в распрях и которающесея,
то погыбнете сами, и погубите
землю отець своих и дед
своих, иже налезоша
трудом своимь великым;
но пребывайте мирно, слушающе
брат брата.*

Завещание
Ярослава Мудрого сыновьям
(по «Повести временных лет»)

Очерк 1

ВОЛОСТИ И ГОРОДА

Итак, с конца X столетия Русь делилась на территориальные единицы, управлявшиеся представителями киевской княжеской династии. В историографии составные части Руси именуются «княжествами», «землями» или «волостями». Первый термин чисто научный, в источниках он не встречается. Два же других реально бытовали в изучаемую эпоху: именно они употреблялись для характеристики территориально-политической структуры как Руси, так и зарубежных стран. Некоторые исследователи использовали термины *земля* и *волость* как равнозначные или даже употребляли двойное наименование — «волости-земли» (подразумевающее тождество этих понятий)¹; другие, говоря о составных частях Руси конца X — начала XII в. (т. е. до наступления т. н. «удельного периода»), предпочитали термин «волость»²; третьи

¹ См.: *Грушевский М. С.* Киевская Русь. СПб., 1911. С. 453—454; *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 191—202, 214; *он же.* Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 62, 67, 97, 123, 137, 155, 162; *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 154; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 26, 34, 50; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 33, 232—233; *Фроянов И. А., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 87, 265.

² См.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890. С. 1—9; *Хлебников Н. П.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871. С. 95—98, 258—259;

называли эти составные части «землями»³. При этом не предпринималось попыток разобраться, что означали эти два понятия в представлениях современников.

Рассмотрение всех употреблений терминов «земля» и «волость» (в территориальном их значении⁴) в источниках XI — начала XII в. показывает, что они не были взаимозаменяемыми и обозначали в этот период территориальные единицы разного уровня и статуса.

«Землями» именовались независимые государства. В оригинальных памятниках встречаем названия «Русская земля», «Греческая земля», «Болгарская земля», «Лядская земля», «Угорская земля», «Агнянская земля», «Волошская земля»⁵. Такое же значение имел термин «земля» и в переводных произведениях (там встречаются земли Египетская, Ромейская, Ханаанская, Греческая, Персая, Халдейская, Иерусалимская)⁶. Кроме того, государства часто обозначались этнонимическими названиями («Русь», «Ляхи», «Чехи», «Греки», «Угры»)⁷.

Ключевский В. О. Соч. Т. 1. М., 1987. С. 129—130, 148—151; *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 361, 367—369.

³ См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ч. I. СПб.; Киев, 1907. С. 12—15, 21; *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 85—90; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 167, 172—173; *Vernadsky G.* *Kievan Russia.* New Haven, 1951. P. 173—175; *Łowmiański H.* *Początki Polski.* Т. 4. Warszawa, 1970. S. 43—44.

⁴ О других их значениях см.: *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.).* Т. 1. М., 1988. С. 445—446, 462—470; Т. 3. М., 1990. С. 371—376.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 1, 4, 5, 17, 22, 29, 35, 38, 42, 46—47, 64—65, 70, 73, 79, 110, 119, 131, 137—138, 145, 149—150, 157, 161—164, 171—172, 173—174, 189, 208, 213, 218—219, 222, 226, 229, 252, 253, 256, 262—264, 266, 274, 277, 295; Т. 2. М., 1962. Стб. 289; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 92; *Успенский сборник XII—XIII вв.* М., 1971. С. 43, 54—57, 59, 65—66, 69—70. ДКУ. М., 1976. С. 15, 18—19, 21—22; *Правда Русская.* Т. 1. М.; Л., 1940. С. 71 (Заголовок «Правды Ярославичей»); *ГВНП.* М.; Л., 1949. № 81. С. 140.

⁶ Данные о лексике переводных произведений XI — начала XII в. взяты из картотеки *Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.* Института русского языка АН СССР (далее — *Картотека ДРС*).

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7, 11—12, 23, 26, 36—37, 48, 51, 60, 62, 67—68, 71, 75, 107—108, 130, 139, 144—145, 149, 160, 171, 174, 183, 188, 193,

Термином же «волость» (*вар.*: «власть») в территориальном значении древнерусские памятники XI — начала XII в. именуют главным образом владения князей-Рюриковичей в пределах Древнерусского государства.

1. *ПВЛ*. Под 975 г. упоминается о совете воеводы Свенельда киевскому князю Ярополку относительно его брата Олега, княжившего в «Деревах»: «пойди на братья свои и прими волость его»⁸. Под 977 г. дважды говорится, что Ярополк «перее власть» Олега⁹. Под 980 г. упоминается, что Рогволод «имяше волость свою Полотьскѣ»¹⁰. Ярослав Владимирович после смерти в 1036 г. своего брата черниговского князя Мстислава «перее власть его всю»¹¹. Племянники-«сыновцы» Всеволода Ярославича в период его киевского княжения «начаша ему служати, хотяще власти»; в результате Всеволод «раздаваше волосте имь»¹². В 1096 г. Олег Святославич обращается к Изяславу Владимировичу: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего» (Муром. — *А. Г.*)¹³. После поражения и гибели Изяслава его брат Мстислав предъявляет аналогичное требование Олегу: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не сѣди»¹⁴. В 1097 г. Давыд Игоревич советует Святополку Изяславичу не отпускать теребовльского князя Василька Ростиславича «в свою волость»¹⁵. После ослепления Василька Святополк, оправдываясь перед другими князьями, говорит: «Повѣдал ми Давыдь Игоревичь, яко Василко брата ти убилъ Ярополка и тебе хочеть убити, и зяти волость твою — Туровъ, и Пинескъ, и Берестии, и Погорину»¹⁶. Пленный Василько говорит Василию (автору летописной повести о событиях

206, 208, 247, 271, 273, 276, 279—280, 292; Т. 2. Стб. 273, 284—286, 289, 293; *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 96; Успенский сборник. С. 43; ДКУ. М., 1976. С. 15, 18.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74; ср.: Т. 2. Стб. 62.

⁹ Там же. Т. 1. Стб. 75; ср.: Т. 2. Стб. 62—63.

¹⁰ Там же. Стб. 63; ср.: Т. 1. Стб. 73.

¹¹ Там же. Т. 1. Стб. 150; ср.: Т. 2. Стб. 138.

¹² Там же. Стб. 207—208; ср.: Т. 1. Стб. 216.

¹³ Там же. Стб. 237; ср.: Т. 2. Стб. 226—227.

¹⁴ Там же. Т. 1. Стб. 237; ср.: Т. 2. Стб. 227.

¹⁵ Там же. Т. 1. Стб. 258; ср.: Т. 2. Стб. 232.

¹⁶ Там же. Стб. 237; ср.: Т. 1. Стб. 263.

1097—1099 гг.): «мои Теревовль моя власть и ныне и пождавже»; «якоже и бысть: вскорѣ бо прия власть свою» — замечает автор повести¹⁷. Тем временем «поиде Давыд, хотя переяти Василкову волость»¹⁸. После поражения и бегства Давыда Святополк «нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко се есть волость отца моего и брата» (Перемышльское и Теревовльское княжества. — *А. Г.*)¹⁹. В 1100 г. на съезде в Уветичах сильнейшие князья предложили Володарю и Васильку: «буди вам едина власть — Перемышль»²⁰.

2. *НЛ* (известия, не совпадающие с ПВЛ). В начале летописи объявляется намерение поведать о том, как «грады почаша бывати по мѣстом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская»²¹. В рассказе о призвании варяжских князей говорится, что «словене свою волость имели, а кривици свою, а мере свою»²².

3. *Запись на Остромировом Евангелии* (1056—1057 гг.): «Изяславу же князю тогда прѣдрѣжашу обѣ власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимира»²³ (т. е. киевское и новгородское княжения).

4. «*Сказание о Борисе и Глебе*». В рассказе о распределении Ярославом столов между сыновьями говорится, что он посадил «Изяслава Киевѣ старейшаго, а Святослава Чьрниговѣ, а Всеволода Переяслави, а прокыя по инѣмъ волостьмъ»²⁴.

5. «*Поучение*» *Владимира Мономаха*. Автор пишет о том, как братья предложили ему: «потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича (Володаря и Василька. — *А. Г.*) и волость ихъ отимем»²⁵.

6. *Письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу*. Предлагаемое примирение, Владимир обещает: «тои волость възмешь с добром»²⁶.

¹⁷ Там же. Стб. 265; ср.: Т. 2. Стб. 239—240.

¹⁸ Там же. Т. 1. Стб. 267; ср.: Т. 2. Стб. 241.

¹⁹ Там же. Т. 1. Стб. 269; ср.: Т. 2. Стб. 244.

²⁰ Там же. Т. 1. Стб. 274.

²¹ НЛ. С. 104. Не исключено, что этот текст не восходит к Начальному своду конца XI в., а являет собой более позднюю вставку новгородского редактора.

²² Там же. С. 106.

²³ Остромирово Евангелие. Л., 1988. Л. 294 б.

²⁴ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 62.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241.

7. Южнорусское летописание 20-х гг. XII в. В рассказе о смерти Владимира Мономаха (1125 г.) говорится, что его сыновья после похорон «разыдошася кождо въ свою волость с плачемъ великомъ, идеже бяше комуждо раздаять волости»²⁷.

В ряду перечисленных упоминаний термина «волость» особняком стоят два фрагмента НЛ, где «волостями» названы территориальные образования IX в. В первом из этих упоминаний следует видеть ретроспекцию современного летописцу термина на период начала государства. Фраза сходна с записью на Остромировом Евангелии: обе они, очевидно, отражают новгородскую точку зрения на существование на Руси двух главных волостей — новгородской и киевской с явным стремлением к возвеличиванию Новгорода. Во втором фрагменте отразилось современное летописцу представление о волости как территории, находящейся под чьей-либо властью, но поскольку по легенде о призвании Рюрика князей в это время у словен, кривичей и мери не было, то автор изобразил дело так, что владеют этими волостями сами «людие» («владети сами себе»)²⁸.

В остальных 22 упоминаниях термина *волость* / *власть* он связывается с конкретным князем (или князьями) — владельцем. В 19 случаях этот князь — вассал киевского князя, и «волостью» названа управляемая им территория. Дважды речь идет о территориях, принадлежащих киевскому князю, но составляющих часть государства (Остромирово Евангелие, ПЛ под 1097 г. о «волости» Святополка). Всего в одном случае князь-владелец волости — не Рюрикович (Рогволод).

Почти во всех случаях имеются в виду территории, князь-владелец которых сидит непосредственно в политическом центре данной волости. Исключений — четыре. Запись на Остромировом Евангелии характеризует Новгород как «власть» Изяслава, хотя он в 1056—1057 гг. княжил в Киеве. Ростов и Муром в 1096 г. не имели (до начала войны Олега с Мономахичами) своих князей и характеризуются в воспроизведенных летописью переговорах как волости соответственно Мономаха (в это время

²⁶ Там же. Стб. 254.

²⁷ Там же. Т. 2. Стб. 289.

²⁸ НЛ. С. 106.

княжившего в Переяславле) и Святослава Ярославича (который владел при жизни Муромом как князь черниговский). В прошлом (Новгород с 1-й половины X в., Ростов и Муром в эпоху Владимира Святославича) все эти центры имели свои собственные княжеские столы. Волостью Святополка под 1097 г. названы все его владения, кроме стольного Киева; поставленный среди них первым Туров был прежде центром его княжения (а еще ранее там княжил Святополк Окаянный)²⁹. Таким образом, во владении одного князя могло быть несколько волостей: сам он сидел в центре наиболее значительной из них, другие управлялись его посадниками³⁰. Вероятно, что территория получала право именоваться «волостью» после того, как в ней появлялся княжеский стол, и сохраняла это право и в том случае, если в дальнейшем он владел князь, непосредственно в ней не сидевший.

Термин «волость» в приведенных известиях часто сочетается с глаголами, обозначающими действие: волости можно «прियाть», «переть», «раздавать», «заять», «держать», «отнять», «взять», в волости можно «посадить» (князя). Отметим, что в сочетании с термином «земля» встречается только один из этих глаголов («держать»)³¹.

В переводных памятниках XI — начала XII в. термин «власть» (полногласная форма в них не употребляется³²) также встречается как обозначение части территории государства³³, но чаще в этих случаях употребляется этимологически тождественный с ним термин «область»³⁴ (в оригинальных произведениях он

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207.

³⁰ Так, под 1095 г. как раз упоминается «посадник Ольгов» в Муроме (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229).

³¹ В жалованной грамоте Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю на Буице (ок. 1130 г.): «Се азъ Мъстиславъ Володимиръ сынъ, държа Русьску землю...» (ГВНП. № 81. С. 140).

³² См.: Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. Нормативный аспект. М., 1980. С. 138.

³³ 5 случаев; служит для перевода греч. ἀρχή и ἐπαρχία (данные картотеки ДРС).

³⁴ Соответствует греч. παροικία, ἐπαρχία, τοποτηρία, ἀρχή (данные картотеки ДРС).

встречается в таком значении, напротив, гораздо реже, чем «волость»³⁵).

Таким образом, в конце X — начале XII в. государство, называвшееся «Русь» или «Русская земля», состояло из «волостей», управляемых представителями киевской княжеской династии. Встречающееся в историографии отождествление понятий «волость» и «земля» для этого периода фактически неверно, поскольку объединяет термины разного уровня — обозначение территории, составляющей часть государства, и обозначение государства в целом³⁶.

Приведенный материал показывает, что «волость» конца X — начала XII в. — это прежде всего княжеское владение. Показательно, что если князь-владелец называется или подразумевается во всех случаях (кроме двух «ретроспективных» фрагментов НЛ), то главный город волости назван лишь 5 раз и ни разу (исключая опять-таки «ретроспективное» упоминание «новгородской» и «киевской» волостей в начальной статье НЛ, возможно

³⁵ Два раза в ПВЛ («Ростовская область» под 1071 г. и «область Полоцка» под 1092 г.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175, 215) и еще несколько случаев в «Житии Феодосия Печерского» и «Сказании о Борисе и Глебе» (Успенский сборник XII—XIII вв. С. 58, 68, 84, 121—122).

³⁶ Один раз термин «земля» употребляется в ПВЛ в качестве обозначения двух волостей. В 1096 г. Олег Святославич после поражения и гибели Изяслава Владимировича «перяя всю землю Муромску и Ростовьску» (выше Муром и Ростов названы «волостями»: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 237; ср.: Т. 2. Стб. 227). Здесь, по-видимому, сыграли роль два обстоятельства: 1) обширность территории, захваченной Олегом; 2) отсутствие у этих волостей в тот момент владельца (Изяслав погиб). Особняком стоит употребление термина «земля» в ст. 36 и 39 Пространной редакции Русской Правды: «будеть ли свод по землям...»; «А из своего города в чюжую землю свода нетуть» (Правда Русская. Т. 1. С. 107—108). Очевидно, имеются в виду территории, тянувшие к данному городу (ср.: ПРП. Вып. 1. М., 1952. С. 154—156). Поскольку речь шла о юридических нормах, употреблен был не термин «волость», который в начале XII в. (к этому времени относится составление Пространной редакции — см.: *Милов Л. В.* О происхождении Пространной Русской Правды // ВМУ. Сер. История. 1989. № 1) был всегда связан с конкретным князем, а более общее понятие. Термин «земля», в отличие от случаев его употребления к независимым государствам, дан здесь без территориального определения.

являющееся поздней вставкой) «волость» не определяется притяжательным прилагательным, образованным от названия ее центра³⁷. Понятие «волость» (этимологически восходящее к глаголу «владеть»³⁸) в данный период связано с владетельными правами исключительно князя, а не города или иного субъекта.

В период до 1-й трети XII в. включительно центрами волостей, т. е. населенными пунктами, где в течение того или иного времени бесспорно существовали столы князей-Рюриковичей, побывал 21 город. Далее они приводятся с датами первого упоминания в источниках княжеского стола и датами, под которыми относящаяся к ним территориальная единица поименована «волостью» (если такое упоминание есть)³⁹.

Новгород. Княжение — 40-е гг. X в.⁴⁰. «Волость» — 1056—1057 гг.⁴¹.

³⁷ Притяжательное прилагательное, образованное от названия города, употребляется в одном случае упоминания в ПВЛ термина «область» (Ростовская область). Возможно, термин «область» был более «территориальным», в отличие от понятия «волость», которое в XI — начале XII в. было не принято употреблять без указания на князя-владельца.

³⁸ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 344. В некоторых случаях трудно отделить территориальное значение термина от значения «власти над территорией». Так, известия 977 и 1036 гг. о том, что князя «переели власть» своих братьев, можно трактовать и как овладение территорией, и как переход от одного лица к другому власти над ней: в ту эпоху грани между этими понятиями фактически не было.

³⁹ В перечень не включены Вышгород и Белгород, хотя в этих городах были одно время княжеские столы. Дело в том, что Вышгород и Белгород были домениальными городами киевских князей (см.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 68): поэтому княжение в этих центрах их сыновей (Ярополк Изяславич при киевском княжении Изяслава Ярославича и Мстислав Владимирович при киевском княжении Владимира Мономаха) следует рассматривать как особый политический феномен (соправительство). Не учитываю также Псков, поскольку традиционное представление о княжении там сына Владимира Судислава не опирается на прямые известия ранних летописных сводов: в ПВЛ сказано только о заточении Судислава Ярославом во Пскове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151).

⁴⁰ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 44—45.

- Овруч. Княжение — 970 г.⁴². «Волость» — 975, 977 гг.⁴³.
Туров. Княжение — 988 г.⁴⁴. «Волость» — 1097 г.⁴⁵.
Полоцк. Княжение — 988 г.⁴⁶. «Область» — 1092 г.⁴⁷.
Владимир-Волынский. Княжение — 988 г.⁴⁸. «Волость» — 1054 г.⁴⁹.
Тмуторокань. Княжение — 988 г.⁵⁰.
Ростов. Княжение — 988 г.⁵¹. «Волость» — 1096 г. («область» — 1071 г.)⁵².
Муром. Княжение — 988 г.⁵³. «Волость» — 1096 г.⁵⁴.
Смоленск. Княжение — 988 г.⁵⁵. «Волость» — 1054 г.⁵⁶.
Чернигов. Княжение — 1024 г.⁵⁷. «Волость» — 1036, 1054 гг.⁵⁸.
Киев. Княжение — 1054 г.⁵⁹. «Волость» — 1054 г.⁶⁰.
Переяславль. Княжение — 1054 г.⁶¹. «Волость» — 1054 г.⁶².
Перемышль. Княжение — 1086 г.⁶³. «Волость» — 1093, 1097, 1100 гг.⁶⁴.

⁴¹ Остромирово Евангелие. Л. 294 б.

⁴² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69. В известии о посадении Святославом Олега в «Деревах» Овруч не назван, но он выступает в качестве столицы Олега в рассказе о событиях 977 г. (см.: там же. Стб. 75).

⁴³ Там же. Стб. 74—75.

⁴⁴ Там же. Стб. 121.

⁴⁵ Там же. Стб. 263.

⁴⁶ Там же. Стб. 121.

⁴⁷ Там же. Стб. 215.

⁴⁸ Там же. Стб. 121.

⁴⁹ Там же. Стб. 161; Т. 2. Стб. 151; Успенский сборник XII—XIII вв. С. 62.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Стб. 175, 237.

⁵³ Там же. Стб. 121.

⁵⁴ Там же. Стб. 237.

⁵⁵ Софийская первая летопись старшего извода (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1). М., 2000. Стб. 105.

⁵⁶ Там же. Т. 1. Стб. 161; Успенский сборник. С. 62.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147.

⁵⁸ Там же. Стб. 150.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161.

⁶⁰ Успенский сборник. С. 62.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161.

⁶² Успенский сборник. С. 62.

Теребовль. Княжение — 1097 г.⁶⁵. «Волость» — 1093, 1097 гг.⁶⁶.
 Курск. Княжение — 1095 г.⁶⁷.
 Бужск. Княжение — 1100 г.⁶⁸.
 Дорогобуж. Княжение — 1100 г.⁶⁹.
 Берестье. Княжение — 1101 г.⁷⁰.
 Минск. Княжение — 1116 г.⁷¹.
 Городен. Княжение — 1127 г.⁷².
 Клеческ. Княжение — 1127 г.⁷³.

Таким образом, к концу княжения Владимира Святославича (1015 г.) на Руси достоверно известно 9 волостей, Ярослава Владимировича (1054 г.) — 11 (учитывая, что за «Деревами» статус волости не закрепился), Всеволода Ярославича (1093 г.) — 13, Мстислава Владимировича (1132 г.) — 20.

В вопросе о генезисе политических центров эпохи Киевской Руси среди исследователей нет единого мнения. Большинство историков 2-й половины XIX — начала XX в. исходили из представления, что этими центрами стали бывшие центры «племен»⁷⁴. Иную точку зрения высказал в начале XX в. С. М. Середонин. Он считал, что центрами древнерусских «земель» становились,

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206.

⁶⁴ Там же. Т. 2. Стб. 207—208; Т. 1. Стб. 269, 274.

⁶⁵ Там же. Стб. 257.

⁶⁶ Там же. Т. 2. Стб. 207—208; Т. 1. Стб. 258, 265, 267, 269.

⁶⁷ Там же. Т. 1. Стб. 229.

⁶⁸ Там же. Стб. 274.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Стб. 274—275.

⁷¹ Там же. Т. 1. Стб. 290—291; Т. 2. Стб. 283.

⁷² Там же. Т. 1. Стб. 297.

⁷³ Там же.

⁷⁴ См.: *Хлебников Н. П.* Указ. соч. С. 17—21, 259; *Самоквасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873. С. 54, 126, 128, 143, 145—163, 164; *Забелин И. Е.* История русской жизни. Ч. 1. М., 1876. С. 528, 548, 558, 566, 585—586; *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии: География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 84—85; *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. С. 200—201; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 11, 21—22; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1913. С. 361—364.

как правило, новые по отношению к восточнославянским городищам VIII—X вв. поселения⁷⁵.

Большая часть исследователей, обращавшихся к этой теме в 30—60-х гг. XX в., высказывалась в традиционном духе (изменения коснулись терминологии — в соответствии с утвердившимся представлением о Киевской Руси как феодальном государстве для обозначения его центров стал применяться термин «феодальные города»): города — центры Древнерусского государства формировались преимущественно из «племенных центров»⁷⁶. В то же время В. В. Мавродин, обобщая результаты археологических исследований древнерусских городов, обратил внимание на частые факты «перемещения» укрепленных центров на новое место (Полоцк, Смоленск, Новгород, Ростов, Ярославль, Белоозеро). Причинами такого явления (определенного как «перенос города») могли быть, по мнению исследователя, невозможность роста детинца на старом месте, потребности торговых и военных предприятий и враждебное отношение к процессу феодализации «родоплеменной знати», концентрировавшейся в старых центрах⁷⁷. Концепция «переноса городов» вновь ставила под сомнение тезис о преемственности между «племенными» центрами и центрами политической власти Древнерусского государства.

Накопление в последующие десятилетия археологического материала о древнерусских укрепленных поселениях показало, что многие «племенные центры» прекратили свое существование, не превратившись в города. В результате концепция прямой преемственности между центрами догосударственных общностей и политическими центрами Древней Руси видоизменилась. Ее сторонники теперь полагают, что к племенным центрам восходят в первую очередь крупные города Руси, а небольшие «пле-

⁷⁵ Середонин С. М. Указ. соч. С. 155—156.

⁷⁶ См.: Юшков С. В. Указ. соч. С. 20—24; Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. Вып. 41. 1951; Насонов А. Н. Указ. соч. С. 8—9, 25, 50, 71—72; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 148, 149.

⁷⁷ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 144—145.

менные центры» часто не перерастали в феодальные города⁷⁸. Другие исследователи высказывают мнение о смене политических центров («переносе городов») как общем явлении для эпохи складывания Древнерусского государства (при этом они не отделяют крупные центры от мелких)⁷⁹.

Прояснить этот вопрос можно, если сопоставить время основания, согласно археологическим данным, перечисленных выше центров волостей X — начала XII в. со временем, когда прекратили существование догосударственные общности («Славинии») в регионах, где каждый из них расположен⁸⁰.

Центры волостей	Прекращение существования «Славинии»	Основание укрепленного поселения
Берестье	Конец X в. (дреговичи)	XI в. ⁸¹
Бужск	Конец X в. (вольняне)	Середина XI в. ⁸²

⁷⁸ См.: *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (К постановке вопроса) // *Русский город (историко-методологический сборник)*. М., 1976. С. 37—40; *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // *ИСССР*. 1979. № 4; *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 229—232; *Древняя Русь: город, замок, село*. М., 1985. С. 41—58; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 146—153; *Седов В. В.* Начало городов на Руси // *Труды V Международного конгресса славянской археологии*. Т. 1. Вып. 1. М., 1987. С. 18—24; *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 20—34, 47, 53, 55, 60—70.

⁷⁹ См.: *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. С. 18—20; *Дубов И. В.* К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // *Генезис и развитие феодализма в России*. Л., 1983; *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 26; *Котляр Н. Ф.* Города и генезис феодализма на Руси // *ВИ*. 1986. № 12. С. 83—84.

⁸⁰ Не учитываются Ростов и Муром, основанные на территории, где не было славянских догосударственных общностей, Тмуторокань — как центр, возникновение которого не связано с формированием государства на Руси, и Овруч, за которым статус центра волости не закрепился (см. ниже прим. 104).

⁸¹ *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 153—160.

⁸² *Петегирич В.* Початки Белза і Буська та формування їх соціально-топографічної структури в X—XIV ст. // *Галичина та Волинь у добу середньовіччя*. Львів. 2001. С. 203—208.

Владимир-Волынский	Конец X в. (волыняне)	Конец X — начало XI в. ⁸³
Городен (Гродно)	Конец X в. (дреговичи)	XI в. ⁸⁴
Дорогобуж	Конец X в. (волыняне)	XI в. ⁸⁵
Киев	IX в (поляне) ⁸⁶	VI в. ⁸⁷
Клеческ	Конец X в. (дреговичи)	XI в. ⁸⁸
Курск	X в. (север)	Середина XI в. ⁸⁹
Минск	Конец X в. (кривичи)	Конец XI в. ⁹⁰
Новгород	Конец IX в. (словене)	Первая половина X в. ⁹¹
Перемышль	Конец X в. (вне территории восточнославянских «Славиний»)	Вторая половина X в. ⁹²
Переяславль	IX в. (поляне)	Конец X в. ⁹³
Полоцк	Конец X в. (кривичи)	IX в. ⁹⁴
Смоленск	Конец X в. (кривичи)	XI в. ⁹⁵

⁸³ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 76.

⁸⁴ Там же. С. 59, 77—78.

⁸⁵ Там же. С. 59.

⁸⁶ Для территории полян за время окончания существования догосударственной общности принимается IX в., период формирования здесь ядра государства «Руси».

⁸⁷ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 29.

⁸⁸ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 59.

⁸⁹ Енуков В. В. Изучение топографии средневекового Курска: итоги и перспективы // Материалы региональной научной конференции «Археология юго-востока Руси». Елец, 1998.

⁹⁰ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 80.

⁹¹ Янин В. Л. Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ, 1992. № 10. С. 50.

⁹² Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 37—38.

⁹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 323—324; Древняя Русь. Город, замок, село. С. 59. Ранее, возможно, Переяславль располагался на другом месте (см. Часть 1, Очерк 4).

⁹⁴ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 135—136.

⁹⁵ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1950. С. 135—146.

Теребовль	Конец X в. (хорваты)	Вторая половина XI в. ⁹⁶
Туров	Конец X в. (дреговичи)	Конец X в. ⁹⁷
Чернигов	IX в. (поляно-северское пограничье)	VIII в. ⁹⁸

Из 17 центров только 4 зародились в период существования «Славиний». Но два из этих четырех (Киев и Чернигов) являлись центрами среднеднепровской Руси, т. е. территориального образования, из которого осуществлялось подчинение восточнославянских общностей. Третий (Перемышль) возник во 2-й половине X в., по-видимому, в результате деятельности Чешского государства⁹⁹. В четвертом (Полоцке) в начале XI в. построение нового детинца (вместо разрушенного Владимиром) имело место, но оно было осуществлено всего в полукилометре от прежнего (при впадении Полоты в Западную Двину)¹⁰⁰. Таким образом, ни одного «чистого» случая эволюции центра раннефеодальной волости из центра «Славиний» нет. Следовательно, правилом было создание при переходе территории под непосредственную власть киевских князей нового центра.

Конкретные проявления «смены центра» были довольно разнообразны. В земле древлян, у которых, судя по рассказу о гибели Игоря и мести Ольги, центром был Искоростень¹⁰¹, после подчинения Киеву столицей стал, по-видимому, Овруч — в нем укры-

⁹⁶ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 76.

⁹⁷ Лысенко П. Ф. Указ. соч. С. 44—45.

⁹⁸ См.: Коваленко В. П. К исторической топографии Черниговского детинца // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Тезисы докладов. Чернигов, 1988. С. 21—23; Гребень П. Н., Коваленко В. П. Исследования черниговского детинца в 1989 г. // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов, 1990. С. 20—21.

⁹⁹ Исаевич Я. Д. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 119; Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 37—38.

¹⁰⁰ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 135—136, 141.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 43, 46—48.

вается в 977 г. Олег Святославич, княживший в «Деревах», от войск брата Ярополка¹⁰². Вероятно, Овруч оставался центром и во время княжения в бывшей земле древлян сына Владимира Святослава (конец X — начало XI в.)¹⁰³. Позже древлянская территория непосредственно подчиняется Киеву¹⁰⁴.

Центром бывшей земли дреговичей стал в конце X в. (когда там был посажен Владимиром Святополк) Туров¹⁰⁵, возникший, по археологическим данным, примерно в это время¹⁰⁶.

В земле волынян новый центр — Владимир был основан в конце X в. (примерно в 25 км от старого — Волыни), когда Владимир Святославич посадил в Волынской волости своего сына Всеволода¹⁰⁷.

На бывшей хорватской территории во 2-й половине XI в. возникает и становится центром волости Теревовль¹⁰⁸.

В земле полоцких кривичей новый центр, как говорилось выше, возник после ликвидации Владимиром в конце X в. местного княжения в 0,5 км от старого и сохранил его название — Полоцк. На территории верхнеднепровских кривичей центр также сохранил свое название — Смоленск, но был перенесен на более значительное расстояние — 12 км. Причем первоначально (в конце X — начале XI в.) Смоленская волость управлялась из старого центра (ему соответствует археологический комплекс Гнездо-во) — новый Смоленск возник только во 2-й половине XI в.¹⁰⁹.

На территории словен в IX—X вв. центр располагался на т. н. «Рюриковом» Городище, в 2 км от позднейшего Новгорода.

¹⁰² Там же. Стб. 74—75.

¹⁰³ По мнению Б. А. Рыбакова, стольным городом Святослава был Белгород (см.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 185—187).

¹⁰⁴ См.: *Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). Киев, 1988. С. 65—66.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

¹⁰⁶ *Лысенко П. Ф.* Указ. соч. С. 44—45.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; Древняя Русь. Город, замок, село. С. 76.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257; Древняя Русь. Город, замок, село. С. 76.

¹⁰⁹ О соотношении «Гнездовского» и позднейшего Смоленска см.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля... С. 135—154.

Скорее всего, это поселение и называлось тогда Новгородом¹¹⁰. С середины X в. появляется город на современном месте¹¹¹.

Процесс смены старых укрепленных поселений новыми, по-видимому, затронул не только крупные политические центры. Обобщение археологических данных о древнерусских укрепленных поселениях, проведенное А. В. Кузой (материалы 862 относительно хорошо изученных поселений — 61,8% от общего числа известных науке на середину 80-х гг. XX в.), показало, что из 181 укрепленного поселения, существовавшего в IX — начале XI в., к началу XII столетия 104 (т. е. 57,5%) прекратили свое существование, причем у большинства из них это произошло на рубеже X—XI вв.¹¹² Для значительной части восточнославянских «Славиний» (дреговичи, радимичи, кривичи, вольняне, хорваты) рубеж X—XI вв. — это время сразу после ликвидации их «автономии». Резонно полагать, что последнее явление влекло за собой коренные изменения в структуре укрепленных поселений — упадок старых центров и возвышение новых. Подчинение «Славиний» власти киевских князей и образование на их территориях волостей, управлявшихся представителями киевской династии, вели за собой смену старых политических центров новыми, которые служили опорой власти Рюриковичей и их дружин¹¹³. Старые центры либо отступали на второй план (Волынь, Городище), либо приходили в упадок (Гнездово), либо уничтожались

¹¹⁰ См.: *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990; *он же.* Новгородский детинец и Городище (К вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб., 1995.

¹¹¹ *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 49—51.

¹¹² Древняя Русь. Город, замок, село. С. 38—42.

¹¹³ Аналогичное явление прослеживается при образовании западнославянских государств — Чехии и Польши: «грады» подчиняемых знатью ядра формирующегося государства общностей сменялись в качестве центров территорий новыми укрепленными поселениями (см.: *Stěpánek M.* Opevně sídliště 8—12 století ve střední Evropě. Praha, 1965; *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 108—111, 118; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 260—261).

(старый детинец Полоцка). Одновременно происходило массовое появление новых укрепленных поселений в составе волостей: они, не имея (или на первых порах не имея) своих княжеских столов, также служили опорными пунктами новой власти. Если в центрах волостей сидели князья, то в более мелких городах — назначаемые ими *посадники*¹¹⁴.

Распространенное мнение об эволюции в городе т. н. «племенных» центров как главном пути горообразование на Руси не подтверждается фактами. Нет оснований и для противопоставления путей образования крупных и мелких центров. Известно несколько городов раннефеодального периода, явно эволюционировавших непосредственно из центров догосударственного периода (помимо, оговоримся еще раз, центров территориального ядра Киевской Руси — Киева и Чернигова): это Изборск, Витебск, Вольнь¹¹⁵. Но большого значения в период существования единого государства (конец X — начало XII в.) они не имели. Столицы волостей раннефеодального периода не развивались из центров «Славиний», а возникали уже как центры *государственной* власти.

¹¹⁴ О посадниках на Руси конца X — начала XII в. см.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 67—68; *он же.* Город и дружина в Киевской Руси // *Феодалы в городе.* М., 1996. С. 7—8.

¹¹⁵ См.: *Седов В. В.* Изборск в 8—9 веках. // *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий.* Таллинн, 1985; *Штыхов Г. В.* Указ. соч. С. 31—41; *Древняя Русь. Город, замок, село.* С. 59, 76.

Очерк 2

**ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ
ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ**

Вопрос о сущности общественного строя домонгольской Руси породил в историографии (в первую очередь XX столетия) жаркие дискуссии¹. Обычно они характеризуются как «спор о феодализме в Древней Руси»², что представляется не вполне точным. «Феодализм» — условный научный термин, появившийся в XVIII столетии; представители разных научных школ вкладывали в него разное содержание: от общественно-экономической формации (т. е. всей совокупности общественных отношений), существовавшей в разных частях света, до политико-правовой системы, имевшей место в Западной Европе в течение одного из периодов средневековья. Существо же спора об общественном строе раннесредневековой Руси может быть сведено к двум вопросам: 1) делилось ли древнерусское общество на про-

¹ Подробное исследование историографии проблемы см. в кн.: *Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв.* СПб., 1996.

² См., например, новейший обзор французского исследователя П. Гонно [*Gonneau P. La Rus' de Kiev. Une société féodale? (860—1240) // Journal des savants. Paris, 1999. № 1 (Janvier — Juin)*]. Кстати, вопреки распространенному представлению об отрицании всеми западными медиевистами феодальной природы Киевской Руси, автор отвечает на поставленный им в заглавии вопрос положительно (при том, что «феодализм» рассматривает как главным образом политическую систему).

тивостоявшие друг другу в социально-экономическом отношении слои населения (в марксистской терминологии — на антагонистические классы); 2) если да, то какой характер носили отношения этих слоев.

В 30-х гг. XX в. в отечественной науке утвердилось (после ожесточенных споров, осложняемых вненаучными факторами³) представление об общественном строе раннесредневековой Руси как «феодальном». Советские историки того времени воспринимали понятие «феодализм» в широком значении, как общественно-экономическую формацию. Но представление о конкретных путях возникновения феодализма исследователи средневековья (как русского, так и западноевропейского — концепции социально-экономического строя Руси и Западной Европы складывались в советской науке одновременно) взяли у одного из направлений т. н. «вотчинной теории» в изучении средневекового Запада. Согласно взглядам представителей этого направления, разработанного во 2-й половине XIX в. (К. Т. Инама-Штернегг, К. Лампрехт, П. Г. Виноградов и др.), сущность феодализации была в смене крестьянской общины в качестве собственника земли вотчиной (сеньорией) — крупным частным земельным владением⁴.

Концепция формирования феодального общества на Руси, представленная в работах ее главного разработчика Б. Д. Грекова, может быть сведена к четырем основным положениям: 1) генезис феодализма состоял в возникновении крупной земельной собственности в виде феодальных вотчин; 2) эта собственность на Руси господствовала уже с IX—X вв.; 3) часть крестьян-общинников попадала тогда в зависимость; 4) господствующей формой ренты первоначально являлась отработочная⁵.

³ См. о них: *Свердлов М. Б.* Общественный строй... С. 191—232.

⁴ См.: *Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии XIX — начала XX в. М., 1958.

⁵ *Греков Б. Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935; 2-е изд. М.; Л., 1936; *он же.* Киевская Русь. М., 1939 (и последующие издания: 1944, 1949, 1953). С. В. Юшков, тоже рассматривая процесс феодализации как генезис вотчинного землевладения, расходился с Б. Д. Грековым в оценке времени установления господства феодального строя и роли рабовладельческого уклада; по его мнению, начальной гранью победы феодальных отношений на Руси являлся XI в.,

Взгляды Б. Д. Грекова на древнерусское общество надолго вошли в вузовские и школьные учебники. Но уже в начале 50-х гг. XX в. появилось другое направление в трактовке содержания генезиса феодальных отношений. В конкретно-историческом плане появление его было связано с тем, что на Руси, как и в других регионах Европы, где средневековое общество возникало без прямого воздействия рудиментов античных социально-экономических отношений, самые ранние сведения о существовании вотчин оказывались относящимися к более позднему времени, чем наиболее ранние сведения о существовании государства и несении населением государственных повинностей.

Л. В. Черепнин в 1953 г. выступил с обоснованием положения о существовании на Руси IX—XI вв. «верховой собственности государства» на крестьянские общинные земли, реализовавшейся через взимание дани⁶. В последующих его работах эта точка зрения получила развитие, и в своем итоговом исследовании по проблеме генезиса феодализма (1972 г.) Л. В. Черепнин писал о X—XI вв. как о раннефеодальном периоде, в котором преобладает верховная собственность государства на землю, а основная масса эксплуатируемых представлена лично свободным, но подвергавшимся государственной эксплуатации населением соседских общин — смердами-данниками⁷.

Принципиальный тезис о преобладании «государственно-феодальных» отношений в раннесредневековой Руси, о дани как основной форме раннефеодальной эксплуатации был поддержан

а в IX—X вв. сосуществовали «патриархальный», рабовладельческий и феодальный уклады (*Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.: Л., 1939).

⁶ *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // ВИ. 1953. № 4. Тезис о том, что первой формой феодальной эксплуатации на Руси было взимание с крестьян-общинников дани, являвшейся по существу продуктовой рентой, выдвинули тремя годами ранее В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский (*Довженок В. И., Брайчевский М. Ю.* О времени сложения феодализма в Древней Руси // ВИ. 1950. № 7).

⁷ *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // *Новосельцев А. П., Пащуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972.

в 1960—1980-х гг. многими исследователями⁸. Причем представление об активной роли государства в общественных отношениях, выдвинутое Л. В. Черепниным, получило развитие в ряде исследований, посвященных отдельным социальным группам. Б. А. Рыбаков обосновал в 1979 г. предположение, что термином «смерды» обозначались не крестьяне-общинники (как полагало большинство исследователей), а особая категория полукрестьянско-полувоенного населения, зависимая от князя (т. е. от носителя верховной государственной власти), одновременно занимавшаяся земледелием и несшая военную службу⁹. Б. Н. Флоря установил факт существования на Руси т. н. «служебной организации» — особых групп княжеских людей, обслуживавших повседневные нужды князей и знати («бортников», «бобровников», «сокольников» и др.)¹⁰. Таким образом, все более становилось видно, что государство на Руси не просто «наслаивалось» на общество, взимая с рядового населения подати налогового характера, но само формировало зависимые от себя сферы социально-экономических отношений¹¹.

Концепция «государственного феодализма» (как принято именовать точки зрения, разделяющие в принципе позицию Л. В. Че-

⁸ См.: *Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половины XII в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; *Кизилов Ю. А.* Спорные вопросы истории древнерусского феодализма // ИСССР. 1973. № 5; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981; *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. 1981. № 2; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

⁹ *Рыбаков Б. А.* Смерды // ИСССР. 1979. № 1, 2.

¹⁰ *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // ОИ. 1992. № 2.

¹¹ В настоящее время В. А. Кучкин выступает с гипотезой, что княжеской властью была сформирована и т. н. «десятичная система» с ее должностными лицами — тысяцкими, сотскими и десятскими: в нее входило не все свободное население (как традиционно считалось), а лишь меньшая его часть, зависимая от князя (*Кучкин В. А.* Десятские на Руси X—XV вв. // СР. Вып. 4. М. 2003). Но этот вопрос требует еще дальнейшего исследования.

репнина) быстро вытеснила концепцию генезиса феодализма на Руси в вотчинной форме¹². Однако в 70 — 80-х годах XX в. появились гипотезы, по-иному расценивавшие факт отсутствия вотчинного землевладения на Руси в IX—X вв. и его относительно малую распространенность в два последующих столетия. Точка зрения о рабовладельческой природе Киевской Руси (и одновременно — раннесредневековых государств Западной Европы)¹³ осталась маргинальной. Больше распространение получила концепция, отрицающая наличие на Руси домонгольского периода противостоящих друг другу в социально-экономическом и социально-политическом отношении общественных слоев. Согласно этой точке зрения, разработанной И. Я. Фрояновым и взятой на вооружение его учениками, IX—X вв. были еще последней стадией родоплеменного строя, а в XI—XIII вв. на Руси существовали города-государства, подобные античным полисам. Это были государства общинного типа, все общественно важные вопросы в них решал народ; князья были не более чем должностными лицами, приглашаемыми общинами («инструментом общинной власти»¹⁴). Вотчинное землевладение имело лишь тенденцию к превращению в феодальное и играло незначительную роль, а взимание дани не носило эксплуататорского характера¹⁵.

Концепция И. Я. Фроянова и его последователей покоится на представлении об общинном характере древнерусской государственности. Однако выдвигению этого тезиса не предшествова-

¹² В русле концепции Б. Д. Грекова были написаны работы: *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.; Л., 1963; *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

¹³ *Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970; *она же.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. Минск, 1982.

¹⁴ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 211.

¹⁵ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974; *он же.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

ло выявление того, в каких терминах эта государственность понималась людьми изучаемой эпохи (термин «община» в том значении, в каком его используют сторонники указанной концепции, — «корпорация свободных жителей города и его сельской округи» — в древнерусском языке не употреблялся¹⁶). Защитники теории «городов-государств» оперируют в качестве обозначения этого государства-общины термином «волость»¹⁷. Но, как показано выше (Очерк 1), понятие «волость» в источниках XI — начала XII в. обозначает исключительно *княжеское владение*, с владельческими правами города никак не соотносится. Может быть, сторонники «государства-общины» могут «предъявить» конкретных должностных лиц «общин», людей, которые представляли «город-государство»?

Примером участия общин (или «земства» — еще один термин, также древнерусским источникам неизвестный, но активно применяемый сторонниками концепции Фроянова) в принятии важных государственных решений служат свидетельства Русской Правды о выработке ее составных частей — Правды Ярославичей и Устава Владимира Мономаха. В заголовке Правды Ярославичей говорится: «Правда уставлена Роуськой земли, егда ся съвокупил Изяславъ, Всеволодь, Святославъ, Коснячко, Пере-негъ, Микыфоръ Кьянинъ, Чюдинъ Микула»¹⁸. Устав Владимира Мономаха начинается со слов: «Володимеръ Всеволодичъ по Святополце созва дружину свою на Берестовемъ: Ратибора Киевського тысячьского, Прокопью Белогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа»¹⁹. Лица, названные в заголовке Правды Ярославичей после сыновей Ярослава Мудрого Изяслава, Святослава и Всеволода, и лица, созванные Владимиром Мономахом «по Святополце» — т. е. после смерти киевско-

¹⁶ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 582—583.

¹⁷ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 33, 236—238, 243; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Указ. соч. С. 40, 47, 50, 69, 162, 265.

¹⁸ Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 71.

¹⁹ Там же. С. 110.

го князя Святополка Изяславича в 1113 г. (когда Мономах вступил на киевский стол) в селе Берестово, объявляются общинными, «земскими лидерами»²⁰. Попробуем разобраться.

Участники совета Ярославичей названы не только в Краткой редакции Русской Правды, но и в статье 2 Пространной: «По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодь и мужи ихъ: Коснячъко, Перенѣгъ, Никифоръ»²¹. Таким образом, советники Ярославичей названы здесь княжескими «мужами», т. е. дружинниками Ярославичей. Пространная Правда была составлена в период киевского княжения Владимира Мономаха²². Правда Ярославичей датируется исследователями от последних лет княжения Ярослава до 1072 г.²³. Между написанием ее заголовка и написанием статьи 2 Пространной Правды прошло, таким образом, не более 70 лет. Неужели за это время было забыто, кем были участники составления Правды Ярославичей? Ведь должны были здравствовать их ближайшие потомки. Кстати, сына одного из участников составления Правды Ярославичей — Чудина — встречаем в записи о выработке Устава Мономаха: это «Иванко Чюдиновичъ». Он охарактеризован как «Олгов муж», т. е. дружинник черниговского князя Олега Святославича. С чего бы это сын одного из «лидеров киевской общины» пошел служить в дружину черниговского князя? Куда логичнее предположить, что Чудин был «мужем» отца Олега, Святослава Ярославича, почему и сын его стал «мужем» Олега²⁴.

В записи о составлении Устава Мономаха упоминаются трое «тысяцких», т. е. высших должностных лиц т. н. «десятичной организации», — киевский, белгородский и переяславский. Можно ли перечисленных тысяцких считать «земскими лидерами»? Ратибор — личность известная. В 80-х гг. XI в. он служил отцу Мономаха, киевскому князю Всеволоду Ярославичу, был его по-

²⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 40—41.

²¹ Правда Русская. Т. 1. С. 104.

²² См.: Милов Л. В. О происхождении Пространной Русской Правды // ВМУ. Сер. История. 1989. № 1; Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 217—254.

²³ См.: Зимин А. А. Указ. соч. С. 99—125.

²⁴ Ср.: там же. С. 123.

садником в Тмуторокани²⁵. После смерти Всеволода и перехода Владимира Мономаха в Переяславль Ратибора видим уже в Переяславле (именно в его дворе происходит расправа над половецким князем Итларем)²⁶. В 1100 г. Ратибор — один из двух «мужей» Владимира, посланных объявить Давыду Игоревичу, виновному в ослеплении Василька Теробовльского, волю совета старших князей²⁷. В 1113 же году, после вокняжения Мономаха в Киеве, Ратибор оказывается киевским тысяцким. Поскольку до прихода Владимира на киевский стол тысяцким в Киеве был Путьята²⁸, ясно, что Ратибора привел с собой в столицу Руси Мономах и сделал здесь его, своего «мужа», тысяцким. Итак, по крайней мере один из трех упомянутых в рассматриваемой записи тысяцких — княжеский дружинник. Последним в перечне назван «Иванко Чудинович Олгов муж» — т. е. дружинник Олега Святославича Черниговского, а никак не «земский лидер». Но главное — что вся совокупность названных лиц определена как «дружина» Мономаха: «созва *дружину* свою на Берестовемь». Термин «дружина» здесь несомненно выступает в своем основном значении — «служилые люди князя»: именно его присутствие вызвало оговорку в конце перечня по поводу Иванка Чудиновича — «Олгов муж», т. е., в отличие от вышеназванных лиц, являвшихся «мужами» («дружиной») Владимира, Иванко является «мужем» другого князя. Таким образом, сначала названы пять служилых людей киевского князя (в т. ч. три тысяцких) и в конце — представитель князя черниговского.

По мнению И. Я. Фроянова, тысяцкие могли быть как княжеские, так и «земские». Помимо тысяцких — участников составления Устава Владимира Мономаха, оказавшихся на поверку «княжими мужами», к числу земских тысяцких им были отнесены упоминаемые под 1136, 1146 и 1147 гг. киевские тысяцкие Давыд, Улеб и Лазарь²⁹. Однако Давыд Ярунович в рассказе о междо-

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.

²⁶ Там же. Стб. 227—228.

²⁷ Там же. Стб. 274.

²⁸ Там же. Т. 2. Стб. 275.

²⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 210—211.

усобной битве 1136 г. представлен как один из членов «лучшей дружины» Мономаховичей, попавшей в плен к Ольговичам: «И погнаша по них Володимерича дружина лучшая и биша и жену-чи много, и воротишася опять на полчище, и не обретоша княжеѣ вои и впадоша Олговичемъ в руцѣ, и тако изымаша и (*вар.*: я), держаще стягъ Ярополчи (киевского князя Ярополка Владимировича. — *А. Г.*), и яша боярь много: Давыда Яруновича тысячьскаго кыевьскаго...»³⁰. Улеб «держал тысячу» у киевского князя Всеволода Ольговича; брат последнего Игорь, занявший в 1146 г. по смерти Всеволода киевский стол, решил оставить Улеба в должности: «держи ты тысячу, какъ еси у брата моего держаль»; Улеб решил, однако, взять сторону Изяслава Мстиславича³¹. В описании событий следующего года Улеб упоминается как приближенный Изяслава — князь отправляет его послом к черниговским князьям в начале своего похода против Юрия Долгорукого, но тысяцким здесь Улеб не назван, а в рассказе о происшедшем позже убийстве Игоря Ольговича киевским тысяцким назван Лазарь. Он отделен в летописи не вообще от «княжеского тысяцкого», как пишет Фроянов³², а от тысяцкого Владимира Мстиславича, брата Изяслава³³. Скорее всего, Лазарь был поставлен вместо Улеба на должность киевского тысяцкого Изяславом. Таким образом, нет оснований полагать, что кто-либо из трех упомянутых И. Я. Фрояновым тысяцких был должностным лицом «земским», а не назначенным князем.

Первые известные тысяцкие — упомянутые в качестве киевских тысяцких соответственно под 1089 и 1113 гг. Янь и Путята Вышатичи³⁴. Янь выступает в летописи сначала как дружинник Святослава Ярославича, собирающий для него дань в Ростовской волости³⁵, позже как один из «смысленых мужей», относящихся к «дружине» отца и дяди Святополка Изяславича³⁶, затем как во-

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304.

³¹ Там же. Т. 2. Стб. 324—325.

³² *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 210.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 317—318; Т. 2. Стб. 349.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208; Т. 2. Стб. 275.

³⁵ Там же. Т. 1. Стб. 175—178.

³⁶ Там же. Стб. 218—219.

евода Святополка³⁷; Путята неоднократно упомянут в качестве воеводы того же Святополка Изяславича³⁸. Принадлежность обоих к дружинным кругам, а не к «земству»-общине очевидна. Позднейшие тысяцкие много раз названы только по князю, которому они служат, без указания территории, на которую распространялись их функции³⁹. Факты обратного порядка — наименования тысяцких только по территории, без указания на князя-сюзерена⁴⁰, — не свидетельства об их «земском» характере. Поскольку тысяцкие назначались на административную должность, связанную с территориальным делением, такое именование было естественно: так, Георгий Симонович, в Киево-Печерском патерике названный тысяцким Юрия Долгорукого, в летописи именуется ростовским тысяцким⁴¹. В отличие от посадников — княжеских наместников в городах, где не было княжеских столов, должность тысяцкого отпоявлялась, как правило, в стольных городах.

Другой институт, представители которого якобы могли быть не только княжескими, но и «общинными», «земскими», — воевода⁴². Для этого также не видно оснований. Один из предполагаемых И. Я. Фрояновым «земских» воевод — Претич — называет себя под пером летописца «мужем» князя⁴³. Другой — Коснячко (отнесенный к «земским» только потому, что он отсутствовал среди окружения Изяслава в момент его «прений» с толпой «людей киевстих» на княжьем дворе — 1068 г.⁴⁴) — упомянут в числе лиц, «уоставивших» вместе с князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом Правду Ярославичей, а эти лица, как сказано выше, не «земские лидеры», а «мужи» трех упомянутых князей.

³⁷ Там же. Стб. 281.

³⁸ Там же. Стб. 272, 274, 280.

³⁹ Там же. Т. 1. Стб. 298, 318; Т. 2. Стб. 349, 548—549, 691, 763, 821, НЛ. С. 260, 268; Древнерусские патерики. М., 1999. С. 10 (Киево-Печерский патерик).

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457; Т. 2. Стб. 304, 748.

⁴¹ Ср.: Древнерусские патерики. С. 10; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.

⁴² *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 209.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 66 (968 г.).

⁴⁴ Там же. Стб. 171.

В работах И. Я. Фроянова и его последователей в качестве «земских лидеров» фигурирует и целый слой древнерусского общества — *бояре*. Правда, поначалу (в работе 1980 г.) Фроянов исходил из принадлежности бояр к дружине, полагая лишь (вслед за многими исследователями XIX—XX вв.⁴⁵), что помимо «дружинных» бояр существовали также «земские»⁴⁶. Но в более поздних работах «дружинные» бояре были забыты, и боярство стало рассматриваться как слой «общинных лидеров»⁴⁷. Посмотрим, подтверждают ли такую трактовку источники.

«Бояре» неоднократно упоминаются в договорах Руси с Византией X в.⁴⁸. В договоре Олега 911 г. говорится: «Мы от рода русаго... иже послани от Олга, великого князя русаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояр...»⁴⁹. Договор Игоря 944 г.: «И великии князь наш Игорьь, и князи и боляре его, и людье вси рустии послаша ны...»; «А велики князь руский и боляре его да посылають в Греки к великим царем гречским корабли, елико хотять...»; «А некрещеная Русь... да кленутся о всемь, яте суть написано на харатьи сеи, хранити от Игоря и от всѣх боляр и от всѣх людии от страны Руския в прочая лѣта и во ину»⁵⁰. Договор Святослава 971 г.: «Аз Святос-

⁴⁵ *Загоскин Н.* Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1975. С. 16, 47; *Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 12—14; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ч. 1. Пг.; Киев, 1915. С. 26—28, 47; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1909. С. 1—2; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 126—128; *Юшков С. В.* Указ. соч. С. 142—144.

⁴⁶ Ср.: «Не подлежит никакому сомнению причастность бояр к дружине» (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. С. 81).

⁴⁷ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Указ. соч.; *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001.

⁴⁸ Поскольку неизвестно, когда были составлены русские тексты договоров, датировка этих упоминаний термина *боярин* может варьироваться от времени заключения каждого договора (в случае, если тогда же составлялся наряду с греческим и русскоязычный вариант) до начала XII в. (если перевод на древнерусский осуществлялся незадолго до включения текстов договоров в ПВЛ).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33.

⁵⁰ Там же. Стб. 47—48, 53.

лав, князь руский... хочю имѣти мир и свершену любовь со всяким великим царем гречским... и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца века... Яко же кляхся ко царем гречским, а со мною боляре и Русь вся, да схраним правая свещанья»⁵¹.

В договорах 911 и 944 гг. бояре выступают как следующий после князей слой древнерусского общества. По отношению к ним применяется притяжательное местоимение — «его», т. е. киевского князя. Причем из текста следует, что договоры заключаются только от имени его бояр: о боярах других князей не говорится. Все это скорее всего свидетельствует в пользу того, что бояре договоров — служилые люди киевского князя. В договоре 971 г. бояре сначала выступают как обозначение верхушки древнерусского общества, а затем боярами назван привилегированный слой войска Святослава. С мнением, что в договоре имеется в виду лишь, что он заключается от имени бояр и всей Руси⁵², согласиться невозможно. *Русью* могли называться и отдельные группы людей, представляющих Русь-государство, в т. ч. русские войска⁵³. За то, что речь в данном случае идет о дружине и «воях» Святослава, говорит упоминание о клятве: из рассказов о заключении договоров 911 и 944 гг. видно, что клятва («рота») — конкретное действие: клянутся русский князь и его «люди»⁵⁴. Клясться вместе со Святославом под Доростолом могли только его дружина и «вои». Таким образом, составителями древнерусских текстов договоров с Византией термин «бояре» мыслился как обозначение служилой знати.

В нарративной части ПВЛ встречаем упоминания бояр, либо не позволяющие трактовать их точнее, чем просто высший слой общества⁵⁵, либо указывающие на связь бояр с князем («его бо-

⁵¹ Там же. Стб. 72—73

⁵² *Ловмянский Х.* О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 98; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 198.

⁵³ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21—22, 30, 32, 36—37, 44—45, 48—49, 70, 154.

⁵⁴ Там же. Стб. 32, 53—54.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82, 107, 108, 117, 124, 130, 206, 217; Т. 2. Стб. 259, 274, 276, 281—282.

яре»⁵⁶. Есть известие, где бояре названы первыми в перечне пирующих у князя (Владимира Святославича), далее обобщенно именуемых «дружиной»⁵⁷. Это также указывает на них как на служилых людей.

Наиболее раннее известие, в котором бояре связаны не с конкретным князем, а с определенной территорией, относится к событиям начала XI в. Под 1015 г. упоминаются «вышегородские боярьце», осуществившие в сговоре с князем Святополком убийство Бориса⁵⁸. Они иногда трактуются как «местная знать», но с этим трудно согласиться: Вышгород был основан как княжеский домениальный город и оставался таковым в начале XI в.⁵⁹; следовательно, высший слой его населения должны были составлять княжеские дружинники, часть киевской дружины, поселенная в домениальном владении князя; по отношению к членам старшей дружины стольного Киева они названы уменьшительно — «боярьци»⁶⁰.

Определения «бояр» по территории распространяются в XII—XIII вв.; в XII в. встречаем бояр «киевских»⁶¹ и «новгородских»⁶², в XIII в. — «черниговских»⁶³, «полоцких»⁶⁴, «галицких» и «владимирских»⁶⁵ (Владимира-Волынского). Связано это не с их «ли-

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; Т. 2. Стб. 275.

⁵⁷ Там же. Т. 1. Стб. 126.

⁵⁸ Там же. Стб. 132.

⁵⁹ *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 68.

⁶⁰ Очевидно, в пользу этих вышегородских дружинников шла треть дани, собираемой по «установлению» княгини Ольги с Древлянской земли (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60).

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298. Упомянутые здесь «бояре киевские» выше названы «лучшей дружиной» князей-Мономаховичей — наглядное подтверждение того, что определение по городу не свидетельствует о «земском», недружинном статусе бояр.

⁶² НЛ. С. 21. Бояр в Новгороде встречаем уже в известии ПВЛ 1018 г. о борьбе Ярослава со Святополком (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 144), но в НЛ соответствующего места нет, поэтому вероятно, что новгородская знать стала именоваться «боярами» только в XII столетии.

⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

⁶⁴ НЛ. С. 84.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717—718, 723, 726—728, 747—748, 759, 761—762, 765, 774.

дерством в общинах», а с развитием боярского землевладения. Зародившись в XI столетии, в XII—XIII вв. оно получает распространение⁶⁶, порождая «привязанность» бояр к территориям, где располагались их «села». Оставаясь служилым слоем, бояре часто служили теперь тому из князей, который в данное время княжил в «их» городе⁶⁷.

* * *

Изложенное выше позволяет сделать два вывода. 1) В источниках не содержится оснований для тезиса о существовании в Киевской Руси «государств-общин», народовластия⁶⁸. 2) В роли социальной элиты, согласно источникам, выступали *князь* и *дружина*.

Если роль князей, носителей публичной власти, всегда была «на виду» в историографии, то дружине «повезло» много меньше — долгое время она находилась на периферии исследовательского внимания. Причина данного факта, во-первых, в том, что военная функция дружины несколько заслоняла собой в глазах исследователей социальную. Во-вторых, в науке дореволюционного периода господствовало представление о пришлом, варяжском происхождении института дружины (не связанной, или мало связанной, следовательно, с социально-экономическими процессами). Предполагалось, что помимо этой пришедшей служилой знати в Киевской Руси существовала и некая «исконная» местная знать — «земские бояре» (этот укоренившийся в историографии конца XIX — начала XX в. термин в источниках

⁶⁶ См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 45—46.

⁶⁷ В Киеве уже в конце XI в. видим «большую дружину», члены которой — «смысленные мужи» (среди них — вышеупомянутые Янь и Путьята Вышатичи) — остаются киевскими боярами вне зависимости от смены князей на киевском столе (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218—219).

⁶⁸ Еще один тезис сторонников этой теории — о *вече* как постоянно действующем высшем органе власти, в работе которого участвовало все свободное население «городов-государств», новейшими исследованиями также не подтверждается (см.: *Вилкул Т. Л.* Вече в Давней Руси. Автореф. канд. дисс. Київ, 2000; *Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // СР. Вып. 4. М., 2003).

по отношению к русской знати не употребляется⁶⁹). Советская историография в русле своей общей «антинорманистской» тенденции отказалась от представления о привнесении института дружины на Русь варягами (что оказалось верно, дружины у славян фиксируются задолго до IX столетия — см.: Часть I, Очерк 1), но свойственное ей повышенное внимание к социально-экономическим явлениям не способствовало интересу к роли дружины. Дружина определялась то как вторая после потомков «родовых старейшин» группа населения, «из которой выходили феодалы»⁷⁰ (что подразумевало, что она стоит как бы в стороне от магистрального процесса феодализации, только может «подключаться» к нему), то как «служилая часть господствующего класса»⁷¹ (что подразумевало существование феодалов неслужилых), а то и вовсе как орудие в руках «превращающихся в землевладельческое боярство прежних племенных старейшин»⁷². Тезис о существовании «местной» неслужилой знати в работах советского периода, таким образом, сохранялся, и процесс «феодализации» связывался в первую очередь с ней.

Как говорилось в разделе о славянах раннего средневековья (Часть I, Очерк 1), появление дружин у славян следует связывать с эпохой Расселения VI—VIII вв.: уже тогда служилая знать вышла на ведущие позиции в догосударственных общностях — «Славиниях»⁷³. В X в. дружина⁷⁴ киевских князей (резко выделивша-

⁶⁹ Он встречается в новгородском летописании XIV в. по отношению к знати «чуди» (эстов): «Избиша Чюдь своихъ бояръ земьских» (НЛД. С. 357) — т. е. бояр своей земли.

⁷⁰ Юшков С. В. Указ. соч. С. 144.

⁷¹ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 214.

⁷² Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 201.

⁷³ Отсутствие на Руси до рубежа IX—X вв. т. н. «дружинных погребений» (богатых захоронений с оружием, свидетельствующих, что погребенный при жизни был знатным тяжеловооруженным конным воином, т. е. членом княжеской дружины) не может служить основанием для отрицания появления института дружины в эпоху славянского Расселения [как предполагал И. И. Ляпушкин — *Ляпушкин И. И. Сла-*

яся своей численностью в сравнении с аналогичными институтами окружающих «Славиний» благодаря притоку норманнского элемента) выступает в качестве слоя, внутри которого распределяется продукт, поступающий князю в виде дани. Об этом говорят и рассказ Константина Багрянородного о полюдые «росов», выезжающих из Киева (т. е. отрядов киевских дружинников), в

вяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) // МИА. № 152. Л., 1968. С. 163]. Появление такого рода погребений, скорее всего, связано с иноземным влиянием (в случае с Русью — норманнским). Показательно, что кроме Руси, такие захоронения распространены в Моравии и Хорватии (с рубежа VIII—IX вв.) — т. е. регионах, где славяне контактировали с кочевниками-аварами (богатство инвентаря и помещение в могилу оружия свойственны кочевникам, равно как и германцам, в т. ч. скандинавам, и нехарактерны для славян). В то же время в Польше, занимавшей «срединное» положение в области раннесредневекового расселения славянства и не испытывавшей серьезного влияния ни со стороны германцев, ни со стороны кочевников, известны всего один могильник с большим количеством захоронений дружинников (в Лютомерске), датируемый 1-й половиной XI в., и ряд единичных погребений; при этом воины, похороненные в Лютомерске, и большинство погребенных в других местах имеют скандинавское происхождение (См.: *Nadolski A., Abramowicz A., Pokiewski T. Cmentarstwo z XI w. w Lutomiarsku. Lodz, 1959; Яжджевский К. Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше // Древняя Русь и славяне. М., 1978; Kara M. Sity zbrojne Mieszka I. Z badań nad składem etnicznym organizacją i dyslokacją drużyny pierwszych Piastów // Kronika wielkopolski. Poznań, 1992, № 3). Поскольку преобладание лиц норманнского происхождения и их потомков среди польской дружинной знати невозможно, остается признать, что здесь, в отличие от Руси, Моравии и Хорватии, обычай богатых инвентарем погребений с оружием среди знати местного происхождения не привился.*

⁷⁴ Термин *дружина* — общеславянский; но в значении «княжеское окружение, служилые люди князя» он известен только в древнерусском, чешском и словацком языках (см.: ЭССЯ. Вып. 5. М., 1978. С. 134—135). В связи с этим показательно, что именно в моравских и чешских памятниках — Житии Мефодия (конец IX в.) и первой редакции Жития Вячеслава (вторая половина X в.) встречается единственное число от *дружина* — *друг* (Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 196; Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 38).

близлежащих «Славиниях»⁷⁵, и повествование о гибели Игоря в результате восстания древлян («Поиди княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы» — заявляет дружина Игорю⁷⁶; курсив мой. — А. Г.). Под 1014 г. в Начальном летописании говорится о порядке распределения дани, собираемой новгородским князем-наместником: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающе Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ от года до года, а тысячу Новѣгороде гридемъ раздаваху»⁷⁷, т. е. после отправки двух третей собранной дани киевскому князю оставшаяся треть раздавалась *гридам* (дружинникам⁷⁸) князя-наместника.

В XI в. отчетливо прослеживается деление дружины на две части — «старейшую» (она же «первая», «большая», «лучшая») и «молодшую». Члены «старейшей дружины» именовались *боярами*, «молодшей» — *отроками*. Со 2-й половины XI столетия «молодшая дружина» дифференцируется: часть ее превращается в княжеских военных слуг, обозначаемых старым термином *отроки*, часть — в *детских*, более привилегированный слой. Из дружинников формируется государственный аппарат. Именно они отправляют должности посадников, тысяцких, воевод, мечников (судебных чиновников), данников, вырников, емцев (сборщиков государственных податей). Из верхушки дружины формировался княжеский *совет*. В XI столетии у дружинников начинают появляться (путем княжеских пожалований) собственные земельные владения⁷⁹.

В целом институт дружины в Киевской Руси предстает как возглавляемая князем корпорация, в которую была объединена вся светская часть господствующего слоя⁸⁰.

⁷⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 50—51 (подробнее см.: Часть I, Очерк 4).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54.

⁷⁷ Там же. Стб. 130; ср.: НЛ. С. 168.

⁷⁸ О термине *гридь/гридьба* см.: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 49—50.

⁷⁹ См.: там же. С. 39—55, 59—71, 74—79.

⁸⁰ Распространено представление об изначальной «недружинной» природе новгородской знати, отталкивающееся от специфики общественного строя Новгородской земли с XII в., характеризующегося ограничением княжеской власти и решающей ролью в системе управле-

Взгляд на дружину как на корпорацию раннесредневековой социальной элиты, игравшую ведущую роль в древнерусском обществе, сформулированный в 80-х гг. XX в.⁸¹, с 1990-х гг. стал

ния местного боярства. По мнению В. Л. Янина, новгородские бояре происходили от «родоплеменной старейшины» [Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л., 1982. С. 90]. Конкретных аргументов в пользу этого предположения нет (оно тем более сомнительно, если учесть, что племенные старейшины как влиятельная общественная сила у славян в эпоху после Расселения — скорее всего, историографический фантом, см.: Часть I, Очерк 1). Не больше оснований полагать, что новгородская знать сформировалась в качестве «лидеров городской общины» (см.: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Указ. соч. С. 183—184). Между тем в источниках имеются данные для предположения о формировании новгородского боярства из среды дружинников, в разное время пребывавших в Новгороде. В конце 10-х гг. XI в. новгородским посадником был Константин Добрынич, сын дяди Владимира Святославича по матери Добрыни, уроженца Любеча (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 143; НЛ. С. 121, 161, 164), — это явно не потомок словенской родоплеменной знати и не «лидер местной общины», а представитель династии служилых людей. Сын новгородского посадника Остромира Вышата служил князю-изгою Ростиславу Владимировичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152; НЛ. С. 164). Очень вероятно предположение о происхождении части бояр Людина конца Новгорода от варяга Регнвальда, приехавшего на Русь с женой Ярослава Владимировича, дочерью шведского короля Ингигерд [см.: Гиппиус А. А. «Суть людие новгородци от рода варяжска...» (опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001]. Под 1118 г. упоминается новгородский боярин сотский Ставр (НЛ. С. 21). Он отождествляется со Ставкой Гордятичем, дружинником Владимира Мономаха в годы его юности (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 126—130). Вероятнее всего, новгородская верхушка сложилась из потомков словенской дружинной знати и представителей тех дружинных контингентов, что пребывали в Новгороде в X — начале XI в. с князьями-наместниками киевских князей — Святославом, Владимиром, Вышеславом, Ярославом. Непрочное и временное положение в Новгороде князей, рассматривавших пребывание там как ступеньку к киевскому столу, привело к ранней консолидации новгородской знати в корпорацию, со временем все более приобретающую известную независимость от княжеской власти.

⁸¹ Горский А. А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // ВМУ. Сер. История. 1982. № 4; он же. Дружина и

в историографии (исключая, разумеется, сторонников теории «городов-государств общинного типа») едва ли не общим местом⁸². Появился даже термин «дружинное государство», причем таковым предлагается считать Русь довольно короткого исторического периода (IX—X вв.⁸³ или 2-й половины X — начала XI в.)⁸⁴. Подобное определение, во-первых, на мой взгляд, правомерно лишь в качестве одного из условных обозначений государства — по типу организации в нем элитного слоя (в той же мере, как Российскую империю XVIII—XIX вв. можно определить как «дворянское государство», т. к. в нем элита была представлена сословием дворянства, или Советский Союз как «партбюрократическое государство»). Во-вторых, если исходить из данного признака, о «дружинной государственности» на Руси можно говорить не до начала XI в., а примерно до 2-й половины XII в. Усложнение в XI — 1-й половине XII в. внутридружинной иерархии не означало исчезновения дружинной корпорации как таковой. Указания на «дружину» как на совокупность представителей знати того или иного княжества встречаются даже во 2-й половине XII столетия⁸⁵. Лишь в конце XII—XIII вв. дружину в этой роли сменяет княжеский «двор»⁸⁶.

генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9; *он же*. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8; *он же*. Древнерусская дружина. М., 1989.

⁸² См., например: *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. М., 1993; *Котляр Н. Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // ДГ. 1992—1993 гг. М., 1995; *Мосца О.* Le rôle des élites guerrières dans le formation des centres urbains de la Rus' Kévenne, d'après la fouille des tombes // Les centres protourbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000; *Шинаков Е. А.* Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; *Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // СР. Вып. 4. М., 2003; *Свердлов М. Б.* Начальная история России: Исследовательские традиции и новации // Вестник РАН. 2003. № 1.

⁸³ *Котляр Н. Ф.* Указ. соч. С. 46—48.

⁸⁴ *Шинаков Е. А.* Указ. соч. С. 285—287.

⁸⁵ Так, в летописном рассказе о борьбе за черниговский стол после смерти Святослава Ольговича в 1164 г. «дружиной» именуется как высшая знать Чернигова, присягающая новому князю вместе с епископом,

Заключая краткое рассмотрение проблемы общественного строя Киевской Руси, можно сказать, что его правомерно условно определять как «государственно-феодальный», с той оговоркой, что государство — «совокупный феодал» было представлено князьями и окружавшей их дружинной знатью.

так и знать рангом пониже, сидевшая «по городомъ далече» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522—523). Как «вся дружина от мала до велика» определяется знать Владимиро-Суздальского княжества, съехавшаяся в 1174 г. во Владимир по получении известия об убийстве Андрея Боголюбского для решения вопроса о престолонаследии (там же. Т. 1. Стб. 371).

⁸⁶ См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 80—81.

Очерк 3

«ИМПЕРИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ»?

В историографии распространено представление о Киевской Руси как государстве с имперскими чертами. Это связано отнюдь не только с догматическим восприятием определения ее К. Марксом как «империи Рюриковичей»¹ в историографии советской эпохи: именование Руси X—XII вв. «империей» можно встретить и у авторов, далеких от марксизма². Главным основанием для такой характеристики служит расхожий тезис о полиэтничном характере Древнерусского государства (в частности, в литературе получила распространение цифра 22 — столько неславянских народов якобы находилось в ее составе).

Как говорилось выше (см. Часть I, Очерк 4), государство Русь складывалось в IX—X вв. путем перехода под власть киевских князей восточнославянских догосударственных общностей. Что касается неславянских — финно- и балтоязычных племен, то среди них выделяются две группы. Земли одних — мери в Волго-Окском междуречье, веси в районе Белоозера, муромы на нижней Оке, води и ижоры у берегов Невы и Финского залива, голяди на р. Протве — вошли непосредственно в государственную территорию Ру-

¹ *Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L., 1899. P. 76—77.*

² В этом плане показательна относительно недавняя публикация, в которой автор весьма сурово высказывается о марксизме и одновременно постоянно именуется Киевскую Русь «империей»: *Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // ВИ. 1994. № 10.*

си, подверглись славянской колонизации, а сами эти племена постепенно были ассимилированы и христианизированы. Другие — чудь, ливы, латгалы, земгалы, курши, литва в Восточной Прибалтике, емь, корела (Юго-Восточная Финляндия), пермь, печера, югра на Северо-Востоке Восточной Европы, черемисы и мордва в Среднем Поволжье — платили русским князьям дань³, но остались вне государственной территории Руси⁴. Таким образом, говорить о полиэтничном характере Древнерусского государства если и можно, то с существенными оговорками: были постепенно ассимилируемые славянами анклавы финно- и балтоязычного населения и была внешняя сфера влияния; включения в территорию государства крупных массивов неславянского (и неправославного) населения, сохранявших после присоединения свой язык, веру и общественную структуру (т. е. процесса, характерного для Русского государства с середины XVI столетия), не происходило.

Другое основание для положения об имперском характере Древнерусского государства — претензии киевских князей на императорские титулы. К таковым относятся *каган* — высший титул у тюрко-монгольских народов, и *цесарь* (*царь*) — титул, каким у славян обозначались императоры Византии (соответствовало греч. βασιλεύς) и Священной Римской империи (соответствовало лат. *imperator*).

Как говорилось выше (см. Часть I, Очерк 4), правитель среднеднепровской Руси в IX в. действительно именовался каганом, причем появление такого титула было, возможно, связано с причастностью к формированию в первой половине столетия в Среднем Поднепровье политического образования под названием *Русь* члена правящего рода Хазарии. Но в период с вокняжения в Киеве Олега этот титул перестает проследиваться по источникам. Если в 871 г., судя по письму Людовика II Василию I Македонянину, в Византии признавался титул кагана за правителем Руси, то в X в. византийская императорская канцелярия считала «каганом» только правителя Хазарии⁵. В арабских известиях о Руси се-

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4, 10—11.

⁴ См.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

⁵ См.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 41.

редины X в. (т. н. сведения «о трех группах русов»), в отличие от более ранних известий, основывающихся на источнике второй половины IX столетия (подробно см. Часть I, Очерк 4), титул «каган» также отсутствует, русские князья именуются только арабским термином «малик»⁶. Поэтому представляется вероятным, что в период от Олега до Владимира титул «каган» на Руси не употреблялся.

Вновь именуются «каганами» Владимир Святославич и Ярослав Владимирович в памятниках середины XI в. («Слове о Законе и Благодати» и «Исповедании веры» Илариона)⁷. Позже в граффито из киевского собора св. Софии каганом титулован еще один русский князь, вероятнее всего — Святослав Ярославич (ум. 1076 г.)⁸. Наконец, в «Слове о полку Игореве» каганом назван один из сыновей Святослава Ярославича: по традиционному мнению, это Олег Святославич, но не исключено, что имеется в виду его брат Роман⁹. Олег и Роман не были киевскими князьями, но и тот, и другой владели Тмутороканским княжеством, расположившимся на части бывшей хазарской территории и включавшим в себя хазарское население. Поэтому употребление в «Слове о полку Игореве» термина «каган» справедливо связывается с владычеством князя, им названного, над хазарами, чей правитель прежде именовался этим титулом¹⁰. Возможно и само вторичное появление титула «каган» на Руси было вызвано к жизни появлением русских владений на бывшей хазарской территории¹¹: Тмутороканское княжество появляется именно при

⁶ См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. С. 411—415.

⁷ Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 78, 91—92, 99; Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavia. 1963. Roč. 32. Seš. 2. S. 75.

⁸ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1961. С. 49—52.

⁹ См.: Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святослава внука Ольгова. М., 2002. С. 98, 165—166.

¹⁰ Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 377—378.

¹¹ В ПВЛ особо подчеркивается, что русские князья «до днешнего дне» владеют хазарами (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17).

Владимире, по отношению к которому впервые после IX в. фиксируется данный титул; Ярослав после смерти в 1036 г. своего брата Мстислава, князя черниговского и тмутороканского, тоже владел Тмутороканью; Святослав Ярославич также был сюзереном Тмутороканского княжества — там сидели его сыновья (в период киевского княжения Святослава — по-видимому, Роман)¹².

Таким образом, собственно «имперские» притязания как в употреблении титула «каган» к русским князьям в IX в., так и в его вторичном применении к русским князьям конца X—XI в. усмотреть сложно.

Что касается царского титула, то первый известный случай его приложения к русскому князю относится к 1054 г. В граффито на стене киевского собора св. Софии говорится об «успении царя нашего»; речь идет о Ярославе Мудром¹³. Впоследствии в домонгольскую эпоху царями именовались тот же Ярослав, свв. Борис и Глеб, Мстислав Владимирович (сын Владимира Мономаха), его сын Изяслав и внук Роман Ростиславич; к Владимиру Мономаху, Изяславу Мстиславичу и его брату Ростиславу прилагался глагол «царствовать», в отношении правления Мстислава Владимировича и его внука Рюрика Ростиславича употреблялся термин «цесарствие», «цесарство»¹⁴. Можно ли на основе этих данных говорить о претензиях правителей Киевской Руси на царское достоинство, т. е. на равный статус с императорами Византии и Священной Римской империи? Скорее всего, нет. Среди русских князей, к кому прилагалась «царская» терминология, — Борис и Глеб, которые киевскими князьями не были. Как показано В. А. Водовым, применение царского титула к русским князьям носило окказиональный характер: он мог употребляться для прославления князя с использованием византийских образцов красноречия, для подчеркивания политического престижа умершего

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152—153, 190. Не исключено, разумеется, что в «возрождении» титула «кагана» сыграла роль и память о его наличии у предшественников «Рюриковичей» на киевском столе.

¹³ См.: *Высоцкий С. А.* Указ. соч. С. 39—41.

¹⁴ Примеры применения к русским князьям «царской» терминологии собраны В. А. Водовым: *Vodoff W.* Remarques sur le valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XV-e siècle // *Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. 11.* Oxford, 1978. P. 18—19.

князя, в связи с главенством князя в церковных делах и с культом князя-святого¹⁵.

В историографии киевский князь XI — начала XII в. обычно именуется «великим князем», в отличие от других членов рода Рюриковичей, просто «князей». Действительно, в отдельных случаях при летописных упоминаниях киевских князей этого времени встречается эпитет *великий*¹⁶. Более того, в памятнике X в. — договоре 944 г. с Византией — видно подчеркнутое стремление именовать тогдашнего правителя Руси Игоря именно *великим князем*¹⁷. Но последовательного применения к киевским князьям этого определения, такого применения, которое позволяло бы говорить об утверждении за верховным правителем Руси великокняжеского титула, ни в X, ни в XI, ни в начале XII в. не наблюдается¹⁸. Причину этого следует видеть в особенностях системы власти на Руси.

В условиях XI столетия, когда все восточнославянские земли были под властью одного княжеского рода, нужда в особом титуле для верховного правителя отсутствовала: таковым являлся тот, кто считался старейшим в роде и сидел в Киеве¹⁹. Княжеское достоинство стало признаваться только за Рюриковичами. Если правитель древлян середины X в. Мал для летописцев конца XI — начала XII в. — князь²⁰, то вождь вятичей Ходота, войны с которым во 2-й половине XI в. упоминаются Владимиром Мономахом в его «Поучении», киевским князем-писателем называется

¹⁵ *Vodoff W.* Op. cit.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161, 215.

¹⁷ Когда речь идет лично об Игоре, он называется «великим князем русским» (в греческом тексте, очевидно, стояло μέγας ἄρχων τῶν ῥώσ), когда же оговаривается вообще роль киевского князя (не конкретно Игоря, а любого, т. е. имея в виду и будущее время) в каком-либо случае, определение «великий» при слове «князь» отсутствует (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46—48, 50—53).

¹⁸ См.: *Poppe A.* Words that Serve the Authority: on the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // *Acta Poloniae Historica.* Т. 60. Warszawa, 1989.

¹⁹ Западноевропейские авторы, не связанные представлениями о взаимоотношениях внутри русского княжеского рода, называли киевского князя термином, обозначающим по-латыни верховного правителя независимого государства, — rex (король); см.: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993. С. 149—150, прим. 20.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—56.

без титула²¹: в его время только представители киевского рода имели право именоваться *князьями*. Общим названием для них становится понятие *князь русский*. Именно этот термин в русской форме и его греческом эквиваленте *ἄρχων ῥωσσίας* встречается на печатях русских князей, известных с конца X — начала XI в.²²

В связи с этим показательны события 1116 г. Тогда Владимир Мономах пытался с помощью военной силы возвести на императорский престол в Византии сначала своего зятя, самозванца Леона (Льва) «Диогеновича», а после его гибели — своего внука Василия Леоновича²³. При этом ему, князю, самому бывшему внуком византийского императора по матери (и гордившемуся этим родством), очевидно, не приходило в голову обеспечить своим потомкам «царское» достоинство более легким с политической точки зрения способом, чем война с могущественной империей, — объявить «царством» Русь.

Таким образом, серьезных оснований видеть в Киевской Руси государство имперского типа нет. Типологически она ближе не Византийской империи и империи Каролингов, а моноэтничным европейским государствам средневековья.

²¹ Там же. Стб. 248.

²² См.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970. № 25—28, 30—31. С. 170—172. Наиболее ранняя фиксация термина «князь русский» — на печати Ярослава Мудрого (начало XI в.): Янин В. Л. Две древнерусские вислые печати начала XI в. // ГЕННАДИОС: к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 292—300.

²³ См.: Горский А. А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // Исторические записки. Т. 115. М., 1987.

Очерк 4

ОТ ЯЗЫЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

К ХРИСТИАНСКОМУ:

РЕЗКАЯ ЛОМКА ИЛИ ПЛАВНЫЙ ПЕРЕХОД?

Источники практически не сохранили прямых сведений о том, как было воспринято населением Руси на ментальном уровне крещение, происшедшее в конце X в. Судить о масштабах, характере и особенностях психологической адаптации к смене религии, т. е. главной мировоззренческой парадигмы средневекового человека, можно лишь по косвенным данным.

Главное, что бросается в глаза — относительная (в сравнении со многими другими странами) легкость, с которой совершилось крещение. Единственное известие о сопротивлении ему относится к Новгороду и содержится в поздней Иоакимовской летописи¹; достоверность его весьма сомнительна². В Киеве крещение не вызвало активных проявлений недовольства³. Никаких данных об организованном сопротивлении крещению в конце X в. в других регионах источники не содержат.

¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 112—113.

² В целом сведения Иоакимовской летописи баснословны (см.: *Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // Там же. С. 50—52); в отношении рассказа о крещении новгородцев В. Л. Яниным выдвинута гипотеза о его достоверной основе [*Янин В. Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 49—56].

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116—118.

Между тем такие данные имеются по периоду, когда от официального принятия христианства прошло почти столетие. Это 60-е—70-е гг. XI в. Именно тогда имеют место восстание во главе с волхвами в районе Ярославля — Белоозера⁴, выступление новгородцев, побуждаемых языческим волхвом, против местного епископа⁵, деятельность (небезуспешная — «его же невегласи послушаху») некоего волхва в Киеве⁶.

В историографии было принято связывать эти выступления с усилением феодального гнета, а антихристианскую их форму объяснять реанимацией древних языческих традиций для нужд социальной борьбы⁷. В Ярославско-Белозерском восстании ведущую роль, возможно, играло местное финно-угорское население (меря, весь), еще слабо охваченное христианизацией⁸. Но киевские и новгородские брожения происходили не среди крестьян (в отношении которых можно было бы рассуждать об «усилении гнета» в XI столетии), а среди горожан, несомненно русских и крещеных (причем не в первом поколении). Очевидно, указанного объяснения как минимум недостаточно.

Представляется, что вспышка антихристианских настроений в третьей четверти XI в. станет понятней, если учесть особенности процесса реального внедрения христианских норм в жизнь населения Руси.

После официального крещения Владимир Святославич принял, по-видимому, попытку непосредственного введения в правовую практику византийских юридических норм; однако такой «резкий рывок» не был принят верхушкой русского общества, и вскоре князь решил вернуться к привычной системе штрафов —

⁴ Летописный рассказ о нем (там же. Стб. 175—178) помещен под 1071 г., но реально эти события произошли, скорее всего, в конце 1073—1074 гг. (см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 62—64).

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 180—181.

⁶ Там же. Стб. 174—175.

⁷ См.: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв. М.; Л., 1955.

⁸ *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 91—92.

«вир»⁹. Но эта система не включала наказаний за нарушение христианских норм повседневной жизни, и пришлось начать работу по выработке собственного законодательства в данной области.

Еще в правление Владимира (до 1011 г.) был принят церковный устав, согласно которому преступления против нравственности передавались в ведение церкви. Однако текст устава содержал только перечень нарушений, без конкретизации наказаний за каждое из них¹⁰.

Есть основания полагать, что в начале XI столетия в области морально-нравственных норм даже верхушка общества продолжала руководствоваться языческими представлениями. Как известно, совершившееся в 1015 г. убийство Бориса и Глеба Владимировичей получило широкий общественный резонанс, братья стали первыми русскими святыми. Но их канонизация и создание посвященного им цикла литературных произведений имели место только в середине — второй половине XI в.¹¹, то есть явились продуктом деятельности в основном следующего поколения. Между тем в 1015 г. имели место еще два убийства, тоже вероломных (и к тому же массовых), которые отрицательной реакции в литературе не вызвали. Это избиение новгородцами «в ночь» нанятых Ярославом варягов, творивших в Новгороде насилия, и ответное «иссечение» Ярославом виновных в этом деянии новгородцев¹². Летописцы не осуждали действия ни горожан, ни Ярослава; можно было, казалось бы, хотя бы умолчать о лицемерных словах князя при приглашении новгородских мужей с целью их убийства

⁹ См.: *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. № 1. М., 1996.

¹⁰ ДКУ. М., 1976. С. 13—86.

¹¹ См.: *Понне А.* О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. Т. 1. München, 1973; *он же.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Ibid.* Т. VIII, I. München, 1995; *Ужсанков А. Н.* К вопросу о времени написания «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы. XI—XIV вв. Сб. 5. М., 1992; *Биленкин В.* «Чтение» преп. Нестора как памятник «глеборисовского» культа // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. Ср.: *Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. Т. VIII, I. München, 1995.

¹² НПЛ. С. 174—175; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140—141; Т. 2. Стб. 127—128.

[«уже мнѣ сихъ (т. е. варягов. — А. Г.) не кресити»¹³], обличающих явно расчетливое вероломство, — но не сделано было и этого. По-видимому, из рассказа о совершенном Ярославом вытекало понятное читателям без лишних пояснений оправдание: князь мстил тем, кто совершил вероломное убийство варяжских дружинников, — людей, доверившихся ему, находившихся под его правовой защитой. Убийство же новгородцами варягов оправдывалось мстью за чинившиеся ими бесчинства. Без какой-либо оценки сообщается и об убийстве по приказу Ярослава в начале 20-х гг. XI в. его двоюродного дяди — бывшего новгородского посадника Константина Добрынича¹⁴.

Фактически летописцы к этим деяниям относятся так же, как к более ранним убийствам язычниками язычников: Олегом (по Начальному своду — Игорем) Аскольда и Дира, древлянами — Игоря, Ольгой — древлян, Олегом Святославичем — Люта Свенельдича, Владимиром — брата Ярополка. Во всех этих случаях действия убийц не осуждаются, а объясняются теми или иными мотивами, явно неприемлемыми для христианина, но оправдывающими язычника (Ольга и Владимир в момент совершения убийств были еще язычниками), не связанного запретом на убийство: для Олега это узурпация Аскольдом и Диром княжеского титула, для древлян — нарушение Игорем норм сбора дани, для Ольги — месть за убийство мужа, для Олега Святославича — нарушение Лютом границы охотничьих угодий, для Владимира — тот факт, что борьбу с братьями начал Ярополк¹⁵. Отсутствие отличий в оценке этих деяний и подобных им событий начала XI в. (кроме убийства Бориса и Глеба) показывает, что последние не подверглись переосмыслению в эпоху Начального летописания (2-я половина XI — начало XII в.), и о них сказано так, как они воспринимались их современниками, людьми начала XI столетия: это восприятие, следовательно, еще не отличалось от языческого — если убийцы имели какие-то резоны для своих дей-

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140; Т. 2. Стб. 127.

¹⁴ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1 С. 110 (Новгородская IV летопись).

¹⁵ Там же. Т. 1. Стб. 23, 54—57, 74—78; Т. 2. Стб. 16—17, 42—46, 62—66.

ствий (в ситуации 1015 г. — ответ на насилия и месть), эти действия не осуждались.

Начало третьей четверти XI в. ознаменовалось принятием церковного устава Ярослава. Киевский князь принял его с совета с митрополитом Иларионом, т. е. между 1051—1054 гг., когда Иларион занимал митрополичью кафедру. В Уставе Ярослава уже подробно прописаны наказания за нравственные проступки, при этом предусматривались как церковные, так и светские (со стороны князя) санкции¹⁶.

На середину — третью четверть XI в. приходится, как сказано выше, создание культа свв. Бориса и Глеба. Будучи с политической стороны порождено стремлением утвердить позиции Руси в христианском мире появлением собственных святых покровителей, с точки зрения нравственной оно происходило на фоне изменения отношения к убийству. Такого рода деяния, имевшие место во 2-й половине XI столетия (избиение Мстиславом Изяславичем в 1069 г. киевлян, виновных в свержении его отца; убийство в 1086 г. на Волыни князя Ярополка Изяславича, в 90-х гг. — печерских монахов князьями Ростиславом Всеволодичем и Мстиславом Святополчичем), получают, в отличие от убийств IX — начала XI в., резкое осуждение в литературе¹⁷. Начинают иметь место случаи отказа от убийства там, где прежде ситуация наверняка разрешилась бы именно таким образом. Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи, вероломно захватив Всеслава Брячиславича Полоцкого в 1067 г., не убивают его (как сделал их дед Владимир девяноста годами ранее в аналогичной ситуации с братом Ярополком), а «всего лишь» заключают в «поруб»; во время киевского восстания 1068 г. Изяслав отклоняет совет своих приближенных убить Всеслава¹⁸. Киевский боярин Янь Вышатич во время подавления восстания на Белоозере не считает себя вправе убить захваченных волхвов — предводителей восстания и вы-

¹⁶ ДКУ. С. 85—139; *Милов Л. В.* Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) // Руско-български връзки през векове. С., 1986.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173—174, 202, 206—207; Т. 2. Стб. 163, 194, 197—199; Древнерусские патерики. М., 1999. С. 45, 64—66.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166—171; Т. 2. Стб. 155—160.

ходит из положения, предложив осуществить кровную месть местным жителям — родственникам убитых ими женщин¹⁹.

На третью четверть XI в. приходится и отмена Ярославичами кровной мести — законодательно закрепленного права на убийство²⁰.

Социальными слоями, активно действовавшими по проведению в жизнь христианских норм повседневности, были, несомненно, светская знать и духовенство. В связи с этим примечательно, что именно для третьей четверти XI в. можно предполагать существенную перемену в составе последнего — завершение формирования отечественных кадров высшего клира. Как минимум 8 из 19 епископов, известных во 2-й половине XI столетия, были русскими²¹. Очевидно, именно конец княжения Ярослава и правление Ярославичей были временем выхода отечественного духовенства на ведущие позиции в церковной иерархии, прежде занятые греками — чужеземцами, недостаточно знавшими местные реалии, а зачастую, вероятно, и язык.

Таким образом, можно полагать, что официальное принятие христианства на Руси в конце X столетия не сопровождалось резкой ломкой привычных устоев повседневной жизни (попытка Владимира Святославича внедрить христианские нормы путем прямого введения византийского правового кодекса была быстро оставлена) и потому не оказало шокирующего влияния на ментальность населения. Князь традиционно считался главой религиозного культа²². Население Руси восприняло крещение не как

¹⁹ Там же. Т. 1. Стб. 175—178; Т. 2. Стб. 164—168. Подробнее см.: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 98.

²⁰ Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 104. Расхождения в датировке этого события исследователями находятся в пределах начала 50-х гг. — 1072 г.

²¹ Имею в виду выходцев из Киево-Печерского монастыря — переяславских епископов Николая и Ефрема, ростовских Леонтия и Исаяю, новгородского Германа, владимирово-волинского Стефана, белгородского Луку и юрьевского Марина (см.: Древнерусские патерики. С. 21—22; Щанов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989; Приложение II: Епископы Древней Руси. С. 207—211).

²² Ср.: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь, Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 273.

радикальную смену религии, смену политеизма монотеизмом, а как переход к другому культу, мало чем отличавшийся от перехода к общегосударственному культу Перуна, предпринятого Владимиром несколькими годами ранее 988 г., сразу после захвата им власти в Киеве²³. Культ христианского Бога, по-видимому, рассматривался как один из существовавших на Руси культов, наравне с культурами разных языческих богов; принципиальные отличия христианского мировоззрения от языческого вряд ли могли осознаваться большинством населения.

В конце X — начале XI в. даже верхушка общества — князь и дружинная знать — продолжали в значительной мере в повседневной жизни исходить из языческих представлений. Духовенство, состоявшее почти исключительно из чужеземцев, имело ограниченные возможности воздействия на жизненный уклад широких общественных слоев.

Положение стало меняться, и достаточно радикально, в середине XI столетия. Этому способствовали два фактора. Во-первых, светская знать освоила христианские нормы поведения, во-вторых, выросли отечественные «кадры» духовенства. В результате с конца правления Ярослава начинается активное внедрение христианских морально-нравственных норм. По-видимому, немалая роль в этом принадлежала Илариону, первому митрополиту местного, русского происхождения. Эффективность предпринятого наступления на языческий уклад жизни была связана с тем, что теперь в контроле за соблюдением норм общежития стала участвовать светская знать, — была установлена ответственность за их нарушение как перед церковными властями, так и перед княжеской властью.

Вторжение христианских норм в повседневную жизнь рядового населения и вызвало в третьей четверти XI в. серию конфликтов с религиозной окраской. Однако кризис был преодолен

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79. Вложенные летописцем в уста Ольги слова, что если Святослав примет крещение, то за ним последуют «все» (там же. Стб. 63), и утверждение, что жители Киева в 988 г. с радостью крестились, «глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли» (там же. Стб. 117), возможно, содержат в себе отголоски древнего представления о праве князя на смену культа.

без серьезных потрясений для страны. За прошедшее с официального крещения время в среде светской знати христианство успело достаточно глубоко укорениться (в этом общественном кругу не видно и намека на языческую оппозицию²⁴ — явление, имевшее место после принятия христианства в ряде стран Европы), и сложилось собственное духовенство, хорошо знавшее уклад жизни и особенности ментальности населения. Медленность реальной христианизации страны объективно привела к отдалению кризисного момента и его относительной «мягкости».

²⁴ Даже Всеслав Полоцкий, при всех его «языческоподобных» атрибутах (рождение «от волхвования», «язвено»-амулет, по «Слову о полку Игореве» — оборотнические способности), выступал как активный поборник христианской веры — создал в Полоцке храм св. Софии, назвал сыновей Борисом, Глебом, Романом и Давыдом (т. е. именами первых русских святых — Бориса-Романа и Глеба-Давыда).

Часть III
РУСЬ В СЕРЕДИНЕ XII —
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.

*О светло светлая и
украшно украшена земля Русская!
И многими красотами удивлена еси...*

Из «Слова о погибели Русской земли»

*Почто губим Русскую землю,
сами на ся котору деюще?*

Из речей князей на Любечском съезде 1097 г.
(по «Повести временных лет»)

Очерк 1

ЗЕМЛИ И ВОЛОСТИ

В XII столетии Русь вступает в этап политического развития, который в дореволюционной историографии было принято именовать «удельным периодом», а в советской — «периодом феодальной раздробленности», и существом которого признается разделение единого государства на ряд фактически самостоятельных политических образований. Датировали это разделение по-разному — от 2-й половины XI в. (время после смерти Ярослава) до середины XII в., но наиболее распространено представление об окончательном распаде государства после 1132 г. — года смерти киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха. Действительно, в двадцатилетний период киевского княжения Мономаха и его сына (с 1113 по 1132 г.) власть Киева над Русью была (после ослабления в предшествующее время, при Святополке Изяславиче, с 1093 по 1113 г.) довольно прочной. Даже Черниговское княжество нельзя определить в это время как независимое; а с обособившимся еще в XI в. Полоцким Мономахом и Мстислав обходились весьма жестко, Мстислав в конце 20-х гг. лишил князей полоцкой ветви их столов¹. В остальных крупных волостях (в Новгороде, Смоленске, Переяславле, Владимире-Волынском, Турове, Ростове) сидели сыновья и внуки Мономаха. После же смерти Мстислава начались усобицы, и процесс обособления княжеств пошел полным ходом.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297—299, 301.

Термины «удельный период» и «феодалная раздробленность», разумеется, условны (понятие «удел» появляется на самом деле только в XIV в.²). Что изменилось в XII столетии, если исходить из понятий, существовавших в ту эпоху?

Наиболее заметным изменением является то, что термин «земля» с территориальным определением стал применяться к отдельным регионам Руси. Ранее он употреблялся (за единственным исключением, связанным со специфической ситуацией) только по отношению к государству в целом — «Русская земля» (см. Часть II, Очерк 1). Теперь же в источниках появляется целый ряд «земель». Рассмотрим их упоминания в XII—XIII вв. («земли» располагаются в порядке хронологии первого упоминания).

Полоцкая земля. Под 6636 (1128) г. в летописании Северо-Восточной Руси «Полоцкой землей» названы владения Рогволода, полоцкого князя X в., независимого от Киева: «Рогволоду держащу и владѣюще и княжащу Полотъскою землею»³. Нет оснований сомневаться, что здесь ретроспективно использован термин, который прилагался к Полоцкому региону в современную летописцу эпоху.

Новгородская земля. Новгородская I летопись старшего извода под 6645 (1137) г.: «Святъславъ Олговиць съвъкупи всю землю Новгородскую... идоша на Пльсковъ прогонити Всеволода»⁴. Речь идет о сборе войск с новгородской территории. Позднее в новгородском летописании XII—XIII вв. этот термин не встречается, предпочтение отдается понятию «область» или «волость» Новгородская⁵. В южнорусском летописании под 6686 г. приводятся слова князя Мстислава Ростиславича перед походом на Чудь: «Братие, се обидятъ ны погании, а быхомъ узрѣвше на Богъ и на святой Богородици помочь, помъстили себе, и свободилѣ быхомъ Новгородскую землю от поганыхъ». Говоря под тем же годом о смерти Мстислава, летописец подчеркивает, что «плакашеса по

² Первое упоминание — в договоре московского князя Семена Ивановича с братьями (середина XIV в.): ДДГ. М.; Л., 1950. № 2. С. 12.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299.

⁴ НЛ. М.; Л., 1950. С. 25.

⁵ Там же. С. 26, 37, 44, 56, 72, 77, 78, 80, 82, 89, 95. В новгородских источниках XIV в. термин «Новгородская земля» обычен (см.: ГВНП. М.; Л., 1949. С. 16, 17, 19, 20—22, 29, 30, 33).

немь вся земля Новѣгородская»⁶ (т. е. все население Новгородской земли).

Черниговская земля. Южнорусское летописание под 6650 (1142) г.: «Изяслав (князь переяславский. — А. Г.) ѿха ис Переяславлѣ вборзѣ в землю Черниговскую»⁷. «Слово о князьях» (2-я половина XII в.), говоря о черниговском князе Давыде Святославиче (ум. в 1123 г.), называет его князем «всеи земли черниговской»⁸. Под 6766 г. в Галицко-Волынской летописи говорится, что литовский воевода Хвал «велико убиство творяше землѣ Черниговской»⁹.

Судзальская земля. Южнорусское летописание под 6656 (1148) г.: сын Юрия Долгорукого Ростислав «роскоторавься съ отцемь своимь, оже ему отець волости не да в Судзалиской земли»¹⁰. Под 6670 (1162) г. там же сказано, что Андрей Боголюбский изгнал своих родственников, «хотя самовластець быти всѣи Судзальской земли»¹¹.

Под 1169 г. к тому же региону в рассказе об изгнании Андреем епископа Федора прилагается термин «Ростовская земля»¹². Позднее в летописных и иных памятниках разных регионов Руси также встречаются (и довольно часто) оба термина. При этом «Судзальской» земля называется: как объект военных действий — 6 раз¹³, в связи с «радостью» или «печалью» ее населения — 5 раз¹⁴, как территория, находящаяся под верховной властью князя (Ярослава Ярославича, 60-е гг. XIII в.), — 4 раза¹⁵, как место приезда церковного иерарха — 3 раза¹⁶, как регион, куда был направлен

⁶ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 607—610.

⁷ Там же. Стб. 311.

⁸ ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 340.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 840.

¹⁰ Там же. Т. 1. Стб. 366.

¹¹ Там же. Стб. 520.

¹² Там же. Стб. 355 (2 раза), 357; ср.: Т. 2. Стб. 551, 554.

¹³ Там же. Т. 2. Стб. 618, 620, 779, 785; Т. 1. Стб. 462, 464; *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 174—175 (Житие Александра Невского).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566, 659; Т. 1. Стб. 440, 473; *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 178.

¹⁵ ГВНП. № 1—3. С. 10—13.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630; Т. 1. Стб. 472, 485.

с малолетним князем тысяцкий, — 1 раз¹⁷, как объект княжения (Всеволода «Большое Гнездо») — 1 раз¹⁸, как объект монгольской переписи 1257 г. — 1 раз¹⁹. «Ростовской» земля именуется главным образом тогда, когда речь идет о церковных делах (что естественно, т. к. именно Ростов оставался епархиальным центром Северо-Востока Руси)²⁰; при этом в одном известии о поставлении епископа земля названа «Ростовской и Суздальской и Володимерьской»²¹. Иных случаев три. В 1174 г., во время междоусобной войны между братьями и племянниками убитого Андрея Боголюбского, на Михалка Юрьевича, «затворившегося» во Владимире (городе, который Андрей сделал столицей княжества вместо Суздаля), его противники «приѣхаша же со всею силою Ростовская земля»²². В этой ситуации «Ростовской землей» названа (во владимирском летописании) часть княжества без ее столицы, часть, находившаяся под контролем племянников Андрея, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, чьими главными сторонниками были ростовские бояре. После изгнания Михалка старший из братьев Мстислав сел в Ростове, а младший Ярополк — во Владимире; и летописец (владимирский) счел возможным записать, что «сѣдѣша Ростиславичема в княженьи земля Ростовская»²³, — т. е. изменение роли Ростова, ставшего ненадолго «старшим» столом, повлекло за собой именование по нему земли. В третий раз земля названа «Ростовской» в рассказе об антимонгольском восстании в Северо-Восточной Руси 1262 г., причем города, из которых изгнали сборщиков дани, перечислены в таком порядке: Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль²⁴. Данное известие принадлежит ростовскому летописцу, очевидно поэтому и земля поименована по Ростову.

Галицкая земля. Южнорусское летописание под 6660 (1152) г.: войска киевского князя Изяслава и венгерского короля Гезы

¹⁷ Древнерусские патерики. М., 2000. С. 10.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436.

¹⁹ Там же. Стб. 475.

²⁰ Там же. Стб. 357, 391, 438, 476.

²¹ Там же. Стб. 408.

²² Там же. Стб. 373; ср. Т. 2. Стб. 597.

²³ Там же. Т. 1. Стб. 374; ср. Т. 2. Стб. 598.

²⁴ Там же. Т. 1. Стб. 476.

«вшедше в землю Галичкую»²⁵. Под тем же годом приводятся слова Гезы, что в случае, если галицкий князь преступит крестоцелование, то «любо азъ буду в Угорьской земли, любо онъ в Галичкою», «любо голову сложю, любо налѣзу Галичкую землю»²⁶. Позже термин встречается под 1153 г. («плачь великъ по всеи земли Галичѣстѣи») ²⁷, 1187 г. (князь Ярослав «созва мужи своя и всю Галичкую землю») и заявил, что «азъ одиною худою своею головою ходя, удержал всю Галичкую землю»²⁸, 1188 г. (Владимир Ярославич «княжашу... в Галичкою земли») ²⁹. В Галицко-Волынской летописи XIII в. «земля Галицкая» упоминается семь раз — шесть как объект военных действий³⁰ и однажды как обозначение населения земли³¹.

Волынская (Вельнская) земля, она же «Владимирская». В южнорусском летописании под 6682 (1174) г. сообщается: «По сем же приде Ярославъ Лучськыи на Ростиславичъ же со всею Вельнско (вар.: Волынскою) землею»³². Речь идет о войсках Волынской земли. Неясно, названы ли так силы только Луцкого княжества Ярослава Изяславича или термин «вся Волынская земля» употреблен потому, что в походе Ярослава участвовали и войска из Владимиро-Волынского княжества, где правил его племянник Роман Мстиславич. Позже, в Галицко-Волынской летописи XIII в., по отношению к Волини употребляется термин «Владимирская земля», т. е. земля обозначается по стольному городу. Под 6713 г. говорится, что «бѣда бо бѣ в землѣ Володимерьстѣи от воевань литовьского и ятвяжьскаго»; из контекста видно, что «Владимирская земля» включает в себя г. Червень (где тогда княжил младший брат владимиرو-волынського князя)³³. Под 6791 г. сказано, что татары «учиниша пусту землю Володимерьскую»³⁴. Название

²⁵ Там же. Т. 2. Стб. 448.

²⁶ Там же. Стб. 451—452.

²⁷ Там же. Стб. 468.

²⁸ Там же. Стб. 656—657.

²⁹ Там же. Стб. 659.

³⁰ Там же. Стб. 746, 753, 771, 775 (2 раза), 793.

³¹ Там же. Стб. 759.

³² Там же. Стб. 576—577.

³³ Там же. Стб. 721.

³⁴ Там же. Стб. 893.

«Волынская земля» вновь встречаем только в источниках XIV в., причем севернорусских. Митрополит Петр (ум. в 1326 г.), согласно его Житию, исходил «Волынскую землю, и Киевскую, и Создальскую землю, уча везде вся»³⁵. В Новгородской I летописи говорится о приезде в Новгород послов от митрополита Феогноста «из Вельньской земли» и последующем поставлении новгородского архиепископа «въ Вельньской земли» (1331 г.)³⁶. Под 6857 (1349) г. в той же летописи сообщается, что поляки «взяша лествю землю Волынскую»³⁷. В редакции Жития митрополита Петра, созданной митрополитом Киприаном (конец XIV в.), упоминается «земля Вельньская», родина героя произведения, и «князь Вельньская земли»³⁸. Включает ли понятие «Волынская земля» только Владимиро-Волынское княжество или также и Галицкое, находившееся с конца 30-х гг. XIII в. под властью той же княжеской ветви — волынских Романовичей (что дало историкам основания говорить о «Галицко-Волынской Руси» как едином целом)? Из известий Новгородской I летописи это не вполне ясно, но свидетельства Жития Петра несомненно говорят в пользу второго варианта. «Князь Волынской земли» (бывший инициатором выдвижения Петра в митрополиты) — это Юрий Львович, владевший одновременно и Волынью, и Галичиной. Соответственно автор первой редакции Жития, говоря об учительской деятельности Петра, имеет в виду под «Волынской землей» объединенное Галицко-Волынское княжество, а не только «волынскую половину» владений Юрия³⁹. Следовательно, происшедшее в середине XIII в. объединение «Володимерской» и «Галицкой» «земель» под властью одной княжеской ветви дало основание рассматривать их совокупность как одну «землю»⁴⁰.

³⁵ Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 415.

³⁶ НЛ. С. 99, 343—344.

³⁷ Там же. С. 361.

³⁸ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 205, 207—208.

³⁹ Подкрепляет толкование «Волынской земли» XIV в. как совокупности Волыни и Галичины «Список русских городов, дальних и ближних» (конец XIV в.): города Галицкого княжества (Галич, Перемышль, Теревовль и др.) названы там в числе городов «Волынских» (НЛ. С. 476).

⁴⁰ Кстати, в Галицко-Волынской летописи употребление термина «Галицкая земля» обрывается в начале 40-х гг. XIII в., т. е. практически

Смоленская земля. Под 6698 (1190) г. в южнорусском летописании говорится, что киевскому князю Святославу Всеволодичу «бьшеть... тьяа с Рюриком и съ Давидомъ (смоленским князем. — А. Г.) и Смоленскою землею»⁴¹.

Белзская и Червенская земля. В Галицко-Волынской летописи под 6733 г. рассказывается, что владими́ро-во́лынский князь Даниил Романович «воевавшю с ляхи землю Галичкью и около Любачева, и плѣни всю землю Бельзеськую и Червеньскую»⁴². Столы в Белзе и Червене занимал тогда двоюродный брат Даниила Александр Всеволодич, независимый от владимирского князя. Таким образом, данная территория названа «землей» тогда, когда она являла собой самостоятельное княжество.

Перемышльская земля. В Галицко-Волынской летописи под 6734 г. говорится, что галицкие бояре, боясь расправы со стороны своего князя Мстислава Мстиславича, «отидоша в землю Перемышлескую, в горы Кавокасьския, рекше во Угорьския»⁴³. Перемышль не был тогда центром отдельного княжества, и термин «земля» в данном случае не несет территориально-политического оттенка: речь идет просто о территории близ Перемышля.

Рязанская земля. Впервые названа так в разных летописях при описании нашествия на нее Батые («придоша иноплемьници, глаголемии татарове, на землю Рязанскую»⁴⁴; «бысть первое приходъ ихъ на землю Рязанскую»⁴⁵; «и почаша воевати Рязанскую землю»⁴⁶); вторично — в летописании Северо-Восточной Руси как объект монгольской переписи 1257 г. («исщетоша всю землю Сужальскую и Резанскую и Мюромьскую»)⁴⁷.

Пинская земля. Под 6756 г. в Галицко-Волынской летописи сказано, что литовский военачальник Скомонд «повоева землю Пинскую»⁴⁸.

сразу после закрепления Галичины за владими́ро-во́лыньским князем Даниилом Романовичем.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 270.

⁴² Там же. Стб. 746.

⁴³ Там же. Стб. 747.

⁴⁴ НЛ. С. 74.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.

⁴⁶ Там же. Т. 1. Стб. 460.

⁴⁷ Там же. Стб. 475.

⁴⁸ Там же. Т. 2. Стб. 799—800.

Муромская земля. Названа в летописании Северо-Восточной Руси в числе объектов монгольской переписи 1257 г.⁴⁹

Приведенные сведения позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, употребление термина «земля» по отношению к составным частям Руси прослеживается со 2-й четверти XII в. Это хорошо коррелирует с тем фактом, что в XI — начале XII в. на Руси «землей» считалось только одно отечественное политическое образование — «Русская земля», т. е. Древнерусское государство в целом. Появление нескольких «земель» хронологически совпадает, таким образом, с обретением отдельными русскими волостями фактической самостоятельности по отношению к Киеву.

Во-вторых, можно подвести черту в давнем споре, соответствовали или нет «земли» территориям догосударственных общностей — «Славиний», упоминаемых Баварским географом, Константином Багрянородным и ПВЛ⁵⁰. В этой дискуссии можно было, казалось бы, поставить точку в 1951 г. после выхода в свет работы А. Н. Насонова⁵¹. Проведенное им тщательное историко-географическое изучение русских княжеств (земель-«полугосударств», по терминологии автора) сделало ясным, что их границы XII—XIII вв. не совпадали с пределами догосударственных

⁴⁹ Там же. Т. 1. Стб. 475.

⁵⁰ В пользу территориального соответствия «племен» и «земель» удельной эпохи высказывались М. П. Погодин, В. В. Пассек, с оговорками — Н. П. Барсов [см.: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. М., 1850. С. 326—328; *Пассек В.* Княжеская и докняжеская Русь // Чтения ОИДР. 1870. Кн. 3. С. 74—76; *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 84—85, 93—94], против — С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, М. А. Дьяконов, М. К. Любавский, С. М. Середонин, А. Е. Пресняков (см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1851. С. 25; *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб., 1872. С. 14; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1923. С. 56—57; *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 87—89; *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 154; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 62, 94—97, 137).

⁵¹ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

образований⁵². При этом, помимо мелких расхождений, имеются факты очевидных несовпадений (отмечаемые в историографии еще с позапрошлого века): так, в Киевское княжество вошли бывшие территории двух т. н. «племен» — полян и древлян, а в Черниговскую землю — трех (северян, вятичей и радимичей); территория кривичей оказалась поделенной между Полоцкой и Смоленской землями. Тем не менее тезис о соответствии «земель» и «племенных» союзов не исчез из историографии⁵³.

Новый шаг в изучении вопроса о «землях» был предпринят недавно В. В. Седовым, попытавшимся «наложить» земли XII в. на составленную им археологическую карту восточного славянства. При этом В. В. Седов исходил из тезиса, что «земли» не тождественны княжествам: «...эти термины несут различную нагрузку и их нельзя не разграничивать. Земли — это историко-территориальные образования, в тесном смысле земли... подобными единицами Древней Руси были Новгородская, Ростово-Суздальская, Киевская, Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Галичская и Муромо-Рязанская земли» (ниже автор пишет о Муромской и Рязанской землях как отдельных и добавляет к списку Псковскую землю). В. В. Седов пришел к выводу, что «земли» в основе соответствовали догосударственным этнографическим группам восточного славянства: Новгородская земля — территории словен, Псковская — псковских кривичей, Ростово-Суздальская — мери (автор считает, что этот финский этноним в IX—X вв. был перенесен на расселившуюся в Волго-Клязьминском междуречье славянскую группировку), Киевская (в широком смысле, с Волинью и Турово-Пинским княжеством) — ду-

⁵² Этот следующий из исследования А. Н. Насонова вывод был в концентрированном виде сформулирован Л. В. Черепнинным: *Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 58—61. В дальнейшем границы земель уточнялись в ряде работ: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966; он же. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980; Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.*

⁵³ *Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; он же. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 474.*

лебов (В. В. Седов полагает, что поляне, дреговичи и воляныне были потомками дулебов), Черниговская — руси (по мнению автора, так именовалась общность, из которой вышли северяне, вятичи и радимичи), Полоцкая и Смоленская — кривичей, Галицкая — хорватов, Муромская — муромы (как и в случае с мерей, этот этноним В. В. Седов считает перенесенным к последним векам I-го тыс. н. э. на восточнославянскую группировку), Рязанская — особой группой славян, являвшихся потомками носителей боршевских древностей Верхнего Подонья⁵⁴.

Таким образом, спор оказывается фактически сведен к вопросу: совпадали или нет «земли» XII—XIII вв. с тем, что принято в науке именовать «княжествами», т. е. с политическими образованиями? Если на этот вопрос следует положительный ответ, то вопрос о возможном восхождении «земель» к этнополитической структуре славян догосударственной эпохи снимается, т. к. границы княжеств XII—XIII вв. догосударственному этнополитическому делению не соответствовали (к тому же и часто менялись в течение периода).

Приведенный выше материал источников говорит в пользу тождества «земель» и крупных самостоятельных княжеств. Во-первых, если бы *земли* были древними этногеографическими образованиями, они бы именовались так и в XI — начале XII в. Между тем, как сказано выше, для этого периода применение термина «земля» по отношению к отдельным частям государства Русь не прослеживается; более того, даже по отношению к термину «волость», которым в эту эпоху именовались составные части Руси, не употреблялись притяжательные прилагательные, образованные от названий их центров (см. Часть II, Очерк 1). Во-вторых, исключая упоминание «Перемышльской земли» 1226 г., термин «земля» в XII—XIII вв. применяется именно и только для фактически самостоятельных *политических* образований (в том числе того, которое лишь временно являлось таковым, — княжества Белзского и Червенского). В ряде случаев *земли* фигурируют как объекты княжений конкретных князей (Андрея Бого-

⁵⁴ Седов В. В. Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования // ИЗ. Т. 2. (120). М., 1999; то же в кн.: Седов В. В. Древнерусская народность. М., 1998. С. 230—253.

любского, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, галицких Ярослава Владимировича и Владимира Ярославича, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Ярославича). Изменение статуса столов внутри *земли* могло повлиять на ее именование («Ростовская земля» как объект княжения Ростиславичей в силу перехода к Ростову «старшинства»). Даже в случае, когда имелось древнее название территории, *земля* могла определяться (в местных источниках) по стольному городу (*Владимирская земля*, а не *Волынская*). В случае объединения двух земель под властью одной княжеской династии они начинали рассматриваться как одна земля (Галицко-Волынское княжество как *Волынская земля*). Очевидно, термин, обозначавший суверенные государства, был перенесен на русские княжества по мере того, как они начинали рассматриваться современниками в качестве фактически независимых⁵⁵.

Соответственно, говорить о непосредственной территориальной преемственности *земель* XII—XIII вв. по отношению к догосударственным этнополитическим общностям нет оснований. *Земли* формировались на основе территорий *волостей* — составных частей единого Древнерусского государства конца X — начала XII в. — по мере закрепления последних за той или иной ветвью княжеского рода Рюриковичей. Волости, в свою очередь, формировались в X в. (в основном в конце столетия, при Владимире — см. Часть II, Очерк 1) на основе территорий бывших догосударственных общностей, по мере их перехода под власть Киева. Но в течение XI — начала XII в. состав и пределы волостей менялись в связи с деятельностью князей, усобицами, разделами и дележами территорий, которые осуществлялись без учета прежних, догосударственных этнополитических границ. Поэтому и *земли* — крупные самостоятельные княжества XII в. — уже мало походили в своей конфигурации на «Славинии» IX—X вв.

Посмотрим теперь, что происходило с понятием «волость» (заодно продолжим начатую в Части II проверку, насколько соответствует показаниям источников теория о волости как «городе-государстве» общинного типа).

⁵⁵ В связи с этим примечательно, что наиболее слабые из «земель» — Рязанская, Пинская и Муромская — начинают определяться этим термином только в источниках XIII столетия.

Упоминания волостей в период со второй трети XII в. по первую треть XIII в. можно разделить на две большие группы. В первую входят те, где волость определяется по князю-владельцу. Таких упоминаний о волостях мною зафиксировано 138 — это 83,1% от числа всех упоминаний термина. В 16 случаях под волостью имеется в виду все княжество, в других случаях называемое «землей»⁵⁶. В 38 случаях речь идет о конкретных подвластных тому или иному князю территориях внутри «земли»⁵⁷, в 25 — о «неопределенной», конкретно не ограниченной части «земли» (в основном это упоминания о том, что такой-то князь «повоевал волость» такого-то князя)⁵⁸. 44 раза имеется в виду часть Киевского княжества⁵⁹ (как «земля» в источниках не обозначенного). Еще 4 раза речь идет о Переяславском княжестве⁶⁰ (которое также не именуется «землей»). Наконец, 11 упоминаний говорят об «уряжении» князьями волостей вообще, без территориальной конкретизации⁶¹. Из всех известных первой группы 50 прямо указывают на распределение волостей как на княжескую прерогативу⁶².

Вторая группа включает в себя упоминания «волостей» с «территориальным» определением, образованным от названия стольного города. Таких упоминаний всего 29. При этом лишь про 17 из них (10% от всех упоминаний термина «волость») можно сказать, что указание на город предпочтено упоминанию князя-вла-

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 347, 436; Т. 2. Стб. 301, 383, 388, 451—452, 478, 486, 549, 599, 696; НЛ. С. 54. При этом в шести случаях княжество названо «волостью» до того, как оно поименовано «землей».

⁵⁷ Там же. Т. 1. Стб. 302, 315, 335, 435, 442, 448; Т. 2. Стб. 308, 330, 337, 343, 347, 366, 372, 458, 460, 471, 493—494, 498, 517, 525, 533, 571, 602, 614, 679, 744, 746; НЛ. С. 43, 55, 64; Слово о полку Игореве, Игорь, сына Святыслава, внука Ольгова. М., 2002. С. 92.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413, 434; Т. 2. Стб. 311—312, 332, 375, 455, 458, 476, 488, 571, 579, 592, 695—698, 702.

⁵⁹ Там же. Т. 1. Стб. 329; Т. 2. Стб. 306, 373, 375, 386, 396, 399, 405, 453, 478, 488, 533, 543, 562, 683—686, 696, 701.

⁶⁰ Там же. Т. 1. Стб. 395; Т. 2. Стб. 305, 478.

⁶¹ Там же. Т. 1. Стб. 320; Т. 2. Стб. 310, 312, 343, 378, 499, 523, 534, 604, 700; НЛ. С. 29.

⁶² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 320, 329; Т. 2. Стб. 310, 312, 343, 347, 366, 372—373, 375, 378, 399, 405, 471, 478, 488, 494, 523, 525, 533, 534, 543, 571, 604, 683—686, 701, 744; НЛ. С. 29.

детеля⁶³. В остальных же 12 случаях определения по городу, а не по князю были вынужденными.

Когда в южнорусском летописании под 6643 г. говорится, что Всеволод Ольгович, его братья и сыновья Мстислава Владимировича Изяслав и Святополк «поидоша воуюоче села и города Переяславской власти»,⁶⁴ территориальный эпитет вызван тем, что именно переяславское княжение было причиной конфликта названных князей с правившим в Киеве Ярополком Владимировичем: военные действия начались, когда киевский князь объявил о передаче Переяславля своему брату Юрию (Долгорукуму)⁶⁵. В обращении Всеволода Ольговича к Вячеславу Владимировичу — «Сѣдѣши во Киевской волости, а мнѣ достоить, а ты поиди в Переяславль, откиноу свою» (6650 г.) — имеется в виду, что Вячеслав занимает Туров, стол в пределах Киевского княжества, владениями в котором распоряжается Всеволод (как киевский князь); в результате Туров был передан сыну Всеволода Святославу⁶⁹. В приведенном под 6650 г. заявлении братьев Всеволода Ольговича — «мы просимъ у тебе Черниговской и Новгородской волости, а Киевскоѣ не хотимъ»⁶⁷ — речь идет о трех видах владений Всеволода: тянущих к Чернигову, Новгороду-Северскому и Киеву. Помещенное под 6666 г. воспоминание о том, что отец жены Глеба Всеславича Ярополк Изяславич (ум. в 1086 г.) «вда всю жизнь свою Небльскую волость, и Дерѣвскую, и Лучьскую, и около Киева»⁶⁸. Киево-Печерскому монастырю, также говорит о составных частях владений одного князя. Когда Святослав Ольгович говорит (под 6667 г.), что гневался на Изяслава Давыдовича за то, «оже ми еси Черниговской волости не исправиль», но теперь, когда Изяславу грозит опасность, «Бог мя

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350, 386; Т. 2. Стб. 306, 314, 339, 456, 461, 602, 614, 691, 693; НЛ. С. 56, 64, 71. В пяти случаях речь идет о «Новгородской волости», в пяти — о Смоленской, двух — Черниговской, по одному разу — Владимиро-Волынской, Киевской, «Русской» (в смысле Киевской), Рязанской, Торопецкой.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 246.

⁶⁵ Там же. Стб. 295—297.

⁶⁹ Там же. Стб. 310.

⁶⁷ Там же. Стб. 311.

⁶⁸ Там же. Стб. 492.

избави волости тоя»⁶⁹, речь идет о передаче Святославу (княжившему в Чернигове) части владений Изяслава (ранее перешедшего на княжение в Киев) в пределах Черниговской земли: территориальный эпитет необходим, чтобы было ясно, какие владения Изяслава имеются в виду — киевские или черниговские. О черниговских владениях Изяслава речь идет и в приведенных под тем же годом словах Святослава: «всю волость Черниговскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ»⁷⁰. Когда под 6682 г. говорится, что Олег Святославич, князь новгород-северский, во время конфликта со Святославом Всеволодичем Черниговским «воевашеть Святославлю волость Черниговскую волость»⁷¹, второе определение является пояснением, какие владения Святослава были повоены — около Чернигова (Святославу ещё принадлежали территории на северо-востоке Черниговской земли — т. н. «Вятичи»). В указании под 6683 г., что князья-Ростиславичи «роздѣливше волость Ростовскую»⁷², определение по князю не могло присутствовать, поскольку речь шла о занятии новыми князьями земли, оставшейся без князя (после гибели Андрея Боголюбского). В упоминании под 6683 г. о «туге во всем Посемьи и в Новѣгородѣ Сѣверскомъ и по всей волости Черниговской»⁷³ после поражения Игоря Святославича от половцев территориальное определение понадобилось, чтобы подчеркнуть, что печаль охватила не только владения Игоря и его ближайшей родни (Посемье и Новгород-Северский), но и всю Черниговскую землю (в данном случае термин «волость» выступает как синоним понятия «земля»). Аналогично следует понимать сообщение под 6695 г., что с того времени Кончак стал часто воевать «в Черниговской волости»⁷⁴ — во время набегов страдали владения разных князей, поэтому определение по князю было здесь неуместно. Наконец, упоминание «волости Смоленской» в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича Смоленской епископии⁷⁵ выз-

⁶⁹ Там же. Стб. 498.

⁷⁰ Там же. Стб. 500.

⁷¹ Там же. Стб. 579.

⁷² Там же. Стб. 597.

⁷³ Там же. Стб. 645.

⁷⁴ Там же. Стб. 653.

⁷⁵ ДКУ. М., 1976. С. 144.

вано законодательным характером документа — ведь действие установления предполагалось и при преемниках Ростислава.

Итак, сущность понятия *волость* в середине XII — первой трети XIII в. та же, что и в предшествующую эпоху, — это княжеское владение⁷⁶. Почти не изменилось и соотношение *волости* с *землей*. В небольшом количестве случаев термин *волость* выступает как синонимичный понятию *земля*, но, как правило, *волость* — это, как и в XI— начале XII в., *часть* «земли». Однако поскольку понятие *земля* стало «мельче» — «землями» теперь начали именоваться ставшие самостоятельными крупные княжества, соответственно «измельчало» и понятие *волость*: им стали обозначаться части территорий того или иного крупного княжества-«земли», находившиеся под властью определенного князя. На региональном уровне была воспроизведена структура бывшего единого государства: *земля*, внутри нее — *волости*.

Большинство земель сложилось на основе крупных волостей предшествующей эпохи, закрепившихся за определенными ветвями княжеского рода Рюриковичей. Ранее всех обособилась в династическом отношении Полоцкая земля: еще в конце X в. она была передана Владимиром своему сыну Изяславу и закрепилась за его потомками⁷⁷. Галицкая земля сложилась после объединения волостей с центрами в Перемышле и Теребовле, закрепившихся в конце XI — начале XII в. за сыновьями старшего внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича⁷⁸. С вокняжением в Ростове сына Владимира Мономаха Юрия («Долгорукого») в начале XII в.⁷⁹ берет начало обособление Суздальской земли (Юрий перенес в Суздаль столицу княжества), где стали княжить его потомки. 1127 годом можно датировать окончательное обособление Черниговской земли. В этом году произошло разделение владений потомков Святослава Ярославича, закрепленных за ними Любецким съездом князей 1097 г.⁷¹ на Черниговское

⁷⁶ Разумеется, приведенный материал показывает необоснованность трактовки «волости» как государства-общины во главе с городом.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

⁷⁸ Там же. Стб. 257; Т. 2. Стб. 308.

⁷⁹ Кучкин А. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 67—69, 72—73.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

княжество, доставшееся сыновьям Олега и Давыда Святославичей (с 1167 г., после прекращения ветви Давыдовичей, в нем княжили только Ольговичи), и Муромское, где стал править их дядя Ярослав Святославич⁸¹. Позже Муромское княжество разделилось на два — Муромское и Рязанское — под управлением разных ветвей потомков Ярослава⁸². Смоленская земля закрепилась за потомками Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха, вокняжившегося в Смоленске в 20-х гг. XII в.⁸³ В Волынской земле стали править потомки другого внука Мономаха — Изяслава Мстиславича⁸⁴. Во 2-й половине XII в. за потомками Святополка Изяславича закрепляется Туровское княжество, в XIII в. именуемое «Пинской землей» по своей новой столице.

Что касается Новгородской земли, то здесь в XII в. усилившееся местное боярство стало оказывать решающее влияние на выбор князей, и ни одной из княжеских ветвей не удалось закрепитьсь в Новгороде⁸⁵.

Два княжества XII — начала XIII в., игравшие заметную роль на Руси, не именуются в источниках *землями* — это Киевское и

⁸¹ Там же. Стб. 296, 301; Т. 2. Стб. 290.

⁸² См.: *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X—XIII вв. М., 1977. С. 108—109, 114—115, 120—122.

⁸³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 298.

⁸⁴ Окончательно такое положение определилось после того, как старший сын Изяслава Мстислав отнял Владимир-Волынский у своего дяди Владимира Мстиславича (1156 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484—485).

⁸⁵ См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 94—116. Специфику политического строя Новгородской земли подтверждают наблюдения над термином «волость»: при употреблении по отношению к новгородской территории он ни разу (кроме случаев, когда речь идет о Торжке, который и позже находился в совместном владении Новгорода и владимирских князей) не сочетается с указанием на князя-владельца: речь идет только о «новгородской волости», «волости Новгорода» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 386; Т. 2. Стб. 339, 550, 561; НЛ. С. 56, 64), о «торопецкой волости» как части Новгородской земли (НЛ. С. 64). Сходный с новгородским политический строй сложился в Пскове, но степень независимости Пскова от Новгорода в XII — первой половине XIII в. остается спорной (см.: *Янин В. Л.* «Болотовский» договор: о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV веках // ОИ. 1992. № 6. С. 8—12; а также письмо В. А. Бурова по поводу этой статьи и ответ В. Л. Янина — там же. 1993. № 6).

Переяславское. Причина этого, по-видимому, в существовании в это время понятия «Русская земля» в узком значении: под ней часто понимали Киевское княжество с Переяславским и частью Черниговского (а в некоторых случаях — только территорию, непосредственно подчиненную киевским князьям)⁸⁶. Возможно, Киевское и Переяславское княжества не именовались отдельно «Киевской землей» и «Переяславской землей», т. к. целиком входили в состав «Русской земли» (в то время как Черниговская земля — только частично)⁸⁷.

Киевский стол номинально продолжал считаться «старейшим», а Киев — столицей всей Руси; князья разных ветвей считали себя вправе претендовать на киевское княжение. При этом Киевское княжество стало объектом «коллективного» владения: представители сильнейших ветвей постоянно претендовали на «часть» (владение частью территории) в его пределах⁸⁸. Что касается Переяславля, то им на протяжении XII в. владели потомки Мономаха, но представлявшие разные ветви; к началу XIII в. Переяславское княжество теряет свое значение⁸⁹.

⁸⁶ См.: *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // *Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993 гг.* М., 1995 (здесь же литература вопроса).

⁸⁷ Ср.: *Русіна О.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 35—38 (автор причисляет к княжествам, не называемым в источниках «землями», также и Черниговское, что ошибочно). Примечательно, что термин «Киевская земля» появляется в источниках в начале XIV в. (Макарий, митрополит Московский и Коломенский. Указ. соч. Кн. 3. С. 415 — Житие митрополита Петра), т. е. тогда, когда понятие «Русская земля» в узком значении утратило актуальность.

⁸⁸ См.: *Пацуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965. С. 73—76; *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 154—162; *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—XIII вв. // *ИЗ.* Т. 89. М., 1972. С. 364—365; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 7, 20—22. Ср. отмеченные выше 40 с лишним случаев упоминания «волостей» в пределах Киевского княжества.

⁸⁹ См.: *Горский А. А.* Русские земли... С. 7, 23.

Очерк 2

ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ — К ВЛАДИМИРСКОЙ?

В исторической литературе бытует мнение, что с середины — второй половины XII в. место Киева в роли главного центра Руси занимает Владимир-на-Клязьме, столица Северо-Восточной Руси — т. н. Владимиро-Суздальского княжества. В качестве наиболее заметных фигур политической сцены середины XII — начала XIII столетия на страницах исторических трудов предстают, как правило, князя Северо-Востока — сын Владимира Мономаха Юрий «Долгорукий», его сыновья Андрей «Боголюбский» и Всеволод «Большое Гнездо». И уж во всяком случае считается несомненным, что Суздальская земля была в XII — начале XIII столетия сильнейшей из русских земель, что и предопределило ее роль как ядра нового единого русского государства впоследствии, в «московскую» эпоху¹.

Некоторое сомнение в справедливости этих представлений закрадывается при обращении к такому объективному, не зависящему ни от знания позднейшего развития событий, ни от субъективных пристрастий летописцев и историков показателю, как количество известных науке укрепленных поселений середины

¹ См., например: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2—3. М., 1991. С. 171, 192; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 528—532, 666; *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. М., 1987. С. 275—294, 318—334; *Феннелл Дж.* Кризис средневековой Руси. М., 1989. С. 37—41, 57—58.

ХII — середины ХIII в.² Оказывается, что по количеству крупных (с укрепленной площадью свыше 1 га) укрепленных поселений Суздальская земля всего лишь на третьем месте после Черниговской и Волынской, а по общему числу — и вовсе на седьмом (!), пропуская вперед еще и Смоленское, Киевское, Галицкое и Переяславское княжества.

Земли	Общее количество укрепленных поселений середины ХII — середины ХIII в.	В том числе с укрепленной площадью свыше 1 га
Волынская	96	31
Галицкая	84	22
Киевская	115	20
Муромская	6	1
Новгородская	50	10
Переяславская	78	15
Пинская	12	2
Полоцкая	57	13
Рязанская	50	11
Смоленская	156	18
Суздальская	73	29
Черниговская	268	32

Но может быть этот показатель (несомненно косвенный) искажает картину, а сведения о политической истории Руси подтверждают тезис о превосходстве Суздальской земли?

Юрий Владимирович «Долгорукий» (ум. в 1157 г.), один из младших сыновей Владимира Мономаха, первый самостоятельный князь Суздальской земли, вступил в борьбу за гегемонию на Руси в 1147 г. и боролся с переменным успехом со своим племянником Изяславом Мстиславичем. Прочно утвердиться на киевском столе Юрию удалось только после смерти Изяслава (1154 г.),

² Подсчитано на основе данных, приведенных А. В. Кузой в книге «Древняя Русь. Город, замок, село» (М., 1985. С. 30—31, 116, 119. Табл. 12, 19).

в общей же сложности он занимал его всего около 4 лет³. Сын Юрия Андрей «Боголюбский» в первые десять лет своего княжения во Владимире (именно он перенес туда столицу земли из Суздаля) не принимал активного участия в южнорусских делах. Он начинает претендовать на главенство среди русских князей в конце 60-х годов и не случайно именно тогда: после смерти киевского князя Ростислава Мстиславича (родоначальника смоленской ветви Мономаховичей) в 1167 г. Андрей остался старшим в поколении внуков Мономаха. В конце концов ему удалось одолеть своего соперника и двоюродного племянника — Мстислава Изяславича (1169 г., после взятия посланными Андреем войсками Киева). Сам Андрей в Киеве не сел, оставив там на княжении своего брата Глеба. Это, действительно, породило ситуацию, при которой в перспективе статус общерусской столицы мог перейти от Киева к Владимиру, т. к. именно последний был избран резиденцией князем, признававшимся на Руси сильнейшим. Но такое положение продлилось крайне недолго. Вскоре после смерти Глеба Юрьевича (1171 г.) из повиновения Андрея вышли сыновья Ростислава; новый же поход на Киев (1173 г.) окончился провалом. Затем (1174 г.) Андрей погибает в результате заговора своих приближенных, и в Северо-Восточной Руси вспыхивает междоусобная война. Вышедший из нее победителем к 1177 г. младший брат Андрея Всеволод до середины 90-х годов не претендовал на доминирующую роль: в лучшем случае его можно считать в это время одним из трех сильнейших русских князей — вместе с киевскими князьями-соправителями Святославом Всеволодичем (из черниговских Ольговичей) и Рюриком Ростиславичем (из смоленских Ростиславичей)⁴. В середине 90-х годов, после смерти Святослава, Всеволод признавался Ростиславичами «старейшим в Володимере племени» (т. е. среди потомков Мономаха — он был тогда единственным живущим из его внуков) и активно вмешивался в их борьбу с Ольговичами⁵. Владимирский летописец изображает дело так, что в конце XII — начале XIII в.

³ См.: Кучкин В. А. Юрий Долгорукий // ВИ. 1996. № 10.

⁴ О политической борьбе 60-х—80-х гг. XII в. см.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 130—157.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 683—689, 694—701.

Всеволод был верховным распорядителем киевского стола: он сажает в Киеве в 1194 г., после смерти Святослава Всеволодича, Рюрика Ростиславича, он и Роман Мстиславич Галицко-Волынский сажают в Киеве в 1202 г. вместо Рюрика Ингваря Ярославича (хотя побежден был Рюрик одним Романом), он дает Киев вновь Рюрику в 1203 г.⁶ Но здесь летописец явно преувеличивает роль «своего» князя. Из дальнейшего его изложения видно, что Всеволод не оказывал в 1205—1210 гг. решающего влияния на борьбу за Киев между Романом и Рюриком, а затем Рюриком и Всеволодом Святославичем Черниговским⁷. В начале XIII в. по меньшей мере не слабее Всеволода был Роман Мстиславич (после захвата им Галича в 1199 г.). Всеволод, правда, стал первым из русских князей, к кому начал последовательно применяться титул *великий князь*⁸ — в условиях распада Руси на самостоятельные земли, а княжеского рода на ветви возникла нужда в особой титулатуре, подчеркивающей политическое верховенство. Однако скрытая в таком титуловании претензия на общерусскую гегемонию князьями других ветвей не признавалась — в южнорусском летописании преемники Всеволода называются *великими князьями*, но с характерным ограничительным добавлением эпитета *суздальский*⁹. После смерти Всеволода (1212 г.) нет никаких указаний на претензии его сыновей на верховенство во всей Руси. В качестве сильнейшего русского князя в это время предстает Мстислав Мстиславич (из смоленской ветви¹⁰). Он княжит в Новгороде, затем в Галиче, при его решающем содействии садится на киевский стол Мстислав Романович, а на владимирский — Константин Всеволодич¹¹. После смерти Мстислава (1228 г.) силь-

⁶ Там же. Т. 1. Стб. 412, 417—419.

⁷ Там же. Стб. 420—435.

⁸ См.: *Poppe A. Words that Serve the Authority: on the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. Т. 60. Warszawa, 1989. P. 174—184.*

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741, 758, 779, 808; *Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 88, примеч. 66.*

¹⁰ Этот князь упорно именуется в литературе «Удалым» на основе неверно понятого определения его галицким летописцем (в сообщении о смерти князя) как «удатного», т. е. удачливого (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 752).

¹¹ НЛ. С. 53—56.

нейшими политическими фигурами на Руси, помимо сыновей Всеволода Юрьевича, Юрия и Ярослава, являются также Михаил Всеволодич Черниговский и Даниил Романович Волынский.

Если говорить о влиянии суздальских князей в середине XII — начале XIII в. на южнорусские дела, то оказывается, что оно скорее убывает, чем возрастает: Юрий Долгорукий сам претендует на Киев, ходит на Юг походами; Андрей Боголюбский стремится уже только к тому, чтобы в Киеве сидел его ставленник, сам в походы на Юг не ходит, но организует их; Всеволод Большое Гнездо влияет на южнорусские дела только путем политического давления, походов не организует; его сыновья не располагают уже (до 30-х гг. XIII в.) и средствами политического давления. Связано такое убывание суздальского влияния на Юге с отмиранием по мере смены поколений князей и оформлением различных ветвей потомков Мономаха принципа старейшинства «в Володимере племени» (по которому суздальские князья почти все время имели преимущество) — он еще действует при Всеволоде, но уже не работает при его сыновьях, хотя после смерти Рюрика Ростиславича в 1212 г. они остались единственными правнуками Мономаха.

Таким образом, оснований говорить о политическом превосходстве Владимиро-Суздальского княжества над всеми другими русскими землями в домонгольский период нет. Откуда же взялось это стойкое убеждение? В силу двух обстоятельств.

Во-первых, большинство дошедших до нас летописей создано в Московском государстве в XV—XVI вв. Эти памятники основаны на летописании Северо-Восточной Руси предшествующего периода¹². Естественно, что северо-восточные летописцы 2-й половины XII — начала XIII в. уделяли наибольшее внимание событиям в своей земле и деяниям своих князей, не упуская возможностей представить их в выгодном свете. Этот «перекос»

¹² Обобщенную схему соотношения летописных памятников см.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985.

перешел в летописание «московской» эпохи, и исследователи попали под его влияние¹³.

Во-вторых, в московской литературе XVI в. был прямо сформулирован тезис о переходе столицы Руси из Киева во Владимир. В летописях XV — 1-й половины XVI в. его еще нет; сводчики тогда добросовестно приводили имевшиеся у них материалы об истории Южной Руси XII — начала XIII в. и не пытались поставить правителей Суздальской земли выше других видных князей той эпохи. Иное произошло в произведениях, связанных с оформлением идеологии Московского *царства*, т. е. имевших целью обосновать древность царского достоинства князей Московского дома (потомков именно правителей Суздальской земли XII — начала XIII в. — Юрия Долгорукого и Всеволода Большое Гнездо).

В начале XVI в. в Послании Спиридона—Саввы и «Сказании о князьях владимирских» мысль о преемственности Владимира по отношению к Киеву с XII столетия проводится еще не впрямую. Там приводится легенда о присылке византийским императором Владимиру Мономаху знаков царской власти и говорится, что «тем венцем царским... венчаются вси великие князи володимерские, егда ставятся на великое княжение русское»¹⁴. Следуя смыслу текста, после *киевского* князя Владимира Мономаха царские инсигнии перешли сразу же к князьям Северо-Восточной Руси (т. е. Мономаху наследовал Юрий Долгорукий и т. д. по прямой линии до московских царей).

В «Степенной книге царского родословия», созданной уже после официального венчания великого князя московского Ивана IV «на царство Русское» (1547 г.), в первой половине 60-х гг. XVI в., мысль о переносе столицы из Киева во Владимир прово-

¹³ На это обстоятельство обращали внимание А. Н. Насонов и М. Д. Приселков (см.: *Насонов А. Н.* Князь и вече в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Вып. 1. Пг., 1924; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. М., 1940. С. 53); см. также: *Коваленко В.* Політичне становище південноруських земель в XII—XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 2. Київ, 2002. С. 86—87.

¹⁴ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 165, 177—178.

дится уже напрямую (в тексте Шестой степени, посвященной Всеволоду Большое Гнездо): «Глава 3. Начало Владимирского самодержавства. И уже тогда Киевстии велиицыи князи подручни бяху Владимирским самодержцем. Во гради бо Владимири тогда начальство утвержашеся пришествием чудотворнаго образа Богоматери. С ним же приде из Вышеграда великий князь Андрей Георгиевич и державствова»¹⁵. Таким образом прямо утверждалось, что «самодержавство» при Андрее Боголюбском перешло из Киева во Владимир, после чего киевские князья стали «подручниками» владимирских. Приходится констатировать, что именно эта сложившаяся в середине XVI в. концепция была некритически воспринята в исторической науке.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 222.

Очерк 3

ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В истории средневековой Руси есть две проблемы, постановка которых традиционно оказывает на людей, интересующихся прошлым Отечества, особо сильное эмоциональное воздействие. Одна из них — т. н. «норманнская проблема», о которой речь шла выше (см.: Часть I, Очерк 3). Другая — вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве».

Объективной предпосылкой постановки вопроса о возможной подделке под древность стала гибель единственной рукописи «Слова» в московском пожаре 1812 г., через двенадцать лет после ее издания, сделавшая невозможным установление аутентичности памятника палеографическими методами. Субъективно же сомнения в древности «Слова» были порождены необычайно высоким художественным уровнем произведения: у людей Нового времени возникало подозрение — мог ли человек «темного» средневековья создать такой шедевр? Первый всплеск «скептицизма»¹ в отношении «Слова» имел место в 10-х—40-х гг. XIX в. (в рамках т. н. «скептической школы» в русской историографии), второй начался в 30-х гг. XX в. с появлением работ французского филолога А. Мазона, высказавшего точку зрения о написании «Слова» в конце XVIII в.², и получил новый импульс после по-

¹ Краткий обзор дискуссий см.: *Творогов О. В.* Скептический взгляд на «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.

² *Mazon A.* Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.

явления в 60-х гг. XX в. принципиально совпадающей с ней, но более тщательно выстроенной с источниковедческой точки зрения концепции советского историка А. А. Зимина.

Дискуссия с А. А. Зиминим носила, по указке власть предержавших, дискриминационный по отношению к автору характер³. Работа А. А. Зимина была издана мизерным тиражом на ротапринте⁴, с ней получили возможность ознакомиться только участники обсуждения в Институте русской литературы и Отделении истории АН СССР (в библиотеки это издание не поступило и существует только в нескольких личных книжных собраниях). Тем не менее в последующие годы основные положения исследования были опубликованы А. А. Зиминим в 11 статьях⁵. Соответственно во 2-й половине 60—70-х гг. XX в. вышло в свет немало работ, подвергавших критике точку зрения А. А. Зимина в целом или отдельные ее компоненты. После ухода А. А. Зимина из жизни (1980 г.) дискуссия продолжения не получила. В последующие два десятилетия не появилось ни работ, отрицающих подлинность «Слова», ни исследований, ставивших своей целью опровержение «скептической» позиции. Тем не менее именно в этот период были получены результаты, позволяющие считать его важным этапом в раз-

³ Этот факт продолжает оказывать влияние на отношение к проблеме аутентичности «Слова» среди неспециалистов, создав «скептической» точке зрения ореол «гонимости».

⁴ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. Источники. Время написания. Автор. М., 1963.

⁵ Две редакции «Задонщины» // Труды МГИАИ. Т. 24. Вып. 2. М., 1966; Приписка к Псковскому Апостолу 1307 года и «Слово о полку Игореве» // Русская литература. 1966. № 2; К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 31. Чебоксары, 1966; Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1; Когда было написано «Слово»? // Вопросы литературы. 1967. № 3; Задонщина (Опыт реконструкции текста Пространной редакции) // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 36. Чебоксары, 1967; Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6; «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // Русский фольклор. Т. 11. Л., 1968; «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // АЕ за 1967 год. М., 1969; Текстология Пространной Задонщины // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 47. Чебоксары, 1969; Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» // ВИД. Вып. 3. Л., 1970.

решении проблемы аутентичности поэмы. Результаты эти были получены как при источниковедческом изучении «Слова», так и при исследовании его идейно-художественных особенностей.

Еще в ходе дискуссии с А. Мазоном, а затем и в спорах 60—70-х гг. XX в. ясно определилось, что наиболее уязвимым пунктом «скептических» концепций является «привязка» поэмы к концу XVIII в.⁶: возможность при тогдашнем уровне знаний об истории, языке, культуре Руси конца XII столетия создать такое произведение представлялась слишком фантастичной. Изучение процесса работы над рукописью «Слова» сотрудников Мусин-Пушкинского кружка (т. е. самого владельца рукописи — А. И. Мусина-Пушкина, И. Н. Болтина, И. П. Елагина, Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского) такое представление подкрепило.

Еще в 1976 г. О. В. Творогов, обратившись к разночтениям издания «Слова о полку Игореве» 1800 г. и подготовленной ранее так называемой Екатерининской копии рукописи «Слова», выяснил, что во многих случаях издание фиксирует написания, альтернативные тем, что содержатся в копии (и не обязательно более верные)⁷. Исследование в этом направлении было продолжено Л. В. Миловым, который пришел к выводу, что разночтения печатного текста и Екатерининской копии отражают раздумья издателей над вариантами прочтения текста и стремление «зафиксировать равную вероятность... возможных чтений графически

⁶ Не случайно ряд «скептически» настроенных авторов и позапрошлого, и прошлого веков высказывал (хотя и без развернутой аргументации) предположение, что «Слово» принадлежит все же средневековой литературе, но не XII, а XV или XVI векам. См.: *Болховитинов Е.* Боян // *Сын отечества.* 1821. Ч. 70. № 24; *Замечания Евгения Болховитинова на рассуждение о лирической поэзии* // *Соч. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота.* Т. 7. СПб., 1872; *Fennell J., Stokes A.* *Early Russian Literature.* L., 1974. P. 191—206. Ср.: *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) // *ВИ.* 1992. № 6—7. С. 99 (предисловие А. А. Формозова); *Contal P.* *Le Dit de l'ost du prince Igor (Slovo o polku Igoreve) et le problème de son authenticité* // *Slovo.* Vol. 16 (1995—1996). *Le rendez-vous des bicentenaries: Les Langes'o, Le Slovo (d'Igor), Catherine II.* Paris, 1996. P. 38.

⁷ *Творогов О. В.* К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // *ТОДРЛ.* Т. 31. М., 1976. С. 150—157.

и орфографически трудных мест памятника»⁸. Изучение обстоятельств подготовки «Слова» к изданию было предпринято в 1980-х гг. В. П. Козловым⁹. В частности, им было обнаружено наиболее раннее свидетельство знакомства с рукописью поэмы — цитата из нее в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина (датируется концом 80-х гг. XVIII в.), где отобразился более ранний этап работы кружка А. И. Мусина-Пушкина над рукописью, чем те, которые фиксируют Екатерининская копия и издание 1800 г., этап, на котором сохранялся ряд сложностей прочтения текста.

Перечисленные исследования показали, что и А. И. Мусин-Пушкин, и те, кто с ним сотрудничал на разных этапах работы со «Словом», смотрели на это произведение как на подлинное и испытывали серьезные трудности с прочтением и пониманием текста, преодолеваемые путем длительных трудов и так до конца и не преодоленные. Это не соответствует построениям «скептиков», согласно которым издатели (или по меньшей мере А. И. Мусин-Пушкин) знали о поддельности произведения.

А. А. Зимин в 1967 г. писал: «Методам математического языкознания принадлежит еще сказать, может быть, решающее слово в спорах о времени создания Игорева песни»¹⁰. Без малого три десятилетия спустя изучение языкового строя «Слова о полку Игорева» с помощью математических методов было предпринято коллективом авторов во главе с Л. В. Миловым (в рамках исследования, посвященного атрибуции памятников литературы средневековья и XVIII в.). Использовался метод анализа частоты парной встречаемости грамматических классов слов. Ставилась задача проверить гипотезу Б. А. Рыбакова, согласно которой автором «Слова» был летописец XII в., предположительно отождествляемый с киевским боярином Петром Бориславичем, а заодно и высказанное в литературе предположение об авторстве

⁸ *Милов Л. В.* О «Слове о полку Игорева» (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // История СССР. 1983. № 5. С. 82—94, 104—106.

⁹ *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игорева»: новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988.

¹⁰ *Зимин А. А.* Когда было написано «Слово»? С. 147.

Кирилла Туровского. Сопоставление стиля «Петра Бориславича» и автора «Слова» не привело к однозначным результатам: гипотеза о создании поэмы этим летописцем не была опровергнута, но не появилось и достаточных оснований, чтобы ее принять. Что касается Кирилла Туровского, то сходство стиля его произведений со «Словом» оказалось слабее, чем у летописца, и предположение о Кирилле как авторе «Слова» не нашло подтверждения. Однако в ходе исследования выяснилось, что «Слово о полку Игореве», статьи Ипатьевской летописи за 1147 и 1194—1195 гг. (привлекавшиеся для сопоставления) и произведения Кирилла Туровского имеют определенную общность в структуре языка повествования. А это «показывает, что “Слово о полку Игореве” органично и глубоко вплетено в языковую ткань XII столетия»¹¹. Спустя века это не выявляемое без применения современных математических методов структурное сходство подделать, естественно, было невозможно.

Центральным пунктом «скептических» концепций было соотношение «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» — поэтического произведения, посвященного Куликовской битве 1380 г. Между «Словом» и «Задонщиной» существует значительное текстуальное сходство. Поэтому со времени открытия «Задонщины» в середине XIX в. исследователи предполагали, что в ней использовано «Слово о полку Игореве». А. Мазон, а затем А. А. Зимин пытались доказать, что не «Задонщина» подражала «Слову», а «Слово» «Задонщине». Слабо аргументированная текстологическая схема А. Мазона была раскритикована убедительно¹². Иное произошло с более фундированной концепцией А. А. Зимина.

¹¹ Милов Л. В., Полянская Н. А., Романкова Н. В. Был ли боярин Петр Бориславич автором «Слова о полку Игореве» // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 105—125, 367—380.

¹² См.: Ляцкий Е. А. Неудачный поход на «Слово о полку Игореве» // *Slavia. Praha*, 1939. Roč. XVII. Seš. 3. S. 374—376, 385, 393, 396—411; Заметки к «Слову о полку Игореве». Вып. 2. Белград, 1941 (статьи П. И. Бицилли, И. Н. Голенищева-Кутузова, А. В. Исаченко); Гудзий Н. К. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона // Учен. зап. МГУ. Вып. 110. Труды каф. Русской литературы. Кн. 1. М., 1946. С. 154—172; Адрианова-Перетц В. П. «Задонщи-

В 1966 г. были практически одновременно опубликованы работы о «Задонщине» А. А. Зими́на¹³ и его оппонентов — Р. П. Дмитриевой и О. В. Творогова¹⁴. В статье в журнале «Русская литература» (1967, № 1) А. А. Зимин кратко изложил свои представления о соотношении «Слова» и «Задонщины» (подвергнув критике работы оппонентов)¹⁵. В помещенной в том же номере журнала статье Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова критиковались положения статьи А. А. Зими́на¹⁶. На этом дискуссия оборвалась¹⁷. Произошло это отнюдь не в результате какого-то давления «сверху» — споры по другим аспектам проблемы подлинности «Слова» продолжались. Дело в трудностях, с которыми столкнулось изучение соотношения «Слова» и «Задонщины» с помощью традиционных текстологических методов. Между дошедшими до нас немногочисленными списками «Задонщины» существуют весьма значительные текстуальные различия. Из-за этого сложно построить доказательную схему взаимоотношения списков: надо предполагать или определенное количество недошедших «промежуточных» рукописей или устное происхождение памятника (либо отдельных его списков). Это, естественно, затрудняет и сравнение «Задонщины» со «Словом о полку Игореве», дошедшим в единственном списке. Дискуссия прерва-

на» (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 201—221; *Jakobson R. L'authenticité du Slovo // La Geste du prince Igor's épopée russe du douzième siècle.* N. Y., 1948; «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962 (статьи В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, В. Л. Виноградовой, Н. М. Дылевского).

¹³ *Зимин А. А.* Две редакции «Задонщины».

¹⁴ *Дмитриева Р. П.* Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966; *Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Там же.

¹⁵ *Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1.

¹⁶ *Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О.* По поводу статьи А. А. Зими́на «Спорные вопросы текстологии “Задонщины”» // Там же.

¹⁷ Лишь в 1980 г. в своем издании «Задонщины» А. А. Зимин оспорил ряд положений оппонентов о текстологии этого произведения, практически не затронув при этом вопроса о его связи со «Словом» (см.: *Задонщина. Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве.* Тула, 1980. С. 102—115).

лась, поскольку аргументы в рамках традиционной текстологии были исчерпаны¹⁸.

¹⁸ В литературе последующих лет, затрагивающей дискуссию с А. А. Зиминым о подлинности «Слова», можно встретить утверждения, что текстологическая вторичность «Задонщины» была полностью доказана в сборнике «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла» 1966 г. и статье Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова 1967 г. (см.: *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1975. С. 348—350; *Дмитриев Л. А.* Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 50; *Дмитриева Р. П.* Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI вв. Ч. I. А—К. Л., 1989. С. 350; *она же.* Задонщина // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 207—208; *Творогов О. В.* Зимин Александр Александрович // Там же. С. 223). Но в указанном сборнике нет ни одной ссылки на работы А. А. Зимина. Это и неудивительно, т. к., помимо фактически запрещенного ротапринтного издания 1963 г., статьи А. А. Зимина по вопросу о подлинности «Слова» начали выходить в свет только в том же 1966 г. В предисловии к сборнику было специально оговорено, что «Авторы сборника, хотя большинство из них и принимало участие в обсуждении концепции А. А. Зимина, не считают себя вправе ссылаться на его исследование или печатно полемизировать с ним до выхода в свет его работы» (*Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А.* От редактора // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 20). Следовательно, считать, что в сборнике ««Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла» опровергнута концепция, основные положения которой были опубликованы позднее, — явная натяжка (что, разумеется, несколько не снижает ценности помещенных там работ самих по себе). Прямая полемика с точкой зрения А. А. Зимина содержалась только в статье 1967 г., но эта работа в силу своего объема не могла подробно рассмотреть весь спектр вопросов соотношения «Слова» и «Задонщины» (как и помещенная в том же номере журнала статья А. А. Зимина). Более поздняя (1976 г.) статья Р. П. Дмитриевой содержала полемику по текстологии «Задонщины» не с А. А. Зиминым, а с другими авторами — Л. Матейкой, О. Краликом, А. Данти [*Дмитриева Р. П.* Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины» (В связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве») // Русская литература. 1976. № 2]. Вышедшая одновременно статья Д. С. Лихачева также была посвящена полемике со схемой соотношения списков «Задонщины» А. Данти и содержала только отдельные возражения А. А. Зимину по методике подхода к текстам списков «Задонщины» [*Лихачев Д. С.* Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины» (Исследование Анджело Данти) // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976].

И вполне резонно такие авторы, как А. Данти (Италия), С. Н. Азбелев, Б. М. Гаспаров (США), Р. Манн (США), не сомневаясь (по другим основаниям) в большей древности «Слова», сочли, что связь его с «Задонщиной» не носит строго текстуального характера, а являет собой факт устной, фольклорной традиции¹⁹. Это был, безусловно, логичный ответ на «текстологическую ничью» в полемике о соотношении этих памятников, ответ, который мог, казалось бы, объяснить, почему ни у одной из ведущих текстологических сторон не нашлось достаточно веских аргументов. Однако выяснилось, что возможности текстологического сопоставления «Слова» и «Задонщины» далеко не исчерпаны.

У «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» имеется полсотни сходных фрагментов, причем расположены они в каждом из произведений в разном порядке. Это дает возможность для статистического сопоставления. Суть подхода в следующем. Выстраиваются диаграммы, показывающие распределение параллельных фрагментов по объему, исходя из двух гипотетических возможностей: 1) что автор «Задонщины» производил заимствования из «Слова»; 2) что автор «Слова» производил заимствования из «Задонщины». Предполагается, что на диаграммах, исходящих из истинного представления о соотношении произведений, могут проявиться определенные закономерности в распределении фрагментов по объему: например, заимствования преимущественно более обширных фрагментов в одной части произведения и преимущественно коротких — в другой. На диаграммах же, исходящих из ложного представления о соотношении произведений, закономерностей проявиться не может. Дело в том, что поскольку на таких диаграммах распределение фрагментов будет случайным (коль скоро эти диаграммы отображают порядок «заимствований», не существовавший в реальности), распределение их по объему будет подчиняться математи-

¹⁹ См.: *Данти А.* О «Задонщине» и филологии. Ответ Д. С. Лихачеву // *Источниковедение литературы Древней Руси.* Л., 1980. С. 73—74; *Азбелев С. Н.* Фольклоризм «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // *Литература Древней Руси.* М., 1981; *Гаспаров Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 295—296; *Mann R.* *Lances Sing: A Study of the Igor Tale.* Columbus (Ohio). 1990. P. 126—135.

ческому закону больших чисел. А это значит, что более крупные и более мелкие фрагменты будут чередоваться в этих диаграммах относительно равномерно (не будет, к примеру, ситуации, когда идут подряд 10 крупных фрагментов, а следом 10 небольших)²⁰.

Действенность методики может быть продемонстрирована на примере, в котором направление связи между произведениями не вызывает сомнений. В рассказе Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь и его последствиях (статьи 6745—6747 гг.) имеется множество заимствований из предшествующего текста той же летописи²¹. При этом порядок параллельных фрагментов в статьях 6745—6747 гг. и предшествующем тексте различен (как и в случае со «Словом» и «Задонщиной»)²².

«Истинная диаграмма» (см. диаграмму 1) исходит из вторичности фрагментов повествования о Батыевом нашествии по отношению к предшествующему тексту Лаврентьевской летописи. На ней по горизонтали представлен порядок заимствованных фрагментов в тексте статей 6745—6747 гг., по вертикали — объем фрагментов предшествующего текста Лаврентьевской летописи, послуживших основой для заимствования. Вторая диаграмма — «ложная» (см. диаграмму 2) — исходит из заведомо невероятного допущения первичности фрагментов рассказа о Батыевом нашествии по отношению к сходным с ними фрагментам в пред-

²⁰ Об особенностях случайных распределений см., например: Ланге О., Банасиньский А. Теория статистики. М., 1971. С. 23—26; Общая теория статистики. М., 1977. С. 223—238. Отрицать действие закона больших чисел в данной ситуации — примерно то же, что сомневаться в справедливости теоремы Пифагора.

²¹ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974.

²² Ср.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 460—469 и (в порядке расположения заимствованных фрагментов в тексте повести о нашествии Батыя) Т. 1. Стб. 44, 392, 398, 223, 418; Т. 38. Л., 1983. С. 154—155 (в двух фрагментах в Повести 6745—6747 гг. использован текст, не сохранившийся в Лаврентьевской летописи, но имеющийся в близкой к ней Радзивилловской); Т. 1. Стб. 222, 418 (и т. 38. С. 155), 223, 224, 225, 136, 425, 136, 133, 137, 422—423, 294, 423, 371, 423—424, 293, 294, 403, 392—393, 368, 294, 295, 400, 393 (всего 37 фрагментов).

шествующем тексте. На ней по горизонтали представлен порядок параллельных статьям 6745—6747 гг. фрагментов в предшествующем тексте Лаврентьевской летописи, по вертикали — объем соответствующих фрагментов в статьях 6745—6747 гг.²³.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Для диаграммы 2 («ложной») характерно относительно равномерное распределение «всплесков» и «падений» по всей горизонтали. Если разделить тексты Лаврентьевской летописи, содержащие параллели к статьям о Батыевом нашествии, на три примерно равные части — фрагменты из «Повести временных лет» (13 фрагментов), летописания XII в. (13 фрагментов) и летописания начала XIII в. (9 фрагментов), то средние объемы соответствующих им фрагментов статей о Батыевом нашествии обнаруживают небольшие различия: 26,5, 23 и 33 слова. Что касается диаграммы 1 («истинной»), то здесь наблюдаются сильный спад объема заимствуемых фрагментов в середине текста повествования о Батыевом нашествии и новое повышение к концу. Текст этого повествования можно также разделить на три части. В первой, повествующей о взятии татарами Рязани, Москвы и Владимира (13 фрагментов), средний объем фрагментов предшествующего текста Лаврентьевской летописи, послуживших основой для заимствований, 39 слов, во второй, где рассказывается о битве на Сити, гибели князей Юрия Всеволодича и Василька Константиновича (13 фрагментов), — 18, в третьей (события 6746—6747 гг. — вокняжение во Владимире Ярослава Всеволодича, погребение Юрия, 11 фрагментов) — 32,5. Таким образом, во второй части текста рассказа о нашествии объем заимствований уменьшается более чем вдвое, а в третьей наблюдается вновь его повышение, почти двукратное. Такая неравномерность в распределении заимствований по объему находит объяснение в содержании использованных в статьях 6745—6747 гг.

²³ Горизонтальным пунктиром на всех диаграммах здесь и далее показаны средние арифметические объемы фрагментов.

фрагментов. В первой части преобладает использование пространственных описаний военных разорений — из статей 1093 г. (6 фрагментов), 1203 г. (3), 941 г. (2). Во второй части автор, описывая гибель Юрия и Василька, приспособлял к контексту по преимуществу краткие фрагменты из рассказов об убиении Бориса и Глеба (6) и Андрея Боголюбского (1), посмертных панегириков Владимиру Мономаху (1) и вдове Всеволода Большое Гнездо Марии (2) и прижизненной похвалы Константину Всеволодичу (3). В третьей части летописец сосредоточился в значительной мере на посмертной характеристике Мономаха (5), из которой сумел использовать относительно крупные фрагменты; здесь же оказалось и самое пространное заимствование из похвалы Константину Всеволодичу, сопровождающей рассказ о его вокняжении в Новгороде: в статье, говорящей об аналогичном акте — вокняжении Ярослава Всеволодича — легче было использовать крупный фрагмент из этой похвалы, чем в предшествующей части, где рассказывалось о гибели князей.

Что же показала данная методика в отношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»? На диаграммах, исходящих из допущения первичности «Задонщины», закономерности в распределении фрагментов не обнаружилось (см. диаграммы 6—8). Это не значило бы, что «Слово о полку Игореве» первично по отношению к «Задонщине», если бы закономерности не проявились и на диаграммах, исходящих из допущения первичности «Слова», — в этом случае вопрос остался бы открытым (пришлось бы констатировать, что автор «вторичного» произведения не варьировал объем заимствований). Но на диаграммах, исходящих из первичности «Слова» (диаграммы 3—5), закономерность присутствует. Там наблюдаются заметное (в 2 раза и более) снижение среднего объема параллелей в середине текста «Задонщины» (части 2—4 — описание битвы, на диаграммах выделены вертикальным пунктиром; цифры над колонками означают среднее количество слов в этих частях, взятых вместе) по сравнению с началом (часть 1 — сборы и поход к Куликову полю) и некоторое (в 1,5—2 раза) повышение его в конце (часть 5 — описание бегства татар и торжества русских). Поскольку на диаграммах, исходящих из ложного представления о соотношении про-

изведений, закономерность проявиться не может, остается признать, что диаграммы, исходящие из допущения первичности «Слова о полку Игореве», — «истинные», именно «Слово» было источником «Задонщины»²⁴.

Варьирование объема заимствований объясняется сложностями, с которыми столкнулся автор «Задонщины» при работе с текстом «Слова» из-за различий в содержании задуманного им произведения и его главного источника. Наиболее существенным различием является то, что основной задачей «Задонщины» был рассказ о Куликовском сражении, а в «Слове» собственно о битве (точнее, двух битвах) Игоря с половцами говорится относительно немного (объем повествования о бое в «Задонщине» больше в 2,7 раза). О походе Игоря в степь до столкновения с противником в «Слове» было сказано много больше (в 1,6 раза), чем о боях, и здесь автор «Задонщины» мог заимствовать по преимуществу крупные фрагменты. Перейдя же к описанию сражения, он вынужден был, чтобы насытить свое повествование, прибегать к использованию кратких фрагментов, которые несколько расширял путем вплетения своих добавлений. Другим приемом автора «Задонщины» стало прибегание к повторному использованию фрагментов, уже послуживших основой для заимствования: почти все такие повторы содержатся именно в описании битвы. Наконец, был использован еще один прием — приспособление для описания боя фрагментов «Слова», в этом произведении не относящихся к битвам Игоря с половцами. Таких фрагментов 10, т. е. 2/5 от всего количества параллелей в частях 2—4 «Задонщины». Они, естественно, были по необходимости кратки, т. к. окружающий эти фрагменты в «Слове» контекст совсем не подходил для описания сражения. В заключительной части «Задонщины» автор оказался несколько в лучшем положении: была возможность приспособить описание бедствий

²⁴ Все диаграммы и полное изложение методики и результатов исследования см.: Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992. С. 21—102; см. также: *он же*. «Слово о полку Игореве» — «Слово о гибели Русской земли» — «Задонщина»: источниковедческие проблемы. Автореф. докт. дисс. М., 1993. С. 4—28.

Русской земли в «Слове» к описанию бедствий татар, а торжества половцев — к торжеству русских, что и повлекло некоторое увеличение объема заимствованных фрагментов.

Наличие указанных закономерностей в распределении параллельных со «Словом» фрагментов в тексте «Задонщины» — как по объему, так и по содержанию — позволяет отказаться от предположения о фольклорном характере связи между этими произведениями: оно явно указывает на книжный характер заимствования — из списка «Слова» в письменный текст «Задонщины».

В пользу подлинности «Слова», помимо исследований источниковедческого характера, о результатах которых рассказано выше, говорят и некоторые наблюдения над особенностями его художественного и идейного содержания, также сделанные в последние два десятилетия.

1. В 1984 г. вышла в свет монография Б. М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”». Автор исследовал поэму с помощью семиотического подхода, подойдя к ней как к «знаковой структуре высокой степени сложности». Проведя с таких методических позиций анализ текста, он обратился к вопросу об эпохе его создания и пришел к выводу, что сложный и изощренный характер поэтики, «тотальная» символизация в сочетании со спонтанным использованием мифологических моделей и следами устного произнесения делают невозможным тезис о создании «Слова» в конце XVIII в., — для этого времени данные признаки нехарактерны²⁵.

2. Автор «Слова» не был оригинален в сюжете, избранном для своего произведения. О походе Игоря и связанных с ним событиях рассказывается также в двух летописных повестях — дошедших в составе Лаврентьевской (и сходных с ней) и Ипатьевской летописей. Причем это всего третий случай создания двух летописных повестей об одном событии (после рассказов о походе Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию в 1183 г. и о походе южнорусских князей на половцев в 1184 г.). Более того, следующие после 1185 г. случаи создания нескольких летописных повестей приходятся только на монгольские вторже-

²⁵ Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984 (перездано в России — М., 2000).

ния — 1223 и 1237—1238 гг. При этом повесть о походе Игоря Ипатьевской летописи по объему намного превосходит не только повести о событиях 1183 и 1184 гг., но и повести о монгольских походах. Поэтому неизбежен вывод: события 1185 г. произвели на современников большее впечатление, чем любые другие события XII — начала XIII в., вплоть до монголо-татарских нашествий²⁶.

Причина такого впечатления — в уникальности событий 1185 г. Впервые князя в походе застало затмение солнца, и соответственно впервые князь продолжил поход, проявив пренебрежение к грозному знамению; впервые русское войско полностью погибло в степи; впервые русские князья (при этом сразу четверо) попали в плен к половцам на их земле; наконец, впервые князь бежал из половецкого плена. В совокупности такая фабула давала небывалую доселе возможность осмысления в рамках христианской морали: грех (сопровожаемый отвержением Божья знамени) — Господня кара — покаяние — прощение; Игорева эпопея явилась для относительно недавно христианизированной страны ярким примером проявления воли Творца. Такое осмысление событий прослеживается в обеих летописных повестях о походе Игоря. Но оно же имеет место и в «Слове о полку Игореве»²⁷. Предположение, что автор 2-й половины XVIII в. сумел настолько вникнуть в мировосприятие раннего средневековья (в науке эта тема даже в наши дни находится на начальной стадии разработки), было бы чрезмерно смелым.

3. В тексте «Слова о полку Игореве» содержится ряд мест, свидетельствующих о том, за что, по представлениям автора, сражались русские люди в конце XII в. Чаще всего встречается формула «за землю Русскую» — 5 раз, четыре раза употребляются формулы, связанные с защитой княжеской чести, и однажды — выражение «за христиан»²⁸. Выяснилось, что такого рода «патриотические формулы» типичны для произведений домон-

²⁶ Подробнее см.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 24—26.

²⁷ См.: там же. С. 26—30.

²⁸ Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъславля внука Ольгова. М., 2002. С. 78, 85, 90—92, 99.

гольской эпохи, причем по частоте их употребления в других памятниках они распределяются практически в тех же пропорциях, что и в «Слове»: 10 раз — «за Русскую землю»/«за землю Русскую», 14 — «за князя» (в разных модификациях) и 3 — «за христиан». Позднее, в период с середины XIII по середину XIV вв., формула «за Русскую землю» встречается всего однажды, а преобладают формулы «местного» типа, связанные с защитой храма — символа города («за святую Софию», «за святую Троицу», «за святую Богородицу»). В произведениях же конца XIV—XV вв. самой популярной является формула «за веру христианскую», возрождается рефрен «за Русскую землю» и относительно часто начинает встречаться выражение «за христиан»²⁹. Если предполагать позднее происхождение «Слова», надо допускать, что автор конца XVIII в. опередил науку на два столетия, сумел детально разобраться в эволюции «патриотических формул» в древнерусской литературе и избежать выражения «за веру христианскую» (отметим, что в «Задонщине», являвшейся, по мнению скептиков, источником «Слова», встречается устойчивая формула «за землю Русскую и за веру христианскую», следовательно, автору «Слова» надо приписывать исключение ее второй части на основе знания, что в домонгольский период это выражение не употреблялось) и формул, связанных с защитой храма — символа столярного города. Это, конечно, невероятно.

Все вышеназванные работы не начинались с целью проверить (или доказать) подлинность «Слова о полку Игореве», но по ходу исследования авторы получали результаты, показывающие невозможность позднего происхождения памятника³⁰. На

²⁹ См.: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...». С. 62—65.

³⁰ В настоящее время с отрицанием подлинности «Слова о полку Игореве» выступает американский историк Э. Кинан (сделавший себе имя отрицанием подлинности переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским). Выход книги Кинана, посвященной этому вопросу, затянулся (во всяком случае, ко времени сдачи в печать настоящей работы она еще не появилась); судя же по изложению ее основного содержания, сделанному на основе текста доклада, прочитанного Кинаном в Варшаве в 2001 г. (см.: Филошкин А. «Слово...», со слезами смешанное: как гениальную древнерусскую поэму пытались объявить подделкой // Родина. 2002. № 11—12. С. 187—188), новая «скептическая» гипотеза несоизмеримо уступает по своему научному уровню концепции А. А. Зимина

современном уровне изучения «Слова» нет оснований сомневаться, что уникальные события 1185 г. вызвали к жизни появление не двух, а трех произведений — как двух летописных повестей, так и блистательной поэмы³¹.

Но степень воздействия события на современников далеко не всегда адекватна яркости его восприятия потомками. События 1185 г., привлекая столь большое внимание в конце XII столетия, в позднейшее время отошли в тень. Бури XIII столетия сделали происшедшее в 1185 г. в историческом сознании общества тем, чем эти события были, если смотреть на них с чисто политической точки зрения — эпизодом в борьбе со Степью, не идущим ни в какое сравнение с монгольскими нашествиями. В результате повести о походе Игоря в летописных сводах XIII и последующих веков просто переписывались, новых их редакций не возникало. «Слово о полку Игореве», по-видимому, не имело

на. Кинан считает автором «Слова» чешского слависта конца XVIII — начала XIX в. Й. Добровского. Такая атрибуция невероятна уже потому, что Добровский приехал в Петербург (где знакомился, в частности, с рукописным собранием А. И. Мусина-Пушкина) в августе 1791 г. [об изучении Й. Добровским древнерусской литературы, в т. ч. «Слова», см.: *Мусеева Г. Н., Крбец М. М. Йозеф Добровский и Россия (Памятники русской культуры XI—XVII веков в изучении чешского слависта)*. Л., 1990], когда «Слово» уже было в Мусин-Пушкинском собрании; выписка из него, сделанная И. П. Елагиным, датируется более ранним временем: по мнению В. П. Козлова, периодом между январем 1788 г. и маем 1790 г., вероятнее всего — не позже марта 1789 г. (см.: *Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»*. С. 147—150; сначала В. П. Козлов датировал выписку временем между апрелем 1792 г. и маем 1793 г., см.: *он же*. «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // *ВИ*. 1984. № 8. С. 27—29; но в результате более тщательного изучения рукописи убедился в ошибочности такой датировки); по мнению В. А. Кучкина — после лета 1789 г. до июля 1791 г. (см.: *Кучкин В. А. Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве»* // *Альманах библиофила*. Вып. 21. М., 1986. С. 66—68).

³¹ Дата написания «Слова» — также предмет спора; вероятнее всего, его следует относить к осени 1188 г. (см.: *Горский А. А. «Слово о полку Игореве»: обстоятельства возникновения и некоторые проблемы изучения* // *Слово о полку Игореве*... С. 28—35).

богатой рукописной традиции³². Но ему суждено было вторично сыграть выдающуюся роль в русской литературе и в какой-то мере — в общественно-политической мысли в конце XIV в., при создании «Задонщины».

³² Тот факт (иногда использовавшийся в аргументации «скептиков»), что до Нового времени сохранился только один список «Слова», типичен для произведений светской литературы. Так, до нас дошло всего 3 списка летописей, чье изложение не выходило за пределы домонгольского периода (один — Радзивилловской летописи и два — Летописца Переяславля-Суздальского). В двух списках сохранилось «Слово о гибели Русской земли», в одном — «Поучение» Владимира Мономаха (несмотря на то, что автор — киевский князь!). Кстати, «Поучение» чудом избежало судьбы «Слова». Если бы А. И. Мусин-Пушкин не подарил Лаврентьевскую летопись (содержащую «Поучение») в 1811 г. Александру I (после чего она оказалась в Петербургской Императорской публичной библиотеке, где пребывает по сей день), памятник год спустя также погиб бы в московском пожаре, и наверняка возникла бы гипотеза, что он (изданный Мусиным-Пушкиным в 1793 г. отдельно от летописи) является фальшивкой. Причем основания для такой гипотезы были бы более весомыми, чем в случае с версией о подлинности «Слова о полку Игореве». В самом деле: в «Поучении» Мономах дает хронологическое изложение своих деяний («путей»), а жанр автобиографии на Руси складывается только в XVII в.; непонятно, как произведение, написанное самим киевским князем, верховным правителем государства, не попало ни в одну другую летопись, не было распространено во множестве списков; виртуозное комбинирование в тексте «Поучения» фраз из разных псалмов можно допустить под пером ученого монаха, но не светского лица; сообщение автора, будто его отец, Всеволод Ярославич, князь, в отношении которого нет ни малейших данных о его образованности и пристрастии к книгам, знал пять языков, явно выдает представления о просвещенности человека конца XVIII столетия (когда высокий уровень таковой предполагал знание латыни, греческого и нескольких современных европейских языков). При отсутствии рукописи предположение об искусном вpletении в древний пергаменный кодекс «Поучения» напрашивалось бы, позволяя развить подозрения А. И. Мусина-Пушкина в фальсификаторстве выстраиванием «триады»: Тмутороканский камень — произведения Владимира Мономаха — «Слово о полку Игореве». Но судьба пощадила Лаврентьевский список, и на все возникающие по поводу наличествующей в летописи под 1096 г. вставки с «Поучением» вопросы «приходится» отвечать исходя из того, что текст ее написан в 1377 г. монахом Лаврентием.

В представлении автора «Задонщины» победа на Куликовом поле являлась реваншем за поражения Игоря от половцев на Каяле в 1185 г. и русских князей от монголо-татар на Калке в 1223 г., реализацией спустя два века призыва автора «Слова о полку Игореве» к единению русских князей для защиты Отечества. Именно благодаря воздействию «Слова» в «Задонщине» обрел вторую жизнь призыв постоять «за землю Русскую». Он встречается здесь 8 раз, и после «Задонщины» этот призыв, носящий общерусский, объединительный характер, стал вновь звучать рефреном в русской литературе.

Кем и где был использован список «Слова» при создании «Задонщины»? Наиболее распространена точка зрения, что ее автором был Софоний Рязанец, названный в таком качестве в двух списках произведения. Однако в других списках Софоний фигурирует как предшественник автора, причем ссылка на него тесно связана с упоминанием о Бояне и обращением к «Слову о полку Игореве», т. е. со всей концепцией поэтической преемственности, проводимой автором «Задонщины»³³. Следовательно, Софоний был создателем какого-то более раннего произведения³⁴.

Между тем в тексте «Задонщины» есть указание, позволяющее определить, в каком кругу она возникла. Это внимание к братьям Пересвету и Ослябе. Эти двое, а также сын Осляби Яков — единственные лица не княжеского статуса, упомянутые в описании Куликовской битвы в качестве действующих участников сражения. Это не показалось бы примечательным, если бы Пересвет и Ослябя были троицкими монахами, посланными на Куликово поле игуменом Сергием Радонежским, а Пересвет погиб бы в поединке перед началом битвы — тогда они являлись бы для современников, включая автора «Задонщины», глубоко символическими фигурами. Но дело в том, что данные представления, прочно внедрившиеся в массовое историческое сознание, не со-

³³ См.: *Дмитриева Р. П.* Был ли Софоний Рязанец автором «Задонщины»? // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 19—21.

³⁴ Судя по исторической концепции «Задонщины», это было скорее всего произведение не о Куликовской битве, а о монгольском нашествии XIII в. (см.: *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 109—137).

ответствуют действительности. Они возникли в начале XVI в. под пером автора «Сказания о Мамаевом побоище»³⁵. Ранние источники рисуют совсем иную картину: Пересвет, согласно «Задонщине», сражается не на поединке, а в гуще битвы («Хоробрыи Пересвет поскакивает на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистом поля перегороди»; «Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, а злаченым доспѣхомъ посвѣчиваше»)³⁶, в списке павших на Куликовом поле знатных людей, помещенном в летописном рассказе о сражении, упоминается последним³⁷. В Житии Сергия Радонежского (начало XV в.), где говорится о благословении игуменом великого князя на битву с татарами, о Пересвете и Ослябе ничего не сказано. Напротив, достоверно известно, что представители рода Ослябетевых были в конце XIV в. митрополичьими боярами³⁸. При этом источники начала XV в. указывают, что «преже» Александр Пересвет был боярином брянским, а Родион Ослябя (видимо, близкий родственник Андрея Осляби — героя Куликовской битвы) — любутским³⁹: следовательно, Пересвет и Ослябя являлись выходцами из Черниговской земли (Любутск — город на ее северо-востоке, близ Калуги).

В «Задонщине» Ослябя в разгар битвы предрекает гибель Пересвету и своему сыну Якову⁴⁰. Сам Ослябя на Куликовом поле не погиб (также вопреки распространенному представлению): он упомянут в грамоте, составленной между 1390—1392 гг., как первый среди бояр митрополита Киприана⁴¹. В тексте «Задон-

³⁵ См.: *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 103—114. О времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 331—348.

³⁶ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 91, 129.

³⁷ Там же. С. 10.

³⁸ *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский... С. 107—108.

³⁹ Памятники Куликовского цикла. С. 39, 78; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 448.

⁴⁰ Памятники Куликовского цикла. С. 91, 101, 116, 129.

⁴¹ АФЗХ. Ч. 1. М., 1951. С. 24; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 274.

щины» Северо-Восточная Русь именуется «землей Залесской»⁴², т. е. находящейся «за лесами». Это невозможно под пером ее уроженца, но вполне естественно для выходца с Черниговщины. Скорее всего, автором «Задонщины» был кто-то близкий к Ослябе, если не сам Ослябя: отсюда и необъяснимое иными причинами внимание к его семейству. Следовательно, список «Слова о полку Игореве» в 80-х гг. XIV в. находился в руках человека, связанного с московской митрополичьей кафедрой и являвшегося уроженцем родины главных героев «Слова».

Примечательно, что с митрополичьими кругами оказываются связаны и некоторые позднейшие (правда, в отличие от «Задонщины», небесспорные) следы «Слова» в русской средневековой литературе. Три параллели к «Слову» обнаруживаются в т. н. Пространной повести о Куликовской битве⁴³, содержащейся в летописях, восходящих к т. н. Новгородско-Софийскому своду. Его датировки колеблются от конца 10-х до начала 40-х гг. XV в. (ранняя вероятнее), но не вызывает сомнений, что свод этот — митрополичий⁴⁴. В начале Повести встречается словосочетание «невеселая година»: «Великий же князь Дмитриий Иванович слышавъ невеселую ту годину, что идути на него вся царства...»⁴⁵. В «Слове» — «Уже бо, братие, невеселая година вьстала...»⁴⁶. В сцене битвы сказано, что «земля тутняше»⁴⁷ — ср. «земля тутнет» в «Слове»⁴⁸. Наконец, согласно Повести, Мамай, увидев свое поражение, воскликнул: «Брате Измаиловичи! Побѣжимъ неготовыми дорогами»⁴⁹. В «Слове» — «половци неготовыми дорогами побе-

⁴² Памятники Куликовского цикла. С. 98, 112—113, 119, 126, 131.

⁴³ Впервые на них указал Р. О Якобсон: *Sofonia's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field*. The Hague. 1963. P. 26.

⁴⁴ См.: *Кучкин В. А.* Тверской источник Владимирского полихрона // Летописи и хроники. 1976. М., 1976; *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993; *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 108—117; *он же.* Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 37.

⁴⁵ Памятники Куликовского цикла. С. 31, 67.

⁴⁶ Слово о полку Игоревѣ... С. 85.

⁴⁷ Памятники Куликовского цикла. С. 36, 74.

⁴⁸ Слово о полку Игоревѣ... С. 82.

⁴⁹ Памятники Куликовского цикла. С. 38, 77.

гоша к Дону великому»⁵⁰. В «Задонщине» первых двух словосочетаний нет, а третье в дошедших до нас списках звучит несколько иначе: «И побегоша татарове нетоличными дорогами»; «и побѣгше неуготованными дорогами», «побѣгши неуготованными дорогами»⁵¹. Выражение «невеселая година» не известно ни в каких других произведениях, кроме «Слова» и Повести. Выражение «земля тутняше» встречается в переводных памятниках⁵², но симптоматично совпадение ситуаций, в которых оно применено: в описании начала битвы. «Неготовые дороги» упоминаются еще только в одном памятнике (середины XV в.)⁵³.

Гипотетические отклики на «Слово» обнаруживаются также в «Степенной книге», памятнике 60-х гг. XVI в., созданном тоже при митрополичьей кафедре. В разделе, посвященном Всеволоду Большое Гнездо, этому князю приписаны походы на половцев 1184—1185 гг., в действительности возглавляемые киевским князем Святославом Всеволодичем⁵⁴, что дало основания предположить здесь полемический отклик на упрек автора «Слова»: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблности?»⁵⁵. В Седьмой степени книги, посвященной великому князю владимирскому Ярославу Всеволодичу, перечислены жители разных областей Южной Руси, приходившие к нему после Батыева нашествия, и среди них только одни названы с эпитетом — «славные куряне»⁵⁶. Особая доблесть куряян упоминается лишь в «Слове о полку Игореве», в речи Все-

⁵⁰ Слово о полку Игоревѣ... С. 80.

⁵¹ Памятники Куликовского цикла. С. 103, 128, 130.

⁵² *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 1040.

⁵³ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 320 — «Инока Фомы слово похвальное» о тверском князе Борисе Александровиче.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 225—226.

⁵⁵ Слово о полку Игоревѣ... С. 90; *Альшиц Д. Н.* Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. Гипотеза Д. Н. Альшица встретила критику: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 30—31; *Каган М. Д.* Степенная книга и «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995.

⁵⁶ ПСРЛ. М. 21. Ч. 1. С. 253.

волода к Игорю: «А мои ти куряне свѣдоми кѣмети: подь трубами повити, подь шеломы възлѣлѣяни, конець копія възскрѣмленни, пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряженни, тули отворени, сабли изострени, сами скачють, акы сѣрые вѣлци в полѣ, ишучи себе чти, а князю славѣ»⁵⁷.

Другой «след» «Слова о полку Игореве» в литературе последующих веков — псковский. В 1307 г. книгописец псковского Пантелеймонова монастыря Домид сделал приписку на рукописи Апостола с характеристикой междоусобицы между князьями Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским: «Сего же лѣта бысть бои на Руськой земли, Михайль с Юрьемъ с княженъе Новгородское. При сих князех сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наши въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человеком»⁵⁸. Приписка близка к словам «Слова» об усобицах 2-й половины XI в.: «Тогда, при Олѣ Гориславици, сѣяшется и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ скратишась»⁵⁹. Связь этих двух фраз общепризнана. Правда, невозможно определить, знаком ли был Домид со списком «Слова» или данная поэтическая характеристика последствий усобиц превратилась в крылатое выражение и стала известна автору приписки из устной традиции.

Сходство со «Словом» имеет одно место из рассказа Псковских летописей о битве московских войск с литовскими под Оршей в 1514 г.⁶⁰ Правда, фрагмент в целом восходит к «Задонщине»⁶¹, и отдельные элементы текста, более близкие к «Слову», чем к последней, могут быть объяснены без допущения знакомства летописца с поэмой XII века. Так, в летописи — «трѣснули копя московские», в «Слове» — «трещать копия харалужныя»⁶²,

⁵⁷ Слово о полку Игоревѣ... С. 79—80.

⁵⁸ *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 321—322.

⁵⁹ Слово о полку Игоревѣ... С. 84.

⁶⁰ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 98.

⁶¹ *Салмина М. А.* Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.

⁶² Слово о полку Игоревѣ... С. 84.

в то время как в «Задонщине» — «грянуша копия харалужныя»; «ударышася копии хараужничьными»⁶³. «Треснули копыя» летописи ближе к «Слову», но в данном случае нельзя утверждать, что в использованном летописцем тексте «Задонщины» не стояло чтение «треснули» (различие сказуемых в разных списках этого произведения говорит о возможности вариативных чтений данного места) или что появление этого распространенного глагола — простое совпадение со «Словом». Далее, в летописи «гремять мечи булатные о шеломы литовские на поле Оршиском», в «Слове» — «позвони своими острыми мечи о шеломы литовская»⁶⁴, в «Задонщине» — «возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские»⁶⁵. Однако противником московских войск в битве под Оршей была Литва, и именно поэтому «шеломы хиновские» могли превратиться в «шеломы литовские».

Наконец, перекличку со «Словом» можно усмотреть в строках «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского: «Идеже были прежде в пустошенных краях русских зимовища татарские — тамо грады и места сооружишася. И не токмо кони русских сынов в Азии с текущих рек напишася, с Танаиса и Куалы и з прочих, но и грады тамо роставишася»⁶⁶. Гидроним «Куала» сходен с «Каяла» — названием реки, у которой погибло Игоревое войско. В «Слове» Каяла тесно связана с Доном (Танаисом): «на рѣце на Каяле, у Дону Великаго»⁶⁷. Известно, что Курбский долгое время служил на Псковщине и тесно общался с местными монахами⁶⁸ (правда, не Пантелеймонова монастыря, где двумя с половиной веками ранее была сделана приписка на Апостоле, а другого, крупнейшего псковского монастыря — Псково-Печерского).

⁶³ Памятники Куликовского цикла. С. 90, 128.

⁶⁴ Слово о полку Игоревѣ... С. 92.

⁶⁵ Памятники Куликовского цикла. С. 115, 128.

⁶⁶ *Курбский А. М.* История о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 13—14.

⁶⁷ Слово о полку Игоревѣ... С. 82.

⁶⁸ См.: *Кустерев С. Н.* Князя Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. 1. Ч. II. М., 1997.

Следы возможного знакомства со «Словом» на Псковщине⁶⁹ могут быть соотнесены с выдвигавшейся гипотезой о псковских чертах Мусин-Пушкинской рукописи поэмы⁷⁰.

Высказывались предположения о наличии реминисценций из «Слова о полку Игореве» в еще целом ряде памятников древнерусской литературы: некоторых версиях «Сказания о Мамаевом побоище»⁷¹, Житии Александра Невского, отдельных версиях «Сказания о битве новгородцев с суздальцами», «Повести об Акире Премудром», «Моления Даниила Заточника», «Повести о Сухане»⁷². О чем можно говорить в каждом конкретном случае: о случайных совпадениях, о воздействии общих источников, об опосредованном фольклорной традицией влиянии или о знакомстве с письменным текстом — вопрос, пока недостаточно выясненный. Тем не менее в целом можно констатировать, что «Слово о полку Игореве» оказало заметное (особенно в сравнении с бедностью рукописной традиции) воздействие на русскую средневековую литературу последующего времени.

⁶⁹ Можно в связи с этим еще отметить, что одним из составителей Степенной книги (в т. ч. раздела об Александре Невском, сыне Ярослава Всеволодича, к которому приходили «славные куряне») был, как ныне доказано, пскович Василий-Варлаам (см.: От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 126—224).

⁷⁰ См.: *Творогов О. В.* Псковские элементы в языке «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.

⁷¹ *Sofonia's Tale...* P. 7—27; *Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 408—409, 434—439.

⁷² См.: *Назаревский А. А.* Следы «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе // *Вісник Київськ. ун-ту. № 7. Сер. філології та журналістики.* 1965; *Творогов О. В.* Реминисценции «Слова» в древнерусской литературе // «Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. Мнение о текстуальных параллелях «Слова о полку Игореве» со «Словом о гибели Русской земли» (памятником середины XIII в.) не имеет под собой достаточных оснований: сходство этих произведений лежит в жанрово-художественной сфере (см.: *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве»: обстоятельства возникновения и некоторые проблемы изучения // *Слово о полку Игореве*... С. 49—52).

Очерк 4

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Успех монгольского нашествия на Русь 1237—1241 гг. был сам по себе предопределен военной мощью завоевателей — перед ними не устоял ни Китай, ни Хорезм, ни разгромленные после Руси Венгрия и Польша. Но в силу этой несомненной непобедимости войск Монгольской империи остались незамеченными некоторые особенности военных действий на Руси во время нашествия Батыя. В отличие от названных выше стран, при прохождении монгольских войск через русские земли почти не было полевых сражений (собственно, все хорошо известные факты героического сопротивления Батыевым полчищам связаны с обороной городов). При этом практически все открытые бои, что имели место, относятся к первому походу Батыя — вторжению в Рязанское княжество и Северо-Восточную Русь в 1237—1238 гг. Тогда у Коломны произошло сражение с Батыем войск Суздальской земли (во главе с сыном великого князя владимирского Юрия Всеволодича) и части рязанских сил, а уже после падения Владимира Юрий Всеволодич сошелся в гибельном для себя бою с туменом Бурундая у р. Сить¹. Во время же походов на Южную Русь фиксируется лишь одна попытка вступить в открытое сражение: осенью 1239 г., когда татары² осадили Черни-

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460—461, 464—465; Т. 2. Стб. 779; НЛ. С. 75—76.

² Сами завоеватели называли себя *монголами*, но в Европе, в т. ч. на Руси, их именовали *татарами* (термин восходит к обозначению одного из монголоязычных племен, которое китайцами было перенесено на

гов, князь Мстислав Глебович попытался извне прийти на помощь осажденным, но был разбит³. Сильнейшие князья Южной Руси того времени — Михаил Всеволодич, княживший в 1238—1239 гг. в Киеве, и Даниил Романович Волынский бежали, не дожидаясь подхода татар⁴. Причем Михаил, находясь осенью 1239 г. в Киеве, даже не попытался помочь обороне своего отчинного Чернигова.

О какой-либо внезапности монгольского удара не может быть и речи. Помимо того, что в Южной Руси прекрасно было известно о походе Батые на Северо-Восток Руси 1237—1238 гг. (тогда, кстати, частично пострадала и Черниговская земля: Козельск, прославившийся семинедельной обороной, входил в ее состав), осенью 1239 г., т. е. за год до основного «южного» похода — через Киев, Волынь и Галичину в Центральную Европу — Батый захватил два главных центра Днепровского Левобережья, Переяславль и Чернигов⁵. Времени подготовиться к отражению удара у князей, правивших к западу от Днепра, было достаточно, но они повели себя крайне пассивно.

Поведение южнорусских князей резко контрастирует с тем, что имело место в 1223 г., во время первого монгольского похода в Восточную Европу. Тогда (хотя это, первое появление монголов действительно было внезапным) три сильнейших князя Южной Руси — Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославич Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий — сумели договориться о совместном выступлении, организовали вокруг себя других южнорусских князей (из Черниговской, Волынской и Пинской земель) и предприняли против монголов наступательную операцию⁶. Другое дело, что когда дошло до сражения, координированность действий сменилась разобщенностью, которая и привела к трагедии на Калке. Но на стадии подготовки в 1223 г. несомненно согласованные действия всех

всех монголов; см.: *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 176—178).

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782, 785—787.

⁵ Там же. Стб. 781—782; Т. 1. Стб. 469.

⁶ Там же. Т. 1. Стб. 445—447; Т. 2. Стб. 740—745; НПЛ. С. 61—63.

южнорусских князей; более того — была достигнута договоренность и с Юрием Всеволодичем Владимирским⁷. В канун же Батыева нашествия не видно и намека на что-либо подобное. Для того чтобы оценить причины такого контраста, следует обратиться к особенностям политической ситуации на Руси в первой трети XIII столетия.

Наибольшим политическим влиянием в это время пользуются четыре княжеские ветви, управлявшие соответственно четырьмя землями: это черниговские князья — «Ольговичи» (Черниговская земля), смоленская ветвь Ростиславичей (Смоленская земля), волынские князья, потомки Изяслава Мстиславича (Волынская земля), и потомки Юрия Долгорукого (Суздальская земля). Исключая Волынь, где в период 1205—1219 гг. (а частично и позже) велась внутрдинастийная борьба, завершившаяся победой Даниила и Василька Романовичей⁸, междоусобные конфликты внутри этих земель были в первой трети XIII в. единичны: в 1216 и 1229 гг. в Северо-Восточной Руси (при этом второй разрешился без применения военной силы)⁹, в 1226 г. в Черниговской земле¹⁰, в 1232 г. в Смоленской¹¹. При этом князья других ветвей на «чужие» земли не посягали¹²: даже если князь, возглавлявший «родовое» княжество, терпел поражение от князей иной ветви на своей территории, победители не сами пытались сесть в его столице, а стремились передать власть в ней другому, дружественному им князю из той же ветви (Мстислав Мстиславич — Константину Всеволодичу в Суздальской земле в 1216 г., Владимир Рюрикович и Даниил Романович — Мстиславу Глебовичу в Чернигове в 1234 г.)¹³. Основная же борьба шла между четырьмя

⁷ Отряд во главе с его племянником Васильком Константиновичем не успел прийти на помощь (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441—447).

⁸ См. о ней: Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 191—207.

⁹ НЛ. С. 55—57; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451—452.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

¹¹ НЛ. С. 72.

¹² За исключением факта княжения Ольговича Святослава Игоревича во Владимире-Волынском в 1206—1207 гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718—720).

¹³ НЛ. С. 55—57; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772.

сильнейшими ветвями за столы, не закрепленные за определенными династиями. Одним из них был Киев, сохранявший статус номинальной столицы Руси¹⁴, другим — Новгород, где решающую роль в выборе князя играло местное боярство. Третьим же с конца XII в. стал Галич: здесь в 1199 г. пресеклась местная династия, и на «Галицкое наследство» стали считать себя вправе претендовать представители всех сильнейших княжеских ветвей.

В период до Калкской битвы явно успешнее других вели борьбу за «общерусские» столы смоленские Ростиславичи: в сумме 33 года княжения на трех столах (у Юрьевичей — 12, Изяславичей и Ольговичей — по 8), при этом в Киеве — 19 лет против 3 у Ольговичей и 1 у Изяславичей, в Новгороде — 11 против 12 у Юрьевичей. Апогеем могущества Ростиславичей можно считать 1217—1218 гг. и 1220—1221 гг., когда они владели и Киевом, и Новгородом, и Галичем¹⁵.

Активностью междоусобной борьбы за Киев, Галич и Новгород наполнены первые два десятилетия XIII в. 1220-е гг. были в этом отношении более спокойны. В Киеве с 1212 г. утвердился Мстислав Романович, Ростиславов внук; после гибели Мстислава на Калке ему наследовал племянник Владимир Рюрикович. В Галиче в конце 1210-х гг. обосновался двоюродный брат Мстислава Романовича Мстислав Мстиславич. Лишь в Новгороде князья в 1220-х гг. менялись часто, но обошлось без серьезных столкновений. Однако после смерти Мстислава Мстиславича (1228 г.) ситуация стала обостряться.

Первым симптомом конфликта была война Владимира Рюриковича Киевского, Михаила Всеволодича Черниговского и половецкого хана Котьяна против Даниила Романовича Галицкого, прибегнувшего к польской помощи (1228 г.)¹⁶. В последующие годы (до 1232 г.) Михаил Всеволодич был в основном занят борьбой с Ярославом Всеволодичем, братом владимирского великого князя Юрия, за новгородский стол, окончившейся победой Ярослава¹⁷, а Даниил Романович — борьбой за Галич с вен-

¹⁴ См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 28.

¹⁵ Подробно см.: там же. С. 13—19.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 753—754.

¹⁷ См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 137—139.

грами, шедшей с переменным успехом¹⁸. В 1231 г., когда неудача Михаила в Новгороде стала уже очевидной, он предпринял первую свою попытку претендовать на Киев: благодаря союзу, который Владимир Рюрикович заключил с Даниилом, эта попытка была нейтрализована¹⁹. Даниил Романович в 1234 г. сумел изгнать венгров из Галича²⁰. После этого военные действия распространились на Киевщину и Черниговщину. Михаил в союзе с князем Изяславом (скорее всего, это был сын Мстислава Мстиславича «Удатного»)²¹ выступил в поход на Киев. Даниил пришел на помощь Владимиру Рюриковичу; Михаилу пришлось отступить к Чернигову, а Изяслав бежал к половцам. Даниил и Владимир вторглись в Черниговскую землю, захватили (действуя в союзе с двоюродным братом Михаила Мстиславом Глебовичем) несколько городов по Десне, затем осадили Чернигов, вынудив Михаила уйти из своей столицы. По соглашению с черниговцами в городе сел Мстислав Глебович; но затем Михаилу удалось нанести поражение войскам Даниила Романовича, после чего Даниил и Владимир вернулись к Киеву. Тем временем Изяслав привел половецкое войско. Под Звенигородом оно нанесло поражение Даниилу и Владимиру, причем киевский князь попал в плен. Изяслав занял киевский стол, а Михаил, развивая успех, овладел Галичем²².

В 1235—1236 гг. на территориях Галицкой и Волынской земель шли военные действия между Михаилом и Изяславом, с одной стороны (в союзе с половцами и польским князем Конрадом Мазовецким), и Даниилом и Васильком Романовичами — с другой (в союзе с Владимиром Рюриковичем и литовцами). Даниил пытался отвоевать у Михаила Галич, но добился возвращения только Перемышля. Владимир, освободившийся из половецкого плена за выкуп, вернул себе киевский стол, но вскоре уступил его (видимо, по соглашению с Даниилом) Ярославу Всеволодичу, пришедшему из Новгорода в 1236 г.²³

¹⁸ См.: Пауто В. Т. Очерки... С. 211—215.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 766.

²⁰ Там же. Стб. 771—772.

²¹ См.: Горский А. А. Указ. соч. С. 14—17.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772—774; НЛ. С. 73—74.

²³ См.: там же. С. 74; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774—777; Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. Т. 43. Л.,

В 1238 г., узнав о гибели своего старшего брата Юрия в бою с монголами на р.Сить, Ярослав ушел из Киева и сел на освобожденный владимирский стол. Михаил после этого занял Киев, оставив в Галиче своего сына Ростислава. Вновь перешел в руки черниговских князей и Перемышль²⁴. Но торжество Ольговичей было недолгим.

В 1239 г. Даниил вернул себе Галич²⁵. Осенью того же года татары захватили Переяславль и Чернигов, подступали (пока с рекогносцировочной целью) и к Киеву²⁶. Зимой 1239—1240 гг. в поход на Юг Руси выступил Ярослав Всеволодич. Михаил бросил Киев и бежал в Венгрию. Ярослав захватил город Каменец на киево-волынском пограничье, взяв в нем в плен жену и бояр Михаила²⁷. В Киеве сел князь из смоленской ветви Ростислав

1920. С. 30, прим. 94. Недавно А. В. Майоров высказал предположение, что Ярослав занял Киев как союзник не Даниила Романовича и Владимира Рюриковича, а Михаила Всеволодича. Он отмечает, что Ярослав и Михаил, враждовавшие некоторое время из-за Новгорода, в 1230 г. помирились при посредничестве митрополита и черниговского епископа, и утверждает, что «в 1231 г. на княжеском съезде в Киеве отношения черниговского и владими́ро-суздальского князей оформились в военный союз, опираясь на который Михаил начал свою борьбу за Галич» (*Майоров А. В.* Галицко-Волинская Русь. СПб., 2001. С. 600—606). На самом деле в княжеском съезде в Киеве 1231 г. князья Суздальской земли участия не принимали (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457). Замирение же Ярослава с Михаилом было недолгим: в том же самом 1231 г. Ярослав (при поддержке брата Юрия, которого А. В. Майоров считает инициатором союза Ярослава с Михаилом) воевал против Михаила в Поочье, пожег принадлежавший ему город Серенск, а в 1232 г. сторонники Михаила предприняли попытку рейда на Новгород (НЛ. С. 71—73; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459). Воевал Ярослав против Михаила и в 1239 г. (см. ниже, прим. 27).

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777; *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 27—28; *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли». С. 24—32.

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777—778.

²⁶ Там же. Стб. 781—782.

²⁷ Там же. Стб. 782—783; Т. 1. Стб. 469. Существует мнение, что в Ярославе, взявшем Каменец, следует видеть не Ярослава Всеволодича, а Ярослава Ингваревича, одного из мелких князей волинской ветви (ср.: *Майоров А. В.* Указ. соч. С. 602). Если бы это было так, то его дей-

Мстиславич²⁸ (очевидно, его вокняжение произошло с санкции Ярослава)²⁹. Но вскоре Даниил захватил Ростислава и оставил в Киеве своим наместником боярина Дмитра³⁰. Это был уже канун похода Батые на Киев.

Война 1230-х гг. представляет собой одну из самых длительных и ожесточенных усобиц в истории Руси. В ходе нее черниговские, смоленские и волынские князья несли серьезные людские и экономические потери. Князья суздальской ветви, напротив, почти не принимали в усобице участия: походы Ярослава Всеволодича на юг в 1236 г. и зимой 1239—1240 гг. не сопровождались серьезными военными столкновениями. Перемены в соотношении сил ярко проявились в длительности пребывания на «общерусских» столах. За период после 1228 г. и до взятия Батыем Киева в 1240 г. на первом месте суздальские Юрьевичи — 12 лет, у Ольговичей — 8, Ростиславичей — 7, Изяславичей — 4,5³¹. При этом во 2-ю половину 1230-х гг. Ростиславичи не занимали (исключая короткое княжение Ростислава Мстиславича в Киеве) ни одного стола; ко времени Батыева похода на Южную Русь потеряли все и Ольговичи. Лучшие позиции оказались у князей суздальской ветви, закрепившихся на новгородском столе, а также у волынских Даниила и Василька, оставшихся (правда, еще не окончательно) победителями в борьбе за Галич; в Киеве же не удалось закрепиться ни одной из ветвей.

ствия вряд ли вообще были бы упомянуты в летописании Северо-Восточной Руси. Между тем владимирский летописец не только не прошел мимо захвата Каменца и жены Михаила, но и написал об этом в тех же выражениях, что и о походе Ярослава Всеволодича в том же 1239 г. на Смоленск: «Ярослав иде... со множеством полона приведе в своя си»; «Ярослав иде... а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469). Допущение, что летописец в первом случае писал о походе не своего великого князя, а одноименного незначительного южнорусского князя, никак не обозначив, что это не тот Ярослав, не верховный правитель Суздальской земли (которому посвящена значительная часть остальной информации статьи 1239 г.), представляется абсолютно невероятным.

²⁸ Там же. Т. 2. Стб. 782.

²⁹ См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках. С. 25.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

³¹ См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках. С. 14—19.

Перманентная междоусобная война на Юге Руси исключила возможность объединения сил для отпора монгольскому удару. Показательно, что она продолжалась не только после разорения Батыем Северо-Восточной Руси, но даже тогда, когда монголы захватили Переяславль и Чернигов! Князей-противников, похоже, больше заботила борьба между собой, чем приближающееся нападение внешнего врага. В одиночку же пытаться противостоять монгольским войскам было невозможно.

Часть IV
РУССКИЕ ЗЕМЛИ
С СЕРЕДИНЫ XIII — ДО КОНЦА XIV В.

*Тогда по Руской земли ретко
ратаеве кикахуть, нь часто
врани граяхуть, трупиа
себе деляче... Тоска разлияся
по Руской земли, печаль жирна
тече средь земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху...»*

Из «Слова о полку Игореве».

Очерк 1

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СУДЬБЫ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

В результате походов войска Монгольской империи под командованием внука Чингисхана Батые на Северо-Восточную (1237—1238 гг.) и Южную (1239—1241 гг.) Русь и серии политико-административных мер, проведенных завоевателями (в основном в 40—50-х гг. XIII в.)¹, русские земли попали в зависимость от монгольских ханов. До 60-х гг. XIII в. верховными сюзеренами Руси считались монгольские императоры — великие ханы в Каракоруме (столице Монгольской империи). В 60-х гг. западный улус империи Чингизидов — т. н. Золотая Орда² — стал полностью самостоятельным государством, и русские кня-

¹ См.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 10—23, 34—35; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 218—232; *Хорошкевич А. Л.* Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). М., 1988.

² Традиционное в литературе определение «Золотая» появляется только во 2-й половине XVI в. (когда обозначаемого им государства уже не существовало). В русских источниках XIII—XV вв. термин «Орда» (первоначальное значение — ханская кочевая ставка) применялся по отношению к государству, управлявшемуся потомками старшего сына Чингисхана Джучи, без эпитета.

жества остались в вассальной зависимости только от него³. Зависимость выражалась в праве правителей Орды утверждать русских князей на столах и получать с русских земель дань (с XIV в. она именовалась на Руси «выходом») и другие подати; русские князья обязаны были также предоставлять Орде военную помощь⁴.

Зависимость от Орды (т. н. «иго»⁵) просуществовала почти два с половиной столетия; она сохранялась долгое время даже после распада Орды на несколько ханств. Причина такой длительности и стойкости отношений зависимости — в особенностях мировосприятия эпохи. В отличие от таких завоеванных монголами стран, как Китай и Иран, где завоеватели осели и правили непосредственно, русские земли сохранили в главных чертах свою общественно-политическую структуру, в них продолжали править собственные князья. Изменение в системе властвования свелось к появлению *вне* пределов Руси источника верховной власти — хана Орды. На Руси он именовался *царем*, т. е. титулом более высоким, чем кто-либо из русских князей, и ранее последовательно применявшимся только к императорам Византии и Священной Римской империи. Орда, таким образом, заняла в мировосприятии место мировой державы — царства (в середине XIII в. временно пустовавшее в результате захвата столицы *Греческого царства* — Византийской империи — Константинополя, «Царьграда», в 1204 г. западными крестоносцами; восстановлена была Византийская империя только в 1261 г.)⁶. Зависимость от ордынского «царя» стала традиционной нормой. И

³ См.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 11—14, 28—31, 50—51; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 158—160.

⁴ См.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 10—16, 77—78; *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч.; *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 18—25.

⁵ Впервые зависимость Руси от Орды была определена как «иго» польским хронистом Я. Длугошем в 1479 г. (Ioannis Dlugossii senioris canonici opera. T. 14. Cracoviae, 1878. P. 697 — *iugum barbarum, iugum servitutis*. Ср. ошибочное отнесение первого употребления термина «иго» к концу XVI в. — *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier. 1304—1589. Cambridge, 1998, P. 144—145).

⁶ См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 134—137.

чтобы во властных кругах встал вопрос о ее ликвидации, должно было не только и даже не столько измениться соотношение военных сил, сколько пробить себе дорогу идеи о нелегитимности власти ордынского хана над Русью и о равном с ним статусе главного из русских князей (см. Часть V, Очерки 2 и 3).

Вопрос о последствиях монгольского нашествия для Руси издавна принадлежит к числу дискуссионных. Можно выделить три основные точки зрения. Одни исследователи признавали очень значительное воздействие завоевателей на развитие Руси, выразившееся в создании благодаря им единого Московского (Российского) государства. Основоположителем такой точки зрения был Н. М. Карамзин, а в 20-х гг. XX в. она была развита т. н. евразийцами⁷. Другие историки (среди них — С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов) оценивали воздействие завоевателей на внутреннюю жизнь русского общества как крайне незначительное. Они полагали, что процессы, шедшие во второй половине XIII—XV вв., либо органически вытекали из тенденций предшествующего периода, либо возникали независимо от Орды⁸. Наконец, для многих авторов характерна позиция, при которой влияние завоевателей расценивается как заметное, но не определяющее для страны, при этом как однозначно негативное, тормозящее развитие Руси, в т. ч. объединительные процессы; создание единого государства, по их мнению, произошло не благодаря, а вопреки Орде⁹.

⁷ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 200—208; Костомаров Н. И. Начало единодержавия в древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 11. С. 53—54; № 12. С. 496, 517, 561; И. Р. (Трубецкой Н. С.). Наследие Чингиз-хана. Берлин, 1925. С. 8—9, 19—22; Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Т. 5. Берлин, 1927. С. 156—159; Хара-Давон Э. Чингиз-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. С. 119—120, 200, 204, 226. Ср. новейшую работу: Ostrowski D. Op. cit.

⁸ См.: Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М., 1847. С. VII, 18; Ключевский В. О. Соч. Т. 1. М., 1987. С. 336; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Ч. I. СПб., 1913. С. 107.

⁹ См.: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 5, 153, 160—161; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. С. 256; Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 212—217.

Непосредственное воздействие иноземного нашествия и ордынской власти в сфере экономической выразилось, во-первых, в масштабных разорениях территорий во время ордынских походов и набегов, во-вторых, — в систематическом выкачивании из страны материальных средств в виде дани и других поборов¹⁰. Непосредственные политические последствия хорошо отображает такой показатель, как сопоставление количества информации в летописании разных русских земель (Северо-Восточной Руси, Новгорода, Галицко-Волынской земли) о событиях, происходивших в других землях. В период после нашествия оно резко (в 2—3 раза) уменьшается¹¹, явно указывая на быстрое ослабление политических связей между различными регионами Руси. Борьба за киевский, новгородский и галицкий столы, столь активно шедшая в первой трети XIII в. и стимулировавшая межземельные связи, после нашествия прекратилась (только конфликт из-за Галича продолжался до 1245 г.). В условиях, когда получение стола стало зависеть от ханской воли, естественно было стремление закрепить за собой и своими потомками «отчинные» земли, а не гоняться за «общерусскими» столами.

Раскрыв любой обобщающий труд по истории России, нетрудно обнаружить, что начиная с середины XIII в., времени монгольского нашествия, географический диапазон внимания авторов резко сужается: если ранее этого времени освещалась история всех древнерусских земель от Карпат и Среднего Поднепровья на юге до Финского залива и верхней Волги на севере, то теперь речь идет преимущественно о Северо-Восточной Руси и

¹⁰ Лишь в XIV в. возобновляется поступательное развитие сельского хозяйства, ремесла, монументального строительства; вторая же половина XIII в. является периодом кризиса (см.: *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948; *Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы // *Очерки русской культуры XIII—XV веков.* Ч. I. М., 1970; *Miller D. B.* Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138—1462 // *American Historical Review.* 1989. Vol. 94. № 2), хотя и не все изменения в экономическом развитии в эту эпоху следует связывать именно и только с монгольским нашествием (см.: *Русь в XIII веке: Древности темного времени* / Под ред. Н. А. Макарова и А. В. Чернецова. М., 2003).

¹¹ См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 57—63.

(в меньшей мере) Руси Северо-Западной (Новгородская земля)¹². Связано это в первую очередь с тем, что именно Северо-Восточная Русь стала ядром нового единого русского государства — России, в то время как западные и южные русские княжества (Киевское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Галицкое, Полоцкое, Пинское, Переяславское) в период с конца XIII по начало XV в. попали под власть Великого княжества Литовского и Польского королевства. Внимание исследователей и фокусировалось прежде всего на процессе складывания единого государства со столицей в Москве (эта проблематика будет в центре внимания и в последующих очерках настоящей работы).

Другая причина — различная степень сохранности источников, содержащих сведения об истории разных земель. Если летописание Северо-Восточной Руси, Новгорода и Пскова XIII—XIV вв. представлено большим количеством материала, то от летописания Южной Руси сохранилась лишь Галицко-Волынская летопись, доведенная только до 1292 г. Большинство известных науке актов XIII—XIV столетий также связано с Северо-Восточной Русью и Новгородской землей.

Однако нашествие Батые не уничтожило русскую государственность в Южной и Западной Руси. Княжества-земли, существовавшие там, сохранялись еще долгое время, от полу столетия (Полоцкая, Пинская) до полутора с лишним (Смоленская). Рассмотрение особенностей их судьбы в период между монгольским вторжением конца 30-х — начала 40-х гг. XIII в. и переходом под литовскую власть важно не только само по себе: оно должно помочь понять, почему ядром нового единого русского государства стала именно Северо-Восточная Русь, а не иная из русских земель. В историографии много внимания уделялось вопросу, почему Москва, а не иной центр Северо-Восточной Руси, встала во главе объединения русских земель (см. об этом Часть IV, Очерк 3). Но при этом осталась в тени более масштабная проб-

¹² См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988; *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. М., 1987; Т. 2. М., 1988; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Ч. I. СПб., 1913; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1—2. М., 1966.

лема: почему такой центр появился не где-нибудь, а именно в Северо-Восточной Руси. Причина игнорирования этой проблемы — устоявшееся представление, что ведущая роль Суздальской земли была предопределена еще до нашествия; но поскольку выше была показана ошибочность такого взгляда (см. Часть III, Очерк 2), данный вопрос выходит на первый план.

Киевский стол после возвращения Батыя из европейского похода был передан им Ярославу Всеволодичу, великому князю владимирскому. В 1243 г. Ярослав отправился к Батыю и был признан им «старейшим» среди русских князей¹³. Выражением этого «старейшинства» стало обладание Киевом: когда в 1245 г. Даниил Романович Галицкий по пути к Батыю проезжал через Киев, «обдержашу Кыевь Ярославу бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ»¹⁴. Таким образом, Киев продолжал считаться главным центром Руси. Сам Ярослав, однако, в Киеве не сидел, предпочитая находиться в Северо-Восточной Руси. После смерти Ярослава его старший сын Александр (Невский) получил в Каракоруме (1249 г.) «Кыевь и всю Русскую землю», а его младший брат Андрей — владимирский стол¹⁵. Очевидно, что и в 1249 г. киевский стол продолжал формально считаться главным, поскольку он передан старшему из князей. Но Александр по возвращении на Русь продолжал княжить в Новгороде¹⁶, очевидно, как и отец, держа в Киеве наместника. В 1252 г. Александр овладел владимирским столом¹⁷ и объединил под своей властью Владимир и Новгород.

Дальнейшая судьба киевского стола скудно освещена источниками. Исходя из косвенных данных, можно предполагать, что до начала 90-х гг. XIII в. киевскими князьями считались преемники Александра Невского на владимирском столе. В 80-х гг. Киев вошел в сферу влияния Ногая — правителя западной части Орды (от Дуная до Днепра), ставшего фактически независимым

¹³ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 430: «Батыи же почти Ярослава великого чество и мужи его и отпусти и рече ему: “Ярославе, буди ты старѣи всѣм князем в Русском языке”».

¹⁴ Там же. Т. 2. М., 1962. Стб. 806.

¹⁵ Там же. Т. 1. Стб. 472.

¹⁶ Там же. Стб. 472—473; НЛЛ. М.; Л., 1950. С. 80.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

от ханов, правивших в столице Орды Сарае на Волге. После же вокняжения во Владимире в 1294 г. вместо вассала Ногай Дмитрия Александровича его брата Андрея, приверженца сарайского хана Тохты, Киев оказался (вероятно, по инициативе Ногай) под властью представителей путивльской ветви черниговского княжеского дома¹⁸.

В конце XIII столетия Киев утратил роль резиденции митрополита: в 1299 г. «митрополить Максимъ, не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збѣжа из Киева и весь Киевъ розбѣжался, и митрополить иде ко Брянску и отголе в Суждальскую землю»¹⁹.

Первое прямое достоверное известие о князе в Киеве после 1249 г. относится к 1331 г.: этот князь одновременно зависел от Орды и Литвы²⁰. Окончательно Киевское княжество было подчинено Литвой при Ольгерде Гедиминовиче в начале 60-х гг. XIV в.: великий князь литовский посадил в Киеве своего сына²¹.

В Черниговской земле после нашествия усиливается политическое дробление, причем происходит закрепление вновь возникающих княжеств за определенными ветвями рода Ольговичей. На ее северо-востоке, в Верхнем Поочье, возникают т. н. «верховские» княжества — Новосильское, Карачевское и Тарусское (которые в XIV столетии в свою очередь дробятся), на юго-востоке к ранее существовавшим Курскому и Рыльскому добавляются Воргольское и Липовичское²². В северо-западной, лесной

¹⁸ См.: Горский А. А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 134, 147—148.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485: о дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 122.

²⁰ НЛ. С. 343—344; ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915. С. 263—265 (Новгородская IV летопись); Софийская первая летопись старшего извода (ПСРЛ. Т. 6. Ч. I). М., 2000. Стб. 405—406; Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 29.

²¹ Шабульдо Ф. М. Указ. соч. С. 57—60.

²² РИИР. Вып. 2. М., 1977. С. 19, 41—43, 112—113; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 190—192, 208—210; Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская

части Черниговщины (более защищенной от татарских набегов, чем ее юго-восточные, лесостепные территории) возникает Брянское княжество. Именно в Брянск в 60-х гг. XIII в. перемещается политический центр Черниговской земли. Здесь княжил Роман Михайлович, одновременно считавшийся и черниговским князем; брянским и черниговским князем был и его сын Олег Романович²³. Но возможность интеграции княжеств Юго-Восточной Руси под эгидой Брянска была вскоре утрачена. Скорее всего, главную роль здесь сыграла политика Орды. Роман Михайлович и Олег Романович входили, по-видимому, в коалицию князей, ориентировавшихся на Ногаю. В середине 90-х гг. XIII в. хан Тохта повел наступление против Ногаия, причем начал с того, что постарался ликвидировать сферу его влияния в русских землях. Тогда Брянск и был передан в руки смоленских князей, васалов Тохты, а Чернигов — лояльным хану Ольговичам²⁴. В результате интегрирующая роль Брянска не состоялась, черниговское княжение так и не закрепилось ни за одной линией Ольговичей²⁵, а в 60—70-х гг. XIV в. большей частью территории Черниговской земли овладел великий князь литовский Ольгерд²⁶. Только в ее северо-восточной, верхнеокской части сохранились княжества под управлением Ольговичей, ставшие объектом соперничества между Литвой и Москвой.

Говоря о факторах, действовавших на развитие Черниговской земли, нужно вспомнить, что политическая сила княжества была перед самым Батыевым нашествием ослаблена длительной борь-

битва. М., 1980. С. 50—51; *он же*. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // СР. Вып. 1. М., 1996.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 860, 872—874; РИИР. Вып. 2. С. 112; *Зотов Р. В.* Указ. соч. С. 26, 82—86, 191, 196—198.

²⁴ *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // СР. Вып. 1. М., 1996. С. 77—79; *он же*. Ногай и Русь. С. 138—139, 149.

²⁵ Четыре князя, княжение которых в Чернигове можно предполагать в конце XIII—XIV вв., принадлежали по крайней мере к трем разным ветвям (см.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 32—34).

²⁶ См.: *Зотов Р. В.* Указ. соч. С. 125—126, 139—145, 151—152, 212—214; *Шабельдо Ф. М.* Указ. соч. С. 62, 64—65.

бой Михаила Всеволодича за Киев и Галич. Имеются сведения, позволяющие говорить об оседании в ходе этой борьбы части черниговского боярства на землях «чужих» княжеств²⁷, что ослабляло политическую опору князей черниговского дома в своей земле. Тяжелым ударом стал переход Брянска в конце XIII в. к Смоленскому княжеству, который фактически «отрезал» южную Черниговщину (с номинальной теперь столицей) от северной (верховских княжеств). Новый сильный центр в земле не возник; не сложилось и крупного «столичного» княжества (подобного великому княжеству Владимирскому в Северо-Восточной Руси). Несомненно, определенную роль в ослаблении Черниговской земли сыграл и литовский натиск с северо-запада, обозначившийся уже во второй половине XIII в. и усилившийся в XIV столетии²⁸.

На юго-западе Руси в результате объединения Волынской и Галицкой земель под власть Даниила Романовича и его брата Василька сформировалось сильное государство, сумевшее избежать сколько-нибудь значительного политического дробления. В 50-х гг. XIII в. Даниил не признавал власть Орды. В 1254 г., рассчитывая на помощь католической Европы против татар, он принял от римского папы королевский титул. Но в конце 50-х гг. галицкому князю все же пришлось признать зависимость от хана²⁹.

Потомки Даниила Романовича княжили в Галицко-Волынской земле до 1340 г. В первой половине XIV в. усилилось давление на нее со стороны соседних Литвы, Польши и Венгрии. После продолжительной борьбы в 1352 г. Галицкая земля отошла к Польскому королевству, а Волынь — к Великому княжеству Литовскому³⁰.

Объединение Галичины и Волыни не влекло за собой такого отрицательного последствия, как отрыв части боярства от «своей» земли, поскольку объединились соседние княжества. Потомки

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789, 870.

²⁸ См.: Пауто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 17, 32, 374—375.

²⁹ См.: Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 230—237, 254—260, 272, 282—284; Егоров В. Л. Указ. соч. С. 186—189.

³⁰ См.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939. С. 41—43, 66—69; Шабельдо Ф. М. Указ. соч. С. 9—13, 18—25, 33—50.

Даниила и Василька Романовичей практически не воевали между собой, а в начале XIV в. при внуке Даниила Юрии Львовиче Галицко-Волынская земля находилась под властью одного князя. Ослаблению Галицко-Волынской Руси в XIV в. способствовало ее политико-географическое положение: она находилась в окружении четырех сильных соседей — Орды, Литвы, Польши и Венгрии. Галицко-волынские князья вынуждены были, как вассалы Орды, участвовать в татарских походах на литовские, польские и венгерские земли, что осложняло отношения княжества с этими странами и вело к разорению его собственной территории при прохождении через нее татарских войск. Отрицательную роль сыграло и прекращение династии Романовичей (к чему, вероятно, приложила руку Орда)³¹.

В Смоленской земле во второй половине XIII—XIV в. политическое дробление усилилось, но для нее не стало характерным закрепление удельных княжеств за определенными княжескими линиями, как это было в Черниговской земле: они оставались, как правило, под контролем смоленского князя, а центральная часть земли была непосредственно в его руках. Тем не менее политическое значение Смоленского княжества постепенно уменьшалось. Уже с середины XIII в. смоленские князья признавали политическое верховенство великих князей владимирских, а с 30-х гг. XIV в. — литовских. В середине и второй половине XIV столетия великие князья литовские и владимирские (из московского дома) вели борьбу за влияние на Смоленск, а местные князья были вынуждены лавировать между ними. В 1404 г. великий князь литовский Витовт окончательно включил Смоленскую землю в состав своего государства³².

Ослабление Смоленской земли, очевидно, мало было связано с ордынским фактором; она не граничила с татарскими владениями и почти не пострадала (в отличие от Киевского княжества, Черниговской и Галицко-Волынской земель) от военных действий Орды (Смоленск ни разу не разорялся татарами). Помимо фактора «литовского», негативную роль сыграло активное участие князей смоленского дома в борьбе за Киев и Галич в первой

³¹ *Шабульдо Ф. М.* Указ. соч. С. 18—24.

³² См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках. С. 37—41.

трети XIII в., в результате которого часть смоленского боярства, по-видимому, оседала (подобно черниговским боярам) в Южной Руси. В результате уже накануне и во время Батыева нашествия смоленские князья выступали в качестве второстепенных политических фигур³³.

В Новгородской земле во второй половине XIII—XIV в. окончательно складывается т. н. «боярская республика». При этом Новгород признавал своим сюзереном великого князя владимирского, т. е. верховного правителя Северо-Восточной Руси. Политическая система Новгородской земли не предполагала наличия общерусских объединительных тенденций, стремления к первенству среди русских земель. Признание вассалитета по отношению к великим князьям владимирским давало возможность избегать столкновений с Ордой, поскольку отношения с ней перелagались на этих последних, и привлекать военные силы князей Северо-Восточной Руси к обороне западных рубежей от Ливонского Ордена, Швеции и Литвы³⁴.

В XIV в. фактическую независимость от Новгорода приобретает Псковская земля, где складывается сходная с новгородской форма правления. При этом псковичи в течение XIV в. колебались в ориентации между владимирскими и литовскими великими князьями³⁵.

Рязанская земля сумела сохранить относительную самостоятельность, хотя с конца XIV столетия рязанские князья стали признавать политическое старейшинство московских³⁶. Неболь-

³³ Вероятно также, что ослаблению смоленских князей именно накануне Батыева нашествия, в 30-х гг., способствовал мор 1230—1231 гг.: Смоленская земля пострадала от него, по-видимому, больше, чем другие, — летописи говорят о 32 тыс. умерших только в Смоленске (ПСРЛ. Т. 4. Ч. I. Вып. 1. С. 212; Т. 1. Стб. 511—512 — Московская Академическая летопись).

³⁴ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 165; Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках. С. 47—50.

³⁵ См.: Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках. С. 50—51.

³⁶ См.: Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 125—200; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 223—258; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 184—246.

шая Муромская земля самостоятельной роли не играла, а в конце XIV в. перешла под непосредственную московскую власть³⁷.

Полоцкая земля уже накануне Батыева нашествия была значительно ослаблена в результате натиска Литвы и немецких крестоносцев, обосновавшихся в Прибалтике. Окончательно она вошла в состав Великого княжества Литовского в конце XIII — начале XIV вв.³⁸. Тогда же попала под литовскую власть слабая Пинская земля³⁹.

Территория Переяславского княжества после Батыева нашествия перешла под непосредственную ордынскую власть, а в 60-х гг. XIV в., как и Черниговская земля, была присоединена к Великому княжеству Литовскому⁴⁰.

Что касается Суздальской земли, то ее развитие после нашествия можно расценить как относительно «менее неблагоприятное», чем у других русских земель. В Очерке 2 Части III приводились показатели количества укрепленных поселений в разных землях в домонгольский период. Данные об их судьбе как раз хорошо иллюстрируют приведенный тезис⁴¹.

³⁷ См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 373; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 51—52.

³⁸ См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках. С. 52—54.

³⁹ См.: *Грушевский А. С.* Пинское Полесье. Исторические очерки. Ч. 2. XIV—XV вв. Киев, 1903. С. 1—2; *Пацито В. Т.* Образование Литовского государства. С. 378, 380, 383, 388.

⁴⁰ *Зотов Р. В.* Указ. соч. С. 113—114; *Ляскоронский В.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 377; *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XV века). Л., 1940. С. 299—302; *Шабильдо Ф. М.* Указ. соч. С. 62.

⁴¹ Подсчитано на основе данных, собранных А. В. Кузой в кн.: *Древняя Русь: город, замок, село.* М., 1985. С. 120—121. Табл. 20—21. Прекращение существования поселений было связано не только с татарскими походами (хотя в середине — второй половине XIII в. это наиболее распространенный фактор), но и с набегами Литвы и Ордена (для западных русских земель), междоусобными войнами и иными причинами. Сумма прекративших свое существование поселений и тех, на которых жизнь возобновилась, в некоторых землях превышает общее количество поселений, указанных в таблице Очерка 2 Части III, т. к. А. В. Кузой в числе разрушенных учтены и поселения, возникшие во второй

Земли	Количество укрепленных поселений, разрушенных и прекративших свое существование в середине — 2-й половине XIII в.	В % к общему количеству	Количество укрепленных поселений, разрушенных в середине — 2-й половине XIII в., на которых в конце XIII — начале XIV в. возобновилась жизнь	В % к количеству прекративших существование («коэффициент восстанавливаемости»)
Галицко-Волынская	137	76	43	31
Киевская	95	83	21	22
Муромская	5	83	1	20
Новгородская	19	38	29	153
Переяславская	63	81	9	14
Пинская	5	44	6	120
Полоцкая	37	65	23	62
Рязанская	30	60	17	57
Смоленская	108	69	42	39
Суздальская	32	44	40	125
Черниговская	198	74	60	30

Из таблицы видно, что «коэффициент восстанавливаемости» укрепленных поселений в Северо-Восточной Руси в 3—4 раза выше, чем в других сильнейших землях — Галицко-Волынской, Смоленской и Черниговской.

Какие же факторы могли способствовать тому, что центр объединения русских земель сложился именно в Северо-Восточной Руси?

половине XIII в. и не обозначенные поэтому на карте укрепленных поселений середины XII — середины XIII в.

Во-первых, в отличие от черниговских, смоленских и волынских князей, князя Северо-Восточной Руси почти не участвовали в разорительной междоусобной войне 30-х гг. XIII в.⁴²

Во-вторых, к середине XIII в. князьям суздальской ветви удалось установить контроль над новгородским княжением. Новгород оказывался более выгодным из «общерусских» столов, чем Галич, лежавший на пограничье со Степью, занятой теперь татарами, и тем более чем потерявший свое значение Киев. При этом новгородское боярство не поощряло получение боярами и дворянами сидевших в Новгороде князей владений на территории Новгородской земли⁴³, благодаря чему у знати Северо-Восточной Руси были очень ограниченные возможности осесть на «чужой» земле, ослабляя тем самым свое княжество.

В-третьих, в отличие от Волыни, непосредственно граничившей с Литвой, и Смоленской и Черниговской земель, к границам которых литовские владения вышли после подчинения в конце XIII в. Полоцкого княжества, Северо-Восточная Русь до второй половины XIV столетия (когда уже укрепилось Московское княжество) непосредственно литовского натиска не испытывала, а вплоть до начала XV в. между ней и Великим княжеством Литовским сохранялся своеобразный «буфер» в виде Смоленского княжества.

В-четвертых, поддерживанию у владимирских князей «общерусских» притязаний могло способствовать то, что именно они в 40-х гг. XIII в. были признаны «старейшими» на Руси Ордой⁴⁴.

⁴² Походы Ярослава Всеволодича в Южную Русь в 1236 и 1239 гг. крупными столкновениями и потерями не сопровождалась.

⁴³ Договорные грамоты Новгорода с великими князьями владимирскими второй половины XIII—XIV в. содержат нормы, запрещающие князьям «держать» новгородские волости «своими мужи» и препятствующие приобретению их боярами и дворянами «сел» на новгородской территории (ГВНП. М.; Л., 1949. № 1—3, 6, 7, 9—11, 14—15. С. 9—11, 15, 17, 19—21, 23, 27, 29—30).

⁴⁴ Здесь могло сыграть роль и более стабильное положение князей Северо-Восточной Руси на момент Батыева вторжения, и тот (не игравший уже роли на Руси, но ценный с точки зрения мировосприятия Чингизидов) факт, что Ярослав Всеволодич был «старейшим» среди всех Рюриковичей (см.: Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках. С. 73—74).

Символом «старейшинства» было сначала обладание Киевом, но после того, как в 1252 г. Александр Невский стал владимирским великим князем и сделал выбор в пользу Владимира как своей резиденции, Владимир фактически заступил место Киева, т. к. именно его избрал своей столицей «старейший» из русских князей. Надо полагать, что такое положение сохранялось и после Ярослава Всеволодича и Александра Невского, о чем говорит применение (хотя еще и эпизодическое) к владимирским великим князьям с начала XIV в. титула «великий князь всея Руси», ранее, в домонгольскую эпоху, прилагавшегося только к киевским князьям⁴⁵.

Наконец, в-пятых, важным фактором стало перенесение в конце XIII в. в Северо-Восточную Русь места постоянного пребывания митрополита. Будучи само по себе следствием усиления Суздальской земли, пребывание здесь главы русской церкви еще более увеличивало ее престиж и делало оправданными претензии на то, чтобы именно в Северо-Восточной Руси находился и носитель высшей светской власти всех русских земель.

Как и в Черниговской земле, в Северо-Восточной Руси после нашествия произошло выделение княжеств, управляемых определенными ветвями местного княжеского рода (потомков Всеволода Большое Гнездо). Помимо них, существовало «столичное» княжество — великое Владимирское⁴⁶. Последнее стало играть роль, сходную с ролью Киевской земли во второй половине XII — первой трети XIII в. Но, в отличие от последнего, для Владимирского княжества не характерно было «совместное» владение им князьями разных ветвей; здесь не было «частей», которыми владел не великий князь, — территория великого княжества полностью находилась под властью того, кто занимал владимирский стол. Это давало возможность одному из усилившихся удельных княжеств через владение великим княжеством Владимирским занять главенствующее положение на Северо-Востоке, что и произошло в XIV столетии.

⁴⁵ См.: там же С. 44—45, 75, 111—112, прим. 57; *Кустерев С. Н.* «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках // *Очерки феодальной России.* Вып. 6. М., 2002.

⁴⁶ Подробно о политической структуре Северо-Восточной Руси см. ниже, в Очерке 3.

И переход статуса общерусской столицы к Владимиру, и окончательное сложение свойственной для Северо-Восточной Руси второй половины XIII—XIV в. политической структуры связаны с именем Александра Невского, фигура которого в историографии последнего времени вызывает неоднозначные оценки. Этой теме посвящается следующий очерк.

Очерк 2

К ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Фигура князя Александра Ярославича (1221—1263), получившего у потомков прозвище «Невский» за победу над шведами на берегу Невы 15 июля 1240 г., всегда была в русском историческом сознании, выражаясь современным сленгом, «культовой». В последнее время в историографии все громче звучат суждения, направленные на «развенчание» этого исторического деятеля. По мнению английского историка Дж. Феннелла и поддержавшего его российского исследователя И. Н. Данилевского, Невская битва была «не более чем очередным столкновением между шведскими отрядами и новгородскими оборонительными силами из происходивших время от времени в XIII и XIV веках»¹, а т. н. «Ледовое побоище» 5 апреля 1242 г., где Александр одержал свою вторую главную победу — над немецкими крестоносцами, — нельзя считать «крупным сражением»². В то же время эти авторы утверждают, что Александр способствовал установлению на Руси ордынского «ига»: именно предательство им своих братьев Андрея и Ярослава, поднявших восстание против монголов в 1252 г., привело к окончательному оформлению отношений за-

¹ Феннелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 143—144; ср.: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2001. С. 183—194.

² Феннелл Дж. Указ. соч. С. 144—146; ср.: Данилевский И. Н. Указ. соч. С. 194—206.

зависимости³. Самое же дискредитирующее Александра предположение было высказано А. Н. Сахаровым (в целом пишущем о деятельности князя с традиционным пиететом), предположившим, что Александр и его отец Ярослав Всеволодич во время нашествия Батыя на Северо-Восточную Русь в 1238 г. вступили с ним в сговор: именно в результате этого Александр и Ярослав не пришли на помощь Юрию Всеволодичу на р. Сить, а Батый не двинулся на Новгород (где княжил Александр); в пользу такой версии, по мнению автора, говорят «последующее восшествие на владимирский престол Ярослава, его особые дружеские отношения с Батыем, как и вовлечение Александра Невского в орбиту личных отношений с владыкой Орды»⁴.

Начнем с касающегося хронологически наиболее ранних событий утверждения об измене⁵ Александра и его отца в 1238 г.

Смог ли бы взойти Ярослав на владимирский стол после гибели Юрия, если допустить, что он не вступал в сговор с Батыем? Да, разумеется, т. к. он был следующим по старшинству из сыновей Всеволода Большое Гнездо и, соответственно, первым претендентом на владимирское княжение. Итак, «последующее восшествие на владимирский престол Ярослава» его сговора с Батыем доказывать не может. Как насчет «его особых дружеских отношений с Батыем»? Если в 1238 г. имел место сговор, они должны были бы сразу же проявиться. Вместо этого в 1239 г. один

³ Феннелл Дж. Указ соч. С. 147—149; Данилевский И. Н. Указ. соч. С. 207—228.

⁴ Сахаров А. Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV — XVII в. М., 1999. С. 77. Надо заметить, что не только Дж. Феннелл и И. Н. Данилевский, скептически относящиеся к деятельности Александра, но даже Л. Н. Гумилев, много фантазировавший на тему хороших отношений Александра с Ордой (чего стоит до сих пор гуляющее по страницам популярных работ утверждение, будто Александр стал приемным сыном Батыя!), до такого предположения не доходили.

⁵ Если бы речь шла о периоде после установления зависимости Руси от Орды, то сговор с ханом против князя-родственника можно было бы оценить как проявление лояльности к сюзерену; но в 1238 г. монголы были еще чисто внешней силой, и предполагаемые А. Н. Сахаровым действия — очевидная измена («перевет» — по тогдашней терминологии).

из Батыевых отрядов нападает на владения нового великого князя владимирского, разорив входивший в его землю город Гороховец (в 1238 г. оставшийся в стороне от военных действий)⁶. Неужели Батый послал войска на союзника? Хорошие отношения между ханом и великим князем складываются только в 1243 г., когда Ярослав приехал по вызову Батыя в Орду и получил ярлык на великое княжение. С «вовлечением Александра в орбиту личных отношений с владыкой Орды» тоже не все ладится. При жизни отца Александр вообще ни разу не ездил к Батыю. После смерти Ярослава в 1246 г. он, следуя логике А. Н. Сахарова, должен был быть сразу водворен ханом на место отца. Однако взошел на владимирский стол Святослав Всеволодич, дядя Александра; последний же оставался в Новгороде. Только зимой 1247—1248 гг., когда к Батыю отправился младший брат Александра Андрей, Александр поехал в Орду вслед за ним и вступил в политический контакт с ханом⁷. «Гипотеза» А. Н. Сахарова, таким образом, противоречит фактам.

Неприход Ярослава и Александра на помощь Юрию объясняется особенностями ситуации начала 1238 г. Во-первых, вообще неясно, дошла ли к Ярославу в Киев весть от Юрия: путь туда из Суздальской земли был перекрыт монголами. Но если Ярослав и получил информацию, решиться на данный поход он мог бы только с помощью киевских воинских сил. Однако для киевского боярства такое предприятие в условиях продолжавшейся в Южной Руси междоусобной войны было нереально. А если бы Ярослав отправился только со своим «двором», это, во-первых, неизбежно привело бы к потере киевского стола (напомним, что когда Ярослав после гибели Юрия и завершения Батыева похода ушел во Владимир, Киев тут же был занят Михаилом Всеволодичем), во-вторых, было бы авантюрой в военном отношении. Что касается Александра, то он не мог в такой ситуации опереться на новгородские силы: расчетливые новгородские бояре не отправились бы в чужую землю сражаться с многочисленным врагом, их земле пока непосредственно не угрожавшим. Одного же «двора» Александра было недостаточно даже для сражения с относительно не-

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469—470.

⁷ Там же. Стб. 471.

большим шведским войском (в 1240 г. на Неве, помимо княжеских людей, бился и отряд новгородцев).

Можно ли расценить столкновения со шведами 1240 г. и с Орденом 1240—1242 гг. как заурядные пограничные конфликты?

Ранее 1240 г. шведские войска только однажды входили в Неву — в 1164 г. Тогда шведам удалось пройти через нее в Ладожское озеро и осадить Ладогу, но здесь подоспевшее новгородское войско нанесло им полное поражение⁸. В 1240 же году шведы пытались построить на Неве (возле устья Ижоры) укрепление⁹, то есть планировался захват этой стратегически важной территории. Следующая после Невской битвы попытка такого рода имела место только через 60 лет, в 1300 г.: тогда шведам удалось продержаться на Неве в течение года, после чего русские войска во главе с сыном Александра Невского Андреем взяли и разрушили построенную ими крепость Ландскрону («Венец земли»)¹⁰. Итак, достаточно очевидно, что события 1240 г. были далеко не заурядными.

В конце 1240 г. немецкие крестоносцы, в течение предшествующих десятилетий завоевавшие земли восточноприбалтийских племен, впервые совершили масштабное вторжение на территорию собственно Новгородской земли¹¹. Им удалось захватить второй по значению ее город — Псков (заметим, что впереди было еще немало конфликтов Ордена с новгородцами и псковичами, но никогда впоследствии крестоносцам не удавалось овладеть Псковом) и удерживать его более года. В 1241 г. немецкие отряды появлялись уже в 30 верстах от самого Новгорода¹². Экстраординарность происходящего для современников не подлежит никакому сомнению.

⁸ См.: НЛ. С. 62; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 62—66.

⁹ *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // ОИ. 1996. № 5. С. 24.

¹⁰ См.: НЛ. С. 91; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 10—63.

¹¹ Ранее имело место лишь участие немцев в попытке захвата русским князем Ярославом Владимировичем (из смоленской ветви) Изборска в 1233 г. (см.: НЛ. С. 72).

¹² НЛ. С. 77—78.

Таким образом, удары, нанесенные Александром Ярославичем шведам и Ордену, были не пограничными стычками, а отражением всплеска агрессии на Новгородскую землю с запада, пришедшегося на годы Батыева нашествия на Русь. Ни о каких «очередных» столкновениях не может быть и речи — ни до, ни после событий 1240—1242 гг. ничего аналогичного не происходило.

К концу 1240-х гг. относится еще один эпизод, который мог бы быть использован для «развенчания» Александра — в данном случае как непримиримого защитника православия и противника католичества¹³. Речь идет о контактах Александра с Римом, точнее — с папским престолом (реально резиденция римского папы тогда находилась в Лионе).

В середине 40-х гг. XIII в., после того как монгольские завоеватели стали требовать от русских князей признания их власти, папа Иннокентий IV проявил значительную инициативу в налаживании контактов с сильнейшими князьями, рассматривая ситуацию как подходящую для распространения католичества на русские земли и желая иметь в лице Руси заслон против возможного нового татарского вторжения в Центральную Европу. Наиболее тесные связи установились у Иннокентия IV с галицким князем Даниилом Романовичем и его братом Васильком (княжившим во Владимире-Волынском). В 1246—1247 гг. папа направил к Даниилу и Васильку несколько булл, которыми оформлялось принятие их и их земель под покровительство римской церкви¹⁴. Сопоставление документов, вышедших из папской канцелярии, с данными русских источников демонстрирует различие целей сторон. Иннокентий IV, соглашаясь на неприкосновенность цер-

¹³ Г. В. Вернадский, а позднее Л. Н. Гумилев на основе такого взгляда на Александра полагали, что он сделал судьбоносный выбор между ориентацией на Восток и ориентацией на Запад; пойдя на союз с Орденом, он предотвратил поглощение Северной Руси католической Европой и тем самым спас православие — основу самобытности (см.: *Вернадский Г. В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Т. 4. Берлин, 1925; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989. С. 532—536, 540—544).*

¹⁴ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1841. № 62, 67—69, 74.

ковной службы по православному обряду, полагал, что переход под его покровительство влечет за собой реальное подчинение русской церкви власти Рима, выражающееся в праве папских представителей назначать на Руси епископов и священников¹⁵. Для Даниила же этот переход бы формальностью¹⁶, платой за которую должна была стать политическая выгода. Отчасти он ее получил: двумя буллами от 27 августа 1247 г. папа закрепил за Даниилом и Васильком все земли, на которые они имели права (что было актуально в свете многолетних претензий венгров на Галич), и запрещал крестоносцам селиться на подвластных им территориях¹⁷. Но главная цель, та, ради которой русские князья и шли на контакты с Римом, — получение помощи против Орды — не была достигнута, и когда в 1249 г. Иннокентий IV предложил Даниилу королевскую корону, галицкий князь отказался, сказав: «Рать татарьская не престаеть, злѣ живущи с нами, то како могу прияти вѣнѣць бес помощи твоєї»¹⁸. Новое сближение Даниила с Римом имело место в 1252—1254 гг., и вновь на почве надежд на помощь против усилившегося натиска Орды; оно увенчалось коронацией галицкого князя, но реальной поддержки он опять не получил и в результате во второй половине 1250-х гг. прервал связи с Римом и был вынужден подчиниться власти монголов¹⁹.

В 1246 г. вступил в переговоры с представителем папы и отец Александра Невского, великий князь владимирский Ярослав Всеволодич. Это произошло в столице Монгольской империи Каракоруме, куда Ярослав, признанный Батыем «старейшим» из всех русских князей, был направлен для утверждения в своих правах.

¹⁵ Это видно из его посланий архиепископу Прусскому (там же. № 70, 71).

¹⁶ Примечательно, что ведя переговоры с Римом, Даниил в то же время направляет своего ставленника Кирилла, возведенного им в киевские митрополиты, на поставление в Nikeю (куда переместилась патриархия после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г.), см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808; датируется это событие периодом между серединой 1246 г. и серединой 1247 г. (см.: *Горский А. А. Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории.* М., 1993. С. 11).

¹⁷ Акты исторические... Т. 1. № 67, 69.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826—827.

¹⁹ См.: *Горский А. А. Между Римом и Каракорумом.* С. 7—9.

Здесь он встречался с послом папы ко двору великого хана ПIANO Карпини; согласно информации, сообщенной ПIANO Карпини папе, Ярослав дал согласие перейти под покровительство римской церкви²⁰; было ли это так или папский посол выдал желаемое за действительное, можно только гадать.

30 сентября 1246 г. Ярослав Всеволодич умер в Каракоруме, отравленный великой ханшей Туракиной. После этого Туракина направила к Александру посла с требованием явиться в Каракорум, но тот не поехал²¹. Именно полученные от ПIANO Карпини сведения о готовности Ярослава принять покровительство папы и об отказе Александра подчиниться воле великой ханши и побудили Иннокентия IV (согласно его прямым указаниям в булле Александру)²² направить свое первое послание новгородскому князю.

О контактах между Александром Невским и Иннокентием IV свидетельствуют три источника — две буллы Иннокентия IV и Житие Александра Невского.

В своем первом послании, датированном 22 января 1248 г., папа предлагал Александру присоединиться, по примеру его покойного отца Ярослава, к римской церкви и просил в случае татарского наступления извещать о нем «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать»²³. Вторая булла датирована 15 сентября 1248 г. Из ее текста следует, что папа получил сведения о благоприятном отношении адресата к его предложению о признании верховенства Рима. Иннокентий IV, обращаясь к «Alexandro, illustri regi Nougardiae», пишет: «...ты со всяким рвением испросил, чтобы тебя приобщили как члена к

²⁰ См.: Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 34, 72, 75, 77; Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь: конец XII — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 262—264.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 471; *Sinica franciscana*. Vol. 1. Firenze, 1929. P. 121—122; Путешествия... С. 77—78.

²² Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. С. 263, 265.

²³ Там же.

единой главе церкви через истинное послушание, в знак коего ты предложил воздвигнуть в граде твоём Плескове соборный храм для латинян (*in Pleskowe civitate tua Latinorum Ecclesiam erigere cathedralem*)»; далее папа просит принять его посла — архиепископа Прусского²⁴. В Житии Александра упоминается о папском посольстве к нему двух кардиналов, которые пытались уговорить князя присоединиться к римской церкви, на что Александр ответил решительным отказом²⁵.

Камнем преткновения при интерпретации этих сведений стала вторая булла Иннокентия IV. Следующий из ее содержания вывод, что позиция адресата в отношении перехода под покровительство папы была положительной, явно не вписывался в состоявшееся представление об Александре Невском как непримиримом противнике католичества. И были предприняты попытки «найти» для послания от 15 сентября 1248 г. другого адресата. Примечательно, что этими поисками занимались авторы, сочувственно относившиеся к политике курии и Ордена.

Против представления об Александре как адресате буллы от 15 сентября были выдвинуты следующие аргументы: 1) адресат именуется «*rex Nougardiae*», в то время как Александр в послании от 22 января — «*dux Susdaliensis*» («*nobili viro Alexandro duci Susdaliensi*»); 2) Александра не было осенью 1248 г. на Руси (он находился на пути в столицу Монгольской империи Каракорум); 3) Псков не был «его городом»²⁶. Вначале в адресаты был предложен князь Ярослав Владимирович, бывший в 1240 г. союзником Ордена в войне против Новгорода²⁷. В 30-х гг. XX в. было выдвинуто предположение, что булла от 15 сентября 1248 г. направлена к литовскому князю Товтивилу, княжившему в По-

²⁴ Там же. С. 268—270.

²⁵ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 193.

²⁶ Taube M. von. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII und XIII Jahrhunderten) // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slawen*. Breslau, 1935. Bd. 11. H. 3—4. S. 406; Ammann A. M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Nevski's. Roma, 1936. S. 271—272.

²⁷ Goetze P. von. Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Estland. St. Pbg., 1854. S. 25.

лочке (поскольку «Pleskowe» якобы может быть интерпретировано не только как Псков, но и как Полоцк)²⁸. Надуманность этих гипотез очевидна: оба «претендента» не носили имени Александр²⁹, не княжили ни в Новгороде Великом, ни в Новгородке Литовском (поэтому ни тот, ни другой не мог быть назван «rex Nougardiae»); Ярослав Владимирович в 1248 г. не мог владеть и Псковом³⁰. Не более убедительны аргументы против отождествления адресата с Александром Невским. Изменение титулатуры вполне объяснимо: получив на первое послание благоприятный ответ, папа назвал адресата более высоким титулом — *rex* (так Иннокентий IV титуловал в своих посланиях 1246 и последующих годов Даниила Галицкого). Но при этом он не мог поименовать Александра *rex Susdaliensis*, т. к. *rex* — титул суверенного правителя, а в Суздальской земле³¹ верховным правителем (великим князем) был тогда дядя Александра Святослав Всеволодич. Но в пределах Новгородской земли Александра можно было посчитать суверенным правителем — отсюда «*rex Nougardiae*». Отсутствие Александра на Руси — не причина для того, чтобы прекращать с ним переписку, поскольку уезжал он не навсегда (ниже будет показано, что первоначально предполагалась поездка князя только к Батью с возвращением в том же 1248 г., в Каракорум Александр отправился не ранее лета 1248 г. и в сентябре в Лионе об этом еще не могли знать). Псков с 1242 г. подчинился Александру, особого князя там не было до 1253 г.

Таким образом, с точки зрения источниковедения совершенно очевидно, что грамота от 15 сентября 1248 г. «Александру, светлейшему князю Новгорода» может иметь своим адресатом только одного человека — новгородского князя Александра Яросла-

²⁸ Taube M. von. Op. cit. S. 406; Ammann A. M. Op. cit. S. 272—274.

²⁹ Христианское имя Товтивила известно — Теофил.

³⁰ Заметим, что и сведения о княжении Товтивила в Полоцке относятся к более позднему времени; предположение, что уже в 1248 г. он княжил там, маловероятно, т. к. в конце 1240-х гг. Товтивил вел борьбу с Миндовгом за свои родовые владения в Жемайтии (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 815—820).

³¹ Титул «*dux Susdaliensis*» явно ориентирован на русское наименование князей Северо-Восточной Руси (потомков Всеволода Большое Гнездо) — «князи суздальские».

вича. Тем не менее гипотеза, отрицающая этот факт, получила распространение. В издании «*Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustranta*» сентябрьская булла прямо озаглавлена как направленная «Товтивилу Полоцкому»³². Разделил предположение о Товтивиле как ее адресате и В. Т. Пашуто, ведущий исследователь деятельности Александра Невского в советскую эпоху³³. Главной причиной такого единения исследователей, стоявших на разных позициях в общей оценке политики Александра, с одной стороны, и Рима — с другой, было убеждение, что Александр не мог обратиться к папе с теми просьбами, с какими обратился, судя по сентябрьской булле, ее адресат³⁴. Между тем учет всех обстоятельств, на фоне которых выступают три известия о контактах Александра Невского и Иннокентия IV, при должном внимании к хронологии событий, позволяет устранить странности и противоречия.

Когда булла Иннокентия IV от 22 января 1248 г. дошла до Руси, Александра там уже не было: в конце 1247 или самом начале 1248 г. он отправился вслед за своим младшим братом Андреем к Батью³⁵. От последнего оба брата поехали в Каракорум, откуда возвратились в конце 1249 г.³⁶. Но первоначально столь далекая и длительная поездка не планировалась. Дело в том, что

³² *Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustranta*. Vol. 1. Romae, 1953. № 598.

³³ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 378.

³⁴ Это убеждение точно выразил А. М. Амманн: обосновывая свою точку зрения, он писал, что у Александра не было «физических и психологических предпосылок» вступать в унию с Римом (*Ammann A. M. Op. cit. S. 272*).

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471 (запись о поездке братьев в Орду — последняя в статье 6755 мартовского года). Утверждение, что буллу от 22 января 1248 г. привезли Александру в Новгород летом 1248 г. и князь тогда же дал папе отрицательный ответ, о котором упоминает Житие [Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974. С. 95—98; Летопись жизни и деятельности Александра Невского (сост. Ю. К. Бегунов) // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 207], ошибочно, поскольку игнорирует как существование сентябрьского послания, так и тот факт, что Александра летом 1248 г. на Руси не было.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

Батый находился в состоянии войны с великим ханом Гуюком³⁷: дорога в Каракорум стала открытой только после получения вести о смерти монгольского императора. Он умер поздней весной или летом 1248 г.³⁸, следовательно, вопрос об отъезде Ярославичей в Каракорум решился не ранее лета. Очевидно, незадолго до этого Александру сумели доставить из Руси папскую грамоту. Находясь в крайне неопределенной ситуации, князь дал, скорее всего, нейтрально-дружественный ответ, чтобы сохранить возможность выбора в зависимости от результатов своей поездки по степям. Возможно, в качестве дружественного жеста Александр предлагал построить в Пскове католический храм для приезжих с Запада (в этом не было бы ничего сверхординарного — в Новгороде такие церкви имелись). Ответ папе был дан не непосредственно, а (как следует из второй буллы) через архиепископа Прусского³⁹. В интерпретации же Иннокентия IV (получившего информацию не из первых рук) дружественный тон превратился в готовность присоединиться к римской церкви, а храм — в кафедральный собор.

Сентябрьское послание папы не могло в срок дойти до адресата, т. к. Александр отбыл в Монголию. Вероятно, оно было придержано во владениях Ордена (где в конце 1248 г. уже могли знать, что Александр находится «вне пределов досягаемости»), и посольство, о котором говорится в Житии Александра, как раз и привезло эту вторую папскую буллу, после того как Александр вернулся в Новгород в начале 1250 г.⁴⁰. Хотя результаты поездки к великоханскому двору были для Александра не слишком удачны — он получил Киев и «всю Русьскую землю», т. е. номинально был признан «старейшим» среди всех русских князей, но владимирское княжение досталось Андрею Ярославичу,⁴¹ — предложение папы было им отвергнуто и контакты с Римом более не возобновлялись. Чем было обусловлено решение Александра?

³⁷ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 244—245; М.; Л., 1941. Т. 2. С. 66.

³⁸ См.: Spuler B. Die Mongolen in Iran. Leipzig, 1939. S. 43.

³⁹ Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. С. 268—269.

⁴⁰ НЛ. С. 80; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 113.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

Разумеется, следует учитывать общее настороженное отношение к католицизму и личный опыт Александра, которому в 1241—1242 гг., в возрасте 20 лет, пришлось отражать наступление на Новгородскую землю немецких крестоносцев, поддерживаемых Римом. Но эти факторы действовали и в 1248 г., тем не менее тогда ответ Александра был иным. Следовательно, чашу весов в сторону неприятия какого-либо шага навстречу предложениям папы (подобного тем, какие сделал Даниил Галицкий) склонило нечто, проявившееся позже. Можно предположить, что свое воздействие оказали четыре фактора. 1. В ходе двухгодичной поездки по степям Александр смог, с одной стороны, убедиться в военной мощи Монгольской империи, делавшей невозможным противостояние ей своими силами, с другой — понять, что монголы не претендуют на непосредственный захват русских земель, довольствуясь признанием вассалитета и данью, а также отличаются веротерпимостью и не собираются посягать на православную веру. Это должно было выгодно отличать их в глазах Александра от крестоносцев, для действий которых в Восточной Прибалтике были характерны непосредственный захват территории и обращение населения в католичество. 2. После возвращения на Русь в конце 1249 г. к Александру, скорее всего, дошли сведения о безрезультатности для дела обороны от монголов сближения с Римом Даниила Галицкого. 3. В 1249 г. фактический правитель Швеции ярл Биргер начал окончательное завоевание земли еми (Центральная Финляндия), причем сделано это было с благословения папского легата⁴². Земля еми издревле входила в сферу влияния Новгорода, и Александр имел основания расценить происшедшее как недружественный по отношению к нему акт со стороны курии. 4. Упоминание в булле от 15 сентября 1248 г. возможности построения католического кафедрального собора в Пскове неизбежно должно было вызвать у Александра отрицательные эмоции, т. к. ранее епископия была учреждена в захваченном немцами в земле эстов Юрьеве, и поэтому предложение о ее учреждении в Пскове ассоциировалось с аннексионистскими устремлениями Ордена, напоминая о более чем годичном пребывании

⁴² См.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. С. 197—206.

Пскова в 1240—1242 гг. в руках крестоносцев. Таким образом, решение Александра прекратить контакты с Иннокентием IV было связано с осознанием бесперспективности сближения с Римом для противостояния Орде и с явными проявлениями своекорыстных мотивов в политике папы.

Точка зрения, согласно которой действия Александра привели к установлению ордынского «ига», не учитывает, что зависимость от Орды в основных чертах (включая взимание дани) стала складываться еще в 40-х гг. XIII в.⁴³, когда Александр княжил в Новгороде и не влиял напрямую на русско-ордынские отношения: в 50-х гг. произошло лишь упорядочение системы экономической эксплуатации. Но как быть с «предательством» Александром восставших в 1252 г. братьев?

В 1252 г. Александр отправился в Орду. После этого Батый направил на владимирского князя Андрея Ярославича рать под командованием Неврюя; Андрей бежал из Владимира сначала в Переяславль-Залесский, где княжил его союзник, младший брат Александра и Андрея Ярослав Ярославич. Татары, подошедшие к Переяславлю, убили жену Ярослава, захватили в плен его детей «и людии бецисла»; Андрею и Ярославу удалось бежать. После ухода Неврюя Александр прибыл из Орды и сел во Владимире⁴⁴.

В историографии получила распространение следующая трактовка этих событий: Александр поехал в Орду по своей инициативе с жалобой на брата Андрея; поход Неврюя был следствием этой жалобы⁴⁵. При этом авторы, положительно относящиеся к Александру, стараются говорить о случившемся сдержанно, не акцентировать внимание на этих фактах, в то время как Дж. Фен-

⁴³ См. Чачсть IV. Очерк 1, прим. 4.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473; Софийская I летопись старшего извода. Стб. 327—328; *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 192.

⁴⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988. С. 152, 324; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1233 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 26—27, 34—35; *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодалной Руси. М., 1967. С. 145—146; *Феннелл Дж.* Указ. соч. С. 147—149; *Егоров В. Л.* Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 50—51; *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 94—95.

нелл интерпретировал события 1252 г. без подобной скованности: «Александр предал своих братьев»⁴⁶. Действительно, раз поход Неврюя был вызван жалобой Александра, то никуда не деться (если, конечно, стремиться к объективности) от признания, что именно Александр повинен в разорении земли и гибели людей, в т. ч. своей невестки; при этом никакие ссылки на высшие политические соображения не могут служить серьезным оправданием. Если приведенная трактовка событий 1252 г. верна, Александр предстает беспринципным человеком, готовым на все ради увеличения своей власти. Но соответствует ли она действительности?

Ни в одном средневековом источнике жалоба Александра на брата не упоминается. Сообщение о ней имеется только в «Истории Российской» В. Н. Татищева, именно оттуда оно перешло в труды позднейших исследователей. Согласно Татищеву, «жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна»⁴⁷. В данном случае неправомерно некритическое суждение, что Татищев цитирует, «по-видимому, ранний источник, не попавший в летописи»⁴⁸. Использование в «Истории Российской» не дошедших до нас источников вероятно, но относится к другим периодам (в первую очередь XII в.). В то же время в труде Татищева имеется множество добавлений, являющих собой исследовательские реконструкции, попытки восстановить то, о чем источник «не договорил»: в отличие от позднейшей историографии, где текст источника отделен от суждений исследователя, в тексте «Истории Российской» они не разграничены, что часто порождает иллюзию упоминания неизвестных фактов там, где имеет место догадка (часто правдоподобная) ученого. Таков и рассматриваемый случай⁴⁹. Статья 1252 г. у Татищева в целом

⁴⁶ Феннелл Дж. Указ. соч. С. 149.

⁴⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 40.

⁴⁸ Феннелл Дж. Указ. соч. С. 148.

⁴⁹ Следует отметить, что еще Н. М. Карамзин верно расценил сообщение Татищева как его собственное суждение: «По вымыслу же Татищева, Александр донес Хану, что меньший его брат Андрей, присвоив себе Великое Княжение, обманывает Моголов, дает им только часть дани и проч.» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4.

дословно повторяет один из имевшихся у него источников — Никоновскую летопись⁵⁰. Исключением является приведенное выше место. Оно представляет собой вполне логичную реконструкцию: раз поход Неврюя состоялся *после* приезда Александра в Орду, а после похода Александр занял стол, принадлежавший Андрею, значит, поход был вызван жалобой Александра на брата; аналогии такого рода ходу событий обнаруживаются в деятельности князей Северо-Восточной Руси более позднего времени⁵¹. Таким образом, речь идет не о сообщении источника, а о догадке исследователя, некритически воспринятой последующей историографией, и вопрос о том, дают ли источники основания для такой интерпретации событий.

Андрей Ярославич, по-видимому, действительно вел независимую от Батыея политику: в 1250 г. он вступил в союз с Даниилом Галицким, женившись на его дочери⁵², а Даниил в то время не признавал власти Орды. Однако в своих действиях Андрей опирался на такую весомую опору, как ярлык на владимирское княжение, полученный в 1249 г. в Каракоруме⁵³, от враждебной Батыею ханши Огуль-Гамиш (вдовы Гуюка)⁵⁴. Но в 1251 г. Батый сумел посадить на каракорумский престол своего ставленника Менгу (Мунке)⁵⁵, и на следующий год он организует одновременно два похода — Неврюя на Андрея Ярославича и Куремсы на Даниила Романовича⁵⁶. Таким образом, поход Неврюя явно был зап-

М., 1992. С. 201. Прим. 88); ср. также: *Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси. С. 28, 33 (прим. 78).

⁵⁰ Ср.: ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 138—139; *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. 5. С. 40—41.

⁵¹ Правда, аналогии не полные: если князь приезжал в Орду с жалобой на соперника, он затем сам участвовал в татарском походе.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 122, 128; *Пауто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 271.

⁵⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 245; Т. 2. С. 15—16; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 2. С. 129—138; Путешествия... С. 135.

⁵⁶ Даниилу удалось тогда отразить нападение (см.: *Пауто В. Т.* Очерки... С. 227, 272, 282); кстати, именно приближение Куремсы заставило галицкого князя восстановить контакты с Иннокентием IV.

ланированной акцией хана в рамках действий против не подчиняющихся ему князей, а не реакцией на жалобу Александра. Но если считать последнюю мифом, то с какой целью Александр ездил в Орду?

В Лаврентьевской летописи (древнейшей из содержащих рассказ о событиях 1252 г.) факты излагаются в следующей последовательности: сначала говорится, что «иде Олександръ князь Новгородский Ярославич в Татары и отпустиша и с честью великою, давшу ему старѣишинство во всеи братии его», затем рассказывается о татарском походе против Андрея, после чего повествуется о приезде Александра из Орды во Владимир⁵⁷. Поскольку Александр приехал на Русь несомненно после «Неврюевой рати», слова, что «отпустиша и с честью» и т. д. следует отнести к тому же времени. Прежде чем рассказать о татарском походе, летописец говорит, что «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесаремъ служить»⁵⁸. Речь идет явно о решении, принятом не в момент нападения Неврюя (тогда вопрос стоял не «служить или бежать», а «сражаться или бежать»), а ранее⁵⁹. Скорее всего, «дума» Андрея с боярами имела место после получения владимирским князем требования приехать в Орду. Батый, покончив с внутримонгольскими делами, собрался пересмотреть решение о распределении главных столов на Руси, принятое в 1249 г. прежним, враждебным ему кара-

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Дж. Феннелл считал, что цитированная фраза является позднейшей и неудачной попыткой объяснить действия Андрея (*Fennell J. L. I. Andrej Jaroslavič and the Struggle for Power in 1252: an Investigation of the Sources // Russia mediaevalis. Т. 1. München, 1973. P. 53*). Но оснований для такого мнения нет. В изложении слов Андрея имеется примечательная особенность — упоминание «цесарей» во множественном числе. До середины 60-х гг. XIII в. этим титулом на Руси было принято называть только верховных правителей Монгольской империи — великих ханов (см.: *Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 30*). В 1251—1255 гг. в Монгольской империи соправителем великого хана Мунке считался Батый (см.: *Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи. М., 1993. С. 79—81*). Следовательно, летописные «цесари» — это Мунке и Батый. Но такое знание внутримонгольских политических реалий возможно только у автора-современника.

корумским двором, и вызвал к себе и Александра и Андрея. Александр подчинился требованию хана, Андрей же, посоветовавшись со своими боярами, решил не ездить (возможно, он не рассчитывал на удачный исход поездки из-за благосклонности, проявленной к нему в 1249 г. правительством ныне свергнутой и умерщвленной великой ханши)⁶⁰. После этого Батый принял решение направить на Андрея, также как и на другого не подчиняющегося ему князя — Даниила Галицкого — военную экспедицию, а Александру выдать ярлык на владимирское великое княжение. Следует обратить внимание, что поход Неврюя был гораздо более «локальным» предприятием, чем походы на неподчиняющихся Сарая князей в начале 80-х гг. XIII в. и в 1293 г. («Дюденева рать»), — были разорены только окрестности Переяславля и, возможно, Владимира⁶¹. Не исключено, что такая «ограниченность» стала следствием дипломатических усилий Александра.

Таким образом, нет оснований ни преуменьшать значимости побед Александра над шведами и Орденом в 1240 и 1242 гг., ни объявлять его пособником монголов во время нашествия 1238 г. или виновником установления отношений зависимости в последующие годы, ни подозревать в недостаточной верности православия (равно как и наоборот — в фанатичном неприятии католичества). И в пору войн, и в своих дипломатических действиях — по отношению ли к Орде или к римскому престолу — он действовал как расчетливый, но не беспринципный политик.

Однако за рассмотренными бурными событиями, порождающими разноречивые оценки и малообоснованные предположения, остаются в тени не столь заметные, но весьма серьезные сдвиги, происшедшие в эпоху Александра и при его деятельном участии. Предпочтение, отданное Александром Владимиру перед Киевом, стало решающим шагом на пути перехода к Владимиру статуса общерусской столицы. При Александре складывается практика, при которой Новгород признавал своим князем того, кто зани-

⁶⁰ Ср.: *Сурмина И. О.* Восточная политика Александра Невского // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993. С. 142—143.

⁶¹ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 106—107.

мал великокняжеский стол во Владимире⁶², что устанавливало прочную связь между Северо-Восточной Русью и Новгородской землей. При нем же в Северо-Восточной Руси окончательно сформировалась политическая структура, для которой свойственно существование нескольких «удельных» княжеств с собственными династиями и великого княжества Владимирского. Наконец, именно по завещанию Александра возникает Московское княжество, которому было суждено сыграть исключительную роль в последующей русской истории. Оно было выделено младшему Александру — Даниилу (р. 1261 г.)⁶³.

⁶² См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 143—144.

⁶³ См.: Кучкин В. А. Формирование... С. 116—119.

Очерк 3
ОТ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
ДО ДМИТРИЯ ДОНСКОГО:
НАЧАЛО «ВОЗВЫШЕНИЯ» МОСКВЫ

К 1263 г. в Северо-Восточной Руси существовало 13 княжеств — великое Владимирское, Галицко-Дмитровское, Городецкое, Костромское, Московское, Переяславское, Ростовское, Стародубское, Суздальское, Тверское, Углицкое, Юрьевское и Ярославское. В большинстве из них впоследствии закрепились определенные ветви потомков Всеволода Большое Гнездо: в Галицко-Дмитровском — линия Константина Ярославича, одного из младших братьев Александра Невского, Городецком — сына Александра Андрея, Московском — его младшего брата Даниила, Переяславском — старшего брата Андрея и Даниила Александровичей Дмитрия, Ростовском — Бориса Васильковича, внука старшего сына Всеволода Большое Гнездо Константина, Стародубском — младшего брата Ярослава Всеволодовича Ивана, Суздальском — младшего брата Александра Невского Андрея Ярославича, Тверском — другого младшего брата Александра, Ярослава Ярославича, Юрьевском — Святослава, младшего брата Ярослава Всеволодовича, Ярославском — Федора Ростиславича, князя из смоленского дома (благодаря женитьбе на правнучке Константина Всеволодовича)¹. После правления Александра Нев-

¹ Углицкое княжество стало выморочным в 1280-х гг., после смерти князя Романа Владимировича, внука Константина Всеволодовича, и отошло к князьям ростовской ветви.

ского сложилась практика, при которой ярлык на владимирское великое княжение получал в Орде один из князей этих княжеств, правда, не всех, а только тех, где правили потомки Ярослава Всеволодича — первого великого князя владимирского, чьи права были признаны Ордой (т. е. владимирскими князьями не могли стать князья галицко-дмитровские, ростовские, стародубские, юрьевские и ярославские). Владимирское великое княжество было одним из самых крупных, а после включения в него в 1276 г., в результате бездетной смерти костромского князя Василия Ярославича, Костромского княжества, стало самым крупным². Соответственно князь, получавший ярлык на Владимир, не просто номинально становился верховным правителем Суздальской земли³, но и реально получал в свое распоряжение много больший потенциал, чем любой другой из князей Северо-Восточной Руси. Неудивительно поэтому, что борьба за великое княжение стала на столетие с лишним определяющим фактором ее политического развития.

В 1263—1271 гг. владимирским великим князем был следующий за Александром по старшинству из потомков Ярослава Всеволодича — Ярослав Ярославич, князь тверской, затем (1272—1276 гг.) младший из Ярославичей Василий Костромской. В 1277 г. на великокняжеский стол взошел старший в поколении внуков Ярослава Всеволодича — переяславский князь Дмитрий Александрович. Но с начала 1280-х гг. его права стал активно оспаривать следующий по старшинству сын Александра Невского — Андрей, князь городецкий. Он пытался опереться в этой борьбе на сарайских ханов, а Дмитрий прибег к помощи Ногая, ставшего в 1280-х гг. фактически самостоятельным правителем западной части Орды (к западу от Днепра). В результате в 80—90-х гг. князья Северо-Восточной Руси были разделены на две коалиции. В сфере влияния Ногая находились, помимо Дмитрия Александровича, князя переяславского и великого князя владимирского, его млад-

² См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 109—125.

³ Название «Суздальская земля» продолжало бытовать в течение всего XIII в. в качестве обозначения всей Северо-Восточной Руси — владений потомков Всеволода Большое Гнездо (см. Часть III, Очерк 1).

ший брат московский князь Даниил (третий по старшинству в то время среди потомков Ярослава Всеволодича), двоюродный брат Александровичей тверской князь Михаил Ярославич, а также князья суздальский, юрьевский и дмитровский. На сарайских ханов (до 1287 г. — Туда-Менгу, в 1287—1291 гг. — Тулабуга, с 1291 г. — Тохта) ориентировались, помимо Андрея Александровича, Федор Ростиславич Ярославский (он же князь смоленский), ростовские князья и князь стародубский. Борьба между князьями неоднократно принимала вооруженные формы с участием татарских сил. В 1281, 1282, 1285 гг. и зимой 1293—1294 гг. в Северо-Восточную Русь приходили войска из Волжской Орды, призванные Андреем, зимой 1283—1284, в 1289 и начале 1294 г. — отряды от Ногая, действовавшие в поддержку Дмитрия и его союзников. Андрею удалось утвердиться на великокняжеском престоле только в 1294 г., после смерти Дмитрия. Вторым по старшинству среди претендентов на владимирское княжение теперь стал Даниил Московский. И в 1296 г. он и его союзники Михаил Тверской и Иван Переяславский (сын Дмитрия Александровича) предприняли попытку отнять у Андрея часть великокняжеских прерогатив, а именно княжение в Новгороде (со времени Александра Невского, напомним, принадлежавшее великим владимирским князьям). По соглашению с новгородцами стол здесь занял Даниил. Ответом был приход в Северо-Восточную Русь ордынской рати, после чего было заключено мирное соглашение, по которому Даниил и его союзники возвращали Новгород Андрею и признавали себя вассалами хана Тохты, т. е. отступались от своего покровителя Ногая. В последующие годы (1297—1299) Тохта вступил с Ногаем в открытую борьбу, закончившуюся поражением и гибелью последнего. В результате коалиция бывших союзников Ногая в Северо-Восточной Руси, до исхода внутриордынской борьбы сохранявшаяся, в 1300 г. распалась — Михаил Тверской перешел в стан союзников Андрея Александровича. Через два года умер (бездетным) племянник и союзник Даниила — Иван Переяславский, а год спустя, 5 марта 1303 г., — Даниил Александрович Московский⁴.

⁴ О перипетиях внутрикняжеской борьбы в конце XIII — начале XIV в. см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 69—80;

Московское княжество оказалось в крайне сложном положении. Если Даниил по принципу родового старейшинства был первым претендентом на великокняжеский стол в случае смерти Андрея, то новый московский князь Юрий Данилович правами на великое княжение не обладал: он был младше по этому принципу не только Михаила Тверского, своего двоюродного дяди, но и сына Андрея Александровича — Михаила. А по «отчинному» принципу даже в перспективе Юрий Данилович не имел оснований претендовать на Владимир, т. к. его отец на великокняжеском столе не сидел. Таким образом, на рубеже XIII—XIV вв. московские князья лишились могущественного покровителя в Орде, князей-союзников, наконец формальных прав на великое княжение. Тем не менее их деятельность была на удивление успешной.

Осенью 1300 г., сразу после разрыва союза с тверским князем, Даниил Александрович отправляется походом на Рязанское княжество: «Данило князь московьскый приходил на Рязань ратью и билися у Переяславля (Рязанского. — *А. Г.*), и Данило одолель, много и татарь избито бысть, и князя рязаньского Костянтина некакою хитростью яль и приведь на Москву»⁵. Наступательные действия против князя, пользовавшегося военной поддержкой Орды, на его территории — факт беспрецедентный. В конце 1302 г. Даниил захватил выморочное Переяславское княжество, которое, согласно существовавшим нормам наследования, должно было отойти в состав великого княжества Владимирского; при этом он изгнал из Переяславля успевших войти туда великокняжеских наместников⁶. Юрий Данилович после смерти в 1304 г. Андрея Александровича предъявил претензии на великое кня-

Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIV в. и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3; *он же.* Москва и Орда. М., 2000. С. 12—41; *он же.* Ногай и Русь // Тюркологический сборник. 2001; Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 132—134, 138, 142—151.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 119—120, 122—123.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.

жение⁷. Прежде были случаи, когда князь, не являвшийся «старейшим» среди потомков Ярослава Всеволодича, оспаривал великое княжение. Но во всех случаях это был *второй* по старшинству князь (имевший к тому же права на великое княжение «по отчине»): с Ярославом Ярославичем боролся его младший брат Василий, с Василием — его старший племянник Дмитрий Александрович, с Дмитрием — его младший брат Андрей, с Андреем — младший из Александровичей Даниил. Другие князья, независимо от того, насколько сильны они были, в борьбу за великое княжение не вступали. Юрий, таким образом, нарушил традицию, явно исходя из права силы.

Как же объяснить кажущееся парадоксальным усиление Москвы в ситуации, когда политические обстоятельства вели, казалось бы, к уходу московских князей на второй план?

Вопрос о том, почему именно Москва стала в период ордынского владычества центром объединения русских земель в единое государство, издавна привлекал внимание исследователей. В качестве факторов, способствовавших возвышению Москвы, назывались выгодное экономико-географическое положение⁸, поддержка московских князей Ордой⁹, перенесение в Москву резиденции митрополита¹⁰, формирование в Москве особенно сильного военно-служилого войска («двора») и активная колонизационная политика московских монастырей¹¹.

⁷ Там же. Т. 18. С. 86 (Симеоновская летопись); *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 351—352. О датах см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 120, 351.

⁸ См.: *Станкевич Н.* О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Учен. Зап. Московского университета. Ч. 5. М., 1834. С. 34—35, 46; *Ключевский В. О.* Соч. Т. 2. М., 1988. С. 8—9; *Любавский М. К.* Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1909; *Черетин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 458.

⁹ См.: *Станкевич Н.* Указ. соч. С. 49, 55; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. СПб., 1880. С. 208.

¹⁰ *Станкевич Н.* Указ. соч. С. 49, 55.

¹¹ *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 203—206. Недавно было высказано предположение, что московская политическая система

XIV—XV вв. сформировалась под решающим воздействием монгольских моделей власти и собственности (Юрганов А. Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // ОИ. 1996. № 3. С. 109—111; он же. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 155—162, 165—170). Аргументы в пользу такого мнения приведены явно неубедительные. Одним из них является ссылка на высказывание Г. А. Федорова-Давыдова, что в XIV в. в Орде «на местах создаются... династии областных правителей». Но у Г. А. Федорова-Давыдова в указанном месте (Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 20), во-первых, речь идет о всего одном примере такой династии (и то гипотетическом — в качестве правителей Крыма известны дед и внук, об отце же говорится предположительно); во-вторых, имеются в виду ханские наместники в Крыму, т. е. на собственно ордынской территории (вместе с пропущенным А. Л. Юргановым при цитировании словом фраза звучит: «на местах создаются чиновнические династии областных правителей»), что не имеет никакого отношения к Руси, где сохранялись после завоевания местные князья (а «областные династии» возникли и множились задолго до нашествия монголов). Другой аргумент — что Иван Калита «как известно... ездил в Орду со своей духовной грамотой, которая получила одобрение хана. На грамоте — ханская тамга (печать)». Автор не дает даже ссылки; между тем мнение об утверждении Иваном Калитой духовной грамоты в Орде и наличии при ней ханской печати подвергнуто в литературе критике (см.: Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 178—179; Мазуров А. Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // ВИ. 1995. № 9), что делает ремарку «как известно» неуместной. Но если даже это мнение справедливо, утверждение духовной в Орде не является доказательством «решающего воздействия монгольских моделей». Еще один аргумент смотрится недоразумением. А. Л. Юрганов, ссылаясь на политические конфликты на Руси в XV в. между братьями или племянником и дядей, пишет, что «общность моделей власти и собственности в Монгольской империи и на Руси обусловила и общую тенденцию в политическом противоборстве: оно велось за права на власть и ее наследование: либо от отца к сыну, либо от брата к брату». Но спрашивается, как быть с аналогичными конфликтами на Руси домонгольского периода? Как там усмотреть влияние Монгольской империи? Взять, к примеру, борьбу за киевский стол между племянником Изяславом Мстиславичем и дядей Юрием Долгоруким в середине XII в. — ведь тогда даже Чингисхан еще не появился на свет... Собственно, еще в 1990 г. точка зрения о заимствовании в Москве монгольских политических институтов была высказана американским исследователем Д. Островски (*Ostrowski D. The Mongol Origins of Moscovite Politicæ Institutions //*

Мнение об особой выгодности экономико-географического положения Москвы, однако, весьма сомнительно¹²; можно говорить лишь об относительно большей безопасности Московского княжества от имевших место во второй половине XIII в. татарских походов в силу его окраинного, юго-западного положения в Суздальской земле и предполагать приток на его территорию населения из центральных областей Северо-Восточной Руси, сильнее всего страдавших от военных действий; но это было характерно не только для Московского, но и для других окраинных (западных, северных и восточных) княжеств — Тверского, Ростовского, Ярославского, Костромского, Городецкого¹³. О поддержке Ордой претензий московских князей на первенство в Северо-Восточной Руси на рубеже XIII—XIV вв. не может быть и речи: Даниилу, как недавнему союзнику павшего Ногая, можно было рассчитывать максимум на отсутствие репрессий со стороны Тохты. Местом пребывания митрополита Москва стала только со второй четверти XIV в. Колонизационная деятельность московских монастырей отмечается лишь с конца этого столетия. Остается наличие сильного военно-служилого войска; но считается, что его усиление за счет активного перехода на службу в Москву князей, бояр и служилых людей более низкого ранга из различных княжеств Северо-Восточной Руси наблюдается только с 30-х гг. XIV в.¹⁴.

Есть основания полагать, что укрепление московских позиций на рубеже XIII—XIV вв. действительно связано с приходом на

Slavic Review. 1990. Vol. 49, № 3; русский перевод в кн.: Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара, 2001). Его аргументация более обстоятельна, чем у А. Л. Юрганова, но также малоубедительна. Сопоставляемые Д. Островски с монгольскими институты — дворский, тысяцкий, совет бояр, десятичная система, двор — все известны с домонгольского периода (соответственно с XII, XI, X, X и XII веков); максимум, что можно обсуждать — возможные изменения функций некоторых из них под влиянием ордынских порядков.

¹² *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 191—195.

¹³ См.: *Кучкин В. А.* Формирование... С. 109, 121—123.

¹⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 467, 480—484.

московскую службу к Даниилу Александровичу значительных контингентов служилых людей из других княжеств, но лежащих не в Северо-Восточной Руси, а за ее пределами.

Из московских бояр первой четверти XIV в. поименно известны всего семь, причем только о трех из них имеются данные об их происхождении. Из этих трех два — выходцы из Южной Руси. Федор Бяконт (отец будущего митрополита всея Руси Алексея) приехал в Москву из Чернигова¹⁵. Произошло это незадолго до 1300 г.¹⁶ В 80 — начале 90-х гг. XIII в. Черниговом владели брянские князья Роман Михайлович и Олег Романович, входившие в число сторонников Ногая. В середине 90-х гг. Брянск был передан Тохтой смоленским князьям, после чего Чернигов должен был отойти лояльным хану представителям рода черниговских Ольговичей (см. Часть IV, Очерк 1). Очевидно, с этими событиями и связан отъезд Федора Бяконта в Москву, к Даниилу Александровичу, тогдашнему главе «проногаевской» коалиции. Другой боярин, Нестер Рябец (родоначальник Квашниных), был выходцем из Киева¹⁷; в Москву он приехал до 1305 г.¹⁸ Киев также входил в сферу влияния Ногая и пострадал в 1299 г. от действий татар (очевидно, войск Тохты). Отъезд в Москву Нестера скорее всего был связан с этими событиями и также обусловлен ролью Даниила в коалиции князей, ориентировавшихся на Ногаю¹⁹. Помимо того, что каждый из названных бояр, несомненно

¹⁵ Временник ОИДР. Кн. X. М., 1851. С. 98, 259; РИИР. Вып. 2. М., 1977. С. 123.

¹⁶ Алексей родился уже в Москве (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 194 — Московский свод конца XV в.; Т. 23. СПб., 1910. С. 121 — Ермолинская летопись) в 1300 г. (а не в 1293, как часто полагают): он был на 17 лет старше великого князя Семена Ивановича, родившегося 7 сентября 1317 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 121 — Рогожский летописец; Т. 18. С. 120 — Симеоновская летопись; Т. 25. С. 194).

¹⁷ РИИР. Вып. 2. С. 48, 137.

¹⁸ В этом году родоначальник Квашниных участвовал в бою под Переяславлем, когда тверское войско осадило там младшего брата Юрия Даниловича Ивана (будущего Калиту): ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 478—479 (Новгородская летопись Дубровского); РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 312 (Архивская летопись).

¹⁹ Подробно о выезде Федора Бяконта и Нестера Рябца см.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 30—40.

привел с собой воинский контингент, можно предполагать, что на рубеже XIII—XIV вв. выезжали в Москву и другие представители южнорусской знати из княжеств, ранее входивших в сферу влияния Ногая. Им было естественно искать покровительства именно московского князя, так как другой бывший союзник Ногая — Михаил Тверской — перешел на сторону Андрея Александровича (главы «антиногаевской» коалиции), а третий — Иван Переяславский — явно уступал по своему политическому весу московскому и тверскому князьям²⁰.

Таким образом, усиление военной мощи Московского княжества на рубеже XIII—XIV вв. во многом, видимо, было связано именно с приходом в это время на службу к Даниилу Александровичу значительного количества служилых людей из Южной Руси — Черниговского и Киевского княжеств. Численное увеличение двора московских князей и дало им возможность вести активную внешнюю политику. Необходимость обеспечить содержание возросшего числа служилых людей явилась, очевидно, одной из причин активных экспансионистских устремлений Даниила и Юрия — территории Московского княжества было недостаточно для удовлетворения их претензий.

Первыми «примыслами» (так назывались в рассматриваемую эпоху приобретения территорий вне «отчинных» владений²¹) московских князей были Можайск и Коломна²². Можайск до вхождения в Московское княжество находился в составе Смоленской земли. Датировать присоединение Можайска с окружающими во-

²⁰ Замечу, что само расположение Московского княжества — на юге Суздальской земли — способствовало тесным связям с ним бояр из соседних Москве южнорусских княжеств. Даже если, скажем, боярин-посол из Брянска, Чернигова или Киева ехал не в Москву к Даниилу, а в Переяславль или Владимир к Дмитрию Александровичу или в Тверь к Михаилу Ярославичу, он должен был по пути туда и обратно останавливаться в Москве.

²¹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1845. Стб. 1433—1434; Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 19. М., 1994. С. 224.

²² Первые прямые упоминания их в качестве московских владений — в духовных грамотах Ивана Калиты, самых ранних дошедших до нас документах Московского княжества (ДДГ. М.—Л., 1950. № 1. С. 7, 9).

лостями²³ следует, скорее всего, 1291 г., когда Ногай устранил сарайского хана Тулабугу, возвел на престол своего ставленника Тохту (тот выйдет из-под контроля только спустя 2 года) и мог одаривать своих вассалов владениями их противников (к которым принадлежал смоленский — он же ярославский — князь Федор Ростиславич)²⁴. Вторым приобретением стала Коломна — столица одного из княжеств Рязанской земли²⁵.

В Лаврентьевской летописи под 6808 ультрамартовским (т. е. 1299) годом читается известие: «Того же лѣта рязаньскыи князи Ярославичи у Переяславля»²⁶. Во фразе пропущено сказуемое. Речь явно идет о борьбе разных ветвей рязанской династии за главный стол земли, разгоревшейся после смерти в том же 1299 г. рязанского князя Ярослава Романовича²⁷. У него остались младший брат Константин и сыновья Михаил и Иван — те самые «Ярославичи»²⁸. А в следующем году Даниил Московский разбил у Переяславля-Рязанского Константина и захватил его в плен²⁹. Видимо, имело место вмешательство Даниила в рязанскую усобицу на стороне Ярославичей³⁰. Позже на рязанском столе княжил Михаил (он упомянут в качестве рязанского князя в выписи из жалованной грамоты, предположительно датируемой 1303 г.), а затем (до 1327 г.) Иван³¹. Очевидно, при поддержке московского

²³ Термин *волость* в XIV столетии применяется преимущественно не к княжествам в целом (как в предшествующую эпоху), а к территориальным единицам внутри княжеств [см.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1. М., 1988. С. 468—469].

²⁴ См.: Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой. С. 78—81; *он же*. Москва и Орда. С. 18—20.

²⁵ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. М., 2001. С. 58.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 575, 578—579, 622—627.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.

³⁰ Такое предположение высказывал А. В. Экземплярский (*Экземплярский А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 577, примеч. 1857*).

³¹ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 309. С. 339; НЛ. С. 96, 98; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 44.

князя, победившего и пленившего Константина, Ярославичи и овладели Переяславлем-Рязанским. Платой Даниилу за помощь стала Коломна с волостями. Таким образом, первые московские «примыслы» пришлись на территории, не входившие в пределы Северо-Восточной Руси — владений потомков Всеволода Большое Гнездо³². С присоединением Можайска и Коломны Московское княжество включило в себя все течение р. Москвы и получило выход к Оке.

Следующим приобретением стал упомянутый выше захват Даниилом выморочного Переяславского княжества в 1302 г. Юрий Данилович в 1305 г. проиграл в Орде спор за великое княжение владимирское: ярлык был вручен Михаилу Ярославичу Тверскому. Юрий попытался удержать Переяславль, но без успеха: после похода Михаила осенью того же года (по-видимому, вместе с татарским отрядом) на Москву пришлось передать Переяславское княжество новому великому князю. Тогда Юрий стал претендовать на княжение в Новгороде (т. е. на часть великокняжеских прерогатив). К 1308 г. ему пришлось отказаться и от этих претензий (после чего Михаил еще раз ходил походом на Москву). Но в следующие годы Юрий сумел овладеть Нижегородским княжеством (бывшим Городецким), ставшим выморочным после смерти князя Михаила Андреевича (сына Андрея Александровича); это было еще одним покушением на великокняжеские права, т. к. выморочные княжества должны были переходить в состав великого княжества Владимирского. А когда Михаил Ярославич отправился в Орду после смены ханов в 1313 г. и надолго

³² Московское княжество занимало уникальное в Суздальской земле положение в том отношении, что, в отличие от других входивших в ее состав княжеств, больше половины периметра его границ приходилось на рубежи с другими землями — Рязанской, Черниговской, Смоленской. Приобретения, сделанные московскими князьями в XIV — середине XV в. из территорий этих соседних земель, сопоставимы по масштабу с приростом московских владений в пределах Северо-Восточной Руси: помимо Можайска и Коломны, были приобретены рязанские владения на левом берегу Оки, по р. Протве и Луже, и на правом берегу Оки до верховьев Дона, из состава Черниговской земли — княжества Тарусско-Оболенское и Козельское, из состава Смоленской — Ржевское княжество и Медынь.

(до 1315 г.) задержался там, Юрий возобновил борьбу за Новгород Великий и сел там на княжение. В результате Юрия вызвали в Орду для разбирательства, после которого он был ханом Узбеком задержан в Орде, а Михаил с ордынским отрядом отправился на Русь и разбил новгородцев, возглавленных братом Юрия Афанасием. Но в 1317 г. ситуация кардинально изменилась в пользу московского князя: Узбек выдал за Юрия замуж свою сестру и пожаловал московского князя ярлыком на великое княжение владимирское. В конце того же года Юрий потерпел поражение от Михаила Тверского, который признал переход к московскому князю великого княжения, но оказал сопротивление, когда Юрий с ордынским послом стал разорять его собственное Тверское княжество. Но в следующем, 1318 году главный противник Юрия был казнен в Орде, и московский князь стал безоговорочным главой Северо-Восточной Руси³³.

Удержать, однако, великое княжение Юрию не удалось. В 1322 г. он, вместо того чтобы выплатить полагающуюся в Орду дань, отправился с «серебром» в Новгород, где занимался обороной новгородских рубежей от шведов. В этой ситуации Узбек передал великое княжение сыну Михаила Тверского Дмитрию. Юрий, однако, продолжал считать себя великим князем (он титулуется так в Ореховецком договоре Новгорода со Швецией 1323 г.³⁴). В 1325 г., приехав в Орду на ханский суд, Юрий погиб от руки Дмитрия Михайловича. В следующем году Узбек казнил Дмитрия за совершенный им самосуд, а великое княжение передал другому тверскому Михайловичу — Александру³⁵.

В историографии распространен взгляд на Юрия Даниловича как пособника Орды³⁶, а на Михаила Тверского — как на борца с ордынским игом³⁷. Однако такое представление является следст-

³³ См.: *Кучкин В. А.* Формирование... С. 127—140, 209—211; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 43—52.

³⁴ ГВНП. М.; Л., 1949. № 38. С. 67—68.

³⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41—42; Т. 18. С. 89—90; НЛ. С. 96—97.

³⁶ Его характеристику в таком духе см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 102, 106, 112; *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 255—258.

³⁷ См. определения такого рода: *Ключевский В. О.* Соч. Т. 2. М., 1988. С. 19—20; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск,

вием оценки деятельности этих князей сквозь призму взятых изолированно событий 1317—1318 гг. — разгрома Михаилом войск Юрия и ханского посла Кавгады и последующей гибели тверского князя в Орде (когда Юрий поддерживал обвинение). Рассмотрение же политики Юрия и Михаила в отношении Орды в течение всего времени их деятельности открывает совсем иную картину.

В 1304—1305 гг. Юрий, как и Михаил Тверской, старался добиться милости хана и получить великое княжение, но, потерпев поражение в соперничестве с Михаилом, повел себя отнюдь не как верный слуга Орды. В то время как в период великого княжения Михаила Ярославича последний не совершил ни одного действия, имевшего прямую или косвенную антиордынскую направленность, Юрий Данилович косвенно постоянно нарушал ханскую волю, ведя борьбу с Михаилом путем оспаривания части его великокняжеских прав: княжения в Новгороде Великом, выморочного Нижегородского княжества. Конфронтация с Михаилом повлекла за собой враждебность ханов: дважды (в 1305 и 1315—1316 гг.) Орда поддерживала Михаила военной силой (и последний использовал ее против московских князей так же, как в 1317 г. Юрий — против Твери). Московский князь не пытался помогать в Орде ярлыка на великое княжение: он не поехал туда при воцарении нового хана, а в 1315 г. отправился не по своей воле, а по требованию Узбека. В 1317 г. Михаил Ярославич подчинился ханскому решению о передаче Юрию Даниловичу великого княжения, но оказал сопротивление (как и Юрий в 1305 и 1308 гг.) вторжению в свое собственное княжество. Его последующую судьбу определили «слишком» решительная победа, одержанная над войском, в котором находился ханский посол, и оскорбительный для Узбека факт смерти в Твери его сестры — жены Юрия, попавшей в плен. Действия Михаила в 1317 г. были не более «антиордынскими», чем действия Даниила Александровича.

1960. С. 66; *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. С. 274—275; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 35, 259; *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 50—51, 58—59.

ровича в 1300 г. (когда тот осмелился биться с татарами, не угрожавшими его владениям) и Афанасия Даниловича в 1316 г. В течение же 12 лет своего великого княжения Михаил ни разу не противился ханской воле. Что касается Юрия Даниловича, то, став великим князем, он вскоре, в 1322—1323 гг., пошел сначала на неплату собранной дани, а затем на непризнание ханского решения о лишении его великокняжеских прав (Михаил Ярославич таких проступков против сюзерена не совершал). Разумеется, в деятельности Юрия не просматривается осознанного стремления сбросить иноземную власть. Ханский сюзеренитет им под сомнение не ставился (в этом отношении политика московских и тверских князей принципиально не отличалась). Борясь в период великого княжения Михаила за первенство среди князей Северо-Восточной Руси, Юрий не пытался самостоятельно полностью овладеть великим княжением, право распоряжения которым принадлежало хану: он старался отнять у великого князя *часть* его прерогатив (княжение в Новгороде, право на выморочные княжества). Когда представилась возможность получить в Орде все великое княжение, Юрий ее использовал. Однако вскоре он пошел на неподчинение воле хана, а утратив ярлык, продолжал считать себя великим князем и княжить в Новгороде. Элементы сопротивления воле (именно воле, а не власти в принципе) Орды в деятельности Юрия Даниловича просматриваются, таким образом, в намного большей степени, чем в деятельности его современников — тверских князей.

В целом благодаря твердости и решительности (часто граничившей с безрассудством) Юрия Московское княжество сумело выстоять в неблагоприятных обстоятельствах. Поддержкой ордынских правящих кругов Москва пользовалась при Юрии только в 1317—1322 гг., в остальное же время ситуация была взрывоопасной. Однако судьба до известного времени благоволила к Юрию Даниловичу (в отличие от Михаила Тверского, первое же проявление нелояльности которого окончилось для него гибелью): в 1305 и 1308 гг. ему удавалось избежать военного поражения и замирился с Михаилом ценой уступок, в 1312 г. разрешение конфликтной ситуации отсрочила смерть хана Тохты, в 1316 г. главный удар приняли на себя новгородцы, а затем Юрий обрел

благосклонность хана. Переход к московскому князю великого княжения владимирского создал прецедент, после которого потомки Даниила Александровича уже могли с полным основанием претендовать на первенство в Северо-Восточной Руси.

Казалось бы, в Орде в середине 20-х гг. XIV в. вновь стало преобладать недоверие к московским князьям. Но в 1327 г. в Твери вспыхнуло восстание против татарского отряда во главе с ханским послом (двоюродным братом Узбека), которое поддержал великий князь Александр Михайлович. Следствием стал ордынский поход на Тверское княжество, в котором активно участвовал новый московский князь, младший брат Юрия Иван Данилович (Калита). Полностью великое княжение ему, правда, после этих событий получить не удалось — Узбек разделил его между двумя князьями. Ивану достались Новгород и Кострома, а собственно Владимир и Нижегородское Поволжье были отданы Александру Васильевичу Суздальскому. Но после смерти последнего Иван Калита стал единственным великим князем и к тому же получил половину Ростова (1332 г.)³⁸.

Ивану первому из московских князей удалось сохранить великое княжение до конца жизни (1340 г.). При этом Калита сумел расширить пределы великокняжеских владений (и без того выросшие в начале XIV столетия за счет выморочных Переяславского и Нижегородского княжеств³⁹). Ему, вероятно, удалось получить в Орде ярлык на Дмитровское княжество⁴⁰; кроме того, Иван осуществил «купли» Галича, Углича и Белоозера (об этом упоминается в духовной грамоте внука Калиты Дмитрия Донского 1389 г.)⁴¹. Что представляли собой эти «купли», остается неясным и является предметом дискуссии. Наиболее вероятно,

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42—44, 46; НЛ С. 98—99, 343, 469; Кучкин В. А. Формирование. С. 141.

³⁹ В Нижнем Новгороде до 1320 г. княжил младший брат Юрия и Ивана Даниловичей Борис; после его смерти Нижегородское княжество вошло в состав великого Владимирского (Кучкин В. А. Формирование... С. 209—211).

⁴⁰ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 62—63.

⁴¹ ДДГ. № 12. С. 34. Белозерское княжество выделилось из Ростовского к началу XIV в.; Углицкое в 10—20-х гг. было составной частью Ростовского (см.: Кучкин В. А. Формирование... С. 120, 282—283, 304).

что речь следует вести о покупке у местных князей какой-то части их суверенных прав на свои владения⁴². Мнение, что под «куплями» Калиты следует понимать покупку ярлыков на них в Орде⁴³, вызывает сомнение, т. к. «купли» и выдачи ярлыков (т. е. жалованных грамот) в источниках разграничиваются: так, Мещера стала «куплей» Дмитрия Донского ранее 1381 г.⁴⁴, но только в 1392 г. Василий I получил на эту территорию ярлык в Орде⁴⁵. Что касается недавно высказанного мнения, будто под упомянутыми в завещании Дмитрия «куплями деда» имеются в виду передачи территорий в качестве приданного за княжнами при женитьбах Калиты и его братьев⁴⁶, то оно представляется фантастичным. Основанием для него служит предположение, что «купля» Мещеры — это передача ее Дмитрию Ивановичу в приданое при его женитьбе в 1366 г. на дочери Дмитрия Константиновича Нижегородского Евдокии⁴⁷. Автор исходит из статьи договора Василия I с его двоюродным дядей Владимиром Андреевичем Серпуховским 1404 г.: «А мнѣ, господине, князь великий, брату твоему молодшему, князю Володимеру Андреевичю, и моим дѣтем под тобою и под твоими дѣтми, твоего удела, Москвы и Коломны с волостми, и всего твоего великого княженья, да Волока

⁴² Ср.: *Соловьев С. М.* История Российская с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988. С. 332, примеч. 417; *Пресняков А. Е.* Образование Велико-русского государства. Пг., 1918. С. 152—153; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение Центра. Л., 1929. С. 54. О переходе к Москве при Калите Галицкого, Углицкого и Белозерского княжеств целиком говорить невозможно, потому что по меньшей мере в последнем несомненно сохранились местные князья в качестве суверенных (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52, 111, 140).

⁴³ *Кучкин В. А.* Формирование... С. 247—256; *он же.* Последнее завещание Дмитрия Донского // СР. Вып. 3. М., 2001. С. 146—155.

⁴⁴ Она упоминается в договоре этого года Дмитрия с Олегом Рязанским (ДДГ. № 10. С. 29; о дате договора см.: *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 144—145).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 373; Т. 42. СПб., 2002. С. 161 (Новгородская Карамзинская летопись) Софийская первая летопись старшего извода (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1). М., 2000. Стб. 509.

⁴⁶ *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001.

⁴⁷ Там же. С. 29—33.

и Ржевы с волостми, и Новагорода Нижнего с волостми, и что к нему потягло, с Муром с волостми, и что к нему потягло, и Мещеры с волостми, и что к ней потягло, и в та мѣста в Татарьская и в Мордовьская, как было, господине, за твоим отцомъ, за великим князем, и за твоим дѣдом, за великим князем Дмитрием Костянтиновичем, и за тобою, за великим князем, того ми, господине, и моим дѣтем подъ тобою, великим князем, и под твоими дѣтми блюсти и боронити, а не обидѣти, ни вѣступатися»⁴⁸. Он полагает, что ссылка на прежних владельцев, в т. ч. Дмитрия Константиновича, относится здесь только к землям, упомянутым в конце перечня, — Мещере и «местам татарским и мордовским» (забывая, что московско-рязанские договоры говорят об отнятии последних Дмитрием Донским у татар⁴⁹, а не получении от тестя). На самом деле прежние владельцы упоминаются в связи с перечнем всех владений Василия. Дается он в соответствии с их давностью и значимостью: сначала Москва с Коломной, затем великое княжение владимирское, потом отдельно Волок и Ржева, ранее принадлежавшие Владимиру Андреевичу⁵⁰, а теперь переходившие к великому князю, далее «примыслы» — сначала Нижний Новгород (вновь присоединенное великое княжение), потом Муром (княжение рангом пониже), затем Мещера (территория, не имевшая статуса русского княжества), наконец «места» татарские и мордовские. Ссылки на отца было недостаточно, т. к. он не владел Нижним Новгородом и Муромом. Но нижегородским князем являлся дед Василия по матери Дмитрий Константинович, поэтому он и был упомянут (поминать еще и его преемника на нижегородском столе Бориса Константиновича Василию было ни к чему, т. к. он не являлся великому князю прямым предком и не владел, в отличие от Дмитрия, всей тянувшей к Нижнему территории⁵¹). В отношении же Мурома можно было сослаться только на владение им самим Василием I, поэтому после упоминания Дмитрия Константиновича сказано «и за тобою, великим князем». Оснований считать Мещеру бывшим вла-

⁴⁸ ДДГ. № 16. С. 44.

⁴⁹ Там же. №. 10. С. 29.

⁵⁰ Там же. № 13. С. 37.

⁵¹ См. об этом: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 114—115.

дением нижегородских князей, таким образом, нет; соответственно рушится и вся конструкция о «куплях деда» Дмитрия Донского как о территориях, полученных в приданое.

Иван Калита в историографии традиционно оценивается как верный вассал Орды. При этом одни авторы смотрят на это с осуждением, другие «оправдывают» такую политику, считая, что она объективно способствовала усилению Москвы (что в перспективе вело к освобождению от ига)⁵². Действительно, Иван Данилович в период своего княжения соблюдал полную лояльность к хану (резко отличаясь в этом отношении от старшего брата). Но следует учитывать, что реальной альтернативы признанию ордынской власти в то время не видел никто. Тверское восстание 1327 г. не было продиктовано сознательным стремлением Александра Михайловича свергнуть власть хана, в 30-х гг. не было даже стихийных проявлений непокорности. Вообще сопротивление иноземной власти в первой половине XIV в. вовсе не шло по нарастающей. Скорее наблюдается обратное: если до 1327 г. сильнейшие князья Северо-Восточной Руси время от времени позволяли себе неподчинение ханской воле, то позже этого не наблюдается. Очевидно, своеволие Даниила и Юрия (как и тверских князей) в какой-то мере было наследием эпохи двоевластия в Орде конца XIII в., когда русские князья могли выбирать себе сюзерена и оказывались соответственно в конфронтации с его противником. С укреплением единовластия в Орде при Узбеке это своеволие сошло на нет.

Что касается общей оценки эпохи Калиты в московско-ордынских отношениях, то полагать, что именно в его правление была заложена главная основа будущего могущества Москвы (а так традиционно считается в историографии, в т. ч. и в работах, где ордынская политика Калиты оценивается негативно), — значит впадать в некоторое преувеличение⁵³. Иван Данилович стал пер-

⁵² Ср., например: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 111; *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма. С. 47—49, 52—58 и *Черепнин Л. В.* Образование... С. 512—513; *Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995.

⁵³ Такое восприятие Калиты следует за его изображением в московской литературе XV—XVI вв.; кажется, первый случай подобной характеристики Ивана встречается в «Слове о житии и о преставлении»

вым московским князем, который до конца своих дней сохранил за собой великое княжение владимирское. Но это не означало, что оно уже закрепилось за московскими князьями (Семен Иванович получил в Орде по смерти отца великокняжеский стол, но с утратой Нижнего Новгорода, а в 1360 г. ярлык на Владимир был передан иной княжеской ветви — см. ниже). Нельзя сказать, чтобы территориальный рост владений московских князей при Калите намного превзошел сделанное его предшественниками. Даниил присоединил к собственно Московскому княжеству Можайск и Коломну; Юрий овладел Нижегородским княжеством и (впервые) великим княжеством Владимирским; Иван закрепил достижения брата и расширил территорию великого княжества за счет Дмитрова и «купель». Но эти приобретения не были прочны: они зиждились на зыбкой основе принадлежности великого княжения московским князьям, основе, которая в любой момент могла рухнуть по воле хана.

После смерти Ивана Калиты великим князем стал его старший сын Семен. Однако, не желая чрезмерно усиливать Москву, Узбек выделил из великого княжества Владимирского Нижегородское княжество, переданное им суздальскому князю Константину Васильевичу⁵⁴. Тем не менее Семен Иванович за тринадцать лет своего правления смог сделать важные приобретения. К великому княжеству Владимирскому отошло ставшее выморочным Юрьевское княжество (скорее всего, в 1347 г.)⁵⁵; к собственно Московскому — рязанские владения на левом берегу Оки (по рекам Протве и Луже)⁵⁶.

Дмитрия Донского, где его дед выступает как «собиратель земли Русской» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 351). Для московских великих князей такое отношение именно к Калите было естественно, т. к. потомками Юрия Даниловича они не были, а Даниил Александрович не владел великим княжением владимирским, обладание которым давало возможность «собирания».

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52—54; Т. 18. С. 93.

⁵⁵ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 72—73.

⁵⁶ Обстоятельства и хронология этого приобретения остаются не вполне ясными. Часть левобережных рязанских владений досталась Семену от его тетки — рязанской княгини Анны, часть — была обменена на московские владения на правобережье Оки, ранее принадлежавшие

Преемником Семена стал его брат Иван Иванович. В его короткое княжение (1353—1359 гг.) Москва поставила под свой контроль юго-восточного соседа — Муромское княжество⁸.

Смерть Ивана Ивановича 13 ноября 1359 г. совпала с началом продолжительной усобицы-«замятни» в Орде. По смерти хана Бердибека сменивший его Кульпа царствовал всего пять месяцев и был убит Наврузом. К последнему и отправились «все князи Роусьскийи»⁵⁸. К этому их вынуждала как смена хана, так и кончина великого князя владимирского: требовалось подтвердить свои владельческие права. Главным же вопросом была судьба великого княжения. Новому московскому князю, сыну Ивана Ивановича Дмитрию, было всего 9 лет (родился 12 октября 1350 г.), и Навруз предпочел ему нижегородского князя Андрея Константиновича. Андрей (не имевший склонности к государственной деятельности) отказался от ярлыка в пользу своего младшего брата Дмитрия, князя суздальского; тот и занял владимирский стол⁵⁹.

Потеря великого княжения означала, что из-под власти московского князя уходит обширная территория великого княжества Владимирского (с городами Владимиром, Переяславлем, Костромой, Юрьевом-Польским, Дмитровом, Ярополчем). Одновременно Галицкое княжение было передано ханом Дмитрию Борисовичу, сыну последнего дмитровского князя, а Сретенская половина Ростова, которой завладел Иван Калита в 1332 г., была возвращена ростовским князьям⁶⁰. Фактически владения князей Московского дома возвращались почти к границам 1327 г. —

союзному Москве вяземскому князю Федору Святославичу, который, в свою очередь, получил их от тарусских князей; не исключено и участие Орды в этих событиях [см.: ДДГ. № 3. С. 13; № 4. С. 15, 18; *Кучкин В. А.* Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 70—72].

⁸ См.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 52.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68; Т. 18. С. 100.

⁵⁹ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68—69; Т. 18. С. 100.

⁶⁰ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 244—248, 269.

времени до получения Иваном Калитой ярлыка на великое княжение владимирское (за исключением юго-запада — бывших рязанских владений на левом берегу Оки, вошедших в состав именно Московского, а не великого Владимирского княжества).

Очерк 4

ДВЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ

30-летний период, в течение которого великое княжение сохранялось за московскими князьями, не прошел даром. Традиционная монгольская политика недопущения чрезмерного усиления кого-либо из вассальных правителей в данном случае дала явный сбой. И попытка Орды на рубеже 50—60-х гг. XIV в. изменить соотношение сил в Северо-Восточной Руси не удалась — как из-за накопленного к этому времени Москвой потенциала, так и по причине обострения в это время внутриордынской ситуации. Уже в 1362 г., воспользовавшись наличием в Орде нескольких противоборствующих правителей, москвичи сумели получить ярлык на великое княжение для Дмитрия Ивановича. Попытка Дмитрия Константиновича, заручившись собственным новым ярлыком, вернуться на владимирский стол была пресечена военной силой. К 1363 г. были возвращены Галич и половина Ростова¹. Таким образом, в течение трех лет Москва восстановила позиции, существовавшие при Иване Ивановиче.

А с конца 60-х гг., когда Дмитрий повзрослел, москвичи, по выражению антимосковски настроенного тверского летописца, «надеясь на свою на великую силу, князи русьскии начаша при-

¹ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 72—74; Т. 18. С. 101—102; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва*. М., 1980. С. 62—64.

водити в свою волю, а которыи почаль не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати злобою»². В 1368 г. было занято Ржевское княжество, некогда принадлежавшее союзнику Москвы Федору Святославичу (из смоленских князей), а в конце 50-х гг. захваченное Литвой³. Тогда же было начато наступление на Тверь. Эти действия вызвали реакцию со стороны великого князя литовского Ольгерда, женатого на сестре тверского князя Михаила Александровича. Помимо литовской помощи, Михаил попытался заручиться поддержкой эмира Мамай, ставшего к этому времени правителем западной части Орды (к западу от Волги). В 1371 г. Мамай от лица своего марионеточного хана Мухаммед-Бюлека выдал Михаилу ярлык на великое княжение, но тверской князь отказался взять вспомогательную татарскую рать для своего водворения во Владимире, а Дмитрий Московский в том же году приехал в Орду и ценой богатых даров сумел получить ярлык на свое имя. Более действенной была для Твери литовская поддержка. Ольгерд совершил три похода на Москву — в 1368, 1370 и 1372 гг.; во время двух первых он осаждал недавно отстроенный белокаменный Кремль, в ходе же третьего был остановлен на Оке у Любутска⁴. По заключенному летом 1372 г. договору Москва обязывалась вернуть Ржеву, но Ольгерд признавал великое княжение владимирской «отчиной», т. е. наследственным владением Дмитрия, тем самым отказываясь от поддержки претензий на него своего шурина Михаила Тверского⁵. Впервые великое княжество Владимирское было признано политическим образованием, статус которого не зависит от воли хана Орды. В ходе противостояния с Ольгердом удалось сделать территориальное приобретение: в результате поддержки одного из ново-

² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 84.

³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68, 87; РИБ. Т. 6. 2-е изд. СПб., 1908. Приложение. Стб. 137—138. О князе Федоре Святославиче см.: Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 38—39.

⁴ См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 83—95; он же. «Всего еси исполнена земля Русская...»: личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 114—116.

⁵ ДДГ. М.; Л., 1950. № 6. С. 22. О дате грамоты и условиях соглашения см.: Кучкин В. А. Русские княжества и земли... С. 89—93.

сильских князей, Романа Семеновича, против другого — Ивана (зятя Ольгерда) Москве досталась Калуга — часть владений последнего⁶. В начале 1374 г. был заключен мир с Михаилом Тверским на условиях его отказа от претензий на великое княжение⁷.

Но в том же 1374 г. «великому князю Дмитрию Ивановичу бышесть розмирие с татараы и с Мамаем»⁸. Впервые со времен Даниила Галицкого русское княжество вступило в открытую конфронтацию с Ордой⁹. Однако противоборство с Мамаем не колебало ставшее традиционным представление о законности власти хана Орды — «царя» — над Русью. Современники расценивали ситуацию, при которой реальная власть в Орде находилась в руках не хана, а временщика, как нарушение нормы¹⁰. Соответственно борьба с Мамаем рассматривалась как выступление против незаконного правителя.

В этой ситуации Михаил Тверской вновь предъявил претензии на великое княжение и в 1375 г. получил ярлык от Мамая¹¹. В ответ на Тверь двинулось огромное войско, состав которого позволяет оценить пределы власти Дмитрия Московского. В поход двинулись, помимо самого Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского, суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович, его сын Семен и братья — Борис и Дмитрий Ноготь, ростовские князья Андрей Федорович и Василий и Александр Константиновичи (двое последних княжили во входившем в ростовские владения Устюге), князь Иван Васильевич из смоленской ветви (правивший в Вязьме¹²), ярославские князья Василий и Роман Васильевичи, бело-

⁶ См.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли... С. 50—51, прим. 135.

⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 105.

⁸ Там же. Стб. 106.

⁹ Ранее были только случаи стихийных городских восстаний против конкретных представителей ордынской власти и столкновений с ордынскими отрядами, сопровождавшими войска русских князей.

¹⁰ Ср. характеристики летописцев-современников: «...царь их не владѣяше ничимъ же, но всяко старѣишинство держаше Мамай» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись, Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 416); «Некоему убо у них худу цѣсарююще, но все дѣюще у них князю Мамаю» (НЛ. С. 376).

¹¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109—110.

¹² См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках. С. 37—38.

зерский князь Федор Романович, кашинский князь Василий Михайлович (удельный князь тверского дома, перешедший на сторону Москвы), моложский князь Федор Михайлович (Моложское княжество выделилось в XIV в. из Ярославского), стародубский князь Андрей Федорович, князь Роман Михайлович Брянский (Брянском он тогда уже реально не владел, тот был в руках Ольгерда), новосильский князь Роман Семенович, оболенский князь Семен Константинович и его брат тарусский князь Иван¹³. Таким образом, верховную власть Дмитрия Ивановича признавали не только все княжества Северо-Восточной Руси (кроме Тверского, за исключением его Кашинского удела), но также князья трех верховских княжеств Черниговской земли (Новосильского, Оболенского и Тарусского), Роман Михайлович, считавшийся великим князем черниговским¹⁴ и вяземский князь. В результате похода Михаил Тверской капитулировал, признав себя «младшим братом» Дмитрия Ивановича, а великое княжение — его «отчиной»¹⁵.

В 1375—1376 гг. Мамай наносил удары по владениям московских союзников — новосильского и нижегородского князей¹⁶. В 1377 г. у границ Нижегородского княжества на р. Пьяне татарами Мамай было разбито войско, состоявшее из нижегородских и московских полков¹⁷, в 1377 и 1378 гг. дважды разорялся Нижний Новгород, а в следующем году в пределах Рязанской земли на р. Воже Дмитрий Иванович в союзе с Рязанью разгромил посланное Мамаем на Москву войско под командованием Бегича¹⁸.

¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110—111; Т. 18. С. 115—116.

¹⁴ См.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982. С. 71—73.

¹⁵ ДДГ. № 9. С. 25—26.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 109, 112—113.

¹⁷ Там же. Стб. 118—119. В литературе до сих пор можно встретить утверждение, что поражение русским войскам на Пьяне нанес независимый от Мамаи ордунский «царевич» Арапша (Арабшах), в 1377 г. появившийся близ границ Нижегородского княжества (см., например: *История России с древнейших времен до конца XVII века.* М., 1996. С. 276—277). На самом деле к войскам, ожидавшим нападения Арапши, «погании князи Мордовьстии подведоша в таю рать татарскую изь Мамаевы Орды» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 118).

¹⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 118—119, 134—135.

После этого правитель Орды начал подготовку к масштабному походу, закончившемуся битвой на Куликовом поле в верховьях Дона 8 сентября 1380 года.

По поводу Куликовской битвы, ее перипетий и связанных с ней событий высказывалось немало разноречивых суждений¹⁹. Многие из них были связаны с недостаточной изученностью основных источников, повествующих о сражении, — т. н. «памятников Куликовского цикла». В настоящее время хронологию и соотношение этих произведений в главных чертах можно считать определенными. Наиболее ранним памятником Куликовского цикла была, по-видимому, «Задонщина» — произведение поэтического характера; однако использовать ее как источник фактических данных о сражении следует с осторожностью, во-первых, в силу специфики жанра, во-вторых, потому, что хотя первоначальный текст «Задонщины» появился, скорее всего, в 80-х гг. XIV в.²⁰, сложение двух дошедших до нас редакций — Краткой и Пространной — относится к более позднему времени (вероятнее всего, к 70-м гг. XV в.)²¹. В начале XV в., при составлении протографа Троицкой летописи (памятника московской книжности), возник краткий летописный рассказ о битве, дошедший в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи²². Одновременно появился рассказ новгородского летописания, сохранившийся в составе Новгородской I летописи младшего извода²³. Немного позже, при сос-

¹⁹ Имеются в виду, разумеется, научные разногласия, а не растраженные недавно бредни Фоменко и К^о, «переносящих» сражение с Дона в пределы Москвы [см. об этом работы специалистов, вынужденных потратить время на опровержение подобных нелепых мистификаций: *Кучкин В. А.* Новооткрытая битва Тохтамыша Ивановича Донского (он же Дмитрий Туйходжаевич Московский) с Мамаем (Маминим сыном) на московских Кулижках // ОИ. 2000. № 4; *Петров А. Е.* Прогулка по фронтовой Москве с Мамаем, Тохтамышем и Фоменко // История и антиистория: критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. М., 2000].

²⁰ См.: *Кучкин В. А.* К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

²¹ См.: *Кучкин В. А.* О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997.

²² См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11—15.

²³ См.: там же. С. 23—27.

тавлении митрополичьего свода конца 10-х гг. XV в., на основе рассказов Троицкой летописи и протографа Новгородской I летописи младшего извода возникла т. н. Повесть о Куликовской битве, донесенная Новгородской IV и Софийской I летописями²⁴. В ней повествование было расширено множеством подробностей (в большинстве своем не вызывающих сомнений по части достоверности)²⁵. И только много лет спустя, в начале XVI в., появилось самое известное и широко распространившееся в списках произведение о Куликовской битве — «Сказание о Мамаевом побоище» (использовавшее и «Задонщину», и Летописную повесть)²⁶.

²⁴ См.: Памятники Куликовского цикла. С. 42—47. О датировке свода-протографа Новгородской IV и Софийской I летописей см.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 128—160.

²⁵ См.: *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 8—10, 12—15, 19.

²⁶ О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 331—348. Большинство заблуждений по поводу Куликовской битвы как раз и связано с некритическим использованием «Сказания». К ним относится, в частности, представление о том, что Пересвет и Ослябя были монахами Троице-Сергиева монастыря и оба пали в битве, причем Пересвет — в поединке перед началом сражения; из ранних источников следует, что Пересвет и Ослябя были, скорее всего, митрополичьими боярами, Пересвет погиб в гуще сражения, а Ослябя остался жив (подробнее см. Часть III, Очерк 3). Характерно также выдвинутое недавно публицистом на основе слов, вложенных автором «Сказания» в уста Мамаю, — «Азь не хощу тако сътворити, яко же Батый, нъ егда доиду Руси и убию князя их, и которые грады красные довлѣють нам, и ту сядем и Русью владѣем, тихо и безмятежно поживемъ» (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 26) — утверждение, что Мамай хотел непосредственно осесть на Руси (дополняемое фантазиями на тему подстрекательства его со стороны «зловредного Запада») (*Кожин В. В.* История Руси и русского Слова: современный взгляд. М., 1997. С. 405—435). В действительности это место «Сказания» восходит к Летописной повести, где Мамай говорит: «Поидемъ на рускаго князя и на всю силу Рускую, яко же при Батыи было — крестьянство потеряемъ, и церкви Божиа попадимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ» (Сказания и повести... С. 16). Автор «Сказания» постарался усилить драматизм ситуации, вложив в уста Мамаю стремление не *повторить* Батыя, а *превзойти* его.

К лету 1380 г. Мамай основательно подготовился к решающей схватке с Москвой. Не надеясь после Вожи только на собственные силы, он заключил союз с новым великим князем литовским Ягайлой Ольгердовичем. Власть Мамаю признал Олег Иванович Рязанский, видимо, желая избежать разгрома своего княжества (в то же время он предупредил Дмитрия Ивановича о выступлении Орды)²⁷. Поход Мамаю по своей масштабности не имел прецедентов в XIV столетии.

В начале кампании, когда Мамай с войском кочевал за Доном, а Дмитрий находился в Коломне, Мамаевы послы привезли требование платить выход как при хане Джанибеке (сыне Узбека), «а не по своему докончанию. Христолюбивый же князь, не хотя кровопролитья, и хотѣ ему выход дати по крестьяньской силѣ и по своему докончанию, како с ним докончалъ. Он же не въсхотѣ»²⁸. Под «своим докончанием» имеется в виду определенно соглашение, заключенное Дмитрием с Мамаем во время личного визита в Орду в 1371 г. Но тогда Дмитрий преследовал цель задобрить Мамаю, чтобы вернуть себе ярлык на великое княжение. Следовательно, он соглашался на большие выплаты, чем те, что имели место до 1371 г., но оговоренный размер дани все же уступал тому, который существовал при Джанибеке. С 1374 г. Москва перестала соблюдать это докончание; теперь, в условиях приближения Мамаю в союзе с Ягайлой, Дмитрий соглашался вернуться к его нормам. Но Мамай, рассчитывая на перевес в силах, не уполномочил своих послов идти на уступки.

Ранние источники дают очень немного сведений о том, отряды каких русских земель и княжеств участвовали в походе Дмитрия Ивановича на Дон. Рассказ Рогожского летописца и Симеоновской летописи, кроме самого Дмитрия, называет по именам только двух князей — Федора Романовича Белозерского и его сына Ивана, и то в силу того, что они пали в сражении²⁹. Рассказ Новгородской I летописи младшего извода упоминает об участии в битве двоюродного брата Дмитрия серпуховского князя Владимира Андреевича³⁰. Летописная повесть говорит также о нали-

²⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 311—312.

²⁸ Там же. С. 314.

²⁹ Памятники Куликовского цикла. С. 9—10.

³⁰ Там же. С. 22—23.

чии в войске Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, литовских князей, в 1378—1379 гг. перешедших на службу к Дмитрию Московскому³¹. Андрей ранее княжил в Полоцке, а после своего отъезда из Литвы в 1377 г. во Пскове; Дмитрий был прежде князем брянским, а перед переходом к Дмитрию Ивановичу — трубчевским³². Можно заключить, что под их началом находилось какое-то количество служилых людей из Полоцка и Черниговщины, а также псковичей (об их присутствии в «Повести» говорится прямо). В перечне погибших «Повести», помимо белозерских князей, упоминаются князь Федор Тарусский и брат его Мстислав, а также (только в тексте Софийской I летописи) князь Владимир Дорогобужский³³; из этого следует, что в сражении участвовали силы из Тарусского княжества — пограничного с Московским верхнеокского княжества Черниговской земли, и из Вяземско-Дорогобужского, самого восточного из княжеств Смоленской земли. «Задонщина» утверждает, что в походе участвовал отряд новгородцев³⁴. В двух списках «Задонщины» — У и II — наличествует также перечень количества погибших знатных людей: кроме белозерских князей и бояр с территорий Московского и великого княжества Владимирского (московских, коломенских, серпуховских, переяславских, костромских, владимирских, дмитровских, Можайских, звенигородских, углицких) там названы «посадники» новгородские, паны литовские (только в списке II), а также бояре суздальские, муромские, рязанские и ростовские³⁵. Если под «панами литовскими» имеются в виду отряды Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, то упоминание рязанских бояр вызыва-

³¹ Там же. С. 32 (текст Софийской I летописи старшего извода), 68 (текст Новгородской Карамзинской летописи, считающейся наиболее ранней редакцией Новгородской IV).

³² См.: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // *Куликовская битва: Сб. статей.* М., 1980. С. 158—166.

³³ Памятники Куликовского цикла. С. 38—39, 77—78.

³⁴ Памятники Куликовского цикла. С. 98, 113, 127. Об этом же говорит новгородский синодик XVI в., содержащий поминание о «на Дону избиенных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи» (*Шляпкин И. А.* Синодик 1552—1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви // *Сборник Новгородского общества любителей древности.* Вып. 5. Новгород, 1911. С. 7).

³⁵ Памятники Куликовского цикла. С. 119, 131—132.

ет сомнение, поскольку князь Олег Рязанский занимал в конфликте с Мамаем 1380 г. если и не враждебную Москве позицию, то уж во всяком случае не союзническую. Правда, можно допустить, что речь идет о боярах Пронского княжества — удельного княжества Рязанской земли; известно, что в битве на Воже 1378 г. одним из флангов русского войска командовал князь Даниил Пронский³⁶. Но нельзя исключать, что расчет погибших бояр — позднее добавление к первоначальному тексту «Задонщины», появившееся при создании ее Пространной редакции. Перечисленные сведения дают, таким образом, довольно мало материала для заключений, какие войска участвовали в Куликовской битве, помимо ратей, собранных с территории собственно Московского и принадлежавшего Дмитрию Ивановичу великого Владимирского княжеств.

Наиболее подробные сведения о составе русского войска (точнее — сведения о его «командном составе», позволяющие говорить о том, рати с каких территорий выступили в поход) содержатся в трех источниках — «Сказании о Мамаевом побоище»³⁷, Новгородской летописи Дубровского³⁸ и Архивской летописи³⁹. Два последних восходят к общему протографу — новгородскому своду 1539 г.⁴⁰, и тексты, относящиеся к интересующему нас вопросу, в них идентичны. «Сказание о Мамаевом побоище», как сказано выше, было создано в начале XVI в. Таким образом, оба памятника, доносящие подробные данные о составе армии Дмитрия Донского в 1380 г. — поздние, отстоящие от событий более чем на столетие. В историографии состав русского войска освещается обычно на основе именно этих источников⁴¹. Однако по

³⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 134—135; Т. 18. С. 126—127.

³⁷ Сказания и повести... С. 30, 34.

³⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486.

³⁹ РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об.—367; *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. СПб., 1904. С. 24—25.

⁴⁰ См.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 37, 52—54.*

⁴¹ При этом одни авторы отдавали предпочтение «Сказанию (*Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // *Повести о Куликовской битве.* М., 1959. С. 355—356), другие — летописи Дубровского (*Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.,

причине их позднего характера высказывались сомнения в достоверности сведений «Сказания» и летописей Дубровского и Архивской по этому вопросу⁴².

Прежде чем подступить к оценке данных «Сказания о Мамаевом побоище» и летописей Дубровского и Архивской (далее их текст об «уряжении полков» обозначается как НДубр-Арх), надо обратить внимание, что имеется возможность очертить круг княжеств — вероятных участников Куликовской битвы, исходя из состояния военно-политических отношений Москвы с соседними политическими образованиями до и после Куликовской битвы. Как говорилось выше, в 1375 г. Дмитрий собрал под свои знамена в походе на Тверь войско, в состав которого входили князья суздальско-нижегородские, ростовские (включая устюжских), вяземский, ярославские, белозерские, кашинский, молодежский, стародубский, бывший брянский, новосильский, оболенский и тарусский, а также новгородские силы. Еще одним походом, участники которого подробно описаны, был поход Дмитрия Донского на Новгород зимой 1386—1387 гг. В данном случае состав войска приведен не по князьям, а по городам. В походе приняли участие «рати» с территории великого княжества Мос-

1966. С. 501—502), третьи соединяли сведения того и другого (*Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 607—608; *Киртичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980. С. 51—52; *Каргалов В. В.* На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII—XVIII вв. М., 1998. С. 64), невзирая на то, что они практически полностью противоречат друг другу.

⁴² *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 496—500, 505—506; *Салмина М. А.* Еще раз о датировке Летописной повести о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 21; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 7. С. 15; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 63—65; Живая вода Непрядвы. М., 1988. С. 558—559 (А. И. Плигузов). Мнение, согласно которому летопись Дубровского донесла древнейший рассказ о сражении (*Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974), убедительно оспорено М. А. Салминой, показавшей, что ее текст вторичен по отношению к тексту Новгородской IV летописи, которая была источником свода 1539 г. (*Салмина М. А.* Указ. соч. С. 6—22).

ковского и Владимирского — московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимирская, юрьевская, костромская, углицкая, галицкая, бежицкая, белозерская, вологодская, новоторжская, — а также «рати» из Мещеры, княжеств Муромского, Стародубского, Суздальского, Городецкого, Нижегородского, Ростовского (с Устюжским), Ярославского, Моложского⁴³. Отличия состава войска 1386—1387 гг. от войска 1375 г. (помимо того, что новгородцы стали теперь противной стороной) следующие: 1. «Белозерская рать» в результате перехода Белоозера после гибели князя Федора Романовича на Куликовом поле в состав московских владений оказалась в ряду великокняжеских сил. 2. Отсутствуют войска Вяземского княжества, т. к. князь Иван Васильевич погиб в 1386 г. в битве смоленских князей с Литвой под Мстиславлем, а его сын тогда же подписал договор, по которому смоленские князья попадали в зависимость от Литвы⁴⁴ (т. е. Вяземское княжество вышло тем самым из коалиции, возглавляемой Дмитрием Донским). 3. Отсутствует рать из Кашинского княжества, т. к. после смерти Василия Михайловича Кашинского в 1382 г. Кашин отошел к тверскому князю Михаилу Александровичу⁴⁵. 4. Отсутствуют силы верховских княжеств (Новосильского, Тарусско-Оболенского), что объясняется, очевидно, удаленностью их (пограничных с ордынской территорией) от театра военных действий (союз князей этих земель с Дмитрием сохранялся — в 1385 г. Роман Новосильский и тарусские князья участвовали в войне Москвы с Рязанью⁴⁶). 5. На сей раз в походе участвуют войска из Муромского княжества и Мещеры⁴⁷. Можно с уверенностью полагать, что в 1380 г. сборы русского войска исходили в основе из той же коалиции княжеств: в августе 1380 г. Дмитрий Иванович имел достаточно времени для сбора войск —

⁴³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 345; Т. 42. С. 149.

⁴⁴ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 152—155; Смоленские грамоты XIII—XIV веков. М., 1963. С. 73—74.

⁴⁵ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 110.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150; ДДГ. № 19. С. 54.

⁴⁷ Мещера до 1381 г. оказалась под властью Дмитрия Донского: в его договоре с Олегом Рязанским этого года она называется «куплей» московского князя (ДДГ. № 10. С. 29).

не меньше, чем в 1375 г., поскольку Мамай не торопился с продвижением, ожидая подхода войска Ягайло⁴⁸. Имеющиеся в ранних источниках о Куликовской битве отрывочные сведения об участвовавших в сражении князьях подтверждают правильность такого подхода: в них упоминаются белозерские и тарусские князья, а также князь дорогобужский (Дорогобуж был вторым по значению городом в Вяземском княжестве, и павший на Куликовом поле князь Владимир Дорогобужский — возможно, брат Ивана Васильевича Вяземского), т. е. представители трех далеко отстоящих друг от друга районов, входивших в область «мобилизаций» 1375 и 1386 г.: Белоозеро является ее крайней северной точкой, Вязьма с Дорогобужем — крайней западной, а Таруса — самой южной после Новосильско-Одоевского княжества. Попытаемся теперь, исходя из вероятности сходства состава русского войска в 1380 г. с участниками походов 1375 и 1386—1387 гг., оценить достоверность перечней, содержащихся в «Сказании о Мамаевом побоище» и НДубр-Арх.

В «Сказании о Мамаевом побоище» вначале говорится, что к Дмитрию Ивановичу пришли князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, князья Андрей Кемский, Глеб Каргопольский, андомские князья, Андрей Ярославский, Роман Прозоровский, Лев Курбский и Дмитрий Ростовский, а затем приводится «уряжение полков» при сборе их в Коломне. Согласно нему, великий князь взял к себе в полк белозерских князей, командовать полком правой руки поставил Владимира Андреевича Серпуховского, придав ему ярославских князей, полком левой руки — князя Глеба Брянского. Передовым полком командовали московские воеводы (родом из смоленских князей) Дмитрий Всеволож и Владимир Всеволож. Далее перечисляются воеводы ратей, собранных с московских владений: над «коломничами» был воеводой боярин Микула Васильевич, владимирской и юрьевской ратью руководил Тимофей Волуевич, костромской — Иван Родионович Квашня, переяславской — Андрей Серкизович. У князя Владимира Андреевича воеводами, согласно «Сказанию», были Данило Белеут, Константин Конанов и князь Федор Елецкий, Юрий Мещерский, Андрей Муромский.

⁴⁸ См.: Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле. С. 10.

Позже, уже на Куликовом поле, Дмитрий с Владимиром Андреевичем, Ольгердовичами и Дмитрием Боброком-Волынцем (двоюродным братом Ольгердовичей и зятем московского князя, находившемся на московской службе с начала 70-х гг.) проводят новое уряжение полков. Подробности его не сообщаются, но в описании сражения говорится, что передовой полк ведут по-прежнему братья Всеволожи, а полки правой руки и левой руки — соответственно Микула Васильевич с коломенцами и Тимофей Волуевич с костромичами. Владимир Андреевич с Дмитрием Волынцем возглавляют засадный полк⁴⁹.

Из названных в «Сказании» князей в перечне 1375 г. не присутствует никого, кроме Владимира Андреевича Серпуховского. Упоминание муромского и мещерского отрядов соответствует перечню 1386/7 гг. Белозерские, ярославские и ростовские князья носили в эпоху Куликовской битвы другие имена, Глеб Брянский жил в первой половине XIV в., а княжеств-уделов Кемского, Каргопольского, Андомского (верно — Андожского), Прозоровского и Курбского еще не существовало⁵⁰. Таким образом, сведения «Сказания» о составе русского войска в целом достоверными признаны быть не могут; допустима лишь возможность участия в битве князей, перечисленных в числе воевод Владимира Андреевича⁵¹.

Что касается НДубр-Арх., то здесь об «уряжении полков» говорится следующее: «И ставъ ту князь великии, по достоянию полки разрядивъ и воеводы учинивъ. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣи вѣре самобратныя князи Ондрѣи и Дмитрией Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевичъ, да князь Федоръ Романовичъ Белозерский. А у себя же имѣяше князь великии Дмитрией в полку нѣкоего боярина и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А в правои рукѣ воеводы учини: князя Андрѣя Федоровича

⁴⁹ Сказания и повести... С. 30, 34, 38—39, 41.

⁵⁰ См.: Памятники Куликовского цикла. С. 205—206, 210—211.

⁵¹ Одним из источников «Сказания» был рассказ, восходящий к сведениям, полученным от участника битвы из полка Владимира Андреевича (см.: *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 16).

Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондръя Федоровича Стародубского, в лѣвои рукѣ воеводы учини: князя Васильевича Ярославского, да Лва Морозова, да князя Федора Михайловича Моложского. Въ сторожевомъ полку тогда воеводы учини: Михаила Иванова сына Окинфовича, да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружского, да Андрѣя Серкиза, инья же свои полки многи разрядивъ и воеводы учини; въ западномъ же полку въ дубравахъ утаивъ благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андрѣевича, да с нимъ некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михайловича Волынца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василья Михайловича Кашинского, да князя Романовича Новосильского. Исполчився, поидоша противу себе»⁵².

Перечень князей очень схож как с составом войска 1375 г. так и с перечнем «ратей» 1386 г. (см. таблицу).

1375 г.	1380 г. (по НДубр-Арх)	1386 г.
Дмитрий Иванович, вел. кн. московский и владимирский	Дмитрий Иванович, вел. кн. московский и владимирский	Рати московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, дмитровская, переяславская, владимирская, юрьевская, костромская, углицкая, галицкая, бежицкая, вологодская, новоторжская
Владимир Андреевич, кн. серпуховский	Владимир Андреевич, кн. серпуховский	Рати серпуховская, боровская
Дмитрий Константинович, кн. суздальский, вел. кн. нижегородский	—	Рати суздальская, городецкая, нижегородская (в 1386 г. —

⁵² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 366 об.—367; Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 24—25.

		кн. нижегородский и городецкий — Борис Константинович, суздальский — Семен Дмитриевич
Борис Константинович, кн. городецкий	—	
Семен Дмитриевич (сын Дмитрия Константиновича)	—	
Дмитрий Константинович Ноготь	—	
Андрей Федорович, кн. ростовский	Андрей Федорович, кн. ростовский	Рать ростовская
Василий и Александр Константиновичи, князя устюжские	—	Рать устюжская
Иван Васильевич «Смоленский», кн. вяземский	Иван Васильевич «Смоленский», кн. вяземский	—
Василий и Роман Васильевичи, князя ярославские	(?) Васильевич, кн. ярославский	Рать ярославская
Федор Романович, кн. белозерский	Федор Романович, кн. белозерский	Рать белозерская (в составе великокняжеских)
Василий Михайлович, кн. кашинский	Василий Михайлович, кн. кашинский	—
Федор Михайлович, кн. моложский	Федор Михайлович, кн. моложский	Рать моложская
Андрей Федорович, кн. стародубский	Андрей Федорович, кн. стародубский	Рать стародубская
Роман Михайлович, бывший кн. Брянский	Роман Михайлович, бывший кн. Брянский	?
Роман Семенович, кн. новосильский	(?) Романович, кн. новосильский	—
Семен Константинович, кн. Оболенский	Семен Константинович, кн. Оболенский	—

Иван Константинович, кн. тарусский	Иван Константинович, кн. тарусский	—
—	Андрей и Дмитрий Ольгердовичи	? (Дмитрий находился еще на московской службе и мог участвовать в походе с ратью Переяславля, где он наместничал с 1380 г.)
—	—	Рать муромская
—	—	Рать мешцерская

В отличие от 1375 г. не упомянуты Дмитрий Константинович, князь суздальско-нижегородский, его братья Борис и Дмитрий Ноготь и сын Семен, князя ростовского дома Василий и Александр Константиновичи, один из ярославских князей-Васильевичей; вместо Романа Семеновича Новосильского фигурирует его сын. Все эти изъятия могут быть объяснены обстановкой кануна Куликовской битвы.

Нижегородско-суздальские князья после двукратного разорения Мамаем их земель — в 1377 и 1378 гг. — должны были быть озабочены в первую очередь охраной своих владений. Василий и Александр Константиновичи княжили во входившем в Ростовское княжество Устюге⁵³ и могли воздержаться от выступления или не успеть на сбор войск из-за чрезвычайной удаленности их княжества от театра военных действий. Что касается Новосильского княжества, то оно лежало на пути Ягайло, двигавшегося с запада к верховьям Дона на соединение с Мамаем; Роману Семеновичу было естественно отправить в помощь Дмитрию отряд во главе с сыном, а самому остаться оборонять свою землю от литовцев⁵⁴.

⁵³ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 270, 276—279.

⁵⁴ Родословные книги свидетельствуют, что Роман перенес в Одоев из Новосила столицу княжества «от насилия от татарского» (РИИР. Вып. 2. М., 1977. С. 112), очевидно, после разгрома Новосила Мамаем в 1375 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113), а согласно «Сказанию о Мамае-

В отличие от 1386 г., в перечне НДубр-Арх присутствуют Иван Васильевич Вяземский, Василий Михайлович Кашинский (в отношении обоих нет оснований полагать, что к 1380 г. они могли выйти из союза с Дмитрием), князя новосильские и тарусско-оболенские, сохранявшие союз с Москвой и в середине 80-х гг., и не упоминается об участии муромских и мещерских сил.

Итак, надо полагать, что если перечень князей-участников похода в НДубр-Арх и является позднейшей «реконструкцией», то реконструкцией весьма искусной (в отличие от «реконструкций», предпринятых в «Сказании о Мамаевом побоище», которые выдают себя анахронизмами) и, вероятно, близкой к реальности.

Возможны два варианта объяснения появления фрагмента об «уряжении полков» НДубр-Арх. В создании Новгородского свода 1539 г. принимали участие представители московского боярского рода Квашниных⁵⁵. В текстах НДубр-Арх содержится ряд вставок, связанных с историей этого рода: под 6840 г. о приходе предка Квашниных Родиона Нестеровича на службу в Москву, под 6843 г. — о его походе на Литву, под 6845 г. — о помощи Родиона Ивану Калите, осажденному в Переяславле тверским войском (реально это событие имело место в 1305 г.)⁵⁶. Значительную часть сведений этих вставок есть основания считать достоверными, восходящими к преданию о происхождении Квашниных и деяниях их предков, живших в XIV столетии⁵⁷. Рассказ об уряжении полков на Куликовом поле — явно из вставок такого рода, т. к. боярин Иван Родионович Квашня назван там рядом с великим князем, т. е. первым в перечне воевод «великого полка». Следовательно, либо этот рассказ восходит к некоему письменному или устному источнику, связанному с родом Квашниных, либо он искусственно сконструирован при создании Свода 1539 г.

вом побоище», именно до Одоева дошли в 1380 г. литовские войска (Сказания и повести... С. 35). Отметим, что в Новгородской IV летописи, источнике свода 1539 г., нет каких-либо упоминаний об Одоеве и новосильских князьях (которые могли бы натолкнуть составителя свода 1539 г. на замену Романа Семеновича сыном).

⁵⁵ См.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 354—358.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 478—479; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 310, 312.

⁵⁷ См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 35—40.

на основе данных имевшихся у его составителей источников об эпохе Дмитрия Донского, с целью возвеличивания заслуг Ивана Родионовича. Можно было бы предположить, что составитель перечня основывался на списке 1375 г. (имевшемся в Новгородской IV летописи — источнике Свода 1539 г.)⁵⁸. Из «пропущенных» в НДубр-Арх семи князей пять в перечне 1375 г. были названы без указания на места княжений. Может быть, они не были включены в список 1380 г. по этой причине? Но это не объясняет отсутствия Дмитрия Константиновича, тестя великого князя, и замену сыном Романа Новосильского. Отсутствие в НДубр-Арх имен ярославского и новосильского князей также трудно объяснить при принятии предположения о конструировании перечня на основе статьи 1375 г. В последней оба ярославских Васильевича — Василий и Роман — были названы по имени, первый имел определение «ярославский», и ничто не мешало бы вписать его имя под 1380 г. Вероятнее, что имена участвовавших в Куликовской битве ярославского и новосильского князей во время создания Свода 1539 г. либо не читались в имевшемся у его составителей источнике об уряжении полков (если он был письменным), либо были забыты (если источником было устное предание).

В перечне бояр пять из восьми названных погибли на Куликовом поле; их имена можно было взять из основного текста рассказа о битве (в Своде 1539 г. совпадающего с Летописной повестью Новгородской IV летописи)⁵⁹, добавив к ним известных по другим источникам в качестве ее участников Дмитрия Михайловича Волынца (упомянут в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище») и Ивана Родионовича Квашню (назван в «Сказании о Мамаевом побоище»). Но остается Федор Грунка, в других источниках о Куликовской битве не фигурирующий, но упоминающийся в родословцах⁶⁰. Среди погибших упоминаются также бояре Семен Михайлович, Иван Александрович, Тимофей Васильевич Волуй (видный воевода, назван и в начале Ле-

⁵⁸ Ср. *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 64; *Живая вода Непрядвы*. С. 558—559.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 321.

⁶⁰ См.: *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 502.

тописной повести Новгородской IV летописи, в рассказе о выступлении войска Дмитрия в поход), а кроме того, князь Федор Тарусский и его брат Мстислав⁶¹; почему же они не вошли в перечень? Если же предполагать его достоверность, то отсутствие этих имен можно объяснить отсутствием их в источнике составителей Свода 1539 г., говорящем об уряжении полков. Эти лица действительно могли не командовать в битве крупными подразделениями: тарусские князья были, скорее всего, в подчинении их старших родственников Семена и Ивана Константиновичей⁶², Тимофей Васильевич мог находиться при великом князе. Не исключено также, что командная роль Тимофея была забыта или что на его место в великом полку был подставлен Иван Родионович Квашня. Можно сказать, что список бояр не дает существенных аргументов для той или иной точки зрения на проблему достоверности текста об уряжении полков НДубр-Арх.

Исходя из целей составителей Свода 1539 г., неясно, зачем надо было сочинять подробное «уряжение полков». Возвеличить Ивана Родионовича Квашню можно было не прибегая к столь изощренной вставке — например, упомянув его рядом с Дмитрием Ивановичем в великом полку в сцене битвы или взяв сцену «коломенского уряжения полков» из «Сказания о Мамаевом побоище» (этот памятник был известен составителям Свода 1539 г.) и выделив в ней роль Ивана Родионовича (который там и так упоминался во вполне лестной роли — предводителя костромской рати). Более вероятным кажется, что фрагмент НДубр-Арх об «уряжении полков» опирался на ранний источник. Был он письменным или устным? Скорее второе. В тексте фрагмента имеется след ориентировки составителя Свода на статью 1375 г.: Иван Тарусский определен, как и под 1375 г., как «брат» Семена Константиновича Оболенского, и титул его записан как «Поруж-

⁶¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 319; Вып. 2. С. 321.

⁶² Мнение, что в перечне убитых назван князь Федор Тарусский, в действительности погибший в 1437 г. под Белевом (*Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 371—372), неосновательно: речь идет, скорее всего, об одноименном ему человеке, погибшем на Куликовом поле (см.: Памятники Куликовского цикла. С. 59).

ский» (под 1375 г. — «Торужский», под 1380 г. добавилась ошибка в транскрипции первой буквы)⁶³. В случае, если писец записывал устное предание, такая ориентировка на нюансы переписанного чуть ранее (несколькими листами выше) текста естественна (и не может служить аргументом в пользу реконструкции содержания фрагмента об «уряжении полков» на основе статьи 1375 г.); но она крайне маловероятна в случае, если писец располагал письменным текстом «уряжения». Вероятнее всего, фрагмент об «уряжении полков» был составной частью предания о первых Квашниных⁶⁴. Разумеется, за полтора столетия это предание (как и в случае с участием предка Квашниных в бою под Переяславлем 1305 г.) могло приобрести пропуски и искажения⁶⁵. Вероятно, с большой осторожностью надо воспринимать данные о распределении князей и воевод по полкам. Но состав княжеств, чьи рати приняли участие в походе Дмитрия Ивановича на Дон, скорее всего, в значительной мере соответствует реальности.

Итак, суммируя данные ранних источников о Куликовской битве, сведения о походах Дмитрия 1375 и 1386/7 гг., а также фрагмента об «уряжении полков» в Своде 1539 г., можно полагать, что против Мамаю в августе 1380 г. выступили: во-первых, отряды с территории великого княжения, т. е. (судя по составу рати 1386/7 гг.) от городов (и окружающих их волостей) Москвы, Коломны, Звенигорода, Можайска, Волока⁶⁶, Серпухова, Боровска,

⁶³ Ср.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 301 и вып. 2. С. 486; РГАДА. Ф. 181. № 20. Л. 367; *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 25.

⁶⁴ О возможности существования в распоряжении составителей Свода 1539 г. таких подробных рассказов говорит сюжет о Переяславском бое, весьма подробный (в т. ч. с упоминанием личных имен).

⁶⁵ Напрашивается предположение о преувеличении роли предка Квашниных, но следует помнить, что Иван Родионович действительно являлся одним из виднейших бояр Дмитрия Донского — в обеих духовных грамотах последнего он назван в числе свидетелей, причем одним из первых (ДДГ. № 8, 12. С. 25, 37).

⁶⁶ Упомянутую после Волока в перечне 1386/7 г. Ржеву следует исключить, т. к. до 1380 г. она принадлежала Литве [см.: *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // *История СССР.* 1984. № 6. С. 152].

Дмитрова, Переяславля, Владимира, Юрьева, Костромы, Углича, Галича, Бежицкого Верха, Вологды, Торжка; во-вторых, силы из княжеств Белозерского, Ярославского, Ростовского, Стародубского, Моложского, Кашинского, Вяземско-Дорогобужского, Тарусско-Оболенского, Новосильского, а также отряды князей-изгоев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и Романа Михайловича Брянского, и, возможно, отряд новгородцев; не исключено участие (в полку Владимира Андреевича) отрядов из Елецкого и Муромского княжеств, а также Мещеры. Таким образом, в походе приняли участие немного меньшие силы, чем в походе на Тверь 1375 г.

20 августа Дмитрий двинулся вверх по левому берегу Оки к устью Лопасни. Здесь 26 августа к войску присоединились дополнительные силы во главе с двоюродным братом великого князя Владимиром Андреевичем Серпуховским и воеводой Тимофеем Васильевичем. Затем войско переправилось через Оку и двинулось к верховьям левобережья Дона. По пути к Дмитрию поступили сведения, что Мамай кочует на правом берегу Дона, ожидая подхода с запада войск Ягайло⁶⁷.

6 сентября русские войска подошли к Дону, где разбили ордынский сторожевой отряд. 6 и 7 сентября прошли в ожидании нападения Мамай. Но разведка доставила сведения, что тот по-прежнему не торопится, поджидая литовцев Ягайло. Тогда, чтобы не допустить соединения сил своих противников (которое бы резко изменило ситуацию не в пользу Москвы), Дмитрий принял решение перейти с левого берега Дона на правый и немедленно дать бой. Это означало вступить непосредственно во владения Орды (левый берег Дона в его верхнем течении принадлежал Рязанскому княжеству). В ночь с 7 на 8 сентября, в канун Рождества св. Богородицы, переправа была совершена⁶⁸.

У Мамай было три варианта действий. Он мог отступить, продолжая поджидать литовские силы; мог остаться на месте и ждать дальнейших действий русских войск (и также выиграть время до подхода Ягайло); наконец, мог атаковать, не дожидаясь союзни-

⁶⁷ Памятники Куликовского цикла. С. 9, 33—34, 70—71.

⁶⁸ Там же. С. 34—35, 72—74; Сказания и повести... С. 37.

ка. Мамай выбрал третий вариант, и это была его вторая, после нежелания идти на уступки на переговорах в Коломне, ошибка⁶⁹.

Место битвы — Куликово поле — располагалось между Доном и его правым притоком Непрядвой. Большинство исследователей XIX—XX вв. полагало, что сражение происходило на правом, южном берегу Непрядвы. Недавно было обосновано мнение, что местом битвы был левый, северный берег⁷⁰. Палеопочвенное изучение района показало невозможность такого предположения: выяснилось, что в конце XIV в. левый берег Непрядвы был полностью покрыт лесом⁷¹. Однако традиционная, сложившаяся в XIX столетии⁷² локализация битвы, помещающая противостоящие войска на правом берегу, но в довольно значительном отдалении от места слияния Непрядвы и Дона, имеет свои слабости. Ни один источник не свидетельствует о том, что русское войско, переправившись в ночь на 8 сентября через Дон, совершало затем поутру еще марш. Поэтому выдвинутое недавно предположение, что битва происходила ближе к береговой линии Непрядвы и Дона, чем традиционно считается⁷³, заслуживает внимания. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

В одиннадцатом часу утра конница Мамаева атаковала выдвинутый вперед сторожевой полк. Великий князь Дмитрий принял личное участие в первой схватке. Под натиском ордынцев сторожевой полк отошел к главным силам. В течение двух часов

⁶⁹ Дмитрий был лично знаком с Мамаем (т. к. ездил к нему в Орду в 1371 г.) и очень вероятно, что, переходя через Дон, имел в виду спровоцировать противника на немедленное вступление в бой, зная особенности его характера.

⁷⁰ См.: *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 16—19; *он же.* О месте Куликовской битвы // *Природа*. 1984. № 8; *Флоренский К. П.* Где произошло Мамаево побоище? // Там же.

⁷¹ *Александровский А. Л.* Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // *Куликово поле: Материалы и исследования*. М., 1990.

⁷² См.: *Нечаев С. Д.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // *Вестник Европы*. Ч. 118. 1821. № 14; *Афремов И.* Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8 день сентября 1380 года. М., 1849.

⁷³ *Петров А. Е.* Куликово поле в исторической памяти: Формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2003. № 3/13.

противник пытался сломить их и в момент, когда чаша весов стала клониться в сторону Орды, во фланг наступавших (правый или левый — на этот счет нет единого мнения) ударил находившийся в засаде в дубраве полк под командованием Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Михайловича Боброка-Волынца. Это решило исход битвы — основные русские силы сумели перейти в контрнаступление, и в половине второго часа дня ордынцы обратились в бегство. Их преследовали до реки Мечи — правого притока Дона к югу от Непрядвы⁷⁴.

Бежав с поля битвы, Мамай собрал «останочную свою силу, еще въсхотѣ ити изгономъ паки на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю Русскую землю», но вынужден был выступить против воцарившегося (с помощью Тимура) в заволжской части Орды Тохтамыша. Эмиры Мамаю перешли на сторону нового хана, временщик бежал в Крым и был вскоре убит⁷⁵.

Противостояние Московского великого княжества с Мамаевой Ордой завершилось крахом последней. Дмитрий Донской не позволил Мамаю восстановить власть над русскими землями. Но другим, невольным результатом Куликовской победы стало нарушение существовавшего почти 20 лет неустойчивого равновесия между двумя частями Орды: разгром Мамаю способствовал объединению их под властью законного хана. Объективно более всего конкретной политической выгоды от поражения Мамаю на Куликовом поле получил Тохтамыш.

События, имевшие место в московско-ордынских отношениях в начале 80-х гг. XIV в., в историографии всегда были как бы в тени Куликовской победы. Традиционно принято считать, что успешный поход Тохтамыша на Москву 1382 г. восстановил зависимость Северо-Восточной Руси, ликвидированную при Ма-

⁷⁴ Памятники Куликовского цикла. С. 9—10, 36—38, 58 (примеч. 46), 74—77; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле. С. 14—16, 19—20.

⁷⁵ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 141; Т. 18. С. 130; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 391; Т. 2. М.; Л., 1941. С. 109, 150—151; *Бегунов Ю. К.* Указ. соч. С. 518—523.

мае⁷⁶. Такая трактовка событий, однако, порождает ряд трудно-разрешимых вопросов.

Между признанием русскими князьями зависимости от монгольских ханов (40-е гг. XIII в.) и разрывом Дмитрием Ивановичем вассальных отношений с Мамаем (1374 г.) прошло около 130 лет; между походом Тохтамыша на Москву (1382 г.) и ликвидацией ордынской зависимости — без малого 100, т. е. почти столько же. Если считать, что Тохтамыш возобновил свергнутое «иго», то почему оно продержалось после этого столь долго, причем в условиях, когда Орда постепенно ослабевала, а к середине XV в. и вовсе распалась на несколько ханств, враждующих между собой? Может быть, поход Тохтамыша был акцией, сопоставимой по масштабу с походом Батыея? Далеко не так. Войско Монгольской империи, возглавляемое Батыеем, совершило в 1237—1241 гг. два крупных вторжения в русские земли и еще три локальных похода, пребывало на русской территории в общей сложности более года, разорило все русские земли, кроме Новгородской, Полоцкой и части Смоленской. Тохтамыш же находился в русских пределах всего около двух недель, кроме Москвы взял только три города — Серпухов, Переяславль-Залесский и Коломну, с Дмитрием Донским в битве не встречался, а один из ордынских отрядов был разбит у Волока⁷⁷. Так, может быть, русские люди той эпохи просто были неспособны на серьезную борьбу за освобождение и поэтому, в то время как такие страны, как Китай и Иран, во второй половине XIV в. сбросили зависимость от монгольских ханов, дали вновь себя покорить и продолжали нести «иго» еще целое столетие? Но если наши предки были

⁷⁶ См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 44—45, 47, 53; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 243—244; *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980. С. 59—60; *Буганов В. И.* От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1340—1480 гг.) // Куликовская битва. М., 1980. С. 246—248; *Пауто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 45.

⁷⁷ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143—146; Т. 18. С. 131—133; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 326—338.

столь «несостоятельны», как же они сумели подняться на Куликовскую битву? Концы с концами явно не сходятся...

Выше уже подчеркивалось, что противостояние Дмитрия Ивановича с Мамаем было борьбой не с законным ханом («царем»), а с временщиком, фактически обладавшим властью в Орде; сюзеренитет законных и реально правящих «царей» этим противостоянием не отвергался. Поэтому и Куликовская победа была отражением конкретного нашествия, но не свержение иноземной власти вообще. Когда осенью 1380 г. к власти в Орде пришел природной хан (Чингизид) Тохтамыш, в Москве признали его верховенство; однако Дмитрий не спешил возобновлять выплату дани, намереваясь ограничиться лишь формальным выражением зависимости⁷⁸. Следствием этого (а не стремлением отомстить за поражение на Куликовом поле: мстить Тохтамышу было не за что, т. к. Дмитрий, разгромив Мамаю, невольно облегчил хану приход к власти) и был поход Тохтамыша 1382 г. Примечательно, как объяснял летописец-современник отъезд великого князя из Москвы при приближении Тохтамыша и его отказ от открытого боя с ним (в реальности обусловленные в первую очередь недостатком сил после тяжелых потерь, понесенных на Куликовом поле): Дмитрий, узнав, что на него идет «сам царь», не «стал на бой» против него, «не поднял руки против царя»⁷⁹. С точки зрения современников, нежелание поднять руку на законного сюзерена было оптимальным оправданием для великого князя.

Результаты конфликта 1382 г. обычно оценивались как полное поражение Москвы. При этом не задавался вопрос: почему же тогда Тохтамыш оставил за Дмитрием великое княжение владимирское? Напомним, что Мамай дважды — в 1371 и 1375 гг. — передавал ярлык на великое княжение Михаилу Александровичу Тверскому. Причем если в первом случае он вернул его вскоре Дмитрию Московскому, то решение 1375 г., принятое уже в условиях конфронтации с Москвой, оставалось в силе до гибели Мамаю осенью 1380 г.: победы временщик на Куликовом поле, он его несомненно бы реализовал. Но Тохтамыш-то победил мос-

⁷⁸ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 200—203.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143—144; ср.: Т. 18. С. 132.

ковского князя, почему же он не отнял у Дмитрия великое княжение?

Прежде всего нужно заметить, что факт разорения столицы несколько заслоняет общую картину результатов конфликта 1382 г. Тохтамыш не разгромил Дмитрия в открытом бою, не продиктовал ему условий из взятой Москвы (напротив, был вынужден быстро уйти из нее, опасаясь контрудара⁸⁰). И уж совсем не напоминают ситуацию, в которой одна сторона — триумфатор, а другая — униженный и приведенный в полную покорность побежденный, события, последовавшие вслед за уходом хана из пределов Московского княжества.

Осенью того же 1382 г. Дмитрий разорил землю рязанского князя Олега, указавшего Тохтамышу во время его движения на Москву броды на Оке. Тогда же к московскому князю приехал от хана посол Карач⁸¹. Целью посольства был, несомненно, вызов Дмитрия в Орду, естественный в сложившейся ситуации. Таким образом, Дмитрий после ухода Тохтамыша не только не поехал в Орду сам, но даже не отправил туда первым посла — это означает, что великий князь продолжал считать себя в состоянии войны с Тохтамышем и ждал, когда хан сделает шаг к примирению. Не торопился Дмитрий и после приезда Карача — послы в Орду отправились только весной следующего, 1383 г. Причем сам великий князь не поехал — посольство, состоявшее из «старейших бояр», номинально возглавил 11-летний старший сын Дмитрия Василий (будущий великий князь)⁸².

В Орде тем временем находился, еще с осени 1382 г., Михаил Александрович Тверской. Он не без оснований рассчитывал получить от Тохтамыша ярлык на великое княжение. Решение хана было следующим: тверской князь должен впредь быть независим от Москвы, под его власть переходит ставшее в 1382 г. выморочным Кашинское княжество (составная часть Тверского, которое по московско-тверскому договору 1375 г. оказывалось под верховной властью Дмитрия, и, следовательно, должно было в случае бездетной смерти кашинского князя стать москов-

⁸⁰ Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146; Т. 18. С. 133.

⁸¹ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146—147; Т. 18. С. 133—134.

⁸² Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 148; Т. 18. С. 134.

ским владением). Но в главном вопросе — о принадлежности великого княжения Владимирского — претензии Михаила поддержки не нашли: Тохтамыш выдал ярлык на него Дмитрию Донскому⁸³. В чем причина этого, казалось бы, нелогичного шага?

В Новгородской IV летописи говорится, что «Василья Дмитриевича приа царь въ 8000 сребра»⁸⁴. Что означает эта сумма? Известно, что в конце правления Дмитрия Донского дань с «великого княжения» (т. е. с территорий собственно Московского княжества и Владимирского великого княжества) составляла 5000 рублей в год⁸⁵, в т. ч. с собственно Московского княжества 1280 рублей (960 с владений Дмитрия и 320 с удела Владимира Андреевича Серпуховского)⁸⁶. Цифра 8000 рублей близка к сумме выхода за два года за вычетом дани с собственно Московского княжества; последняя была равна за этот срок 2560 рублям, а без учета дани с удела Владимира Андреевича — 1920. Следовательно, очень вероятно, что посольство Василия привезло в Орду дань за два года с Московского княжества (может быть, за исключением удела Владимира, особенно сильно пострадавшего в 1382 г. от ордынских войск и потому малоплатежеспособного), а уже в Орде была достигнута договоренность, что Дмитрий заплатит за те же два года выход и с территории великого княжества Владимирского (8000 рублей). Таким образом, Москва признала долг по уплате выхода с Московского княжества за два года правления Тохтамыша после гибели Мамаю. Выплата же задолженности по выходу с великого княжества Владимирского была поставлена в зависимость от ханского решения о его судьбе: в случае оставления великого княжения за Дмитрием Ивановичем он гарантировал погашение долга, а если бы Тохтамыш отдал Владимир Михаилу Тверскому, Москва считала себя свободной от этих обязательств — выполнять их должен был бы новый великий князь владимирский. Тохтамыш предпочел не продолжать конфронтацию с сильнейшим из русских князей: передача ярлы-

⁸³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 339; Т. 42. С. 91; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 110—112.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 339; т. 42. С. 91.

⁸⁵ ДДГ. № 12. С. 35—36 (духовная Дмитрия Донского).

⁸⁶ ДДГ. № 11. С. 31 (договор Дмитрия с Владимиром Андреевичем).

ка Михаилу привела бы к продолжению конфликта и сделала бы весьма сомнительными шансы хана получить когда-либо сумму долга. Настаивать на уплате выхода за период правления в Орде Мамай (выплаты были прекращены, напомним, в 1374 г.) Тохтамыш не стал. Следовательно, был достигнут компромисс: Тохтамыш сохранил за собой позу победителя, но Дмитрий оказался в положении достойно проигравшего.

Таким образом, поход Тохтамыша, при всей тяжести понесенного Москвой удара, не был катастрофой. С политической точки зрения он не привел к капитуляции Москвы, а лишь несколько ослабил ее влияние в русских землях. Что касается сферы общественного сознания, то неподчинение великого князя Дмитрия узурпатору Мамаю еще не привело к сознательному отрицанию верховенства ордынского царя. С приходом к власти в Орде законного правителя, правда, была предпринята осторожная попытка построить с ним отношения, не прибегая к уплате дани (формальное признание верховенства, но без фактического подчинения). Война 1382 г. привела к срыву этой попытки, но данный факт не оставил непоправимо тяжелого следа в мировосприятии: фактически было восстановлено «нормальное» положение — законному царю подчиняться и платить дань не зазорно. Соглашение, заключенное московским посольством в Орде в 1383 г., сохраняло главенствующую роль Дмитрия Донского на Руси. Более того, последующие события показывают, что оно не ограничивалось передачей ему великого княжения, а содержало еще один пункт, имевший весьма важные и долгосрочные последствия.

В завещании Дмитрия Донского, написанном незадолго до смерти (наступившей 19 мая 1389 г.), великий князь передает своему старшему сыну Василию власть, в отличие от своих отца и деда, не только над Московским княжеством, но и над великим княжеством Владимирским: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великимъ княженьем»⁸⁷. Этот пункт не мог быть внесен без санкции Орды⁸⁸. Между 1382 и 1389 гг. имели место только одни переговоры такого уровня, на которых

⁸⁷ ДДГ. № 12. С. 34.

⁸⁸ Ср.: История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 284. (В. Д. Назаров).

мог обсуждаться подобный вопрос, — переговоры 1383 г. Следовательно, будущая передача великого княжения Дмитрием по наследству была оговорена именно тогда.

Это несомненное достижение сопровождалось, впрочем, и потерями, которые не ограничивались выходом из зависимости Твери и лишением прав на Кашинское княжество. К 1382 г. Дмитрию удалось расширить подвластную ему территорию на западном и южном направлениях. По соглашению с литовским князем Кейстутом, боровшимся за власть с Ягайло, он около 1381 г. получил обратно Ржеву⁸⁹. Московско-рязанский договор лета 1381 г., в котором Олег Иванович Рязанский называет себя «младшим братом» Дмитрия (т. е. признает его верховенство), фиксирует принадлежность Москве Мещеры⁹⁰, названной «куплей» Дмитрия, Тулы, ранее бывшей ордынским владением⁹¹, а также неких «мест

⁸⁹ См.: *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе. С. 152.

⁹⁰ Мещерой в XIV—XV вв. именовалась территория по обоим берегам Оки, вытянутая с северо-запада на юго-восток и отделявшая Рязанское княжество от Муромского и мордовских земель. Население там имело этнически смешанный характер. Русских князей в Мещере не было, этим краем управляли местные правители татарского происхождения (см.: *Черменский П. Н.* Материалы по исторической географии Мещеры // АЕ за 1960 год. М., 1962; *он же.* Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 3—4).

⁹¹ Слова договора «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице Таидуле, и коли еѣ баскаци ведали (т. е. Тула и ее окрестности в тех границах, какие были, когда Тула принадлежала ханше Тайдуле, погибшей в 1360 г., и эту территориальную единицу ведали ее баскаки. — *А. Г.*), в то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию» (ДДГ. № 10. С. 29) допускают двойное толкование: как свидетельство принадлежности Тулы Дмитрию и как признание Тулы местом, находящимся вне власти обеих договаривающихся сторон. Но при второй трактовке непонятно, во-первых, зачем вообще оговаривать статус территории, не принадлежащей ни Москве, ни Рязани, во-вторых, почему тогда Тула названа «местом великого князя Дмитрия Ивановича». Полагаю, правы авторы, считающие, что договор 1381 г. фиксирует принадлежность Тулы великому князю московскому (См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 5. С. 46; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 год. Т. 1. СПб., 1889. С. 114; *Любов-*

татарских», отнятых Дмитрием «от татар»⁹². По-видимому, эти территории были захвачены Москвой во время противостояния с Мамаем. Но в последующем договоре с Рязанью (1402 г.) Тула признается рязанским владением, а о «местах татарских» сказано, что они будут вновь московскими, если «переменит Богъ татарь»⁹³. Очевидно, потери этих территорий стали следствием поражения от Тохтамыша⁹⁴.

Дмитрий Донской в течение всей своей деятельности преследовал цель превратить великое княжество Владимирское из предмета регулируемых Ордой притязаний правителей разных удельных княжеств Северо-Восточной Руси в свое наследственное владение, объединить его с Московским в единое государство. В 1372 г. ему удалось добиться признания этого Литвой, в 1375 г. — Тверью. В 1383 г. Дмитрий сумел получить санкцию на превращение великого княжения в «отчину» московской династии от сюзерена — хана Орды. Законный правитель Орды сделал то, что отказывались делать как прежние ханы, так и «нелегитимный» Мамай. Дмитрию Ивановичу удалось обернуть военное поражение крупнейшей политической победой, не уступающей по своему историческому значению Куликовской (и разумеется, во многом

ский М. К. Формирование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и освоение центра. Л., 1929. С. 44).

⁹² ДДГ. № 10. С. 29. Поскольку в позднейших московско-рязанских договорах эти места определяются как «татарские и мордовские» (там же. № 19, 33, 47, 76. С. 54, 85, 144, 285—286), речь идет, скорее всего, либо об ордынских опорных пунктах в земле мордвы, либо просто о мордовских территориях («и» может иметь не соединительный, а пояснительный характер — т. е. «места татарские, те, что мордовские»; об этом значении союза «и» см.: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // ВЯ. 1998. № 3. С. 30; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 166, примеч. 78): земля мордвы входила в состав Орды (см.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 43—44) и в этом смысле тоже была «татарской землей».

⁹³ ДДГ. № 19. С. 54.

⁹⁴ В отношении Тулы, впрочем, не исключено, что она была уступлена Рязани после конфликта 1385 г., когда Олег пытался вернуть Коломну, в обмен на отказ рязанского князя претендовать на последнюю (см. *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. М., 2001. С. 104—105).

ею подготовленной): объединение Московского и Владимирского княжеств заложило основу государственной территории будущей России⁹⁵.

К концу правления Дмитрия Донского наследственные владения московского княжеского дома охватывали всю Северо-Восточную Русь (бывшую «Суздальскую землю»), за исключением княжеств Тверского, Нижегородско-Суздальского, Ярославского, половины Ростовского, Стародубского и Моложского. На западе при Дмитрии была присоединена территория бывшего Ржевского княжества, на юго-западе — Калуга, на юго-востоке — Мещера. Рост Московского княжества в период правления Дмитрия Ивановича почти совпал по времени со значительным территориальным ростом за счет русских земель Великого княжества Литовского: в 60-х гг. под власть Ольгерда перешли Киев и большая часть Черниговской земли (кроме «верховских» — верхнеокских — княжеств), еще ранее, в 50-х гг., им была захвачена значительная часть смоленских владений⁹⁶. К концу XIV столетия на бывших землях Киевской Руси складывается, таким образом, двухполюсная политическая система, окончательно определяется доминирующая роль двух государств — Великого княжества Литовского⁹⁷ и Великого княжества Московского. Ос-

⁹⁵ Странно выглядит полемический выпад В. А. Кучкина, приписавшего автору этих строк утверждение, что «захват в 1382 г. Москвы Тохтамышем» привел «к росту политического влияния Московского княжества» (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 331; со ссылкой на мою статью «Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: Причины, особенности, результаты // ОИ. 1998. № 4»). Речь ведь у меня идет не о факте захвата Москвы в 1382 г., а о соглашении 1383 г., подведшем итоги конфликта, и не о распылчатом «росте политического влияния», а о признании Тохтамышем великого княжества Владимирского наследственным достоянием московских князей и его долгосрочных последствиях.

⁹⁶ См.: Горский А. А. Русские земли в XII—XIV веках. С. 34, 40—41.

⁹⁷ Великое княжество Литовское в это время было в значительной мере русским государством (оно и называлось, собственно «Великим княжеством Литовским и Русским»): большинство его населения составляли русские, государственным языком был русский (до XVII в.), на большей части территории действовали русские правовые нормы,

тальные политические образования либо зависели от них (как Новгородская земля и окончательно выделившаяся из нее Псковская земля, признававшие своим верховным правителем великого князя московского), либо, будучи формально самостоятельными (или почти самостоятельными), фактически были несравнимо слабее (как Тверское, Нижегородско-Суздальское, Ярославское и Рязанское княжества).

С исчезновением старой политической структуры уходила в прошлое и единая этническая общность под названием *русь* (т. н. «древнерусская народность»). На территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси начинается складывание русской (великорусской) народности, на землях же, вошедших в состав Литвы (и Польши — Галичина), — украинской и белорусской народностей. При этом этноним и политоним *Русь* продолжал применяться на всей восточнославянской территории. Если в домонгольский период он обозначал либо совокупность русских земель в целом, либо «Русскую землю» в Среднем Поднепровье (Киевское княжество с Переяславским и частью Черниговского), то во второй половине XIII—XIV в. в разных частях Руси обозначилась тенденция прилагать это название к своей земле. Так, в XIV столетии в Северо-Восточной Руси стали называть «Русской землей» территории, на которые распространялась власть великого князя владимирского, т. е. Владимиро-Суздальскую землю вместе с Новгородской⁹⁷.

распространялось христианство в форме православия (в т. ч. и в литовской княжеской династии). Полному «обрусению» этого государства помешала династическая уния с Польшей 1385 г., после чего собственно Литва (где сохранялось до того времени язычество) была крещена в католичество.

⁹⁸ См.: *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках (К вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 53—55; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках. С. 102, прим. 159.

Часть V
ОТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ
ВЛАДИМИРСКОГО —
К РОССИЙСКОМУ ЦАРСТВУ:
XV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI В.

*Земля подобна есть Руская
милому младенцу у матери:
его же мать тешит, а рать
лозою казнит, а добрая
дела милуют его.*

Из «Задонщины»

Очерк 1

«ПРИМЫСЛЫ» ВАСИЛИЯ I

Василий I Дмитриевич стал первым великим князем владимирским, который взошел на стол без того, чтобы по смерти предшественника лично съездить за ярлыком в Орду¹: в Москве явно были уверены, что у Тохтамыша просто не будет других вариантов, поскольку никто из русских князей не осмелился оспаривать у Василия великое княжение. А уже через три года после вокняжения ему удалось существенно расширить пределы московских владений.

Летом 1392 г. Василий отправился в Орду к Тохтамышу (который после поражения, понесенного годом ранее от Тимура, нуждался в средствах) и получил от него «Новгородское княжение Нижнего Новагорода, Муромь, Мещеру, Торусоу»². Таким образом, под власть Москвы отходила огромная территория в Среднем Поволжье и Поочье: Нижегородское княжество — одно из крупнейших в Северо-Восточной Руси, Муромское — с середины XIV в. зависимое от Москвы, но сохранявшее формальную самостоятельность, Мещера, которой владел уже Дмитрий Донской, но как «куплей» (видимо, у местных князей), без ярлыка, и

¹ Участие Орды в вокняжении Василия выразилось в приезде посла (ханского шурина), возведшего московского князя на владимирский стол (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 157; Т. 18. С. 189).

² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 373; Софийская первая летопись старшего извода (ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1). М., 2000. Стб. 509. О датировке пожалования см.: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 119—123.

Тарусское — одно из верховских княжеств Черниговской земли, чьи князья были союзниками Москвы. Однако статус каждого из этих княжеств после 1392 г. был далеко не одинаков.

Нижегородское княжество с 1341 г., когда хан Узбек выделил его из Владимирского великого княжества и отдал суздальскому князю Константину Васильевичу, составляло единое политическое целое с Суздальским, причем в рамках этого Нижегородско-Суздальского государственного образования Нижний Новгород считался «старшим» столом³. Василий I имел на него определенные права: во-первых, его мать, вдова Дмитрия Донского Евдокия, была дочерью Дмитрия Константиновича (умер в 1383 г.), т. е. Василий приходился внуком прежнему нижегородскому князю; во-вторых, до 1341 г. Нижегородское княжество входило в территорию великого княжества Владимирского, и в 1392 г. Нижний возвращался в число великокняжеских владений.

Но к Василию I отошла только центральная часть собственно Нижегородского княжества. Суздаль и Городец-на-Волге (относившийся именно к «Нижегородской половине» Нижегородско-Суздальского княжества, т. е. к той его части, что была передана суздальским князьям Узбеком в 1341 г.) остались столицами особых княжеств, но под контролем Москвы. В 1403 г., после смерти сына Дмитрия Константиновича (и дяди Василия I по матери) Василия-Кирдяпы, княжившего в Городце, этот центр перешел под непосредственную власть московских князей. Но после похода на Москву Едигея 1408 г. Нижегородско-Суздальское княжество с санкции Орды было восстановлено; правда, Суздаль, скорее всего, вскоре перешел под контроль Василия I. К 1415 г. московский князь силой восстановил свою власть в Нижнем Новгороде. Суздаль после этого до начала 40-х гг. находился под властью лояльных Москве представителей суздальского дома (при этом замещение князей на суздальском столе явно регулировалось великим князем), а затем перешел (по смерти князя Семена Александровича, племянника Василия II по матери) в состав великокняжеских владений. Нижний Новгород же (возможно, вместе с Городцом) еще несколько раз менял

³ См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984. С. 199—231.

свой статус: в 1419 г. на короткое время стал центром особого княжества под властью князя Александра Ивановича (внука Василия-Кирдяпы), бывшего зятем Василия I, в середине 20-х гг. находился во владении князя Даниила Борисовича (сына брата Дмитрия Константиновича), прежде враждебного Москве, вкняжение которого, инспирированное великим князем литовским Витовтом (тестем Василия I) и ордынским ханом Улуг-Мухаммедом, был вынужден допустить московский князь. Наконец, в середине 40-х гг. XV в., уже при Василии II, Улуг-Мухаммедом, изгнанным из Орды своими противниками и откочевавшим в Среднее Поволжье, была предпринята попытка восстановить Нижегородско-Суздальское княжество в полном объеме. На сей раз, в отличие от периода 1408—1415 гг., оно продержалось лишь несколько месяцев⁴.

Каковы были правовые основания претензий московских князей на Городец (по смерти Василия-Кирдяпы Дмитриевича) и Суздаль (по смерти Семена Александровича)? Ведь в 1392 г. был получен ярлык вроде бы только на Нижний Новгород. Между тем, судя по дошедшему до нас договору 1449 г. Василия II с одним из князей суздальского дома, Иваном Васильевичем Горбатым⁵, владение Городцом и Суздалем также регулировалось ханскими ярлыками. Сведений о получении московскими князьями ярлыков на них в имеющихся источниках нет. Но обращает на себя внимание, что в договоре 1449 г. Суздаль, Нижний Новгород и Городец обобщенно именуется «Новугородским княженьем»⁶. Вероятно, ярлык на Нижний Новгород, полученный Василием I, помимо непосредственного обладания Нижним с окружающими волостями, давал московским князьям основание счи-

⁴ Подробно о перипетиях нижегородско-суздальских событий после 1392 г. см.: *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // СР. Вып. 4. М., 2003.

⁵ ДДГ. № 52. С. 155—159.

⁶ «А что будет оу мене ярлыков старых на Суждаль, и на Новгород на Нижней, и на Городецъ, и на все Новугородское княженье, и мнѣ, господине, князю Ивану, тѣ ярлыки всѣ отдать тобѣ, великому князю и твоим дѣтем безъхитростно» — обязывался Иван Васильевич Горбатый Василию II (там же. С. 156, 158). Великий князь, согласно договору, жаловал Ивану Городец уже от себя.

тать себя верховными распорядителями всего бывшего Нижегородско-Суздальского княжества («Новгородского княженья»): именно отсюда могут проистекать факты контроля за наследованием суздальского стола после 1392 г. и изъятия Городца (по смерти Василия-Кирдяпы) и Суздаля (по смерти Семена Александровича) из числа владений суздальского дома. Переход Нижнего Новгорода к великому князю московскому ставил, с московской точки зрения, всех князей этой ветви в зависимость, позволяя в дальнейшем наделять их столами уже от себя, без ордынской санкции.

Что касается Мурома, то он во всех духовных грамотах Василия I и последующих великих князей московских выступает как великокняжеское владение⁷; принадлежность Муромского княжества Москве никем после 1392 г. не оспаривалась⁸.

Иное дело — Мещера. Она не фигурирует ни в духовных Василия I, ни в завещании Василия II: о передаче Мещеры по наследству сказано только в духовной Ивана III (1503 г.)⁹. В чем здесь дело? Посмотрим на упоминания о Мещере в договорах московских князей с соседними правителями, заключенных между 1392 и 1503 гг.

В договоре Василия I с Федором Ольговичем Рязанским 1402 г. сказано: «А что Мещерская мѣста, что будет купил отець твои,

⁷ ДДГ. № 20—22, 61. С. 56, 59, 61, 194.

⁸ В противоречии с данными ранних летописных источников о присоединении Мурома в 1392 г. Никоновская летопись 20-х гг. XVI в. говорит об участии не названного по имени муромского князя (вместе с князьями пронскими и козельским) в походах Олега Рязанского на Литву 1396 г., на татар до р. Хопер 1400 г. и на занятый Литвой Смоленск 1401 г. (ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 163, 184—185). Можно было бы допустить, что речь идет о князе, лишившемся стола и нашедшем убежище в Рязани у Олега. Но вероятнее все же, что указание на столь представительную группу зависимых от Рязани князей следует связывать с редакторской работой составителя Никоновской летописи митрополита Даниила, «прорязанский» характер которой известен (см.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 102—103).

⁹ ДДГ. № 89. С. 354, 356. О дате духовной см.: *Капитанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 199—202.

князь велики Олег Иванович, или вы, или ваши бояря, в та мѣста тобѣ, князю великому Федору Олговичю, не вступатися, ни твоим бояром, а земля к Мещерѣ по давному. А порубежье Мещерским землям, как было при великом князѣ Иванѣ Ярославичѣ и при князи Александрѣ Уковиче»¹⁰. С одной стороны, Мещера здесь мыслится как территория, принадлежащая Василию I, с другой — упомянутые факты приобретения рязанскими князьями сел в ней говорят о непрочности владения.

В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским (первая половина 1404 г.¹¹) содержится перечень великокняжеских владений: «А мнѣ, господине, князь великии, брату моему младшему, князю Володимеру Андрѣевичю, и моим дѣтем под тобою и под твоими дѣтми твоего оудѣла, Москвы и Коломны с волостми, и всего твоего великого княженья, да Волока и Ржевы с волостми, и Новагорода Нижнего с волостми, и что к нему потягло, и Муром с волостми, и что к нему потягло, и Мещеры с волостми, и что к ней потягло, и в та мѣста в Татарская и в Мордовская, как было, господине, за твоим отцомъ, за великим князем, и за твоим дѣдом, за великим князем Дмитрием Костянтиновичем, и за тобою, за великим князем, того ми, господине, и моимъ дѣтем подъ тобою, великим князем, и под твоими дѣтми блюсти и боронити, а не обидѣти, ни вступатися»¹². Мещера выступает как владение Василия I, отдельное от великого княжения и на том же месте, что и в летописной статье о приобретениях 1392 г. — после Нижнего Новгорода и Мурома.

В договоре 1434 г. Юрия Дмитриевича (тогдашнего великого князя московского) с Иваном Федоровичем Рязанским о Мещере говорится следующим образом: «А что будет покупил в Мещерских мѣстех дѣд мои, князь велики Олег Иванович, и отець мои, князь велики Федоръ Олгович, и аз, князь велики, или мои бояря, и в та мѣста мнѣ не вступатися, ни моим бояром, знати нам свое серебро, а земля в Мещере по давному. А порубежье Мещерь-

¹⁰ ДДГ. № 19. С. 54.

¹¹ О датировке см.: *Фетицев С. А.* К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV — начала XV в. // ВИД. Вып. 25. СПб., 1994. С. 66—68.

¹² ДДГ. № 16. С. 44.

скои земли, как было при великом князи Иоаннѣ Ярославичѣ и при князи Александрѣ Уковичѣ... А князи мещерские не имут тобѣ, великому князю, правити, и мнѣ их не примати, ни в вотчинѣ ми в своеи их не держати, ни моим бояром, а добывать ми их тебѣ без хитрости, по тому целованью»¹³. По сравнению с договором 1402 г. добавлено обязательство рязанского князя «не принимать» к себе мещерских князей, а в число лиц, покупавших в Мещере села, добавлен Иван Федорович. Это вновь говорит о непрочности московской власти над данной территорией: и после заключения договора 1402 г. продолжались покупки в ней сел рязанскими князьями, сохранялись князья местные, которые могли пожелать служить рязанскому князю, причем не исключено, что имелось в виду поступление в зависимость вместе со своими владениями.

В докончании Василия II с Иваном Федоровичем Рязанским 1447 г. текст о Мещере практически идентичен договору Юрия (с той лишь разницей, что на сей раз сохранившаяся грамота составлена от лица московского князя)¹⁴.

В договоре Василия II с великим князем литовским и польским королем Казимиром IV 1449 г. о Мещере сказано «Тако жь и у вотчину мою в Мещеру не вступатися, ни приимати»¹⁵. Королю вменяется в обязанность не претендовать на территорию Мещеры и не принимать на службу мещерских князей.

В 50-х гг. XV в. на части территории Мещеры Василием II было создано образование во главе со служилым татарским царевичем Касымом — будущее т. н. «Касимовское ханство» (с центром в Городце Мещерском на Оке)¹⁶.

В договоре Ивана III с Иваном Васильевичем Рязанским 1483 г. статья о Мещере была сформулирована следующим образом: «А что Мещерская мѣста, что будет поупил прадѣд твои, князь велики Олег Иванович, или прадѣд твои, князь велики Федоръ Ол-

¹³ ДДГ. № 33. С. 85.

¹⁴ Там же. № 47. С. 144.

¹⁵ Там же. № 53. С. 162.

¹⁶ См.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 171—172.

гович, или дѣд твои, князь велики Иван Федорович, или отецъ твои, князь велики Василеи Иванович, или ты, князь велики Иван Васильевич, или ваши бояря, в та мѣста тебѣ, великому князю Ивану Васильевичю, не вступатися, ни твоим бояром. А знати ти свое серебро, и твоим бояром. А земля по давному к Мещерѣ. А порубежье Мещерским землям, как было при великом князи Иване Ярославичѣ, и при князи Александрѣ Уковичѣ... А что наши князи мещерские, которые живут в Мещерѣ и у нас, у великих князеи, и тебѣ их къ себе не приимати. А побегат от нас, и тебѣ их добывати нам без хитрости, а добывъ ти их, нам выдати»¹⁷. Из текста следует, что покупки разанскими князьями и боярами сел предпринимались и при отце Ивана Васильевича — Василии Ивановиче, и при нем самом. Мещерские князья в 1483 г., как видно из текста, частью находились в Мещере, частью — на службе у великого князя в других регионах.

В договоре Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем 1494 г. Мещера отнесена к владениям московского князя: «Так жо ми и в Мещеру, и во отчину твою, не вступатися и не приимать их»¹⁸.

Наконец, в завещании Ивана III Мещера названа в числе великокняжеских владений, передаваемых по наследству сыну Василию: «Да ему ж даю город Муром с волостми и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что къ Мурому потягло, да Мещера с волостми, и з селы, и со всѣмъ, что к неи потягло, и с Кошковым, да князи мордовские всѣ, и з своими отчинами, сыну же моему Василью»¹⁹. Мещера, как и в летописной статье о событиях 1392 г. и в договоре Василия I с Владимиром Андреевичем начала XV в., упомянута вслед за Муромом.

Из приведенных данных ясно, что молчание о Мещере в духовных грамотах Василия I и Василия II не может быть объяснено допущением, что она скрыта в упоминании о «великом княжении», т. к. в договорных грамотах Мещера называется отдельно от великого княжения. В договоре с Владимиром Андрееви-

¹⁷ ДДГ. № 76. С. 285—286, 289.

¹⁸ Там же. № 83. С. 330.

¹⁹ ДДГ. № 89. С. 356.

чем Василий I называет Мещеру среди своих владений, которые должны перейти к его детям; в 50-х гг. XV в. часть территории Мещеры была передана царевичу Касыму. Московские князья постоянно старались препятствовать приобретению сел на территории Мещеры рязанскими князьями и боярами, опасались возможности перехода мещерских князей на рязанскую и литовскую службу. В договоре с Литвой 1449 г. Мещера именуется «отчиной» московского князя. Источники явно донесли отголоски длительной борьбы за власть над этой территорией, свидетельствующей о непрочности московского владения ею. Поэтому надо полагать, что ярлык на Мещеру 1392 г. не предоставлял Василию I права наследственного владения, он требовал подтверждения при каждой смене великого князя. В Орде Мещера рассматривалась, по-видимому, не в одном ряду с русскими княжествами в силу смешанного характера населения и наличия там князей татарского происхождения. Примечательно, что в послании Ахмата Ивану III тот требовал «свести» с Городца Мещерского царевича Данияра, сына Касыма²⁰: хан явно считал себя вправе распоряжаться данной территорией. Лишь после ликвидации зависимости от Орды Иван III смог считать Мещеру владением, которое он вправе передать по наследству.

Таруса, как и Мещера, не названа ни в трех дошедших до нас духовных грамотах Василия I, ни в завещании Василия II: о передаче ее по наследству сказано только в духовной Ивана III²¹. При этом имеются упоминания «тарусских князей» как владетельных.

В договоре Василия I с Федором Ольговичем Рязанским (1402 г.) говорится: «А со князем с Семеном с Романовичем с новосильским и с торускими князи так же взяти ти (Федору. — А. Г.) любовь по давным грамотамъ, а жити ти с ними без обиды, занеже тѣ всѣ князи со мною (Василием. — А. Г.) один человекъ»²². Семен Романович Новосильский был правителем Новосильско-Одоевского княжества после своего отца Романа Семеновича, оба признавали верховенство Дмитрия Донского, но оставались владе-

²⁰ См.: Горский А. А. Москва и Орда. Приложение II. № 2. С. 198. О «ярлыке» Ахмата и отразившихся в нем реалиях см.: там же. С. 175—177.

²¹ ДДГ. № 89. С. 354.

²² ДДГ. № 19. С. 53.

тельными князьями. Тарусские князья, хотя никто из них и не назван по имени, упоминаются в одном ряду с Семеном, т. е. явно выступают как владельческие. Об этом говорит и последующий за цитированным текст, посвященный процедуре разбирательства споров между названными князьями, новосильскими и тарусскими, и рязанским князем: обе возможные стороны конфликта рассматриваются как равностатусные, московскому князю отводится только роль гаранта исполнения решения третейского суда, в случае, если виноватая сторона не подчинится этому решению. Среди возможных соглашений рязанского князя с новосильскими и тарусскими названы договоренности «о земли или о водѣ», т. е. касающиеся размежевания владений²³.

В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1404 г. среди владений московского дома названы и Нижний Новгород, и Муром, и Мещера, и даже «места татарские и мордовские», которые, как свидетельствуют московско-рязанские договоры, реально тогда Москве не принадлежали, московские князья только рассчитывали их вернуть (из-под ордынской власти — см. Часть IV, Очерк 4). Но Таруса не упомянута.

В то же время в этом договоре, а также в одновременной ему духовной грамоте Владимира Андреевича среди владений, переданных Василием I двоюродному дяде, названы Лисин и «Пересветова купля» — районы к западу и юго-западу от Тарусы²⁴. В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем 1390 г. данные территориальные единицы еще не фигурируют, следовательно, они были приобретены московскими князьями между 1390 и 1404 гг. «Пересвета», совершившего «куплю», соблазнительно отождествить с Александром Пересветом — героем Куликовской битвы²⁵. Учитывая, что он был, скорее всего, митрополичьим боярином²⁶, а близ «Пересветовой купли», на противополож-

²³ Там же. С. 53—54.

²⁴ См.: ДДГ. № 16. С. 43; № 17. С. 47; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2. СПб., 1902. С. 2—3.

²⁵ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и освоение центра. Л., 1929. С. 76.

²⁶ См. Часть III, Очерк 3.

ном берегу Оки, находился Алексин, купленный у тарусских князей в начале XIV в. митрополитом Петром, между 1390 и началом 1392 г. перешедший во владение Василия I в результате обмена с митрополитом Киприаном²⁷ и упоминаемый в его договоре с Владимиром Андреевичем 1404 г. среди переходящих к серпуховскому князю земель как раз перед Лисиным и «Пересветовой куплей», можно полагать, что после гибели Пересвета в 1380 г. территория его «купли» находилась в распоряжении митрополичьей кафедры и в начале 1390-х, т. е. незадолго до получения Василием ярлыка на Тарусу, перешла во владение великого князя вместе с Алексином. Волость Лисин, возможно, стала великокняжеским владением в результате «операции» 1392 г.: Василий I таким образом брал в непосредственное владение пограничные с другими верховскими княжествами южные и западные территории Тарусского княжества, а «внутренние» его области оставил местным князьям.

В описи Посольского приказа 1626 г. упомянут «список з докончальные грамоты князя Дмитрея Семеновича торуского, на одном листу, с великим князем Васильем Дмитриевичем, году не написано»²⁸. Дмитрий Семенович — несомненно сын Семена Константиновича «Оболенского», участника московских походов на Тверь 1375 г. и на Дон 1380 г. (см. Часть IV, Очерк 4; Оболенск был вторым стольным городом Тарусского княжества, причем какое-то время, видимо, главным, т. к. княживший в нем Семен был старшим в тарусской династии); упоминание о его докончании с Василием I есть и в родословцах²⁹. Договор Дмитрия с Василием I, вероятно, определял статус тарусского княжения в условиях, сложившихся после получения московским князем ярлыка на Тарусу. Вряд ли это было в 1392 г., т. к. тогда еще, вероятно, старшим среди тарусских князей был либо отец Дмитрия Семен, либо его младший брат Иван Константинович (под 1375 и 1380 гг. называемый в летописях «тарусским»). По-видимому, договор с Дмитрием Семеновичем был заключен после того, как

²⁷ АФЗХ. Ч. 1. М., 1951. № 1. С. 23—24; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 273—274.

²⁸ *Опись Посольского приказа 1626 г.* М., 1977. С. 37.

²⁹ РИИР. Вып. 2. М., 1977. С. 113.

он остался старшим в тарусской династии и необходимо было обновить dokonчание, имевшее место с его предшественником в 1392 г.

В 1434 г. в договоре Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем Рязанским имеется упоминание тарусских князей, сходное с текстом московско-рязанского dokonчания 1402 г.: «А с тарусским князем взяти ми любовь, а жити ми с ним без обиды, занеж тѣ князи с тобою, с великим князем Юрием Дмитриевичем, один человекъ»³⁰. Упоминание среди тарусских князей собственно «тарусского», в единственном числе, князя говорит о том, что главный центр княжества и тогда оставался во владении местной династии.

Договор Василия II с Иваном Федоровичем, заключенный в 1447 г., в основном повторяет норму dokonчания 1434 г. (с той разницей, что о тарусских князьях теперь опять, как в договоре 1402 г., сказано только во множественном числе)³¹.

В договоре Василия II с Казимиром IV 1449 г. о тарусских князьях говорится: «А князь Василей Ивановичъ таруский, и з братьею, и з братаничы служить мне, великому князю Василью. А тебе, королю и великому князю Казимиру, в них не вступатися»³². Тарусские князья, с одной стороны, выступают как служебные князья Василия II, с другой — как явно владетельные: Казимир берет на себя обязательство не «вступаться» в принадлежащие им земли. В отличие от московско-рязанских dokonчаний, назван по имени «главный» из тарусских князей — Василий Иванович. В тарусско-оболенской княжеской ветви в это время был только один князь с таким именем — сын Ивана Константиновича³³. Он упоминается в качестве воеводы Василия II под 1443, 1445, 1450 гг., в роли послуха как боярин Василия II и Ивана III; в летописных известиях Василий Иванович именуется с определением «Оболенский»³⁴. Очевидно, во время тарусского

³⁰ ДДГ. № 33. С. 85.

³¹ Там же. № 47. С. 144.

³² Там же. № 53. С. 161.

³³ РИИР. Вып. 2. С. 114.

³⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 264, 270, 394; АСЭИ. Т. 1. М., 1956. № 277. С. 198; АФЗХ. Ч. 1. № 103, 126. С. 99, 118; Разрядная книга 1475—1605. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 86.

княжения Дмитрия Семеновича сыновья Ивана Константиновича правили в «оболенской части» княжества, и определение «Оболенские» осталось за ними и тогда, когда Василий Иванович получил права на тарусский стол.

В 1473 г. Иван III пожаловал Тарусу своему младшему брату Андрею Вологодскому. Это было сделано в ответ на претензии последнего, связанные с тем, что он не получил доли от владений умершего в предыдущем году брата — Юрия Васильевича³⁵. Однако в своем завещании (около 1479 г.) Андрей упоминает «села в Тарусе», но не делает распоряжения относительно самого города и тянувшей к нему территории (как это он сделал в отношении Вологды)³⁶. По-видимому, Таруса передавалась Андрею Иваном III без права распоряжения, на условии, что после его смерти она отойдет к великому князю.

В докончании, заключенном Иваном III с рязанским князем Иваном Васильевичем в 1483 г., в отличие от предшествующих московско-рязанских договоров, тарусские князья не упоминались. Нет упоминания владетельных тарусских князей и в договоре Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем 1494 г. (хотя названы как владетельные другие верховские князья — «новосилский, и одоевский, и воротынский, и перемышльский, и белевский»). Таруса и Оболенск здесь отнесены к владениям московского князя: «Тако же и мнѣ (Александру. — А. Г.) не вступатися... и в Торусу, и в Оболенскъ, и во всѣ то, што к тѣмъ местам потягло»³⁷.

Очевидно, что молчание о Тарусе в духовных грамотах Василия I и Василия II не может быть (как и в случае с Мещерой) объяснено допущением, что она подразумевается в качестве составной части «великого княжения», т. к. в договорных грамотах Таруса в лице «тарусских князей» называется отдельно от последнего. Несомненно, что тарусские князья и после 1392 г. сохраняли свои родовые владения. При этом они «служили» (термин из московско-литовского договора 1449 г.) московским князь-

³⁵ ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 194 (Типографская летопись).

³⁶ ДДГ. № 74. С. 276—277.

³⁷ Там же. № 83. С. 330.

ям³⁸. Такая ситуация — когда мелкие владетельные князья шли на московскую службу, сохраняя при этом свои владения (на условии несения службы), которые не превращались в часть «великого княжения», типична для конца XIV—XV вв. Отношения такого рода устанавливает упомянутое выше dokonчание Василия II с князем суздальского дома Иваном Васильевичем Горбатым 1449 г., по которому Иван Васильевич обязуется не принимать впредь ханских ярлыков на какие-либо владения своих предков и служить московскому князю; тот, со своей стороны, жалует его одним из родовых столов — Городцом на Волге³⁹. Скорее всего, ярлык на Тарусу, полученный Василием I в 1392 г., позволил московскому князю построить отношения с князьями тарусскими по той же схеме⁴⁰: если ранее они имели свои отношения с Ордой (как рудимент этого периода позже сохранялся особый побор на содержание татарских послов с Тарусского княжества, о котором упоминает духовная Ивана III⁴¹), то теперь великий князь пожаловал им родовые земли уже от себя на условии службы. Очевидно, ярлык был получен Василием I по согласованию с тарусскими князьями, и ранее, и позже сохранявшими с Москвой хорошие отношения. Переход на положение «служебных» князей был им выгоден, т. к. великий князь брал на себя уплату выхода в Орду, был обязан защищать их земли от тех же татар, Литвы или других русских князей. При этом владения тарусских князей становились анклавом внутри московских владений, т. к. южная, пограничная часть Тарусского княжества (Лисин, «Пересве-

³⁸ Это не касается «мезецкой» ветви тарусского княжеского рода (пошедшей от брата Константина Юрьевича Оболенского, отца Семена и Ивана Константиновичей — Всеволода): ее представители вместе со своими владениями на правом берегу Угры (левого притока Оки) служили в XV в. литовским великим князьям (см.: *Кром М. М. Меж Русью и Литвой*. М., 1994. С. 46—50).

³⁹ ДДГ. № 52. С. 155—159. О статусе «служилых князей» см.: *Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке* // РД. Вып. 4. М., 1999.

⁴⁰ Ср.: *Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Муррома, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в.* // *Русское государство в XIV—XVII вв.* СПб., 2002. С. 34—35.

⁴¹ ДДГ. № 89. С. 362.

това купля») перешла непосредственно в руки московского княжеского дома. Такое положение сохранялось до тех пор, пока в 1473 г. московский князь, пользуясь своим правом верховного собственника Тарусского княжества, не передал Тарусу своему брату. До 1494 г. под непосредственной властью Ивана III оказался и Оболенск.

Несмотря на неполноту московской власти над Нижегородско-Суздальским, Тарусско-Оболенским княжествами и Мещерой, сделанные в 1392 г. Василием I приобретения значительно усиливали Московское великое княжество.

Во второй половине 1390-х гг., после разгрома Тохтамыша Тимуром (1395 г.), в Орде разгорается смута. В результате реальная власть оказалась в руках эмира Едигея, менявшего (как незадолго до этого Мамай) ханов по своему усмотрению. Как и в случае с Мамаем, это хорошо осознавалось и подчеркивалось на Руси «Едегѣи... преболи всѣхъ князи ординьскихъ, иже все царство единъ держаше и по своей волѣ царя поставляше, его же хотяше»⁴².

Первым таким «царем» был Тимур-Кутлук (1396—1400). Главной задачей его и Едигея было продолжение борьбы с Тохтамышем, получившим поддержку великого князя литовского Витовта (тестя Василия Дмитриевича). Решающая битва произошла на р. Ворскле 12 августа 1399 г.: Витовт был разгромлен⁴³. Согласно Троицкой летописи, между великим князем литовским и Тохтамышем было заключено соглашение, что хан в благодарность за помощь в восстановлении его власти посадит Витовта «на княженьи на великом на Москве»⁴⁴. Трудно судить, насколько это свидетельство отражает реальность. Возможно, перед нами домысел московского летописца, вызванный враждебным отношением к Литве.

Что касается кануна битвы на Ворскле, то в это время Витовт активно претендовал на сюзеренитет над Новгородом Великим

⁴² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 179.

⁴³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 165; Т. 18. С. 143; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 385—386.

⁴⁴ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 450.

(в условиях, когда новгородцы вошли в конфликт с Василием Дмитриевичем из-за Двинской земли)⁴⁵. В противовес действиям великого князя литовского Василий I летом 1399 г. укрепил отношения с Тверским княжеством, заключив договор с Михаилом Александровичем: в докончании предусматривались совместные действия против Литвы. По-видимому, в обмен на этот союз Василий отдал Михаилу Ржеву. Но вскоре (до 1404 г.) она вернулась под московскую власть⁴⁶.

Со времени падения Тохтамыша Василий I перестал поддерживать сношения в Ордой. Контакты с ней были восстановлены только в 1403 г.⁴⁷. Позже (1406—1408 гг.) ордынские отряды принимали участие в военных конфликтах Василия с Витовтом, которые свелись к пограничным противостояниям, не принесшим успеха ни одной из сторон⁴⁸. Возможно, именно это временное сближение с Ордой, возглавляемой Едигеем, привело к присоединению к Москве Козельского княжества (расположенного на левобережье Оки между ее притоками Жиздрой и Угрой). В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем 1404 г. и в современной ему духовной Владимира Андреевича Козельск указан в числе владений, переданных великим князем князю серпуховскому⁴⁹. Лишь один из козельских городков — Людимльск передается во владение местному князю Ивану («пожаловал князя Ивана Людимльском») ⁵⁰. Едигей был врагом Витовта и мог выдать Василию (от лица своего марионеточного хана Шадибека, возведенного на престол в 1400 г.) ярлык на Козельск, чтобы воспрепятствовать литовскому продвижению в Верхнее Поочье. Василий I после этого оставил за местными князьями часть владений, а сам Козельск и большую часть тянувших к нему волостей передал Владимиру Серпуховскому. Ясно, что перераспределение

⁴⁵ См.: *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 696—701, 709—710.

⁴⁶ ДДГ. № 15. С. 41; № 16. С. 44; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 388; *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // ИСССР. 1984. № 6. С. 152—153.

⁴⁷ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 456, 459.

⁴⁸ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 180—182.

⁴⁹ ДДГ. № 16. С. 43—44; № 17. С. 47.

⁵⁰ Там же. № 16. С. 43.

земель было произведено по договоренности с козельскими князьями, поскольку Ивана Василий I «пожаловал» Людимльском, а в 1408 г. в Ржеве московским воеводой был «князь Юрий Козельский»⁵¹. По типу это были действия, аналогичные предпринятым в начале 90-х гг. XV в. по отношению к Тарусскому княжеству; но в случае с Козельском местным князьям оставлялась много меньшая часть территории княжества и без его столицы. Однако овладение Козельском было недолгим: уже в 1406 г., в ходе начавшегося московско-литовского конфликта он был захвачен войсками Витовта⁵².

В отношениях с Ордой Василий I и после 1403 г. не возобновил прерванную со свержением Тохтамыша выплату дани. Политика великого князя и его окружения сводилась к тому, чтобы уклоняться от уплаты «выхода» (формально признавая верховенство ханов), но поддерживать с Ордой союзнические отношения на антилитовской почве. Фактически это означало пассивное непризнание зависимости в условиях, когда реальная власть в Орде вновь, как и во времена Мамая, принадлежала временщику, а не природному «царю». Были в окружении Василия и сторонники «старшины», стоявшие за выплату дани, но против появления в пределах Северо-Восточной Руси татарских войск, даже в качестве союзников, т. е. за поддержание ситуации, которая имела место при Иване Калите, его сыновьях и Дмитрие Донском до конфликта с Мамаем и после похода Тохтамыша 1382 г.⁵³. Непризнание Василием I власти Орды, помимо неуплаты «выхода», выражалось также в помещении в первом десятилетии XV в. на оборотной стороне монет московской чеканки, где ранее упоминался Тохтамыш, надписи «князь великий Василий всея Руси» (при том, что на лицевой стороне помещалась надпись «князь великий Василий Дмитриевич»)⁵⁴.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 237.

⁵² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 461; ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 472 (Тверской сборник).

⁵³ См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 131—133.

⁵⁴ См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 42—53.

Результатом этих действий со стороны Московского великого княжества стал поход на него Едигея в 1408 г.⁵⁵. В историографии можно встретить утверждения, что зависимость от Орды после этого усилилась, Москве пришлось возобновить выплату дани⁵⁶. Иногда поездка Василия Дмитриевича в Орду в 1412 г. трактуется как следствие похода Едигея⁵⁷. Эти суждения, однако, ошибочны.

Поход Едигея не завершился каким-либо соглашением с Василием I (покинувшим столицу в преддверии осады): Едигей был вынужден уйти от Москвы из-за обострения ситуации в Орде. Трехтысячная сумма «окупа», которую он взял с москвичей, в два с лишним раза меньше ежегодной дани с великого княжения, установившейся после присоединения Нижнего Новгорода, Муромы и Тарусы, — 7 тыс. рублей⁵⁸ (а задолжал Василий за 13 лет, т. е. 91 тыс. рублей). В 1412 г. Василий отправился в Орду не к Едигею, а к сыну Тохтамыша Джелал-ад-дину (Зеледи-салтан русских источников), который с помощью Витовта в начале 1412 г. разбил хана Тимура (поставленного в 1411 г. на престол Едигеем, но вскоре изгнавшего своего покровителя) и воцарился в Орде⁵⁹. Визит Василия, таким образом, был связан с возвращением на ордынский престол законного правителя и с прекращением власти временщика, т. е. с восстановлением «нормальной» ситуации в «царстве»⁶⁰. Никаких оснований предполагать восстановление выплаты дани в Орду до прихода к власти Джелал-ад-дина нет. Отношения с Едигеем до его свержения оставались враждебны-

⁵⁵ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 173—174; Т. 18. С. 155—158; Т. 15. Стб. 482—484; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 468—469.

⁵⁶ *Хорошкевич А. Л.* Політичні наслідки Куликовської битви // УІЖ. 1980. № 9. С. 55; *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 19.

⁵⁷ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 113; *Киртичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980. С. 121; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 19—20.

⁵⁸ См.: ДДГ. № 16. С. 44.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 412; Т. 18. С. 161; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 186—187.

⁶⁰ Примечательно, что именно во втором десятилетии XV в. в Москве вновь начинают чеканиться монеты с ордынской легендой на оборотной стороне (*Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. С. 63—68).

ми: в 1410—1411 гг. велась борьба с поддерживаемыми Ордой нижегородскими князьями⁶¹. Тогда переданный им Едигеем Нижний Новгород вернуть не удалось; в 1412—1414 гг., пока в Орде правили Тохтамышевичи, Москва не предпринимала для этого никаких действий. Но сразу после того, как к власти в Орде вернулся Едигей (1414 г.), Василий I отправил на Нижний Новгород войска и тот был возвращен в состав великокняжеских владений⁶². Это показывает, что власть временщика в Москве по-прежнему не признавали, причем теперь уже в открытую.

В 1419 г. Едигей погиб в ходе междоусобной войны, и в Орде к власти пришел «законный», с московской точки зрения, правитель — хан Улуг-Мухаммед, ставленник Витовта. У него сразу же появилось несколько соперников и закрепиться на ордынском престоле Улуг-Мухаммед смог только во второй половине 1420-х гг.⁶³. Как раз на время этой очередной «замятни» в Орде пришлось кончина Василия Дмитриевича (27 февраля 1425 г.) и вокняжение его десятилетнего сына Василия⁶⁴.

Источники не сообщают о ханской санкции на вокняжение Василия Васильевича. Известие о том, что в 1425 г. Василий и претендовавший на великое княжение его дядя Юрий Дмитриевич решили вынести свой спор на суд «царя» («и dokonча мир на том, что князю Юрию не искати княженья великого собою, но царем, которого царь пожалует, то будет великий князь»⁶⁵), указывает как будто бы на то, что такой санкции не было. Но когда в 1432 г. Василий и Юрий наконец оказались при дворе Улуг-Мухаммеда, боярин И. Д. Всеволожский (сторонник Василия II) обосновывал преимущества юного князя тем, что «князь Юрии Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованию волняго царя, а ты воленъ во своем оулусѣ кого восхочеш жаловати на своюю волѣ. А

⁶¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 160; Т. 25. С. 240; Т. 23. С. 143; Т. 15. Вып. 1. Стб. 186; Т. 15. Стб. 485—486.

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486—487.

⁶³ Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 194—200.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 100 (Никаноровская летопись); Т. 25. С. 246.

⁶⁵ Там же. Т. 27. С. 101; Т. 25. С. 247.

государь наш князь великий Василен Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василию, а по твоему же жалованию волняго царя, а оуже господине, которой год сѣдит на своем столѣ, а на твоём жаловании»⁶⁶ (выделено мной. — А. Г.). А. Е. Пресняков резонно предположил, что противопоставляя духовной грамоте Дмитрия Донского «жалование» хана, Всеволожский имел в виду ярлык, выданный на имя Василия Васильевича еще при жизни его отца⁶⁷. К этому следует добавить, что ярлык этот был выдан именно Улуг-Мухаммедом («по твоему же жалованию»). Когда мог быть получен такой ярлык?

Уже вскоре после воцарения Улуг-Мухаммеда, в 1422 г., доминирующее положение в Орде получил другой хан — Борак. Он сохранял его примерно до осени 1423 г.⁶⁸ В первой половине 1424 г. первенство вновь было у Улуг-Мухаммеда (получившего помощь от Витовта⁶⁹), но затем он оказался вытеснен из степей ханом Худайдатом и в январе 1425 г. (т. е. за месяц до смерти Василия Дмитриевича) находился в Литве⁷⁰.

Оба соперника Улуг-Мухаммеда совершали походы в район Одоева — столицы одного из полусамостоятельных русских княжеств в верховьях Оки. Поход Борака имел место осенью 1422 г.: «и града не взя, а полону много повел в поле. И князь Юрье Романович Одоевский да Григорей Протасьевич, воевода мценский, состих царя, в поле били, а полонь отымали»⁷¹. Худайдат подступал к Одоеву в конце 1424 г.: «Царь Куидадат поиде ратью ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И слышав то князь великий Витофть, и посла на Москву к зятю своему к ве-

⁶⁶ Там же. Т. 27. С. 103; ср. Т. 25. С. 249.

⁶⁷ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 387. См. также: Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 87—88.

⁶⁸ Тизенгаузен В. Г. Сборник документов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 533; Т. 2. С. 196; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 197—198.

⁶⁹ Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 6. Codex epistolaris Vitoldi. Kraków, 1882. P. 660.

⁷⁰ Ibid. P. 688; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 199.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 245 (под 6930 г. мартовским); Т. 27. С. 100 (под 6931 г.).

ликому князю Василию Дмитриевичю, чтобы послал помоч на царя, а сам послал князя Андрѣя Михайловича, князя Андрѣя Всеволодича, князя Ивана Бабу, брата его Путятю, Дрючских князей: князя Митка Всеволодича, Григория и Протасьевича. Они же, шедше со князем Юрьем, царя Куидадата били, и силу его пристѣкли, а сам царь оубежал, а царицы поимали, одну послали в Литву к Витовту, а другую на Москву к великому князю. А московская сила не поспѣла. Тогда же оубили Ногчю, богатыря велика тѣлом»⁷². В письме Витовта магистру Ливонского Ордена от 1 января 1425 г. (где сообщается и о пребывании Улуг-Мухаммеда в Литве) содержатся дополнительные подробности об этом событии: пробыв три недели в Одоевском княжестве (зависимом, по словам Витовта, от Москвы), Худайдат двинулся к границе литовских владений (по-видимому, к Мценску, чей воевода участвовал в военных действиях), где пробыл 8 дней, а затем отправился в Рязанскую землю; здесь его и настигли литовско-русские отряды⁷³.

Вряд ли причиной двух подряд нападений на Одоев была какая-то особая неприязнь Борака и Худайдата к одоевскому князю, поскольку эти ханы сами враждовали друг с другом. Нет оснований и предполагать, что они думали обосноваться в верховских землях, как это пытался сделать в 1438 г. потерявший власть в Орде Улуг-Мухаммед, т. к. Борак и Худайдат в момент походов к Одоеву занимали в степи доминирующее положение — изгнанником являлся Улуг-Мухаммед. Действия Худайдата были направлены в первую очередь против Литвы: от Одоева он идет к литовским пределам и отступает от них вынужденно, в ответ на поход хана снаряжается крупное литовское войско. В погоне за Бораком также участвовал служивший Витовту воевода Григорий Протасьев. Скорее всего, действия обоих ханов были связаны с уходом в Литву Улуг-Мухаммеда: они пытались нанести удары по литовским землям, очевидно в местности, через которую двигался во владения Витовта их противник.

Таким образом, с достаточной степенью уверенности можно полагать, что Улуг-Мухаммед находился в Литве не только в

⁷² ПСРЛ. Т. 27. С. 100.

⁷³ Monumenta medii aevi... Т. 6. Codex epistolaris Vitoldi. P. 688.

конце 1424 — начале 1425 г., но и осенью 1422 г., во время одоевского похода Борака. В марте следующего, 1423 г. митрополит всея Руси Фотий привозил Витовту духовную грамоту Василия Дмитриевича, в которой великий князь литовский объявлялся в случае смерти Василия гарантом прав его сына (своего внука)⁷⁴. А сразу следом за Фотием в Литву отправилась великая княгиня Софья Витовтовна, привезшая восьмилетнего Василия Васильевича на свидание с дедом в Смоленск⁷⁵. Очень вероятно, что именно тогда все еще находившийся в Литве (поскольку Борак доминировал в степи по меньшей мере до лета 1423 г.) Улуг-Мухаммед и выдал на имя сына великого князя ярлык. Инициатива в этом, можно полагать, исходила от Витовта, желавшего таким образом еще более оградить владельческие права внука от возможных притязаний со стороны его дядьев с отцовской стороны.

Влияние Витовта в последние годы правления Василия I явно усилилось: московский князь, обеспокоенный возможными претензиями на наследование престола со стороны своих младших братьев, стремился заручиться поддержкой тестя. Ему пришлось в результате (по-видимому, в обмен на поддержку Витовта и ярлык для сына от Улуг-Мухаммеда) даже согласиться на восстановление под власть князя Даниила Борисовича (двоюродного племянника Витовта по матери), в 1415 г. изгнанного из Нижнего Новгорода московскими войсками, Нижегородского княжества (вторая половина 1423 или 1424 г.)⁷⁶.

⁷⁴ См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М., 1948. С. 91—92.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 245—246.

⁷⁶ См.: *Иванов Д. Н.* Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV столетия // СР. Вып. 2. М., 1999. С. 87—90. Вернулся Нижний под московскую власть до марта 1428 г., видимо, после смерти Даниила Борисовича (см.: *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств).

Очерк 2

ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВАСИЛИЯ II

При вступлении на престол Василия Васильевича у него сразу же разгорелся конфликт со старшим из дядьев — Юрием Дмитриевичем; поводом для него послужила нечеткая формулировка механизма передачи власти на случай смерти Василия Дмитриевича в завещании Дмитрия Донского: «А по грѣхѡм, отъимет Богъ сына моего, князя Василья, а хто будетъ подь тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ оудѣл»¹. В результате посредничества митрополита Фотия Юрий отказался от своих притязаний, но на время: стороны договорились вынести спор на суд «царя»². Такое решение было принято в условиях, когда в Орде продолжалась борьба за власть между несколькими претендентами. Ни один из них не располагал серьезной военной силой: показательно, что Борак и Худайдат в период своего максимального могущества терпели поражения от относительно небольших литовско-русских воинских контингентов. Если бы в московских правящих кругах существовало стремление покончить с зависимостью от Орды, для этого был весьма подходя-

¹ ДДГ. М.; Л., 1950. № 12. С. 35. Из текста неясно, подпадает ли под эту формулировку ситуация, при которой у Василия Дмитриевича остаются сыновья или имеется в виду случай его бездетной смерти (в момент смерти отца Василий еще не был женат).

² ПСРЛ. Т. 27. С. 100—101 («И dokonча мир на том, что князю Юрью не искати княжения великого собою, но царем, которого царь пожалует, то будет великий князь Владимирский, Новугороду Великому и всеи Руси»); Т. 25. С. 247.

щий с военно-политической точки зрения момент — средств для восстановления власти силой, как у Тохтамыша и Едигея, у Орды тогда не было. Но очевидно, при великокняжеском и удельнокняжеских дворах не возникало самой мысли такого рода: царь есть царь, как бы слаб он ни был — это сюзерен, верховенство которого надо признавать. И решение спора о великом княжении (доселе внутри московской династии не случавшегося) лучше всего вынести на суд сюзерена.

Однако в Орду Василий и Юрий отправились только 6 лет спустя. Поначалу этому, вероятно, мешала незавершенность борьбы за власть в Орде. Позже Юрий, скорее всего, не спешил реализовать договоренность, т. к. не рассчитывал на положительное для себя решение: в Орде утвердился Улуг-Мухаммед, выдавший Василию ярлык на великое княжение при жизни его отца, и был жив могущественный дед Василия и союзник Улуг-Мухаммеда Витовт — гарант интересов юного московского князя согласно завещанию Василия Дмитриевича³. В марте 1428 г. был заключен договор между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем, в котором дядя признавал себя «молодшим братом» (т. е. вассалом) племянника⁴.

После смерти Витовта в октябре 1430 г. ситуация изменилась, шансы Юрия Дмитриевича в борьбе за власть повышались; после же того, как умер другой гарант завещания Василия I, митрополит Фотий (2 июля 1431 г.), наступило время, когда оба соперника в борьбе за великое княжение нуждались в поддержке хана. И в августе 1431 г. Василий Васильевич отправился в Орду. Следом, в сентябре, выехал и Юрий Дмитриевич. После длительного разбирательства, в ходе которого одна группировка ордынской знати поддерживала Василия, а другая — Юрия, Улуг-Мухаммед летом 1432 г. отдал ярлык на великое княжение Василию, а Юрий получил в состав своего удела Дмитров (бывший ранее центром удела его брата Петра, умершего в 1428 г.)⁵.

Но ханское решение не прекратило борьбы между племянником и дядей. Причем оба фактически не посчитались с волей

³ ДДГ. № 22. С. 62.

⁴ Там же. № 24. С. 63. 65.

⁵ ПСРЛ. Т. 27. С. 101—103; Т. 26. С. 187—188; Т. 25. С. 249—250.

«царя», а Улуг-Мухаммед не попытался вмешаться в междоусобицу. Этому препятствовала занятость хана литовскими делами: в первой половине 30-х гг. в Великом княжестве Литовском шла война за власть между Сигизмундом Кейстутовичем (братом Витовта) и Свидригайлой Ольгердовичем (братом Ягайло), и Улуг-Мухаммед активно поддерживал последнего⁶.

Междоусобица в Московском великом княжестве⁷ (в литературе ее принято называть «феодальной войной второй четверти XV в.») растянулась до 1453 г. Василий II трижды терял в ходе нее престол (в 1433 и 1434 гг. великим князем дважды становился Юрий Дмитриевич, в 1446 г., когда Василий был ослеплен, — сын Юрия Дмитрий Шемяка), но в конце концов одержал победу⁸. Занятость внутренней борьбой осложняла внешнеполитическое положение Москвы. В 1445 г. Улуг-Мухаммед, изгнанный соперниками из Орды, обосновавшийся в Среднем Поволжье и нанеший поражение Василию II, передал суздальским князьям Нижний Новгород (восстановил там московскую власть несколько месяцев спустя Дмитрий Шемяка, взошедший на великое княжение)⁹. В 1446 г. Василий II отдал Борису Александровичу Тверскому, поддерживавшему его в борьбе за возвраще-

⁶ См.: *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430—1460) // *Славяне и их соседи.* Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 175—182. Очевидно, начало междоусобицы в Литве после смерти Витовта позволило Василию II овладеть Козельском (напомню, отошедшим к Москве в начале XV в., но в 1406 г. захваченным Витовтом): в договоре Василия II с внуком Владимира Андреевича Серпуховского Василием Ярославичем (1433 г.) Козельск указан в числе владений великого князя (ДДГ. №. 27. С. 70).

⁷ Следует подчеркнуть, что, в отличие от борьбы за великое княжение в XIV в., теперь соперничество происходило исключительно внутри московского княжеского дома.

⁸ См.: *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 756—767, 787—808; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991.

⁹ См.: *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // *Актовое источниковедение.* М., 1979; *Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // *Архив русской истории.* Вып. 7. М., 2002.

ние на престол, Ржеву (в 1448 г. она перешла под литовскую власть, в 1449 г. на короткое время возвращалась в состав тверских владений и только по договору Василия II с Казимиром IV от 31 августа 1449 г. была закреплена за Москвой)¹⁰. В 1448 г. отошел к Литве Козельск (его, в отличие от Нижнего Новгорода и Ржевы, вернуть удалось только в 90-х гг. XV в.)¹¹.

Но имели место и приобретения: в начале 40-х гг. было непосредственно присоединено к Москве Суздальское княжество (его принадлежность Москве была закреплена после возвращения Василия II к власти, в 1447—1449 гг.)¹². После гибели Шемяки (1453 г.), когда власти Василия Васильевича уже ничто не угрожало, он совершил «куплю» крупного массива рязанских владений на правом берегу Оки, вплоть до верховьев Дона¹³.

Правление Василия II пришлось на период, когда ордынские «замятни», в отличие от прежних времен, стали заканчиваться не временной консолидацией под властью того или иного сильного правителя, а складыванием на окраинных территориях Орды особых, практически независимых политических образований: в период его княжения возникли Казанское ханство, (основанное Улуг-Мухаммедом), Крымское ханство, стала оформляться Ногайская Орда на левобережье нижней Волги¹⁴. «Центральная» часть, занимавшая пространство между Днестром и Волгой, в русских источниках начинает именоваться «Большой Ордой»; ее пра-

¹⁰ См.: *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // ИСССР. 1984. № 6. С. 155—157.

¹¹ ДДГ. № 49. С. 149; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1994. С. 182—183.

¹² См.: *Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // СР. Вып. 4. М., 2003.

¹³ ДДГ. № 76. С. 285, 288—289. Очевидно, Василий II купил эти земли у князя Василия Ивановича Рязанского, который, будучи малолетним, воспитывался с 1456 г. в Москве, после чего, женившись на дочери Василия II, был отпущен в 1464 г. на свое княжение (ПСРЛ. Т. 25. С. 275—276); следовательно, «купля» датируется временем от 1456 до 1462 гг. (года смерти Василия II).

¹⁴ См.: *Сафарганиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 225—231, 260—263.

витель формально считался сюзереном остальных ханов¹⁵. После изгнания Улуг-Мухаммеда (1438 г.)¹⁶ и до середины 50-х гг. в этой «основной» части Орды правили два хана — Кичи-Мухаммед, которому принадлежали ее восточные области (между Доном и Волгой), и Сеид-Ахмет, кочевавший в Поднепровье. В Москве до конца 40-х гг. признавали верховную власть их обоих¹⁷. Но с 1449 г. начинаются (и идут в течение всех 50-х гг.) систематические набеги татар Орды Сеид-Ахмета на московские владения. Походы на Русь, санкционированные правителями Орды, всегда

¹⁵ Впервые термин «Большая Орда» употребляется под 1460 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 156).

¹⁶ Барбаро и Контарини о России. М., 1971. С. 117—126, 140, 151; Сафаргалиев М. Г. Указ. соч. С. 242—244, 258—260.

¹⁷ ДДГ. № 38. С. 108, 111, 113, 116; АИ. Т. 1. М., 1841. № 40. С. 80; РФА. Вып. 1. М., 1986. № 19. С. 111. По мнению Б. Н. Флори, орда Кичи-Мухаммеда кочевала далеко от русских земель, на нижней Волге и Северном Кавказе, и в качестве сюзерена после изгнания Улуг-Мухаммеда в Москве рассматривался только Сеид-Ахмет (Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века. С. 184—185). Имеющиеся сведения источников, однако, не дают для такого утверждения оснований. У И. Барбаро говорится о подходе орды Кичи-Мухаммеда в 1438 г. к Тане (Азову), т. е. в Нижнее Подонье (Барбаро и Контарини о России. С. 117—126, 140—151). Арабский автор (современник событий) ал-Айни сообщает, что в 847 г. х. (I.V. 1443 — 19.IV. 1444) Кичи-Мухаммед был «государем Крыма и Дешта» (Тизенгаузен В. Г. Сборник документов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 534). Если «Дешт» — понятие широкое (так именовались степи Восточной Европы), то овладеть Крымом можно было только при условии контроля над степями между Доном и Днепром. Сообщение Я. Длугоша, что владения Кичи-Мухаммеда находятся «за Волгой» (Ioannis Dlugossis senioris canonici Cracoviensis opera. Т. 14. Cracoviae, 1878. P. 422) имеет в виду его коренной юрт, а не места кочевий (аналогично в конце XV — начале XVI в. в Литве и Польше называли орду потомков Кичи-Мухаммеда «Заволжской», хотя кочевала она исключительно западнее Волги). В договоре Василия II с Дмитрием Шемякой начала 40-х гг. Кичи-Мухаммед упоминается первым, перед Сеид-Ахметом (ДДГ. № 38. С. 108, 111, 113, 116). В послании духовенства Шемяке от 29 декабря 1447 г. говорится, что этот князь не считает Сеид-Ахмета «царем» (АИ. Т. 1. № 40. С. 80; РФА. Вып. 1. № 19. С. 111). Ясно, что Шемяка при этом не отрицал ордынскую власть вообще, а считал «царем» и единственным сюзереном другого хана. Им мог быть только Кичи-Мухаммед.

имели под собой конкретные причины, связанные с теми или иными нарушениями русскими князьями вассальных обязательств (расхожее представление, будто ордынские ханы только и думали о том, как бы сходить походом на Русь, поразорять и пограбить, очень далеко от действительности). Чисто грабительские набеги исходили от татарских группировок, не подчинявшихся центральной власти (каких в XV в. было немало) и, следовательно, не имевших даннических отношений с русскими князьями. Для правителя же, власть которого признают и которому платят дань, посылка войск на выполняющего свои обязательства вассала — нонсенс, это означало бы губить собственную дань. Такие правители организовывали походы только тогда, когда требовалось привести вассала в покорность или, если для этого не хватало сил, хотя бы наказать за своеволие разорением его владений. Поэтому начало набегов Орды Сеид-Ахмета на Московское великое княжество является свидетельством того, что с конца 1440-х гг. в Москве стали признавать верховенство только Кичи-Мухаммеда. В 1451 г. войска Сеид-Ахмета даже сумели осадить Москву, но к середине 1450-х гг. удалось наладить оборонительную линию на Оке, а во 2-й половине 1450-х гг. Орда Сеид-Ахмета распалась¹⁸.

К периоду правления Василия Васильевича относится примечательное явление: великий князь московский начинает при жизни именоваться «царем». В ордынскую эпоху, в середине XIII — XIV вв., применение этого термина к русским князьям (в домонгольский период sporadически встречавшегося как обозначение князя «высоким стилем» — см. Часть II, Очерк 3) сошло на нет: складывается представление о «царе» как полностью суверенном правителе, и русские князья теперь не подходят под это определение¹⁹. «Царем» неоднократно назван Дмитрий Донской в «Слове» о его житии (начало XV в.)²⁰. Очевидно, право на такое титулование давало независимое правление Дмитрия (в 1374—1380 гг.)

¹⁸ См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 147—148; *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века. С. 189—191.

¹⁹ См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...» М., 2001. С. 137.

²⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 351, 353—355, 359—360, 362, 365.

при отсутствии реально правящего «царя» в Орде. Но это титулование было посмертным, Василий II же именуется «царем» прижизненно. Ранее всего этот титул прилагается к нему в начале 1440-х гг. Симеоном Суздальцем в первой редакции его «Повести о Флорентийском соборе» («белый царь всея Руси») ²¹ и Пахомием Сербом в третьей редакции «Жития Сергия Радонежского» («великодержавный царь Русский», «благоразумный царь») ²², в обоих случаях при изложении конфликта великого князя с митрополитом Исидором по поводу решений Флорентийского собора конца 1430-х гг. Применение царской титулатуры в этих произведениях связано с ролью Василия Васильевича как защитника православия в ситуации, когда «греческий царь» — император Византии согласился на унию с католической церковью, подразумевающую главенство римского папы. В начале 1460-х гг. царский титул по отношению к Василию II неоднократно употребляется в «Слове избраном от святых писаний, еже на латыню», также посвященном Флорентийскому собору и его последствиям ²³. Но тогда же, в 1461 г., митрополит Иона в послании в Псков упоминает Василия как «великого господаря, царя русаго» уже вне связи с этими событиями ²⁴.

Очевидно, в середине XV в. делаются первые шаги на пути становления идеи о переходе к московским великим князьям царского достоинства от византийских императоров. Разумеется, более сильным, чем согласие «греческого царя» на унию, стимулом здесь стало падение Константинополя в 1453 г., обозначавшее гибель христианского православного «царства». Если после падения Константинополя в 1204 г. возникли Никейская и Трапезундская империи, продолжали существовать такие независимые православные государства, как Болгария и Сербия, ряд крупных русских княжеств, то после 1453 г. единственным православным государ-

²¹ См.: Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 207.

²² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. М., 1998. С. 437—438. Редакция датируется «около 1442 г.» (там же. С. 168).

²³ Попов А. С. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 360, 365, 376—377, 379—382, 384, 392—393, 395; ПСРЛ. Т. 25. С. 259—260.

²⁴ РИБ. Т. 6. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 674.

ством, представлявшим реальную силу, было Московское великое княжество. Оно имело, таким образом, все основания считать себя наследником места Византии в мире, т. е. «царством». Формированию представления о «царском» характере власти великого князя московского могло способствовать и установление тогда же автокефалии русской церкви²⁵. Поставление митрополита теперь зависело лишь от воли великого князя, санкция константинопольского патриарха не требовалась: а верховенство в церковных делах считалось прерогативой только одного светского правителя — императора, «царя».

Но царь не может подчиняться другому царю, он должен быть полностью суверенным правителем. Идея о царском достоинстве московского великого князя неизбежно должна была прийти в противоречие с продолжавшимся признанием верховенства хана Орды.

²⁵ См.: *Синицына Н. В.* Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448—1589 гг.) // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* М., 1990. С. 126—137; *Белякова Е. В.* Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV—XVI вв. // *Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика.* М., 1995.

Очерк 3

КОГДА МОСКВА ОСВОБОДИЛАСЬ ОТ ВЛАСТИ ОРДЫ?

Время правления Ивана III — с 1462 г. по 1505 г. — стало эпохой, в которую московские владения выросли в несколько раз. Первым приобретением Ивана Васильевича было Ярославское княжество, присоединенное уже в 1463 г.¹ В 1474 г. у ростовских князей была куплена остававшаяся номинально суверенной часть их княжества², а в 1478 г. под непосредственную власть московского князя перешла огромная Новгородская земля³. К первой половине княжения Ивана III относится и ликвидация зависимости от Орды.

Вопрос о том, когда Москва освободилась от ордынской власти, может показаться парадоксальным, даже странным. Считается общепризнанным, что это случилось в 1480 г., в результате неудачного похода на Московское великое княжество хана Боль-

¹ См.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. 1. М., 1997. № 312. С. 302—303, 340—342; Назаров В. Д. О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства // Россия в IX—XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1998.

² ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 194.

³ См.: Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 862—874; Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 143—157.

шой Орды Ахмата и т. н. «стояния на Угре»⁴. Однако если обратиться к историческим источникам, вышедшим из-под перьев современников событий — людей конца XV в., там такой трактовки происшедшего в 1480 г. не обнаружится⁵. Более того — она отсутствует и у книжников XVII в. и даже у историков XVIII столетия! Первым, кто четко связал падение зависимости с событиями на Угре осенью 1480 г., был Н. М. Карамзин, заключивший рассказ о «стоянии» словами: «Здесь конец нашему рабству»⁶.

Правда, отражение похода Ахмата упоминается в связи с суждениями об избавлении от иноземной власти в двух памятниках середины — второй половины XVI в. — послании Ивану Грозному его духовника Сильвестра и «Казанской истории». Но у Сильвестра о походе Ахмата на Русь говорится в самых общих выражениях: «Гордый царь Ахмать Болшия Орды воздвигъ помысль лукавъ на Рускую землю, со многими орды, съ великими похвалами во многихъ силахъ вооружився, пришелъ на Рускую землю со множествомъ многимъ воинствомъ, великою гордостью дышюще, помысливъ высокоумиемъ своимъ и рече: избию вси Князи Руские, и буду единъ властець на лица всея земля, а не вѣдый, яко мечъ Божий острица на нь. И восхотѣ пленити всю Рускую землю...»⁷. Здесь нет ни одной конкретной детали, указывающей на то, что речь идет именно и только о походе 1480 г. Далее упоминаются (также в общих выражениях) бегство и гибель Ахмата (имевшая место в начале 1481 г.) и последующее полное уничтожение Орды — «безъ памяти разсыпашася и погибоша» (в действительности происшедшее только в 1502 г.). Лишь затем констатируется: «А православныхъ великихъ князей Господь Богъ рогъ возвыси и отъ нечестивыхъ царей свободы»⁸.

⁴ Соответственно, каждый следующий исследователь обращается к событиям именно 1480 г., пытаясь выявить новые их детали и стороны (см., например: *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2001. С. 420—451).

⁵ На это обратил внимание Ч. Дж. Гальперин (*Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985. P. 70—73).

⁶ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 6. М., 1998. С. 98.

⁷ *Голохвастов Д. П., Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения ОИДР. М., 1874. Кн. 1. С. 71.

⁸ Там же.

В «Казанской истории» события излагаются в следующей последовательности: Ахмат вступает на престол, посылает к Ивану III послов с требованием дани за прошлые годы, великий князь отказывается и царь выступает в поход. В рассказе о походе упоминаются Угра и ряд конкретных деталей событий 1480 г. (включая дату), но кроме того, говорится о разорении «Орды» (в смысле оставленных Ахматом без защиты степных становищ) «служилым царем» (касимовским ханом) великого князя Нурдовлатом и князем Василием Ноздреватым⁹. В 1480 г. ничего подобного не происходило: возникновению такой легенды могли способствовать события, имевшие место в другие годы. В 1471 г. вятчане (жители тогда еще самостоятельной Вятской земли), спустившись, как и Нурдовлат с Василием Ноздреватым по «Казанской истории», в судах по Волге, разорили Сарай — древнюю столицу Орды¹⁰; в 1472 г. отступление Ахмата от Оки (в ходе его первого похода на Москву, о котором речь пойдет ниже) на Руси связывали, в частности, с боязнью, что служилые «царевичи» великого князя Данияр и Муртоза «возьмут Орду» (оставшуюся без прикрытия степную ставку хана)¹¹; в 1487 г. Иван III посылал Нурдовлата, а в 1490 и 1491 гг. его сына Сатылгана «под Орду»¹²; в 1501 г. на Орду ходил Василий Ноздреватый¹³; наконец, в 1502 г. с Ордой покончил брат Нурдовлата крымский хан Менгли-Гирей¹⁴. Далее в «Казанской истории» говорится об отступлении и гибели Ахмата и подводится итог: «И тако скончашася цари ординстии, и таковым Божиим промыслом погиге царство и власть великия Орды Златыя. И тако великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманского»¹⁵. Очевидно, что в послании Сильвестра и «Казанской истории» события московско-ордынских отношений при Иване III (от вступления Ахмата

⁹ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 55—56.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 191.

¹¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 161; Т. 27. С. 279.

¹² Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 60; № 19. С. 62, 65; № 27. С. 48, 101; № 28. С. 105; № 30. С. 115—116; № 32. С. 124—125.

¹³ Там же. № 72—76; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 68.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 41. № 83. С. 416—420.

¹⁵ Казанская история. С. 56—57.

на ордынский престол во второй половине 60-х гг. XV в. до гибели Орды в 1502 г.) не расчленены во времени, и освобождение от ига связывается с их совокупностью.

Если же обратиться к источникам конца XV столетия, обнаруживаются известия, не согласующиеся с тезисом о «ликвидации ига» в 1480 г.

Польский хронист Ян Длугош, умерший в мае 1480 г. (т. е. до событий на Угре, имевших место осенью), под 1479 г. поместил (в связи с темой отношений Польско-Литовского государства с Москвой) панегирическую характеристику Ивана III. Начинается она с утверждения, что московский князь, «свергнув варварское иго, освободился со всеми своими княжествами и землями, и иго рабства, которое на всю Московию в течение долгого времени... давило, сбросил» (*excusso iugo barbaro, vindicaverat se in libertatem cum omnibus suis principatibus et terris, et iugum servitutis, quo universa Moskwa a temporibus diuturnis... premebatur, rejecit*)¹⁶. Итак, «стояния на Угре» еще не было, а в Польше уже существовало представление, что Иван III покончил с властью Орды...

В 1474 г. Иван III провел переговоры с правителем Крымского ханства (одного из наследников бывшей единой Орды, враждовавшего с наследником главным — Большой Ордой во главе с Ахматом) Менгли-Гиреем. В проекте договора о московско-крымском союзе не только нет намек на зависимость Москвы от Большой Орды, но Ахмат фигурирует как «вопчий недруг» Ивана и Менгли-Гирея. При этом московская сторона не соглашалась прекратить обмен послами с Ахматом, но примечательно, с каким обоснованием: «Осподарю моему пословъ своихъ къ Ахмату царю какъ не посылати? — должен был сказать Менгли-Гирею посол Ивана III Никита Беклемишев, — или его посломъ к моему государю как не ходити? Осподаря моего отчина съ нимъ на одномъ поле, а кочюеть подле отчину осподаря моего ежелеть; ино тому не мощно быть, чтобы межи ихъ посломъ не ходити»¹⁷. Обмен посольствами не может быть прекращен, поскольку волею судьбы Ахмат — сосед великого князя московского; никакой ссыл-

¹⁶ Ioannis Dlugossii senioris canonici Cracoviensis opera. Т. 14. Cracoviae, 1878. Р. 697.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 41. № 1. С. 1—5.

ки на многолетнюю зависимость¹⁸... Поскольку для правящих кругов Крымского ханства факт реальности таковой не мог быть секретом, следует полагать, что московская сторона во время переговоров дала понять, что более не признает отношений такого рода с Большой Ордой.

Наконец, в Вологодско-Пермской летописи (созданной современниками событий) говорится, что в 1480 г. Ахмат в ходе переговоров упрекал Ивана III в неуплате «выхода» девятый год¹⁹. Это означает, что дань перестала выплачиваться в 1472 г.²⁰ Здесь пора вспомнить, что поход Ахмата 1480 г. был вовсе не первым походом хана Большой Орды на Ивана III. До этого имели место два такого рода предприятия — в 1465 и как раз в 1472 г.

Поход на Москву, возглавляемый самим правящим ханом Орды («самим царем», по выражению русских источников), — явление не просто редкое, но исключительное. Ранее был всего один такой поход — Тохтамыш в 1382 г. (Мамай и Едигей, ходившие на Москву в 1380 и 1408 гг., не являлись ханами, а Улуг-Мухаммед, воевавший с Василием II в конце 30-х — первой половине 40-х гг. XV в., был ханом-изгнанником из Орды). Итак, один поход «самого царя» за 220 лет, прошедших между основанием Орды и вокняжением Ивана III, и три за 18 первых лет его правления! Выше (см. Часть V, Очерк 2) говорилось, что походы на Русь, санкционированные правителями Орды, всегда имели под собой конкретные причины, связанные с теми или иными нарушениями русскими князьями вассальных обязательств. Что уж говорить о случаях, когда сам хан возглавлял поход, — для этого нужны были более чем веские основания.

Поэтому факт выступления в 1465 г. на Москву хана Махмуда (брата Ахмата, правившего тогда Большой Ордой) может объясняться либо неуплатой Иваном III дани за первые годы его прав-

¹⁸ Ср.: *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1980. С. 80 и 186, примеч. 125.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 265.

²⁰ Гуляющая по литературе дата 1476 в качестве первого года неуплаты «выхода» (см., например: *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980. С. 76) — результат ошибочного прочтения «пятый год» вместо «девятый год» в тексте Вологодско-Пермской летописи (см.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 42).

ления, с 1462 г.²¹, либо присоединением Ярославского княжества (1463 г.) без ордынской санкции. Этот поход был сорван из-за нападения на Махмуда тогдашнего крымского хана Хаджи-Гирея²². В последующие годы, когда к власти в Большой Орде при-

²¹ Примечательно, что сразу же после вокняжения Ивана III происходит изменение в формулировке пункта об отношениях с Ордой в договорных грамотах князей московского дома. Со времени завещания Дмитрия Донского (1389 г.) в нем применялись слова «А перемѣнить Богъ Орду» — в этом случае предполагалось, что не будет выплачиваться «выход». Эта формулировка сохранялась (как в духовных, так и в договорных грамотах) и при Василии Дмитриевиче, и при Василии Васильевиче [ДДГ. № 12. С. 36 (духовная Дмитрия Донского); № 19. С. 54; № 20. С. 56; № 21. С. 59; № 22. С. 61; № 24. С. 64, 66; № 27. С. 71; № 30. С. 76, 79; № 33. С. 85; № 34. С. 88; № 35. С. 90, 93, 96, 99; № 38. С. 108, 111, 113, 116]. Лишь однажды — в договоре Василия Васильевича с Михаилом Андреевичем, князем верейским и белозерским, датированном не позднее 1445 г., применяется иная формула: «А коли яз, князь велики, в Орду не дам, и мнѣ у тебя не взяти» (там же. № 43. С. 126). Но в позднейших dokonчаниях Василия Васильевича и в его духовной продолжала применяться формула «А перемѣнить Богъ Орду» [там же. № 45. С. 131, 134, 137, 139; № 47. С. 144; № 48. С. 147; № 56. С. 171, 174; № 58. С. 182, 185; № 61. С. 197 (духовная Василия II)]. С началом же княжения Ивана Васильевича (и в течение всего его правления) применяется именно та, не привившаяся при Василии II, оговорка: «А коли яз, князь велики, выхода в Орду не дам, и мнѣ у тебе (удельного князя. — А. Г.) не взяти» (ДДГ. № 64. С. 209, 211; № 65. С. 214; № 67. С. 218, 220; № 69. С. 226, 228, 231; № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249; № 72. С. 254, 257, 259, 262, 265, 267; № 73. С. 270, 272, 275; № 75. С. 279, 282; № 78. С. 295; № 81. С. 318, 321; № 82. С. 325, 328; № 90. С. 365, 367, 369). Таким образом, возможность неуплаты «выхода» теперь связывалась не с «переменной» Орды, а только с волей великого князя. Первой грамотой такого рода является dokonчание Ивана Васильевича с тем же Михаилом Андреевичем, заключенное до 13 сентября 1464 г. (ДДГ. № 64. С. 209, 211—212), т. е. в первые два года правления нового великого князя.

²² «Поиде безбожный царь Махмутъ на Рускую землю со всею Ордою и бысть на Доноу; Божию же милостию и Пречистые матери прииде на него царь Азигирей и би его и Орду взя, и начаша воеватися промежь себе. И тако Богъ избави Рускою землю отъ поганыхъ» (ПСРЛ. Т. 24. С. 186). Очевидно, что целью несостоявшегося похода было Московское великое княжество: если бы поход направлялся на Рязанскую землю, это было бы отмечено (как в сообщении о походе Махму-

шел Ахмат, дань выплачивалась (коль скоро начало ее неуплаты датируется 1472 г.). Поход Ахмата на Москву 1472 г. следует связывать с другими причинами²³.

В конце 60-х гг. XV в. Казимир IV, король польский и великий князь литовский, стал активно претендовать на сюзеренитет над Великим Новгородом (традиционно признававшим своим верховным правителем великого князя московского). В Новгороде было немало сторонников перехода под «руку» Литвы, в частности кричавших на вече: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися вотчиною его; волные есмя люди Великии Новгородъ, а московский князь великии многи обиды и неправду над нами чинит»²⁴. В 1470—1471 гг. Казимир через своего посла, татарина Кирея Кривого, добивался у Ахмата союза против Ивана III²⁵. Немного позже, в 1472 г., Казимир получил от крымского хана Менгли-Гирея ярлык, в котором (как и в ярлыке Хаджи-Гирея 1461 г.) помимо реально принадлежавших Великому княжеству Литовскому русских земель королю жаловался и Новгород²⁶. Скорее всего, в 1470—1471 гг. Казимир добивался от Ахмата, помимо военного союза против Москвы, того же — признания его прав на Новгород. Ярлыки, выданные крымскими ханами, более способствовали самоутверждению Гиреев в борьбе с Большой Ордой за «наследие» былой единой ордынской державы, чем имели реальную политическую значимость. Иное дело, если бы Новгород был пожалован Казимиру не крымским ханом, а ханом Большой Орды — это являлось бы волей правителя, традиционно признававшегося в Москве сюзереном. В августе 1471 г. посоль-

да на Рязань 1460 г. — там же. Т. 23. С. 156), а русские территории, входившие в состав Великого княжества Литовского, летописцы Северо-Восточной Руси «Русской землей» не называли.

²³ Поскольку дань платилась за предыдущий год, летом 1472 г. Ахмату еще было рано столь резко реагировать на задержку выплаты.

²⁴ ПСРЛ. Т. 27. С. 129; Т. 25. С. 284.

²⁵ Там же. Т. 25. С. 292, 395; Т. 27. С. 128, 136.

²⁶ *Gołębiowski L. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów*. Т. 3. Warszawa, 1848. S. 230—233; АЗР. Т. 2. СПб., 1848. №. 6. С 5; *Kolanowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*. Т. 1. Warszawa, 1930. S. 318, 327.

ство Ахмата прибыло в Краков²⁷, по-видимому, с положительным ответом. Но было поздно: Иван III, о реакции хана на претензии короля не знавший, 14 июля 1471 г. (т. е. когда ордынское посольство было на пути в Польшу) разбил новгородцев на р. Шелони и вынудил их признать его власть²⁸. Воля хана оказалась пустым звуком. Тогда Ахмат и решил наказать своевольного вассала.

Согласно великокняжескому летописанию, хан пошел на Русь «со многими силами», «со всею Ордою»²⁹. Другой летописный источник указывает, что Ахмат двинулся «со всеми силами своими», оставив дома только «старыхъ, и болныхъ, и малыхъ дети», и подошел к московским владениям с «литовского рубежа»³⁰, т. е. с территории, принадлежавшей Великому княжеству Литовскому (владения которого тогда включали верхнее течение Оки). 29 июля Ахмат подошел к городу Алексину на правом берегу Оки. На следующий день татарам удалось сжечь упорно сопротивлявшийся город. Но их попытка переправиться на левый берег реки была отбита подоспевшими московскими войсками. В ночь на 1 августа Ахмат поспешно отступил («побеже») и в шесть дней достиг своих зимних становищ³¹. Летописцы 70-х гг. XV в. связывали отход хана с его страхом перед русскими войсками, вид которых описывался в выражениях, напоминающих поэтическую образность «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище»: «И се и сам царь прииде на берегъ и видевъ многие полкы великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко сребро блистаючи, и въоружены зело, и начат от брега отступати по малу в нощи тое, страх и трепет нападе на нь»³²; «и бѣ видѣти татаромъ велми страшно, такоже и самому царю, множество воа русского. А лучися тогды день солнечный: якоже море колиблущесе или яко езеро синеющися, все в голыхъ доспе-

²⁷ Rachunki wielkorządowe krakowskie z r. 1471. Kraków, 1951. № 94, 108, 114, 118, 120. С. 408, 412—415.

²⁸ ПСРЛ. Т. 27. С. 131—135; Т. 25. С. 286—291.

²⁹ Там же. Т. 25. С. 297; Т. 28. С. 133; Т. 26. С. 249.

³⁰ Там же. Т. 23. С. 160; Т. 27. С. 278.

³¹ Там же. Т. 25. С. 297—298; Т. 28. С. 133—134; Т. 26. С. 249—250; Т. 23. С. 160—161; Т. 27. С. 278—279; Т. 24. С. 192—193.

³² Там же. Т. 25. С. 297; Т. 28. С. 133; Т. 26. С. 250.

сех и в шеломцехъ съ аловци»³³. Причиной не самого отступления, но его небывалой поспешности великокняжеская летопись называет распространившуюся в татарском войске смертельную болезнь³⁴.

Результат конфликта оценивался великокняжеской летописью как «победа» и «избавление»: «Сице бысть милосердие Господа нашего Исуса Христа на нас грешных, и толика побѣда на противных сыроядець... избави Господь род христианскы от нахождения безбожных Агарень... и раззидошася кииждо въ свояси, благодаряше Господа Бога, подавшего имъ побѣду бес крове на безбожных Агарян»³⁵. Он получил даже более высокую оценку, чем итог конфликта 1480 г.: тогда происшедшее расценили как «избавление»³⁶, а в отношении событий 1472 г. говорилось не только об «избавлении», но о «победе»³⁷.

Именно после отражения похода 1472 г. Иван III перестал выплачивать дань (и уже окончательно) и начал переговоры с Крымом о союзе против Казимира и Ахмата. Это означало фактически прекращение отношений зависимости с Большой Ордой. Решение далось трудно — есть сведения о наличии в окружении великого князя лиц, выступавших за сохранение прежнего положения дел³⁸; сломать более чем двухвековую традицию призна-

³³ Там же. Т. 23. С. 160; ср.: Т. 27. С. 278.

³⁴ Там же. Т. 25. С. 297—298; Т. 28. С. 133—134; Т. 26. С. 250.

³⁵ Там же. Т. 25. С. 298; Т. 28. С. 134.

³⁶ «И тако избави Бог и Пречистая Рускую землю от поганыхъ» (ПСРЛ. Т. 24. С. 201); «И тако избави Богъ Русскую землю от поганых татаръ молитвами Пречистыя матери и великих чудотворецъ» (там же. Т. 25. С. 328); «И похвалиша Бога и Пречистую Богородицу и великих чудотворцовъ, избавльших ны от поганыхъ» (там же. Т. 27. С. 284; Т. 6. СПб., 1853 — Софийская II летопись. С. 232; Т. 28. С. 150). Речь идет (как и в 1465 и 1472 гг.) об «избавлении» от конкретной угрозы, а не многолетней зависимости.

³⁷ Заметим, что летописные рассказы о первом походе Ахмата немалого короче повествований об «Угорщине», при том, что события 1472 г. заняли (считая с момента выступления хана) около двух месяцев, а 1480 г. — около пяти; впечатление, произведенное отражением похода Ахмата 1472 г., сопоставимо, таким образом, с воздействием на современников «стояния на Угре», хотя масштаб военных действий во втором случае был значительней.

³⁸ См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 158—159.

ния хана Орды верховным владыкой Руси было делом непростым. Но явился хороший повод — действия хана выглядели как несправедливые, предпринятые при отсутствии какой-либо вины со стороны великого князя. Ведь поход Ивана III на Новгород московская сторона не могла рассматривать в качестве вины перед «царем», поскольку Новгородская земля издавна считалась «отчиной» великих князей, и Орда всегда это признавала. Вспомним теперь резоны, выдвигавшиеся в Новгороде в качестве оснований непризнания власти Ивана III: если носитель верховной власти чинит *неправду* и *обиду*, отношения с ним могут быть разорваны.

Однако фактически прекратив отношения зависимости и заявляя об этом в контактах с третьими странами (Крымом, и, судя по приведенной выше характеристике Я. Длугоша, Польско-Литовским государством³⁹), Иван III стремился не делать резких движений в отношениях с самой Большой Ордой, рассчитывая оттянуть новое столкновение. В 1473—1475 гг. продолжался обмен послами с Ахматом⁴⁰. Но в 1476 г., когда пошел уже пятый год неуплаты дани, а Ахмат стал приводить в зависимость отпавшие ранее от Орды земли (ему удалось тогда подчинить Крым и Астрахань⁴¹), посол хана приехал в Москву, «зоя великого князя ко царю в Орду»⁴² (вызова великого князя московского в Орду не было со времен Тохтамыша). Иван III не поехал, и конфликт стал неизбежным. Ахмат не выступал во второй поход до 1480 г., когда договорился с Литвой об антимосковском союзе. Но в Москве после отъезда в сентябре 1476 г.⁴³ ордынского посла о предстоящей отсрочке, естественно, знать не могли и должны были

³⁹ Источником информации Длугоша могла быть и ордынская сторона: в 1479 г., под которым в его сочинении говорится о свержении Иваном III «ига», послы Ахмата вели переговоры с Казимиром IV об антимосковском союзе (см.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 41).

⁴⁰ См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 30—31; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 160—161.

⁴¹ См.: *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. С. 35, 44; *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа: последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990. С. 45—47.

⁴² ПСРЛ. Т. 25. С. 308.

⁴³ Там же. С. 309.

ожидать нового похода хана в ближайшее удобное для этого время. По аналогии с предшествующими татарскими походами и набегами таким временем было лето⁴⁴. Следовательно, летом следующего года, 1477 г., в Москве ждали ордынского нападения. И именно накануне, весной 1477 г., создавался Московский великокняжеский летописный свод, ставший источником дошедших до нас летописей — Московского свода 1479 г. и Ермолинской⁴⁵.

В этом своде последовательно проводилась «антиордынская» тенденция. Были опущены имевшиеся в более ранних летописях — его источниках — места, указывающие на зависимость Руси от Орды: о том, что Александр Невский получил в Орде «старейшинство во всей братьи его», о посылке (после восстания горожан Северо-Восточной Руси против сборщиков дани в 1262 г.) татарских войск «попленили христианы» и принуждении их «с собой воинствовати»⁴⁶, о службе татарам князя Глеба Ростовского, о татарской политике возбуждения вражды между русскими князьями, о «царевых ярлыках», зачитанных на княжеском съезде в Переяславле в 1303 г.⁴⁷. В Повести о нашествии Тохтамыша 1382 г. были пропущены слова, мотивировавшие отъезд Дмитрия Донского в Кострому нежеланием противостоять «самому царю» («не хотя стати противу самого царя»), а определения «мятежники и крамольники» оказались перенесены с затеявших в Москве волнения горожан на тех, кто хотел бежать из города в

⁴⁴ Крупные татарские нападения происходили зимой или летом; но последним зимним походом было нашествие Едигея 1408 г.; последующие нападения — все летние.

⁴⁵ См.: Горский А. А. «Повесть о убиении Батыея» и русская литература 70-х годов XV века // СР. Вып. 3. М., 2001. С. 199—204, 213—214. Аналогично датирует (хотя и без аргументации) свод-протограф Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи в своей новейшей работе Б. М. Клосс [Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 49; заметим, что в статье Б. М. Клосса и Я. С. Лурье 1976 г., на которую в данном случае ссылается автор (примеч. 102 на с. 59), отождествления протографа Московского свода и Ермолинской со сводом 1477 г. нет, они рассматриваются как разные памятники].

⁴⁶ См.: Лурье Я. С. Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 116.

⁴⁷ См.: Насонов А. Н. История русского летописания XI—XVIII вв. М., 1969. С. 236.

преддверии осады⁴⁸. Кроме того, появились уничижительные эпитеты по отношению к основателю Орды Батыю («безбожный», «окаянный»), чего прежде в литературе Северо-Восточной Руси не было, к Тохтамышу (ранее также не встречаются) и к современному, ныне находящемуся у власти «царю» (что прежде также не допускалось) — Ахмату («злочестивый»)⁴⁹. Наконец, в свод были включены две специальные повести, повествующие об отражении нашествий могущественных восточных «царей».

Одна из них — «Повесть о Темир-Аксаке», рассказывающая о подходе к русским пределам в 1395 г. монгольского правителя Средней Азии Тимура и его отступлении благодаря заступничеству чудотворной Владимирской иконы Божьей Матери⁵⁰. Другая — «Повесть о убиении Батя». В ней рассказывается (под 1247 г.) о походе Батя на Венгрию, где правил король Владислав, тайно (благодаря влиянию сербского архиепископа Саввы) исповедовавший православие. Будучи не в состоянии отразить татар, он пребывал в городе Варадине на столпе, проводя время в молитвах. Голос свыше предсказал королю победу над неприятелем, Владислав вместе с находившимися в городе венграми вступил в бой, разбил противника и своей рукой убил Батя⁵¹.

От реальной действительности «Повесть...» очень далека: на самом деле Батый совершил поход в Венгрию в 1241 г.; поход этот был успешным, противостоял Батыю король Бела IV, а умер основатель Золотой Орды своей смертью, в зените могущества, в 50-х гг. XIII в. Исследование «Повести о убиении Батя» показало справедливость предположения, что она написана Пахомием Сербом (Логофетом) — наиболее видным русским писателем той

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 207; Т. 23. С. 128; ср.: Т. 6. СПб., 1853. С. 99 (Софийская I летопись — главный источник свода 1477 г.).

⁴⁹ См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 131, 136, 295, 297; Т. 23. С. 77; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 131, 133, 301, 303 («Летописец от 72-х язык», в который вошла часть свода 1477 г., охватывающая период 1417—1477 гг.).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 222—225; Т. 23. С. 134. Ранее «Повесть о Темир-Аксаке» если и существовала, то вне летописания (см.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. С. 52—53; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. М., 1998. С. 124—128).

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 139—141; *Горский А. А.* «Повесть о убиении Батя...» С. 218—220 (текст «Повести» по Архивской летописи).

поры, выходящем из Сербии. Фактической основой сюжета послужили события татарского похода на Венгрию 80-х гг. XIII в.; но под пером Пахомия предводителем неудачного похода стал Батый. Преследовалась вполне определенная цель: показать, что при условии крепости веры можно нанести поражение непобедимому «царю», даже самому Батыю — завоевателю Руси, основателю Орды, правителю, установившему «иго» (эта тенденция к «дискредитации» Батыея продолжилась во время похода Ахмата 1480 г.: тогда архиепископ Вассиан Рыло в своем «Послании на Угру», стремясь убедить заколебавшегося было Ивана III, что он вправе вести активные действия против хана, доказывал, что предок Ахмата Батый не был «царем» и не принадлежал к царскому роду⁵²). Есть основания полагать, что не только «Повесть о убиении Батыея», но и вся указанная выше «антиордынская правка» в своде 1477 г. связана с работой Пахомия⁵³.

К 1470-м гг. относится и подъем интереса к Куликовской битве 1380 г., выразившийся в создании двух новых редакций «Задонщины» — Пространной и Краткой⁵⁴.

Таким образом, фактическое прекращение отношений зависимости с Ордой произошло в 1472 г., после первого похода Ахмата на Москву. В последующие годы шла интенсивная идеологическая подготовка к отражению нового нашествия хана. В 1480 г. имела место попытка Ахмата *восстановить* власть над Московским великим княжеством. Поход хана на сей раз был основательнее подготовлен, чем в 1472 г., и во время «стояния на Угре» в окружении Ивана III вновь поднялись голоса за признание верховенства ордынского «царя». Но возобладать им не удалось, а после отступления Ахмата и его скорой (январь 1481 г.) гибели в результате нападения сибирских татар и ногаев Большая Орда была уже не в силах претендовать на сюзеренитет⁵⁵.

⁵² ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 530, 532.

⁵³ См.: Горский А. А. «Повесть о убиении Батыея...»

⁵⁴ См.: Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997.

⁵⁵ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 171—180. В представлениях потомков, отразившихся в упомянутых в начале этой главы послании Сильвестра Ивану IV и «Казанской истории», два похода Ахмата — скоротечный 1472 г. и более длительный 1480 г. — одинаковые по сво-

Непризнание ордынской власти произошло в условиях, когда уже начала действовать идея перехода к московскому великому князю из павшей Византийской империи царского достоинства, несовместимого с подчинением ордынскому «царю»⁵⁶. Мнение о необходимости прекратить отношения зависимости возобладало после «несправедливого» с московской точки зрения и удачно отраженного похода Ахмата 1472 г. Таким образом, освобождение совершилось тогда, когда начала преодолеваться прочно укоренившаяся «ментальная установка» о законности верховной власти хана Орды над Русью, и совершилось почти бескровно (несмотря на то, что Орда в 70-х гг. XV в. переживала последний всплеск своего военного могущества).

В мировой практике обретение страной независимости принято относить ко времени, когда освобождающаяся от иноземной власти страна начинает считать себя независимой, а не ко

ему результату (бесславное отступление Орды), слились в один, а гибель Орды (происшедшая на самом деле 20 с лишним лет спустя) стала отождествляться с гибелью Ахмата. В XVII в. сходное смешение встречаем в Мазуринском летописце, где под 1480 г. сначала говорится о походе Ахмата к Угре, а затем об осаде Алексина, движении к Оке и быстром бегстве, т. е. событиях 1472 г. (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 115).

С ликвидацией зависимости от Орды следует связывать территориальные приращения московских владений. В договоре с рязанским князем 1483 г. в их числе названы «места татарские и мордовские», некогда захваченные Дмитрием Донским, а после 1382 г. утерянные Москвой (см. Часть IV, Очерк 4), а также «Меча» (территория на правом берегу верхнего Дона — ею Москва должна была владеть совместно с Рязанью) и Елецкое княжество, расположенное южнее по правому берегу Дона (ДДГ. № 76. С. 285—286). Тогда же, по-видимому, стала считаться наследственным владением московских князей Мещера (см. Часть V, Очерк 1).

⁵⁶ О применении царского титула к Василию II см. Часть V, Очерк 2; Иван III называется «царем» в договоре с дерптским епископом от 13 января 1374 г. (ГВНП. М.; Л., 1949. № 78. С. 133, 135), в Московском своде 1479 г. (в статье 1478 г. — ПСРЛ. Т. 25. С. 312) и в «Послании на Угру» Вассиана Рыло (Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 522, 530, 534). Развитию представления о царском достоинстве Ивана III мог способствовать заключенный им в 1472 г. (см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 298—300) брак с племянницей последнего императора Византии Софьей (Зоей) Палеолог.

времени, когда эту независимость признает «угнетающая сторона» (так, в США годом обретения независимости считается 1776, хотя война за освобождение продолжалась после этого еще 7 лет, причем с переменным успехом, и Англия признала независимость своих североамериканских колоний только в 1783 г.). Поэтому если ставить вопрос, какую из двух дат — 1472 или 1480 г. — считать датой начала независимого существования Московского государства, предпочтение следует отдать 1472 году. Российскому суверенитету не 13 лет (сколько прошло с принятия «Декларации о суверенитете» 12 июня 1990 г.), и не 423 года (сколько прошло со «стояния на Угре»), а 431 год. 1 августа 1472 г. (дата отступления Ахмата от Оки) должно занимать среди памятных дат истории Отечества достойное место⁵⁷.

⁵⁷ Заметим, что эта дата не имеет ничего «оскорбительного» для татарского народа, поскольку практически все тогдашние татарские государственные образования приложили руку к падению Большой Орды: Ахмат погиб в результате нападения сибирского хана и ногайских мурз; покончил с Ордой Ахматовых детей в 1502 г. союзник Москвы крымский хан Менгли-Гирей (см. об этом в Части V, Очерке 4); участвовали в действиях против Большой Орды в конце XV — начале XVI в. и союзные тогда Москве татары Казанского ханства.

Очерк 4

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ВЕНЧАНИЮ НА ЦАРСТВО, «ПОТОМКИ АВГУСТА» И ИХ «ХОЛОПЫ»

В период правления Ивана III после ликвидации зависимости от Орды и во время княжения Василия III Ивановича (1505—1533 гг.) продолжалось расширение московских владений за счет русских земель. В 1485 г. было присоединено Тверское княжество¹, после чего вся Северо-Восточная Русь (древняя «Суздальская земля») оказалась под властью Ивана III. В 90-х гг. XV в. и в первые годы XVI столетия в результате войн с Литвой к Москве отошли обширные территории по верхней Оке, Десне и Сейму (бывшая Черниговская земля), а также восточная часть бывшей Смоленской земли². В 1510 г. была ликвидирована независимость Псковской земли³. В 1514 г., в результате очередной московско-литовской войны, был занят Смоленск⁴. Наконец, в 1521 г. осуществилось присоединение последнего формально независимого русского княжества — Рязанского⁵.

¹ См.: *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 887—895; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1427—1485). Тверь, 1994. С. 360—365.

² См.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 93—104, 178—196; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1994.

³ См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 112—123.

⁴ См.: там же. С. 142—168.

⁵ См.: там же. С. 208—209.

Параллельно с ростом государственной территории шло постепенное утверждение представления о царском достоинстве великого князя московского. Еще в 1480 г. архиепископ Вассиан Рыло, стремясь подвигнуть Ивана III на активные действия против Ахмата, не только объявлял последнего самозванным «царем», но и настойчиво именовал «царем» Ивана III (а его державу — «царством»)⁶. Впоследствии царская титулатура применялась и к Ивану III, и к Василию III, причем не только внутри Московского государства, но и во внешнеполитических сношениях: правители Ливонского Ордена, ганзейских городов и Священной Римской империи нередко именовали великих князей московских императорскими титулами (*imperator, kayser*)⁷.

Примечательно, что ничего подобного не было в отношениях с ханствами — наследниками Орды. Более того, в начале 1502 г., в условиях войны одновременно с Великим княжеством Литовским, Ливонским Орденом и союзной Литве Большой Ордой, Иван III в ходе переговоров с ханом последней Ших-Ахметом (сыном Ахмата) выразил готовность признать свою зависимость и прислал в Большую Орду «выход»⁸. Разумеется, это была дипломатическая игра: одновременно великий князь направил посла в Крым с целью подвигнуть своего союзника Менгли-Гирея к выступлению в поход на Большую Орду для нанесения ей реша-

⁶ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522, 530, 534.

⁷ См.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 87—88, 96, 101—105, 121—122, 125—126; *Vodoff W.* Le règne d'Ivan III: une étape dans l'histoire du titre «tsar» // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 52. В., 1996. Официальным титулом главы государства оставался тогда «великий князь всея Руси», который к концу XV в. становится обязательным в документации (см.: *Каушанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967. С. 123; *Лаушкин А. В.* К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // *ВМУ. Сер. история*. 1995. № 6).

⁸ РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Кн. 5. Л. 247 об., 249 об.; *Lietuvos Metrika (1427—1506)*. Kniga Nr. 5. Vilnius, 1993, С. 179. № 106.3; С. 181. № 108.1, 108.2; сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 79. С. 384—385; *Kuczyński S. M.* Ziemie chernihowsko-siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 327—332; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 181—183.

ющего удара (что и произошло в мае—июне того же года — Менгли-Гирей «взял» Орду Ших-Ахмета)⁹. Но показательно, что Иван III не посчитал зазорным притворно признать себя ханским вассалом: очевидно, традиционное представление об ордынском «царе» как правителе, имеющем права на сюзеренитет над Русью, было еще живо.

Рудименты его проявлялись и в отношениях московского великого князя с крымским ханом: хотя они изначально строились как отношения «братьев и друзей», в дипломатических документах вплоть до Ивана IV отображалось представление о крымском хане как правителе более высокого ранга (его послания великому князю оформлялись как «ярлыки» — документы, направляемые от хана к нижестоящему, а послания великого князя хану — как «челобитья»)¹⁰.

Традиционно считается, что существовавшая в Московской Руси в XVI—XVII вв. практика именования представителей знати по отношению к государю «холопами», т. е. термином, издревле обозначавшим людей лично несвободных, распространяется с конца XV столетия, причем ее появление расценивается как свидетельство уподобления отношений великого князя и знати отношениям господина и его холопов¹¹. Тем самым подразумевается, что данная терминология была взята из внутрирусских реалий, будучи перенесена с «низов» социальной лестницы на «верхи», и была призвана маркировать ужесточение зависимости элитного слоя от монарха. Высказывалась точка зрения, что существовал и внешнеполитический аспект такого употребления термина «холоп»: тем самым великий князь уподоблялся византийскому императору, поскольку в поздней Византии представители знати назывались его «рабами» (δοῦλος); заимствование могло быть связа-

⁹ Сб. РИО. Т. 41. № 79. С. 384—385; № 82. С. 413—415; № 83. С. 416—420.

¹⁰ См.: *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 186—205.

¹¹ См.: *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // ИСССР. 1991. № 4. С. 58—60; *Власть и реформы: от самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 86; *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 216—220.

но с влиянием на Ивана III окружения его второй жены, племянницы последнего византийского императора Софьи Палеолог, приехавшей в Москву в 1472 г.¹² Прозвучало также предположение, согласно которому «подобная форма обращения возникла в сфере русско-ордынских или русско-крымских отношений», поскольку в конце XV в. «холопами» называли себя по отношению к Ивану III его послы в Крым¹³. Однако до сих пор не было обращено внимание на то, что применение термина *холоп* по отношению к знатным лицам встречается в русских источниках намного ранее конца XV столетия.

Галицкий летописец середины XIII в., рассказав о визите князя Даниила Романовича к Батыю (1245 г.), горестно восклицал: «О злѣ зла честь татарская! Данилови Романовичю князю бывшу великоу, обладавшоу Роускою землею, Киевомъ и Володимиромъ и Галичемъ со братомъ си, инѣми странами, ннѣ сѣдити на колѣноу и холопомъ называется (*вар.*: называет и), и дани хотятъ, живота не чаеть, и грозы приходять»¹⁴. Эмоциональный характер данного текста вроде бы склоняет к истолкованию термина *холоп* как метафоры — «унизился, как холоп» (вероятно, поэтому его употребление здесь не привлекло внимания исследователей). Но по прямому смыслу текста речь идет о *наименовании* Даниила «холопом» (после чего следует отнюдь не метафорическое «дани хотят»): если правильно чтение «называется», то он сам назвал себя холопом хана, если «называет и» (т. е. «называет его») — то Даниила назвал своим холопом Батый.

Согласно московскому летописанию 70-х гг. XV в., боярин И. Д. Всеволожский в своей речи к хану Улуг-Мухаммеду в 1432 г., во время спора Василия II с Юрием Дмитриевичем в Орде о великом княжении, назвал себя «холопом» великого князя: «Го-

¹² См.: *Poe M.* What Did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»? // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 3. P. 586—594.

¹³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 318, прим. 314 — комментарий А. Л. Хорошкевич. Н. С. Борисов полагает, что появление именованья подданных великого князя «холопами» произошло не без «дурного влияния Орды», но имея в виду характер общественных отношений («дух раболепия»), а не собственно термин (*Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000. С. 571, 574—576).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807—808.

сударь волный царь, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великого князя»¹⁵.

Дважды употребляет термин «холоп» по отношению к представителям индийской знати Афанасий Никитин в своем «Хождении за три моря» (путешествие его имело место в конце 60-х — начале 70-х гг. XV в.): в одном случае Асад-хан, лицо, близкое к великому везиру Бахманидского султана Махмуду Гавану, определен как его «холоп» («Ту есть Асатхан Чюнерския индийский, а холоп Меликътучаровъ. А держит сем темь от Меликъточара»), в другом «холопом» султана Мухаммед-Шаха III назван либо Мелик Хасан, султанский наместник Телинганы, либо тот же Махмуд Гаван («А земля же таа Меликъханова, а холоп салтанов») ¹⁶.

Связать эти случаи применения термина «холоп» к знатным лицам с влиянием окружения Софьи Палеолог невозможно.

Не был замечен и тот факт, что к периоду, когда термин «холоп» уже постоянно применяется в качестве обозначения знати Московской Руси по отношению к своему правителю, относится большое количество фактов его употребления в сфере межгосударственных отношений. В грамоте, присланной грузинским (кахетинским) царем Александром Ивану III в 1483 или 1491 г., Александр именует себя «холопом» московского князя («Великому царю и господарю великому князю ниское челобитье. Ведомо бы было, что из дальные земли ближнею мыслью менший холоп твой Александр челом бью... И холопству твоему недостойный Александр») ¹⁷. В 1497—1502 гг. термин «холоп» неоднократно употребляется в переписке Великого княжества Литовского с Большой Ордой и Крымским ханством. «Холопом» именуется здесь преимущественно Иван III. В посланиях хана Большой Орды Ших-Ахмета великому князю литовскому Александру Казимировичу 1497, 1501 (четыре письма), 1502 г., Александра Ших-Ахмету (1500 г.) и «князя» Большой Орды Тевекеля Александру (1502 г., два письма) он назван «холопом» Ших-Ахме-

¹⁵ Там же. Т. 27. С. 103; Т. 25. С. 249.

¹⁶ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 7, 12, 20, 26, 33—34, 38, 148 (примеч. 72), 166 (примеч. 151).

¹⁷ РФА. Вып. 2. М., 1987. №. 71. С. 238.

та¹⁸; в еще одном послании Александру 1497 г. Ших-Ахмет, вспоминая о событиях 1480 г., называет Ивана «холопом» своего отца Ахмата и отца Александра — короля Казимира IV¹⁹; в послании Александра Менгли-Гирею 1500 г. «холопами» предков крымского хана поименованы предки Ивана III²⁰. Наконец, согласно одному из посланий Тевекеля Александру 1502 г., Иван III сам предложил Ших-Ахмету быть его «холопом»²¹. Можно было бы, конечно, объяснить такую терминологию стремлением унижить политического противника, напомнив о его недавней зависимости от Орды применением уничижительного определения. Но в одном послании Ших-Ахмета Александру 1501 г. «холопом» хана назван бывший тверской князь Михаил Борисович, живший в Литве и являвшийся потенциальным союзником Орды: «Ино тепер бы вамъ то звезомо было, што жь Михаило Тверский мои холопъ был, ино я его хочу на его отъчыну опять князем вчынити»²². Наиболее же примечательно послание 1505 г. Довлетека, одного из высших сановников Крымского ханства, Александру Казимировичу (в то время уже не только великому князю литовскому, но и королю Польши). В нем Довлетек неоднократно именуется «холопом» короля: «На мое, холопа своего, слово гораздо верь... отъ мене, холопа своего, ведаи... На мое, холопа своего, слово, гораздо уведавь...» Причина этого определения видна из текста послания: Довлетек вспоминает, что его предок «правдою служил» Витовту, троюродному деду Александра²³. Ясно, что автор послания не видел в таком словоупотреблении ничего для

¹⁸ РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 195, 235, 235 об., 240 об., 243, 246, 247 об., 248, 249; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 67; 98.1; 102.1; 104.1; 104.3; 104.4; 104.29; 106.3; 108.1. С. 119, 163—164, 170, 172—173, 177, 179, 181.

¹⁹ РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 200 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 73.1. С. 125.

²⁰ РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 233 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 97.2. С. 161.

²¹ «Ратаи и холоп его буду»: РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 247 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 106.3. С. 173.

²² РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 244; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 104.9. С. 174.

²³ РГАДА. Ф. 389. Кн. 5. Л. 290, 290 об.; Lietuvos Metrika. Kniga Nr. 5. № 124.3. С. 232.

себя уничижительного. Византийское влияние на употребление термина «холоп» в татарско-литовской переписке конца XV — начала XVI в., разумеется, следует исключить.

Термины *холоп* / *холопство* (и соответствующие им тюркские *кул* / *куллук*) часто встречаются в документации, связанной с отношениями предводителей Ногайской Орды (не являвшихся Чингизидами, т. е. не имевших прав на ханский титул) с соседними правителями в конце XV — первой половине XVII в. В 1492 г. ими определяли себя по отношению к крымскому хану мурзы Муса и Ямгурчей («От холопа царю челобитье и поклон»; «Слово то стоить: мы о чем тебе били челомъ, и ты пожаловаль, наше холопство собѣхъ приняль, на твоємъ жалованьѣхъ челомъ бьемъ»)²⁴. В 1508 г. мурза Шейх-Мамай в письме Василию III определял себя в качестве «холопа и брата» своего старшего брата Алчагира (занимавшего в Ногайской Орде более высокое положение) и предлагал великому князю назвать его также своим «холопом и братом» («Молвя, ведомо бы было з братом моим с Олчагыром мурзою в дружбе и в братстве ся еси учинил, а мы з того мурзы и холопи и братия, и ты нас холопом и братом назовешь, а другу твоему дружи есмя, и недругу твоему сколько нашии силы недрузи»)²⁵. Со второй половины XVI в. ногайские предводители называют себя «холопами» российских царей в тех случаях, когда идут на признание своей зависимости²⁶.

Из приведенных данных следует, что в сфере международных отношений термин *холоп* использовался для обозначения зависимого правителя, «вассала». Большинство случаев применения термина указывает на зависимость того или иного правителя (реальную или мнимую, как в отношении Ивана III в конце XV — начале XVI в.) от хана. Некоторые из иных случаев также могут быть связаны с ордынской политической практикой. Афанасий Никитин применяет термин «холоп» для обозначения отношений между мусульманскими правителями — здесь естественно пред-

²⁴ Сб. РИО. Т. 41. № 45. С. 207—208.

²⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1483—1508. М., 1984. С. 82.

²⁶ См. подробный разбор сведений о «холопстве» ногайских правителей по отношению к московским государям: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 430, 632—633, 636—637, 644—647.

полагать употребление им, человеком, хорошо знакомым с татарскими обычаями, ордынской терминологии. В переписке татарских ханов с Литвой именование знатных лиц «холопами» по отношению к польско-литовским правителям встречается только под пером татар, т. е. здесь, скорее всего, следует видеть перенос на отношения с великими князьями литовскими татарской терминологической традиции. Ногайские правители начинают определять себя в качестве «холопов» правителей московских после того, как Иван IV венчается на царство и овладевает Казанским и Астраханским ханствами, что дало право степнякам рассматривать его как хана²⁷.

Что касается грамоты грузинского царя Ивану III, то здесь не исключено влияние как византийской традиции (оригинальный текст грамоты, вероятнее всего, был составлен на греческом языке²⁸), так и ордынской, с которой в Грузии также должны были быть хорошо знакомы.

Особый вопрос — именование боярином И. Д. Всеволожским себя «холопом» Василия II в 1432 г. Поскольку он называет себя так в речи, обращенной к хану, можно было бы допустить, что перед нами намеренное подражание ордынской терминологии. Но возможно и другое допущение — что данное летописное известие отображает факт именованья московских бояр по отношению к великому князю «холопами» уже в первой половине XV в. или по меньшей мере в третьей четверти (когда составлялся дошедший до нас летописный текст с пересказом перипетий визита Василия II в Орду). Дело в том, что документы, с которых традиционно начинают отсчет истории именованья представителей знати «холопами», — письма Ивану III его послов и наместников в приграничных городах конца 80 — начала 90-х гг. XV в. — не имеют предшественников, аналогичных документов ранее

²⁷ Ср. прямые именованья царя в ногайских посланиях в Москву потомком Чингисхана (см.: *Трепавлов В. В.* Указ. соч. С. 630).

²⁸ См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 410—411. Использование царем Кахетии терминологии, выражающей зависимость, связано с содержащейся в тексте грамоты оценкой московского князя как главного оплота православного христианства.

1489 г., авторы которых себя «холопами» не именовали²⁹; поэтому можно было бы предположить, что данная терминология возникла много ранее конца XV в., просто об этом не сохранилось данных источников (кроме летописного рассказа о событиях 1432 г.). Однако есть документы, которые позволяют воздержаться от такого предположения. Это формулярный извод крестоцеловальной записи великому князю, составленный между 1448 и 1471 гг., и составленная по нему запись Ивану III служилого князя Д. Д. Холмского от 8 марта 1474 г. Д. Д. Холмский именуется себя не «холопом» великого князя, а «слугой» («и осподарь мой князь велики меня, своего слугу, пожаловал, нелюбие свое мне отдал»)³⁰, а в формулярном изводе в соответствующем месте стоит «своего человека»³¹. Таким образом, *обязательным* именование себя «холопом» при обращении к государю стало, видимо, между 1474 и 1489 гг.; известие об И. Д. Всеволожском может говорить только об эпизодическом употреблении такой терминологии ранее этого времени.

²⁹ Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. № 23. С. 81 (1489 г., послание муромского наместника князя Ф. Хованского); № 29. С. 111 (1491 г., письмо от посла в Крыму князя В. Ромодановского); т. 35. СПб., 1892. № 17. С. 70—71 (1492 г., послание наместника в Новгороде Якова Захарьина); Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Т. 1. СПб., 1851. С. 49, 62, 64—65 (1490 г., письма послов в Священную Римскую империю Юрия Траханиота и Василия Кулешина). Посольские документы по сношениям с Крымским ханством имеются с 1474 г., но до 1489 г. писем великому князю от его послов не содержат.

³⁰ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 18. С. 34.

³¹ РФА. Вып. 1. М., 1986. № 46. С. 175. О датировке формулярного извода см.: там же. Вып. 5. М., 1992. С. 989. В последующих дошедших до нас крестоцеловальных записях (лиц такого же ранга) — от времени Василия III — в данном месте читаем «своего холопа» (СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 149, 152, 153, 154, 159, 162. С. 414, 421, 423, 425, 433, 448). Исключениями являются записи князей, переходивших на московскую службу с литовской — К. И. Острожского (1506 г.) и Ф. М. Мстиславского (1529 г.). Примечательно, что в следующей записи Мстиславского (1531 г.) он уже именуется себя «холопом» (там же. № 146, 157. С. 404, 433; ср. № 159. С. 439).

В целом можно заключить, что употребление термина «холоп» по отношению к знатым лицам вряд ли может быть возведено как к внутрирусским отношениям господ и холопов, так и к реалиям Византии. Оно явно восходит к ордынской политической практике. Вероятнее всего, исходным значением термина «холоп» по отношению к знатному лицу было «правитель, зависимый от хана», по-русски — *царя*. Можно полагать, что эта терминология восходит к монгольской традиции, где термин *богол* («раб») использовался для обозначения политической зависимости³². Этим термином, а позднее, вероятно, его тюркским эквивалентом *кул* определялись по отношению к ханам Орды в числе прочих зависимых правителей и русские князья от Даниила Галицкого и его современников до Ивана III. Русским эквивалентом и монгольско-го, и тюркского терминов являлся *холоп*. Когда московские бояре начали определять себя по отношению к великому князю в качестве «холопов», сказать невозможно, но последовательным такое определение стало между 1474 и 1489 гг., а это означает, что зависимые от Ивана III знатные люди начали в обязательном порядке именоваться так, как было принято называть вассалов *царя* — т. е. «холопами» — после того, как великий князь обрел независимость от ордынского «царя» и сам стал претендовать на царское достоинство.

Безусловно, в Московском государстве конца XV—XVI в. степень зависимости знати от монарха возрастала и стала очень далека от вольной боярской службы XIII—XIV вв., не говоря уже

³² См.: *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 15—16; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 36—39; *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 387—389. В связи с этой терминологией может быть поставлено известие Новгородской I летописи старшего извода, согласно которому монгольские послы в 1223 г. говорили русским князьям, что пришли не на них, а «на холопы и на конюси свое на поганья Половче» (НЛ. С. 62). Спустя почти три столетия сходное «профессиональное» добавление к термину «холоп» видим в формуле, примененной Иваном III для выражения готовности признать зависимость от хана Большой Орды: «ратаи и холоп его буду» (см. примеч. 20). Похоже, здесь перед нами следы реальной терминологии, обозначающей зависимость скотоводческих и земледельческих общностей и их правителей.

о дружинных отношениях более раннего времени. Однако появление обозначения «холоп» при обращении знатных людей к правителю не являлось следствием ужесточения их зависимости: оно имело целью не уничижение знати, а поднятие статуса великого князя, т. к. приравнивало его к правителям «царского» ранга³³.

Официального провозглашения великого князя московского царем не произошло ни при Иване III, ни при Василии III. Но именно в правление последнего была сформулирована идеологическая концепция, обосновывавшая «царские» притязания московских правителей. Ею стала не идея о Москве как третьем Риме, наследнице двух других — собственно Рима и Константинополя — столиц христианских царств, которые «пали» в результате отхода от истинной веры³⁴. Официальной доктриной, послужившей обоснованием для провозглашения правителя России царем, стала концепция, сформулированная в т. н. «Сказаниях о князьях владимирских». Она развивала представление об обладании царским достоинством правителями Киевской Руси (проявившееся еще с начала XV в. в наименовании в ряде произведений «царем» крестителя Руси Владимира Святославича³⁵). Согласно «Сказанию о князьях владимирских», во-первых, московские князья вели свой род от «сродника» римского императора («царя») Августа, чьим потомком был основатель русского княжеского рода Рюрик. Во-вторых, Владимир Мономах, прямой предок московских князей, получил от византийского императора знаки царского достоинства и «наречеса царь Великия Русия»³⁶. Легенда о получении Владимиром Мономахом царских инсигний вошла затем в чин

³³ Другое дело, что впоследствии, в XVI столетии, факт совпадения этого определения с наименованием несвободных людей мог способствовать развитию представлений о приниженном положении знати по отношению к государю (что проявилось, в частности, в произведениях Ивана Грозного).

³⁴ См. о развитии этой концепции (также сформулированной в период княжения Василия III): *Синицына Н. В.* Третий Рим. М., 1998.

³⁵ См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 142, 156 (примеч. 115), 158 (примеч. 145).

³⁶ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 161—165, 174—178.

венчания русских царей³⁷. Утверждение, что русские князья сродни древнеримским «царям», а царское достоинство к ним перешло от «Греческого царства» — Византии еще в период ее могущества, во-первых, делало Российское царство более древним по сравнению с татарскими — как уже не существующей Ордой, так и ханствами Крымским, Казанским, Астраханским, Сибирским (чьих правителей-Чингизидов на Руси продолжали именовать «царями»); во-вторых, отвергало преемственность от поздней Византии — бессильной и в конце концов погибшей.

Венчание Ивана IV на царство в 1547 г. знаменует собой начало нового, «имперского» периода в русской истории. Русь сложилась как моноэтническое в основе, восточнославянское государство (см. Часть II, Очерк 3). Таковыми же были и «земли» XII—XIII вв. Процесс складывания нового единого государства в XIV — начале XVI в. происходил также на территории, заселенной почти исключительно восточнославянским, русским населением. Но с середины XVI столетия, буквально сразу после принятия великим князем московским царского титула, началось активное включение в состав России крупных территориальных массивов, заселенных неславянским и неправославным населением (в ряде случаев имевшим свою государственность), сохранявшим после присоединения свой язык, веру, а отчасти и общественную структуру; первым шагом здесь стало завоевание Казанского ханства в 1552 г.

В социально-экономическом развитии XIV—XV вв. были в Северо-Восточной Руси временем интенсивных раздач государственных земель в вотчину великокняжеским служилым людям — боярам и дворянам. С конца XV в. возникает и получает быстрое распространение поместье — условная форма земельного владения, при которой служилый человек получал землю на время не-

³⁷ Там же. С. 182—184, 192—195. О соотношении текстов, отображающих легенду о происхождении русских князей от римских императоров и получении Мономахом царских даров см.: *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976; *Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Там же.

сения службы и без права передачи ее по наследству³⁸. Условное землевладение крепче привязывало служилых людей к великокняжеской власти. В результате раздачи земельных владений на вотчинном и поместном праве к середине XVI столетия в центральной части Российского государства почти не осталось государственных земель. Система отношений «индивидуальный земельный собственник — живущие на его земле крестьяне»³⁹, ранее занимавшая скромное место по отношению к системе «государство — зависимые только от него крестьяне», выдвигалась на первый план. До закрепощения отсюда еще было далеко: в конце XV в. только закрепилась в качестве общегосударственной норма, согласно которой крестьяне могли переходить от одного землевладельца к другому раз в году — за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего (26 ноября)⁴⁰. Но потенциально переход от превалирования «государственно-феодальных» отношений к «частнофеодальным» такую возможность в себе нес. Ядром Российского государства стали территории, на которых сильнее, чем в Южной Руси, сказывались характерные для Восточноевропейского региона неблагоприятные природно-географические условия, обуславливавшие постоянный недостаток прибавочного продукта, необходимого для обеспечения деятельности государства⁴¹. Переход значительного количества земель в

³⁸ См.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 90—135.

³⁹ Термин *крестьяне* (=христиане) в качестве унифицирующего обозначения рядового сельского населения распространился в конце XIV—XV в. (см.: Черепнин Л. В. Из истории формирования феодально-зависимого крестьянства на Руси // Изв. Т. 56. М., 1956. С. 263—264).

⁴⁰ О возникновении и эволюции этой нормы см.: Горский А. Д. Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV веке (к вопросу о Юрьеве дне) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 год. Вильнюс, 1965.

⁴¹ Как показано Л. В. Миловым, на Восточно-Европейской равнине в силу специфики природных условий всегда имел место необычайно короткий сезон земледельческих работ. Вкупе с преобладанием малоплодородных почв это обусловило низкую урожайность и, как следствие — невысокий объем совокупного прибавочного продукта (см.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998).

руки отдельных владельцев сужал возможности господствовавшего прежде механизма изъятия прибавочного продукта через государственные институты. Это вызвало к жизни необходимость поиска другого механизма, которым стала (в эпоху, находящуюся уже за хронологическими рамками этой книги) система крепостного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы вошедших в книгу очерков позволяют вкратце очертить основные направления политического и социального развития Руси в эпоху средневековья.

В ходе Расселения славян VI—VIII вв. произошло разрушение родоплеменного строя. Восточнославянские догосударственные общности IX—X вв., традиционно (и терминологически неверно) именуемые в историографии «племенами», носили на деле уже территориально-политический характер. Ведущую роль в них играли князья и окружавшая их военно-дружинная знать. Формирование государства Русь шло путем подчинения власти киевских князей (окружавший которых служилый слой значительно превосходил аналогичные институты князей «Славиний» благодаря притоку норманнских элементов) восточнославянских общностей. Как правило, на первом этапе подчинение ограничивалось выплатой дани, на втором — происходили ликвидация местного княжения и непосредственный переход территории «Славинии» под власть Киева. Этот процесс был в основном завершён к концу X столетия.

Сформировавшееся государство — *Русь, Русская земля* — состояло из *волостей*, которые управлялись князьями — родственниками князя киевского. Политическими центрами волостей становились по преимуществу города, создаваемые по инициативе киевской княжеской династии; старые центры «Славиний», как правило, отходили на второй план. Государство носило в основе моноэтничный, восточнославянский характер. Развитие общественных отношений шло в целом по свойственному европейским средневековым государствам типу. Для раннего этапа было характерно подчинение непосредственных производителей государственной властью, опиравшейся на в основном совпадавшую в ту эпоху с государственным аппаратом служилую знать правителя — княжескую дружину. Большинство населения сохраняло личную свободу, будучи обязано лишь выплачивать государст-

венные подати. Позднее стала возникать индивидуальная крупная земельная собственность. На Руси процесс ее формирования протекал медленнее, чем в Западной Европе, но эта черта свойственна и другим государствам, формировавшимся на территории, не затронутой античными общественными отношениями с их традициями частной собственности (страны Центральной и Северной Европы).

В XII в. на территории Руси на основе волостей предшествующего периода формируется система самостоятельных политических образований, ставших именоваться *землями*. В большинстве земель правили определенные ветви княжеского рода Рюриковичей. Общерусская столица Киев, княжение в Новгороде, а с рубежа XII—XIII вв. — и в Галиче стали объектами борьбы между князьями разных ветвей. К началу XIII в. определились четыре сильнейшие земли, чьи князья вели эту борьбу, — Волынская, Смоленская, Суздальская (представление о ее единоличном первенстве на Руси во второй половине XII — начале XIII в. ошибочно) и Черниговская. В 30-х гг. XIII в. междукняжеская борьба вылилась в перманентную войну, которая помешала организации сил для отпора монгольскому нашествию.

При отсутствии внешнего вмешательства политическое развитие русских земель должно было, по-видимому, привести к складыванию на основе сильнейших из них (путем включения в их состав менее значительных княжеств и закрепления за их князьями того или иного из «общерусских» столов) нескольких (3—4) крупных русских государств. Вторжение войск Монгольской империи и установление власти Орды над Русью деформировали этот процесс. Резко усилилась разобщенность между русскими землями, внутри них ускорилось политическое дробление (при поощрении со стороны Орды). Вместо «зрелого» полицентризма сложился «недозревший», к тому же под контролем внешней силы.

К концу XIV столетия на восточнославянской, русской территории сформировалась, а в XV в. закрепились двухполюсная государственная система. Южные и западные русские земли оказались в составе иноэтничного по происхождению государства — Великого княжества Литовского (частично — и в составе связанного с ним с конца XIV в. династической унией Польского коро-

левства). На Востоке и Севере доминирующее положение заняло Великое княжество Московское. Формированию ядра будущего Российского государства в пределах именно Суздальской земли способствовал комплекс политических факторов: незначительная вовлеченность князей Северо-Восточной Руси в междоусобную войну 30-х гг. XIII в.; утверждение их ко второй трети XIII в. на новгородском столе; практическое отсутствие до второй половины XIV в. проявлений литовской экспансии в отношении Суздальской земли; признание ее глав — великих князей владимирских — Ордой «старейшими» на всей Руси. В выдвижении на первенствующее место в Северо-Восточной Руси именно Москвы сыграл роль также комплекс политических обстоятельств: перипетии междоусобной борьбы на Руси и в Орде в конце XIII в., способствовавшие усилению окружавшего московских князей служилого слоя; энергия Юрия Даниловича; потеря тверскими князьями доверия Орды; расчетливые действия Ивана Калиты; политическое дарование Дмитрия Донского. Выдвигать в качестве ведущего фактора поддержку Москвы Ордой оснований нет: эта поддержка была далеко не постоянной. С другой стороны, вплоть до эпохи Ивана III нельзя говорить о сознательной борьбе за полную ликвидацию власти ордынских ханов над Русью. В 1380 г. имело место не «свержение ига», а отражение нашествия, возглавляемого незаконным, по представлениям того времени, правителем Орды. Соответственно в 1382—1383 гг. произошло не «восстановление ига», а вынужденное согласие на восстановление даннических отношений после прихода к власти в Орде законного хана. Причем в обмен на это было получено согласие на закрепление великого княжения владимирского за московским княжеским домом. Объединение Московского княжества с великим княжеством Владимирским фактически заложило основу государственной территории будущей России.

В первой половине — середине XV в. продолжалось расширение московских владений (при том, что территориальный рост Великого княжества Литовского почти прекратился). В 1470-х гг., после того как начала пробивать себе дорогу идея о переходе к московским великим князьям «царского» достоинства, произошло освобождение от ордынской зависимости: с 1472 г. Москов-

ское великое княжество стало считать себя суверенным государством, а в 1480 г. сорвалась попытка Орды восстановить свое верховенство. Последующие десятилетия характеризуются продолжением роста государства — как за счет северных и восточных русских земель, так и за счет русских территорий, вошедших ранее в состав Великого княжества Литовского, — и идеологическим обоснованием прав его государей на титул *царя*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России
- АИ — Акты исторические, собранные и изученные Археографической комиссией
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков
- ВВ — Византийский временник
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ВМУ — Вестник Московского университета
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
- ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие государства на территории СССР)
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы
- ИЗ — Исторические записки
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
- ИСССР — История СССР
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- НЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
- ОИ — Отечественная история
- ОИДР — Общество истории и древностей российских
- ПВЛ — Повесть временных лет
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПРП — Памятники русского права
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РА	— Российская археология
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РД	— Русский дипломатарий
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИИР	— Редкие источники по истории России
РИО	— Русское историческое общество
РФА	— Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в.
СА	— Советская археология
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров
СР	— Средневековая Русь
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы
УІЖ	— Український Історичний журнал
ЭССЯ	— Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

АЗР. Т. 2. СПб., 1848.

АИ. Т. 1. М., 1840.

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1841.

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 1. М., 1997.

АСЭИ. Т. 3. М., 1964.

АФЗХ. Ч. 1. М., 1951.

Барбаро и Контарини о России. М., 1971.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.

Временник ОИДР. Кн. X. М., 1851.

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966.

Галахвастов Д. П., Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // Чтения ОИДР. М., 1874. Кн. 1.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

ГВНП. М.; Л., 1949.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

Древнерусские патерики. М., 1999.

ДДГ. М.; Л., 1950.

Закон судный людем краткой редакции. М., 1961.

ал-Истахри. Китаб-ал-масалик ва-л мамалик. Лейден, 1870 (на араб. яз.; Bibliotheca geographorum arabicorum. Т. 1).

Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пг., 1920; Т. 2. Пг., 1922.

Казанская история. М.—Л., 1954.

Кокочов П. Я. Еврейско-хазарская переписка X века. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Курбский А. История о великом князе Московском. СПб., 1913.

- Макарий, митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. Кн. 3. М., 1995.
- Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь: конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. М., 2002.
- Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- НЛ. М.; Л., 1950.
- Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Опись Посольского приказа 1626 г. М., 1977.
- Остромирово Евангелие. Л., 1988.
- Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1871.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Т. 1. СПб., 1851.
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- ПЛДР. XII век. М., 1981.
- ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982.
- ПРП. Вып. 1. М., 1952.
- ПСРЛ. Т. 1. М., 1962 (Лаврентьевская летопись; Московская Академическая летопись).
- ПСРЛ. Т. 2. М., 1962 (Ипатьевская летопись).
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. Вып. 2. Л., 1925 (Новгородская IV летопись).
- ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853 (Софийская I летопись; Софийская II летопись).
- ПСРЛ. Т. 10—11. М., 1965 (Никоновская летопись).
- ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922 (Рогожский летописец).
- ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863 (Тверской сборник).
- ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913 (Симеоновская летопись).
- ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908 (Степенная книга).
- ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1960 (Ермолинская летопись).
- ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921 (Типографская летопись).
- ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949 (Московский свод конца XV века).
- ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959 (Вологодско-Пермская летопись).
- ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962 (Никаноровская летопись; Сокращенные своды конца XV века).
- ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963 (Летописный свод 1497 г.; Летописный свод 1518 г.).
- ПСРЛ. Т. 31. М., 1968 (Летописцы последней четверти XVII в.).

- ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989 (Радзивилловская летопись).
ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002 (Новгородская Карамзинская летопись).
Попов А. С. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875.
Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489—1508 гг. М., 1984.
Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940.
Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957.
РГАДА. Ф. 181. № 20 (Архивская летопись).
РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика).
Разрядная книга 1475—1605. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952.
РИБ. Т. 6. Изд 2-е. СПб., 1908.
РИИР. Вып. 2. М., 1977.
Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia*. 1963. Роф. 32. Seš. 2.
РФА. Вып. 1. М., 1986.
РФА. Вып. 2. М., 1987.
РФА. Вып. 5. М. 1992.
Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1892.
Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884.
Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I—VI вв.). М., 1991. Т. 2. (VII—IX вв.). М., 1995.
Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.
Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова. М., 2002.
Смоленские грамоты XII—XIII вв. М., 1963.
СГД, Ч. 1. М., 1813.
Софийская I летопись старшего извода (ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1). М., 2000.
Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI—XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998.
Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.
Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965.
Тизенгаузен В. Г. Сборник документов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. М.; Л., 1941.
Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.

- Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. СПб., 1904.
- Шлякин И. А.* Синодик 1552—1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911 .
- Annales Bertiniani / Annales de Saint-Bertin.* Paris, 1964.
- Annales regni Francorum // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des mittelalters.* Bd. 5. В., о.Ж.
- Chronicon Salernitanum.* Stockholm, 1956.
- Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustranta.* Vol. 1. Romae, 1953.
- Ioannis Dlugossii senioris canonici opera.* Т. 14. Cracoviae, 1878.
- Liutprandi Antapodosis // Die Werke Liudprands von Cremona.* Hannover; Leipzig, 1915.
- Lietuvos metrika (1427—1506).* Kniga Nr. 5. Vilnius, 1993.
- Magnae Moraviae fontes historici.* Т. I. Brno, 1966; Т. III. Brno, 1966.
- Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae Illustranta.* Т. 6. Codex epistolaris Vitoldi. Kraków, 1882.
- Pomniki dziejowe Polski. Seria II.* Т. 1. Kraków, 1946.
- Photios Patriarchos Constantinopolitanos. Epistolae.* N. Y., 1978.
- Rachunki wielkorządowe krakowskie z r. 1471.* Kraków, 1951.
- Scriptores rerum Germanicarum. Einhardi Annales.* Hannoverae, 1845.
- Schwarzmeier H.* Ein Brief das Markgrafen Aribro an König Arnulf über der Verhältnisse in Mähren // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 6. В., 1972.
- Sinica franciscana.* Vol. 1. Firenze, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973.
- Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. 1981. № 2.
- Авдусин Д. А.* Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2а. М., 1987.
- Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001.
- Аверьянов К. А.* К вопросу о трех центрах Руси // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тез. докл. и сообщ. науч. конф. М., 2003.

- Адрианова-Перетц В. П.* «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948.
- Азбелев С. Н.* Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.
- Азбелев С. Н.* Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси. М., 1981.
- Азбелев С. Н.* К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. М., 1996.
- Александровский А. Л.* Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования. М., 1990.
- Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966.
- Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980.
- Алексеев Ю. А.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
- Альшиц Д. Н.* Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958.
- Артамонов М. И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3.
- Артамонов М. А.* История хазар. СПб., 2002.
- Афремов И.* Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8 день сентября 1380 года. М., 1849.
- Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
- Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии: География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885.
- Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Беляев Н. Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929.
- Белякова Е. В.* Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV—XVI вв. // римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995.
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Биленкин В.* «Чтение» преп. Нестора как памятник «глебоборисовского» культа // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993.
- Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993.
- Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
- Болховитинов Е.* Боян // Сын отечества. 1821. Ч. 70. № 24.
- Борисов Н. С.* Иван Калита. М., 1995.
- Борисов Н. С.* Иван III. М., 2001.
- Брайчевский М. Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985.

- Брим В. А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Ч. 1. Пг., 1923.
- Бруцкус Ю. Д.* Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924.
- Буганов В. И.* От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига // Куликовская битва. М., 1980.
- Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978.
- Буров В. А.* К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. 1996. № 1.
- Былинин В. К.* К вопросу о генезисе и историческом контексте летописного «Сказания об основании Киева» // Герменевтика древнерусской литературы. XI—XVI вв. Сб. 3. М., 1992.
- Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.
- Вернадский Г. В.* Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Т. 4. Берлин, 1925.
- Вернадский Г. В.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Т. 5. Берлин, 1925.
- Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь, 1996.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969.
- Вилкул Т.* Віче в Давньої Русі (Автореф. канд. дисс.). Київ, 2000.
- Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ч. 1. СПб.; Киев, 1907; 7-е изд. Пг.; Киев, 1915.
- Воронин Н. Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. Вып. 41. 1951.
- Гаспаров Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве» Wien, 1984 (2-е изд. — М., 2000).
- Гиппиус А. А.* «Суть людие новгородци от рода варяжска...» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2001.
- Глускина С. М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Т. II. Псков, 1968.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997 (2-е изд. — М.; Иерусалим, 2003.)
- Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Момнаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1971.

- Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970.
- Горемыкина В. И.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. Минск, 1982.
- Горский А. А.* К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси // ВМУ. Сер. история. 1982. № 4.
- Горский А. А.* Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9.
- Горский А. А.* Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8.
- Горский А. А.* Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // ИЗ. Т. 115. М., 1987.
- Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
- Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990.
- Горский А. А.* Русь в конце X — начале XII века: территориально-политическая структура // ОИ. 1992. № 4.
- Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992.
- Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» — «Слово о погибели Русской земли» — «Задонщина»: источниковедческие проблемы (Автореф. докт. дисс.). М., 1993.
- Горский А. А.* Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993.
- Горский А. А.* Кривичи и полочане в IX—X вв. (Вопросы политической истории) // ДГ. 1992—1993 гг. М., 1995.
- Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // СР. Вып. 1. М., 1996.
- Горский А. А.* Город и дружина в Киевской Руси // Феодалы в городе. М., 1996.
- Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3.
- Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996.
- Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГ. 1995. М., 1997.
- Горский А. А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997.
- Горский А. А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // ОИ. 1998. № 4.
- Горский А. А.* Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. 1999. № 8.

- Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001.
- Горский А. А.* «Повесть о убиении Батые» и русская литература 70-х гг. XV века // СР. Вып. 3. М., 2001.
- Горский А. А.* «Слово о полку Игореве»: обстоятельства возникновения и некоторые проблемы изучения // Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъславля внука Ольгова. М., 2002.
- Горский А. А.* Ногай и Русь // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Горский А. А.* Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — начале XV в. // СР. Вып. 4. М. 2003.
- Горский А. А.* К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к Новой России. Сб. статей в честь Я. Н. Щапова (в печати).
- Горский А. Д.* Об ограничении крестьянских переходов на Руси в XV веке (К вопросу о Юрьеве дне) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс, 1965.
- Горский А. Д.* Сельское хозяйство и промыслы // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1. М., 1970.
- Горюнова В. М.* О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Горюнова В. М.* Проблема происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 8. Новгород, 1994.
- Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории жупной организации). М., 1972.
- Гребень П. Н., Коваленко В. Л.* Исследования черниговского детинца в 1989 г. // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв». Чернигов, 1990.
- Греков Б. Д.* Феодалные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935; 2-е изд. — М.; Л., 1936.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1939; изд. 2-е — М., 1944; изд. 3-е — М., 1943; изд. 4-е — М., 1953.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
- Грушевский А. С.* Пинское Полесье. Исторические очерки. Ч. 2. XIV—XV вв. Киев, 1903.
- Грушевский М. С.* Киевская Русь. СПб., 1911.
- Грушевский М. С.* Історія України — Руси. Т. 1. Київ, 1913.

- Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 41. Львів, 1901.
- Губанов И. Б.* X век на пути к раннему государству (возникновение Древней Руси — о гипотетическом и очевидном в современном норманизме) // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002.
- Гудзий Н. К.* Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона // Учен. зап. МГУ. Вып. 110. Труды каф. русской литературы. Кн. 1. М., 1946.
- Гумилев Л. Н.* Трагедия на Каспии в X в. и «Повесть временных лет» // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2001.
- Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии XIX — начала XX в. М., 1958.
- Данти А.* О «Задонщине» и текстологии. Ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980.
- Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов Древней Руси // ВИ. 1994. № 10.
- Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2. СПб., 1902.
- Дмитриев Л. А.* Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Дмитриев Л. А.* Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.
- Дмитриева Р. П.* Был ли Софоний Рязанец автором «Задонщины»? // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979.
- Дмитриева Р. П.* Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Дмитриева Р. П.* Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины» (В связи с вопросом подлинности «Слова о полку Игореве») // Русская литература. 1976. № 2.
- Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976.
- Дмитриева Р. П.* Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. А—К. Л., 1989.
- Дмитриева Р. П.* Задонщина // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995.

- Дмитриева Р. П., Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1.
- Довженко В. И., Брайчевский М. Ю.* О времени сложения феодализма в Древней Руси // ВИ. 1950. № 8.
- Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
- Дубов И. В.* К проблеме «переноса городов» в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985.
- Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1923.
- Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.
- Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
- Егоров В. Л.* Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Новгород, 1996.
- Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
- Енуков В. В.* Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) // СА. 1992. № 1.
- Енуков В. В.* Изучение топографии средневекового Курска: итоги и перспективы // Материалы региональной научной конференции «Археология Юго-Востока России». Елец, 1991.
- Жемличка И., Марсина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (Южные и западные славяне VI—XII вв.). М., 1991.
- Живая вода Непрядвы. М., 1986.
- Забелин И. Е.* История русской жизни. Ч. 1. М., 1876.
- Завадская С. В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Завадская С. В.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X—XIII вв. // ДГ. 1987 год. М., 1989.
- Загоскин Н.* Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875.
- Задонщина. Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве. Тула, 1980.
- Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.

- Зализняк А. А.* Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // Вестник Академии наук СССР. 1988. № 8.
- Зализняк А. А.* Древненовгородское койне // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание (X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации). М., 1988.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект, его внутренняя неоднородность и его место в славянском мире // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Заметки к «Слову о полку Игореве». Вып. 2. Белград, 1941.
- Замечания Евгения Болховитинова на рассуждение о лирической поэзии // Соч. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 7. СПб., 1872.
- Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. Источники. Время создания. Автор. М., 1963.
- Зимин А. А.* Две редакции «Задонщины» // Труды МГИАИ. Т. 24. Вып. 2. М., 1966.
- Зимин А. А.* Приписка к Псковскому апостолу и «Слово о полку Игореве» // Русская литература. 1966. № 2.
- Зимин А. А.* К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 31. Чебоксары, 1966.
- Зимин А. А.* Когда было написано «Слово»? // Вопросы литературы. 1967. № 3.
- Зимин А. А.* Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1.
- Зимин А. А.* «Задонщина» (Опыт реконструкции текста Пространной редакции // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 36. Чебоксары, 1967.
- Зимин А. А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // ИСССР. 1968. № 6.
- Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // Русский фольклор. Т. 11. Л., 1968.
- Зимин А. А.* «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // АЕ за 1967 год. М., 1969.
- Зимин А. А.* Текстология Пространной Задонщины // Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Вып. 47. Чебоксары, 1969.
- Зимин А. А.* Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» // ВИД. Вып. 3. Л., 1970.

- Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972.
- Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.
- Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991.
- Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) // ВИ. 1992. № 6—7.
- Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999.
- Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.
- Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV столетия // СР. Вып. 2. М., 1999.
- Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858.
- И. Р. (Трубецкой И. С.).* Наследие Чингиз-хана. Берлин. 1925.
- Исаевич Я. Д.* «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.
- История СССР с древнейших времен. Т. 1. М., 1966.
- История СССР с древнейших времен. Т. 2. М., 1966.
- История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1996.
- Каган М. Д.* Степенная книга и «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2—3. М., 1991.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 6. М., 1998.
- Карасик А. М.* К вопросу о третьем центре Руси // ИЗ. Т. 35. М.; Л., 1950.
- Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.
- Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1980.
- Каргалов В. В.* На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII—XVIII вв. М., 1998.
- Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (К постановке вопроса) // Русский город (историко-методологический сборник). М., 1976.
- Карсанов А. Н.* К вопросу о трех группах русов // Герменевтика древнерусской литературы. X—XVI вв. Сб. 3. М., 1992.
- Кауштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.

- Кизилов Ю. А.* Спорные вопросы истории древнерусского феодализма // ИСССР. 1973. № 5.
- Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Варяги и Русь // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Кистерев С. М.* Князья Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. 1. Ч. II. М., 1997.
- Кистерев С. Н.* «Великий князь всея Руси» в XI—XV веках // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XV — XVII веков. М., 1980.
- Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. М., 1998.
- Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001.
- Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485). Тверь, 1994.
- Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. М., 1987.
- Ключевский В. О.* Соч. Т. 2. М., 1988.
- Кобрин В. Б.* Власть и собственность в России (XV—XVI вв.). М., 1985.
- Кобрин В. Б., Юрганов А. Ю.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // ИСССР. 1991. № 4.
- Коваленко В. П.* К исторической топографии Черниговского детинца // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Тезисы докладов. Чернигов, 1988.
- Коваленко В.* Політичне становище південноруських земель в XII—XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вып. 2. Київ, 2002.
- Кожин В. В.* История Руси и русского Слова: современный взгляд. М., 1997.
- Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // ВИ. 1984. № 8.
- Козлов В. П., Кружок А. И., Мусина-Пушкина И.* «Слово о полку Игореве»: новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988.
- Концевий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989.
- Концевий В. Я.* Центр и периферия Приильменя в IX—X веках: особенности социально-политического развития // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 8. Новгород, 1994.
- Концевий В. Я.* Раннеславянская культура Северо-Запада: опыт построения теоретической модели // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 13. Новгород, 1999.

- Коновалова И. Г.* Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII—XIV вв. // ДГ. 1992—1993 г. М., 1995.
- Коновалова И. Г.* О возможных источниках хаимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001.
- Коринный Н. Н.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. Киев, 1992.
- Королюк В. Д., Литаврин Г. Г.* Заключение // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб., 1872.
- Костомаров Н. И.* Начало единой державы в древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 11—12.
- Костомаров Н. И.* Русская история в жезнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. СПб., 1880.
- Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985.
- Котляр Н. Ф.* Города и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1986. № 12.
- Котляр Н. Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // ДГ. 1992—1993 г. М., 1995.
- Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1994.
- Крузе Ф.* О происхождении Рюрика // ЖМНП. 1836, январь, июнь.
- Крысько В. В.* Заметки о древненовгородском диалекте // Вопросы языкознания. 1994. № 5, 6.
- Крысько В. В.* Древний новгородский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3.
- Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.
- Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965.
- Кучкин В. А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
- Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
- Кучкин В. А.* Тверской источник Владимирского полихрона // Летописи и хроники. 1976. М., 1976.
- Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8.
- Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовой битвой // Куликовская битва. М., 1980.
- Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // ИСССР. 1984. № 6.
- Кучкин В. А.* О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М., 1984.

- Кучкин В. А.* К датировке «Задонщины» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
- Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. Вып. 21. М., 1986.
- Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991.
- Кучкин В. А.* Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993.
- Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992—1993 гг. М., 1995.
- Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // ВИ. 1996. № 10.
- Кучкин В. А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // СР. Вып. 1. М., 1996.
- Кучкин В. А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // ОИ. 1996. № 5.
- Кучкин В. А.* О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997.
- Кучкин В. А.* Новооткрытая битва Тохтамыша Ивановича Донского (он же Дмитрий Гуйходжаевич Московский) с Мамаем (Маминым сыном) на московских Кулижках // ОИ. 2000. № 4.
- Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // СР. Вып. 3. М., 2001.
- Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.
- Кучкин В. А.* Десятские на Руси X—XV вв. // СР. Вып. 4. М., 2003.
- Ланге О., Банасиньский А.* Теория статистики. М., 1971.
- Лаушкин А. В.* К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // ВМУ. Сер. история. 1995. № 6.
- Летопись жизни и деятельности Александра Невского / Сост. Ю. К. Бегунов // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995.
- Литаврин Г. Г.* Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984
- Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.
- Литаврин Г. Г.* Проблема авторства трактата «Об управлении империей» в новейшей литературе // Восточная Европа в древности и средневековье: автор и его текст. XV чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2003.
- Лихачев Д. С.* Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины» (Исследование Анджело Данти) // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1971.

- Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1975.
- Лихачев Д. С., Дмитриев Л. А.* От редакторов // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Ловмянский Г.* Русь и норманны. М., 1985.
- Ловмянский Х.* О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Лукин П. В.* Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Ср. Вып. 4. М., 2003.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985.
- Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. СПб., 1994.
- Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997.
- Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974.
- Любавский М. К.* Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1909.
- Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
- Любавский М. К.* Формирование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и освоение Центра. Л., 1929.
- Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л., 1968.
- Ляскоронский В.* История Переяславской земли с древнейших времен до середины XIII столетия. Киев, 1897.
- Ляцкий Е. А.* Неудачный поход на «Слово о полку Игореве» // Slavia. Praha, 1939. Roč. XVII, seš. 3.
- Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940.
- Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
- Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
- Мазуров А. В.* Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде // ВИ. 1995. № 3.
- Мазуров А. В.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. М., 2001.
- Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001.
- Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986.

- Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1993.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Эволюция названия «Русь» в процессе становления Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8.
- Милов Л. В.* «Слово о полку Игореве» (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // ИСССР. 1983. № 5.
- Милов Л. В.* Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) // Руско-български връзки пред векове. С., 1986.
- Милов Л. В.* О происхождении Пространной Русской Правды // ВМУ. Сер. история. 1989. № 1.
- Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. № 1. М., 1996.
- Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Милов Л. В., Полянская И. В., Романкова Н. В.* Был ли боярин Петр Бориславич автором «Слова о полку Игореве» // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994.
- Михайловская Н. Г.* Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. Нормативный аспект. М., 1980.
- Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Йозеф Добровский и Россия (Памятники русской литературы XI—XVII веков в изучении чешского слависта). Л., 1990.
- Молчанов А. А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции Рюриковичей // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992.
- Молчанов А. А.* Новгород во второй половине IX — первой половине XI в. (жизнь топонима и история города) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996.
- Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. Т. VIII, 1. München, 1995.
- Назаревский А. А.* Следы «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе // Вісник Київськ. ун-ту. № 7. Сер. філології та журналістики. 1965.
- Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // ДГ. 1991 г. М., 1994.
- Назаренко А. В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996.

- Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.
- Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.
- Назаров В. Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. Вып. 4. М., 1999.
- Назаров В. Д.* О включении Ярославского княжества в состав Российского централизованного государства // Россия в IX—XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999.
- Назаров В. Д.* Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002.
- Насонов А. Н.* Князь и вече в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Вып. 1. Пг., 1924.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.—Л., 1940.
- Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969.
- Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа: последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990.
- Нечаев С. Д.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. Ч. 118. 1821. № 14.
- Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988 и 1987. М., 1989.
- Николаев С. Л.* К истории племенных диалектов кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4.
- Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М., 1981.
- Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // СР. Вып. 4. М., 2003.
- Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИСССР. 1982. № 4.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982.
- Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990.
- Носов Е. Н.* Новгородский детинец и Городище // Новгородский исторический сборник. Вып. 5. (15). СПб., 1995.

- Общая теория статистики. М., 1977.
- Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: веги историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара, 2001.
- От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. 1—2. М., 1953.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1909.
- Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924.
- Пассек В.* Княжеская и докняжеская Русь // Чтения ОИДР. 1870. Кн. 3.
- Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. 1950.
- Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Пашуто В. Т.* Александр Невский. М., 1974.
- Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
- Петегирич В.* Початки Белза і Буська та формування їх соціально-топографічної структури в X—XIV ст. // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. Львів, 2001.
- Петров А. Е.* Прогулка по фронтовой Москве с Мамаем, Тохтамышем и Фоменко // История и антиистория: критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. М., 2000.
- Петров А. Е.* Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13).
- Петрухин В. Я.* Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.
- Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995.
- Петрухин В. Я.* Походы Руси на Царьград: к проблеме достоверности летописи // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997.
- Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000.
- Петрухин В. Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4.
- Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4.

- Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Ч. 1. СПб., 1913.
ПВЛ. Ч. 2. М.; Л., 1950.
- Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. М., 1850.
- Половой Н. Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников) // ВВ. Т. 18. М., 1961.
- Поптэ А.* О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*. Т. 1. München, 1973.
- Поптэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia mediaevalis*. Т. VIII, 1. München, 1995.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909.
- Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.
- Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938.
- Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 2. М., 1939.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.
- Приселков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. ЛГУ. Сер. историческая. Вып. 8. Л., 1941.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X—XIII вв. М., 1977.
- Раткош П.* Великая Моравия — территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.
- Ронин В. К.* Славянская политика Людовика Благочестивого // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985.
- Русіна О.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.
- Русь в XIII веке: Древности темного времени. / Под ред. Н. А. Макарова и А. В. Чернецова. М., 2003.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М., 1964.
- Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси. // Проблемы генезиса феодализма у народов СССР. М., 1968.
- Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Рыбаков Б. А.* Смерды // ИСССР. 1979. № 1, 2.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

- Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XIII в.). Киев, 1988.
- Салмина М. А.* Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Салмина М. А.* Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Салмина М. А.* Еще раз о датировке Летописной повести о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977.
- Самоквасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873.
- Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982.
- Сахаров А. Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV — XVII век. М., 1999.
- Сб. РИО. Т. 8 (156). М., 2003.
- Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1991.
- Свердлов М. Б.* Начальная история Руси: исследовательские традиции и новации // Вестник РАН. 2003. № 1.
- Седов В. В.* Новгородские сопки // Свод археологических источников. Вып. Е 1—8. М., 1970.
- Седов В. В.* Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. Вып. Е 1—8. М., 1974.
- Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Седов В. В.* Изборск в 8—9 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985.
- Седов В. В.* Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 1. М., 1987.
- Седов В. В.* Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В. В.* Древнерусская народность. М., 1998.
- Седов В. В.* Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования // ИЗ. Т. 2 (120). М., 1999.
- Седов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.

- Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890.
- Середонин В. М.* Историческая география. Пг., 1916.
- Синицына Н. В.* Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448—1589 гг.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Синицына Н. В.* Третий Рим. М., 1998.
- Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Скрынников Р. Г.* История Российская. IX—XVII вв. М., 1997.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1. М., 1988.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 3. М., 1990.
- Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 6. М., 2000.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л—Я. Л., 1989.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 19. М., 1994.
- Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л., 1962.
- Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.; Л., 1963.
- Соловьев А. В.* Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1914.
- Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 1847.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988.
- Спицын А. А.* Сопки и жалники // Зап. Русского археологического общества. Т. XI, 1—2. СПб., 1899.
- Спицын А. А.* Удлиненные и длинные русские курганы // Зап. Отд. Русской и славянской археологии русского археологического общества. Т. V, 1. СПб., 1903.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903.
- Станкевич Н.* О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Учен. зап. Московского университета. Ч. 5. М., 1834.
- Сурмина Н. О.* Восточная политика Александра Невского // Всеобщая и отечественная история: Актуальные проблемы. Саратов, 1993.
- Творогов О. В.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966.
- Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976.

- Творогов О. В.* К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976.
- Творогов О. В.* Зимин Александр Александрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995.
- Творогов О. В.* Псковские элементы в тексте «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.
- Творогов О. В.* Реминисценции «Слова» в древнерусской литературе // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.
- Творогов О. В.* Скептический взгляд на «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995.
- Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII в. М.; Л., 1955.
- Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959.
- Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962.
- Тимофеев В. П.* А все-таки «Людота коваль» (названия днепровских порогов — возвращение к старой проблеме) // Сб. РИО. Т. 1 (149). М., 1999.
- Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983.
- Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
- Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи. М., 1993.
- Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Тржештик Д.* Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
- Трубачев О. В.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.
- Ужанков А. Н.* К вопросу о времени написания «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы. XI—XIV вв. Сб. 5. М., 1992.
- Усманов М. А.* Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М. 1973.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.
- Феннелл Дж.* Кризис средневековой Руси 1200—1304. М., 1989.
- Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV — начала XV в. // ВИД. Вып. 25. М., 1994.
- Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муром, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002.

- Филлошкин А.* «Слово...», со слезами смешанное: как гениальную древнерусскую поэму пытались объявить подделкой // *Родина*. 2002. № 11—12.
- Флоринский М.* Где произошло Мамаево побоище? // *Природа*. 1984. № 8.
- Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед Куликовской битвой // *Куликовская битва*. М., 1980.
- Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М., 1981.
- Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // *Проблемы исторической географии России*. Вып. 1. М., 1982.
- Флоря Б. Н.* Государственная собственность и централизованная эксплуатация в западославянских странах в эпоху раннего феодализма // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм)*. М., 1988.
- Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // *ОИ*. 1992. № 2.
- Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV веках (К вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // *Славяноведение*. 1993. № 2.
- Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430—1460) // *Славяне и их соседи*. Вып. 10: *Славяне и кочевой мир*. М., 2001.
- Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси: 750—1200. СПб., 2000.
- Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
- Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- Хара-Давон Э.* Чингиз-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
- Хлебников Н. П.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871.
- Хорошкевич А. Л.* Політичні наслідки Куликовської битви // *УДЖ*. 1980. № 9.
- Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

- Хорошкевич А. Л.* Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). М., 1980.
- Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996.
- Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4.
- Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М., 1948.
- Черепнин Л. В.* Из истории формирования феодально-зависимого крестьянства на Руси // ИЗ. Т. 56. М., 1956.
- Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на землю на Руси (до XVII века) // ВИ. 1953. № 4.
- Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958.
- Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
- Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // ИЗ. Т. 89. М., 1972.
- Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // *Новосельцев А. П., Паушто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972.
- Черменский П. Н.* Материалы по исторической географии Мещеры // АЕ за 1960 г. М., 1962.
- Черменский П. Н.* Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // АЕ за 1963 г. М., 1964.
- Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1976.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Пг., 1914.
- Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916.
- Шипаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.

- Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968.
- Шмидт Е. А.* Погребальный обряд смоленских кривичей VIII—X вв. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
- Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978.
- Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половине XII в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
- Щапов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.
- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889; Т. 2. СПб., 1891. ЭССЯ. Вып. 5. М., 1978.
- Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.
- Юрганов А. Л.* Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // ОИ. 1996. № 3.
- Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.
- Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
- Яжджевский К.* Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Якубовский А. Ю.* Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 932-943/4 г. // ВВ. Т. 24 (1923—1926). Л., 1926.
- Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Ч. 1. М., 1970.
- Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982.
- Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
- Янин В. Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. Вып. 7. М., 1984.
- Янин В. Л.* «Болотовский договор»: о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV веках // ОИ. 1992. № 6.
- Янин В. Л.* Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. 1992. № 10.

- Янин В. Л.* Две древнерусские вислые печати XI в. // ГЕННАДИОС: К 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 1999.
- Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // ВЯ. 1998. № 3.
- Ammann A. M.* Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Nevski's. Roma, 1936.
- Contal P.* Le Dit de l'ost du prince Igor (Slovo o polku Igoreve) et le problème de son authenticité // Slovo. Vol. 16 (1995—1996). Le rendez-vous des bicenteneries: Les Langes'o, Le Slovo (d'Igor), Catherine II. Paris, 1996.
- Fennell J. L. L.* Andrej Jaroslavac and the Struggle for Power in 1252: An Investigation of the Sources // Russia mediaevalis. T. 1. München, 1973.
- Fennell J., Stokes A.* Early Russian Literature. L., 1974.
- Goehrke C.* Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt, 1992.
- Goetze P. von.* Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Estland. St. Pbg., 1854.
- Gołebowski L.* Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3. Warszawa, 1848.
- Gonneau P.* La Rus' de Kiev. Une société féodale? (860—1240) // Journal des savants. Paris, 1999. № 1 (Janvier—Juin).
- Gorsky A. A.* On the Origin of the Institution of Zhupans among Slavs // Acts. 18-th International Byzantine Congress. Selected papers: Main and Communications. Moscow, 1991. Vol. 1: History. Shepherdstown, 1996.
- Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985.
- Jakobson R.* L'authenticité du Slovo // La Geste du prince Igor's épopée russe du douzième siècle. N. Y., 1948.
- Kara M.* Siły zbrojne Mieszka I. Z badań nad składem etnicznym organizacją i dyslokacją drużyny pierwszych Piastów // Kronika wielkopolski. Poznań, 1992, № 3.
- Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. Warszawa, 1930.
- Kostrenčić M.* Nacrt historije hrvatska države i hrvatskog prava. Zagreb, 1956.
- Kuczyński S. M.* Ziemie chernihowsko-siewerskie pod przadami Litwy. Warszawa, 1936.
- Labuda G.* Studia nad początkami państwa Polskiego. T. 2. Poznań, 1988.
- Lind J.* The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. V. 62. № 3.
- Lowmiański H.* Lędzianie // Slavia antique. T. 4. Poznań, 1953.

- Lowmiański H.* Początki Polski. T. 4. Warszawa, 1970.
- Lowmiański H.* Początki Polski. T. 5. Warszawa, 1973.
- Malingoudis Ph.* Die Institution des Zupans als problem des frühslawischen Geschichte // *Cyrrilomethodianum*. T. 2. Thessalonique, 1972—73.
- Mann R.* Lances Sing: A Study of the Igor Tale. Columbus (Ohio), 1990.
- Marx K.* Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L., 1899.
- Mazon A.* Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.
- Miller D. B.* Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138—1462 // *American Historical Review*. 1989. Vol. 94. № 2.
- Mocja O.* Le role des élites querrières dans la formation des centres urbains de la Rus' Kievenne, d'après la fouille des tombes // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavia, Byzance et Orient*. Paris, 2000.
- Mošin V.* Les Khazares et les Byzantins d'après l'Anonyme de Cambridge // *Byzantion*. V. 6. № 1. Bruxelles, 1931.
- Nadolski A., Abramowicz A., Pokiewski T.* Cmentarsko z XI w. w Lutomiersku. Lodz, 1959.
- Ostrowski D.* The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // *Slavic Review*. 1989. Vol. 49. № 3.
- Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier. 1304—1589. Cambridge, 1998.
- Poe M.* What Did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»? // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 3.
- Poppe A.* Words That Serve the Authority: on the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // *Acta Poloniae Historica*. T. 60. Warszawa, 1989.
- Pritsak O.* The Origin of Rus. Vol. 1. Cambridge Mass., 1981.
- Prohaska V.* Župa a župan // *Slavia antiqua*. T. XV. Warszawa-Poznań, 1968.
- Schramm G.* Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Vörtern und Texten zum 9 und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002.
- Sofonia's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo field. The Hague, 1963.
- Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Leipzig, 1943.
- Stěpánek M.* Opevněná sídliště 8—12. století ve střední Evropě. Praha, 1965.
- Taube M. von.* Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII und XIII Jahrhundert) // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*. Preslau, 1935. Bd. 11. H. 3—4.
- Tymiński K.* Łędzicze (Lechichi), czyli wielkopolska w wieku IX // *Przegląd zachodni*. T. 2. Poznań, 1946.
- Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven, 1953.
- Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme «tsar» appliqué aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // *Oxford Slavonic Papers*. New series. Vol. 11. Oxford, 1978.

- Vodoff W.* Le règne d'Ivan III: une étape dans l'histoire du titre «tsar» // Forschungen zur osteuropischen Geschichte. Bd. 52. B., 1991.
- Wasilewski T.* Les župy et les županie des slaves méridionaux et leur place dans l'organisation des états médiévaux // I Miedzynarodowe kongres archeologii slowiańskiej. T. III. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.
- Wasilewski T.* Dulebowie—Ledzianie—Chorwaci: z zagadnień osadnictwa plemennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisła w X wieku // Przegląd historyczny. R. 27. № 2. Warszawa, 1976.
- Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.